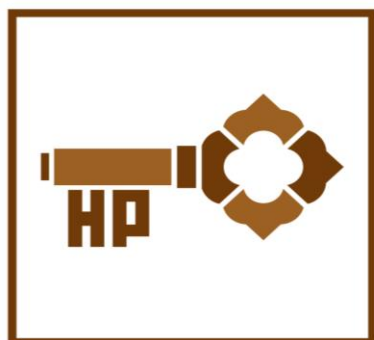

ISSN 2587-8344
(online)

HISTORIA

PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сетевой научный журнал

2026 • Т. 10 • № 2

Тема номера

История в пространстве культуры, культура в пространстве истории: к юбилею доктора исторических наук, профессора Ольги Юрьевны Солодянкиной

<http://hpchs.ru>

Выход в свет: 2026 • Т. 10 • № 2 • ИЮНЬ. Выходит четыре раза в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Череповецкий государственный университет

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-70013 от 31.05.2017 г.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Сетевой журнал “*Historia provinciae* – журнал региональной истории” со 2 декабря 2019 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки). С марта 2023 г. материалы журнала индексируются в международной базе данных Scopus (3 квартиль).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: О.Ю. СОЛОДЯНКИНА, доктор исторических наук
(Череповецкий государственный университет)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА НОМЕР: А.Н. ЕГОРОВ, доктор исторических наук
(Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: А.А. ЛУХНЕВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: В.В. КРУГЛОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: А.С. ЛОБЫШЕВА, +7 (8202) 51-78-54

ВЕДУЩИЙ ПЕРЕВОДЧИК: Н.С. ШАМАЕВА, канд. филол. наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология» (Севастопольский государственный университет)

Адрес издателя, редакции, типографии, электронный адрес:

162600 Россия, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5.

<https://hpchsu.ru>

Фото на обложке: иллюстративный материал взят из открытых источников.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Сетевое издание

Уч.-изд. л. 28

Выход в свет: 15.06.2026

Формат 60 × 84 ¹/₈

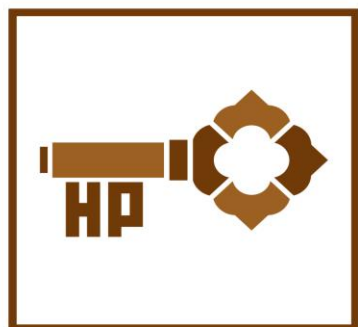
Гарнитура Таймс

© Череповецкий государственный университет, 2026

ISSN 2587-8344

(online)

HISTORIA

PROVINCIAE-

THE JOURNAL OF REGIONAL HISTORY

Online scientific journal

2026 • Vol. 10 • No. 2

Cover story

**History in the Space of Culture, Culture in the Space of History:
In Honor of the Anniversary of Birth of Doctor of Historical Sciences,
Professor Olga Yu. Solodyankina**

<http://en.hpchsu.ru>

Publication: 2026 • Vol. 10 • No. 2 • JUNE. Issued four times a year.

FOUNDER: Cherepovets State University

The mass media registration certificate is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El No FS77-70013 (Эл № ФС77-70013) dated 31.05.2017.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

On December 2, 2019 the online scientific journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* was included in the List of Peer-Reviewed Academic Journals where major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of sciences should be published in the following scientific specialties: 5.6.1. National History (Historical Sciences); 5.6.2. World History (Historical Sciences); 5.6.5. Historiography, Source Study, Methods of Historical Research (Historical Sciences); 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy (Historical Sciences). Since March 2023, the journal has been indexed in the international Scopus database (3 quartile).

EDITOR-IN-CHIEF: Olga Yu. SOLODYANKINA, Doctor of Historical Sciences (Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR OF THE ISSUE: Andrei N. EGOROV, Doctor of Historical Sciences (Cherepovets State University)

EDITOR: Anna A. LUKHNEVA

COMPUTER DESIGN LAYOUT: Valeriya V. KRUGLOVA

EXECUTIVE EDITOR: Alina S. LOBYSHEVA, +7 (8202) 51-78-54

PROOFREADER (ENGLISH): Natal'ya S. SHAMAEVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology (Sevastopol State University)

Address of the publisher, editorial office and printing office: 162600 Russia, Vologda region, Cherepovets, Prospekt Lunacharskogo, 5, <https://hpchsu.ru>

Photo on the cover: artwork is taken from publicly available sources.

OPEN PRICE

Online media

28 standard publisher's sheets

Publication: 15.06.2026

Format 60 × 84 ¹/₈

Font style Times

© Cherepovets State University, 2026

Содержание
Contents
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

 К юбилею доктора исторических наук,
 профессора О.Ю. Солодянкиной..... 384

ИССЛЕДОВАНИЯ
Фруменкова Т.Г., Рогушина Л.Г.
 Государственная власть, духовенство
 и массовое трезвенное движение в
 России в 1858–1860 гг. 388

Федотова А.Ю. Купчихи-
 старообрядки: женская общественная
 деятельность в Казанской губернии в
 середине XIX – начале XX в. 434

Веремenco В.А., Сутула Ю.В. В борьбе
 за детское здоровье: торгово-
 санитарный надзор и условия
 производства и продажи молока в
 столицах Российской империи во
 второй половине XIX – начале XX в. 471

Ефимов А.А. Искусственная
 монополия: история существования
 общественных бань в Гатчине в
 1840-х – 1914 гг. 508

Осинов А.Г., Муренко Д.И.
 Формирование политических позиций
 сибирской инженерно-технической
 профессуры в условиях революции
 1917 г. и гражданской войны 537

Яблонская О.В. Софи Джекc-Блейк:
 сложный выбор англичанки между
 изучением трупа в анатомическом
 зале и чтением романа у камина..... 572

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПЛОЩАДКА
Нарский И.В., Нарская Н.В.
 «Отговорила роща золотая...»:
 открытие символического русского
 ландшафта российской культурой
 XIX – начала XX в. 625

OPENING ADDRESS

 In Honor of the Anniversary of Birth of
 Doctor of Historical Sciences, Professor
 Olga Yu. Solodyankina 384

RESEARCH
Frumenkova, T.G., and L.G. Rogushina.
 State Power, Clergy, and Mass
 Temperance Movement in Russia in
 1858–1860 388

Fedotova, A.Yu. Old Believer Merchant
 Women: Women’s Social Activity in
 Kazan Governorate in the Mid-19th –
 Early 20th Century 434

Veremenco, V.A., and Yu.V. Sutula. In
 the Fight for Children’s Health: Trade
 and Sanitary Supervision and
 Conditions for Milk Production and
 Sale in the Capitals of the Russian
 Empire in the Second Half of the 19th –
 Early 20th Century 471

Efimov, A.A. Artificial Monopoly:
 History of Public Baths in Gatchina
 from the 1840s to 1914. 508

Osipov, A.G., and D.I. Murenko.
 Formation of Political Positions of
 Siberian Engineering and Technical
 Professoriate in the Conditions of the
 1917 Revolution and Civil War 537

Yablonskaya, O.V. Sophia Jex-Blake:
 The British Woman’s Difficult Choice
 between Studying a Corpse in the
 Dissecting Room and Reading a Novel
 by the Fireplace 572

INTERDISCIPLINARY PLATFORM
Narskii, I.V., and N.V. Narskaya. “The
 Golden Grove Has Finished
 Speaking...”: The Discovery of the
 Symbolic Russian Landscape by

РЕЦЕНЗИИ

Солодянкина О.Ю. Страсти по Вермееру. Рецензия на: Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира / перевод с английского И. Литвиновой. Москва: Слово, 2024. 280 с., Graham-Dixon A. Vermeer: A Life Lost and Found. London: Allen Lane, 2025. 416 p. 671

Russian Culture of the 19th and Early 20th Century 625

REVIEWS

Solodyankina, O.Yu. "The Vermeer Passion." Review of *Shlyapa Vermeera. XVII vek i rassvet global'nogo mira* [Vermeer's hat: The seventeenth century and the dawn of the global world], by T. Brook, trans. I. Litvinova (Moscow: Slovo, 2024), *Vermeer: A Life Lost and Found*, by A. Graham-Dixon (London: Allen Lane, 2025). 671

HISTORIA
PROVINCIAE-
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

OPENING ADDRESS

2026 · Т. 10 · № 2

Этот номер выходит в дни, когда свой юбилей отмечает главный редактор нашего журнала, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета Ольга Юрьевна Солодянкина. Являясь одной из немногих женщин в России, возглавляющих столь авторитетное научное издание, она при этом остается верна северной провинции – краю, где рождаются по-настоящему смелые исследовательские и просветительские замыслы. Преданным служением российскому высшему образованию и исторической науке О.Ю. Солодянкина убедительно доказывает – масштаб личности важнее географических координат.

Редакционная коллегия и редакция журнала с особой теплотой присоединяются к звучащим поздравлениям. Увлеченному исследователю и талантливому педагогу желаем творческого полета мысли, неиссякаемой уверенности в важности дела, которому посвящена жизнь, поддержки в реализации научных идей и проектов, удачи во всех начинаниях! Пусть Ваша жизнь продолжает наполняться радостью созидания, являя собой пример воплощения самых возвышенных стремлений!

Идея создания журнала «*Historia Provinciae* – журнал региональной истории» исходила от представительного академического сообщества Череповца, увидевшего в изучении региональной истории потенциал для выхода на мировой уровень. Именно историкам доверили в тот момент особую миссию – представлять страну, регион и местную высшую школу в глобальном научном пространстве. И мало кто мог представить, что за несколько лет журнал сможет получить признание в Москве, Санкт-Петербурге, зарубежных столицах, войти в “Scopus”, а к 2025 году – подняться во второй его квартиль.

Десять лет назад, в 2016 году, когда «*Historia Provinciae*» только начинала обретать свои очертания, российские историки стали открывать для себя статусные высокорейтинговые издания. Однако журналов по гуманитарным наукам, а тем более по истории России, которые входили бы в международные базы данных, в то время было еще очень мало. На этом знаковом повороте и проявил себя человек, способный объединить ведущих исследователей-историков, сформировать редакционную коллегия и выстроить многоступенчатую работу с текстами, отвечающими современным требованиям.

В становлении Ольги Солодянкиной как ученого во многом определяющими стали Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, аспирантура, защита докторской диссертации. Однако не менее значимым в этом процессе оказалось то, что впитывалось с детства – жизненный уклад, созданный родителями, посвятившими себя высшей школе, понимание того, что работа педагога и исследователя – не восьмичасовой рабочий день, а

состояние постоянного внутреннего движения, в котором есть место для завтрашней лекции, проверки студенческих работ, написания новой статьи.

Как признается Ольга Солодянкина, выпуск первого номера журнала оказался сложнее, чем защита докторской диссертации. Там проект индивидуальный, здесь же с самого начала в основе была командная работа. В редакционную коллегию вошли ученые, работающие с разными историческими периодами. Сама Ольга Юрьевна – прежде всего эксперт по XIX столетию, а заместители главного редактора, доктора исторических наук Андрей Николаевич Егоров и Александр Леонидович Кузьминых, специализируются на XX веке. Каждый из них не только глубоко погружен в свою эпоху, но и поддерживает связи с коллегами, имеющими схожие научные интересы. И это далеко не весь круг – журнал опирается на широкое сообщество авторитетных исследователей из разных регионов и стран, представляющих свое видение исторических сюжетов.

В основе особого звучания журнала лежит сотворчество с авторами – культура работы с исследователями, которые доверяют изданию результаты своих научных изысканий. Ольга Солодянкина безмерно благодарна своим единомышленникам – литературному редактору Анне Андриановне Лухневой, техническому редактору и руководителю редакции Валерии Валентиновне Кругловой, ответственному секретарю Алине Сергеевне Лобышевой. Особую признательность она выражает главному союзнику в издательском деле – руководителю Управления аспирантуры, докторантуры и научной деятельности Череповецкого государственного университета, кандидату филологических наук Наталии Георгиевне Мельниковой.

Ольга Юрьевна всегда дорожила дружбой с однокурсниками, коллегами, которые разъехались по разным городам и странам. В первые годы, когда журнал еще не имел репутации, эти научно-педагогические знакомства помогали собирать номера – ученые часто «оказывали любезность», отдавая свои исследовательские работы для публикации в новом, малоизвестном издании. Однако и сейчас, когда портфель статей заполнен на год вперед, профессиональная поддержка по-прежнему сохраняет свое значение.

Аутентичность журнала нашла отражение в его названии, где региональность понимается в самом широком смысле, ведь и Москва, и Санкт-Петербург – с определенного ракурса тоже регионы, и редакция с живым интересом работает над статьями об эпизодах из славной летописи наших столиц. Привлекает внимание и то, что первая часть названия – «*Historia Provinciae*» – на латыни. В этом проявляется особая черта профессии: классическое образование историка подразумевает изучение латыни с первого семестра, «даже если ты не специалист по истории Рима», – шутит Ольга Юрьевна. Публикация статей в двуязычном формате, на русском и английском – еще одна смысловая

доминанта. За этим решением – не столько формальные рекомендации международных площадок, сколько миссия национальной значимости – участие страны в мировом научном диалоге.

В «*Historia Provinciae*» сложилась прецизионная культура труда, требующая самоотдачи, внимания к деталям и профессиональной принципиальности, – но иного способа выпускать журнал, который входит в международные базы данных и признается научным сообществом, просто нет.

Ольге Солодянкиной присуще стремление следовать за собственным научным интересом. Ей созвучны сама атмосфера познания нового, живое интеллектуальное общение, ощущение команды, с которой можно воплотить в жизнь то, что в иных условиях так и осталось бы идеей. Один из авторских проектов, где наиболее зримо проявились ее устремления, – научно-просветительский клуб «Исторические среды», который с 2022 года объединяет университет, журнал, Череповецкое отделение Российского общества интеллектуальной истории и музей «Благовещенская старина». В течение этих пяти лет Ольгу Юрьевну в реализации данного проекта поддерживают преподаватели Гуманитарного института Череповецкого государственного университета и научные сотрудники Череповецкого музейного объединения.

Отдельного упоминания заслуживает курс «Академическое письмо для историков», появившийся в Череповецком государственном университете благодаря Ольге Солодянкиной, уверенной в том, что высокие стандарты научной коммуникации делают для ученого важным не только точное изложение материала, но и активное использование живого литературного языка, повышающее доступность, убедительность и влияние приведенной информации. На сегодняшний день данный курс является одним из немногих подобных в России. Ольга Юрьевна – приглашенный спикер по академическому письму в школе «Мастерская историка» Европейского университета в Санкт-Петербурге.

«Когда тебе самому интересно жить и узнавать новое, то и в работе многое становится возможным», – говорит Ольга Юрьевна. Этим, наверное, и объясняется ее неутомимость, вызывающая восхищение и вдохновляющая окружающих, а также то, что журнал из провинциального Череповца стал явлением, заметным далеко за пределами региона.

Коллектив Череповецкого государственного университета выражает надежду на то, что «*Historia Provinciae* – журнал региональной истории» продолжит вводить в научный оборот забытые или вовсе неизвестные факты из нашего прошлого, оставаясь местом, откуда региональная история звучит на весь мир.

*Редакционная коллегия и коллектив журнала
«Historia Provinciae – Журнал региональной истории»*

HISTORIA

PROVINCIAE-
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH

2026 · Т. 10 · № 2

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 388–433.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 2 (2026): 388–433.

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-1>

<https://elibrary.ru/yiwjsg>

Государственная власть, духовенство и массовое трезвенное движение в России в 1858–1860 гг.

Татьяна Георгиевна Фруменкова ✉

Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,

✉ frumentat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6708-8233>

Tatiana G. Frumenkova ✉

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,

✉ frumentat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6708-8233>

Людмила Геннадьевна Рогушина

Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,

lrogushina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1552-4849>

Lyudmila G. Rogushina

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,

lrogushina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1552-4849>

Аннотация. Статья основана на материалах Российского государственного исторического архива (РГИА) и посвящена изучению взаимоотношений центральных и местных властей, православного и католического духовенства с крестьянами и представителями городских низов в ходе массового трезвенного движения против откупной системы в 1858–1860 гг. Движение против откупщиков, завышавших цены на «хлебное вино» при ухудшении его качества с целью извлечения прибыли, зародилось в Литве в народной среде. Католическое духовенство литовских и отчасти белорусских губерний, особенно духовенство Ковенской губернии во главе с тельшевским епископом М. Волончевским (Валанчюсом), как правило, оппозиционно настроенное к властям, присоединилось к народному движению, возглавило его, проповедями и мерами принуждения способствовало превращению его в массовое

© Фруменкова Т.Г., Рогушина Л.Г., 2026

© Frumenkova T., Rogushina L., 2026

сопротивление Петербургу под благовидным предлогом. Действия чиновников Министерства внутренних дел не дали заметных результатов. При активном участии духовенства бойкот системы винных откупов в Литве продолжался до восстания 1863–1864 гг. Православные священники по закону должны были предотвращать крестьянские волнения, но в то же время имели обязанность читать проповеди против пьянства, особенно во время Великого поста. Когда началось трезвенное движение, прихожане зачастую воспринимали эти проповеди как призыв к борьбе с откупщиками. Стихийно возникавшие общества трезвости наносили ущерб казне, откупщики жаловались на активное участие духовенства в трезвенном движении. В июне 1859 г. Синод по предложению Министерства финансов принял определение, по которому духовенству полагалось искоренять пьянство проповедями и личным примером, но воздерживаться от мер, не проистекавших из прямых пастырских обязанностей. Фактически священникам запретили поддерживать борьбу с откупной системой. Следствие по жалобам показало, что духовенство в целом выполняло указание Синода. Высшим церковным иерархам удалось изолировать православное духовенство от массового народного трезвенного движения, что поставило его в двусмысленное положение перед прихожанами и явно не способствовало росту его авторитета.

Ключевые слова: Синод, Министерство финансов, Министерство внутренних дел, духовенство, прихожане, откупная система, трезвенное движение, общества трезвости

Для цитирования: Фруменкова Т.Г., Рогушина Л.Г. Государственная власть, духовенство и массовое трезвенное движение в России в 1858–1860 гг. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 388–433, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-1>; EDN: YIWJSG

State Power, Clergy, and Mass Temperance Movement in Russia in 1858–1860

Abstract. The article is based on the materials from the Russian State Historical Archive (RGIA) and is devoted to the study of the relationship between central and local authorities and Orthodox and Catholic clergy with peasants and representatives of the urban lower classes during the mass temperance movement against the tax-farming system in 1858–60. To make profit, tax farmers raised prices for “grain wine” (vodka) although its quality deteriorated; this resulted in movement against the tax-farmers, which originated in Lithuania among the people. The Catholic clergy of Lithuanian and partly Belarusian governorates, especially the clergy of Kovno Governorate, led by Telsze Bishop M. Volonchevsky (Valancius), were generally opposed to the authorities. They joined the national movement, headed it, and through sermons and compulsion helped to turn it into mass resistance to St Petersburg under a plausible pretext. The actions of the officials of the Ministry of Internal Affairs had no noticeable results. Until the uprising of 1863–64, the clergy actively participated in the boycott against the Lithuanian wine tax farming system. Orthodox priests were legally required to prevent peasant disturbances, but at the same time they had to preach sermons against drunkenness, particularly during Lent. When the temperance movement began, parishioners often perceived those sermons as a call to fight against the tax collectors. The spontaneous temperance societies damaged the treasury, the tax farmers complained about the active participation of the clergy in the temperance movement. In June 1859, at the suggestion of the Ministry of Finance, the Synod adopted a resolution according to which the clergy were supposed to eradicate drunkenness with sermons and personal example but avoid measures that did not stem from their direct pastoral duties. In fact, priests were forbidden to support the fight against

the tax-farming system. The investigation into the complaints showed that the clergy followed the instructions of the Synod. The highest Orthodox hierarchs managed to isolate the Orthodox clergy from the mass national temperance movement, which put them in an ambiguous position in front of parishioners and did not contribute to the growth of their authority.

Keywords: Synod, Ministry of Finance, Ministry of Internal Affairs, clergy, parishioners, tax system, temperance movement, temperance societies

For citation: Frumenkova, T.G., and L.G. Rogushina. "State Power, Clergy, and Mass Temperance Movement in Russia in 1858–1860." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 2 (2026): 388–433, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-1>; EDN: YIWJSG

Введение

В 1858–1860 гг. 32 губернии России охватило трезвенное движение – массовый протест податного населения против системы винных откупов, действовавшей в России с 1765 по 1863 г. Винные откупа – специфическая, характерная для дореформенных экономических отношений в России форма налогообложения в питейной торговле, практиковавшаяся в России до введения акцизного налога. Государство, владевшее винной монополией, по итогам публичных торгов на 4 года сдавало право торговать «хлебным вином» (водкой) в определенном районе. Откупщики платили в казну в качестве питейного налога установленную сумму, получали права государственных чиновников и могли вести торговлю вином для получения прибыли за счет потребителя¹. Размер откупа определялся из поступлений предшествовавшего года с надбавкой, установленной властями по соглашению с откупщиком. Доля питейных сборов в доходной части бюджета достигла в 1859 г. 43 %, а на 1859–1863 гг. была определена в 46 %². Это произошло благодаря значительному увеличению откупной суммы, возросшей после разорительной Крымской войны с 61,6 млн руб. в 1856 г. до 91,6 млн руб. в 1858 г.³ Чтобы сохранить доходность винной торговли, откупщики, с одной стороны, старались уменьшить свои затраты, приобретая самую дешевую и некачественную водку, а с другой, – повышали цену на «простое вино». Ухудшение качества водки и одновременный рост цен на нее спровоцировали трезвенное движение, которое на первом этапе – с осени 1858 до весны 1859 г. (на юго-западе – до весны 1860 г., в Литве – до 1863–1864 гг.) – приняло

¹ Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII–XIX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13 / под редакцией Л.И. Бородкина. Москва: Издательство МГУ, 2007. URL: <https://clck.ru/3RsvVR> (дата обращения: 02.06.2024).

² Такала И.Р. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2002. С. 55.

³ Брандт П. Питейные сборы // Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXIIIА. Петропавловский–Поватажное. Санкт-Петербург: Типо-литография И.А. Ефрона, 1898. С. 734.

характер бойкотирования системы винных откупов в форме организации обществ трезвости, действовавших и в 1860 г., и коллективного отказа пить вино. Летом 1859 г. по 15 поволжским губерниям прокатилась волна разгромов питейных заведений. Трезвенное движение вызвало беспокойство центральных и местных властей, а также поставило их в несколько затруднительное положение: как бороться с «преступлением трезвости»?

Конфликт откупщиков с низшими слоями населения оживленно обсуждали в газетах и журналах⁴, трезвенному движению уделили внимание революционеры-демократы⁵. Первым историческим трудом, осветившим причины трезвенного движения и упомянувшим об обвинениях властей в адрес духовенства как его вдохновителя, стала работа И.Г. Прыжова об истории кабаков⁶. Историки советского периода называли трезвенное движение 1858–1860 гг. «существенным элементом антикрепостнической борьбы крестьянства в период революционной ситуации 1859–1861 гг.»⁷. В.А. Федоров прямо и аргументированно объявил «лживой» версию о руководящей роли духовенства в трезвенном движении, но уклонился от освещения событий в Литве⁸. В предисловии к сборнику документов по истории крестьянского движения С.Б. Окунь подчеркивал, что значение трезвенного движения «далеко выходит за рамки борьбы с злоупотреблениями откупщиков», что непосредственную угрозу власти видели в характерном для него «удивительном единодушии»⁹. Советский литовский историк С.А. Лазутка показал, что движение не было чисто литовским явлением, исключительно

⁴ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Санкт-Петербург; Москва: Молодые силы, 1914. С. 240, 242–248, 250.

⁵ Чернышевский Н.Г. Откупная система // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений / под редакцией В.Я. Кирпотина и др. Т. 5. Статьи 1858–1859. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 318–336; Добролюбов Н.А. Народное дело. Распространение обществ трезвости // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 5. Статьи и рецензии. Июль–декабрь 1859. Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 246–285; «Колокол». Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон–Женева. Вып. 2. 1859. Лондон (1 июня 1859). Москва: АН СССР, 1962. С. 364–365; «Колокол». Вып. 3. 1860. Лондон (1 апреля 1860). Москва: АН СССР, 1962. С. 566.

⁶ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Санкт-Петербург; Москва: М.О. Вольф, 1868. С. 288–296.

⁷ Федоров В.А. Крестьянское трезвенное движение // Революционная ситуация в России в 1858–1860 гг. / под редакцией М.В. Нечкиной и др. Москва: АН СССР, 1962. С. 107.

⁸ Федоров В.А. Крестьянское трезвенное движение. С. 113, 115–116.

⁹ Окунь С.Б. Предисловие // Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг.: сборник документов / под редакцией С.Б. Окуня, К.В. Сивкова. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1963. С. 18–19.

«делом рук католического духовенства». Авторы обобщающего советского труда по истории Литвы при этом признавали:

Отрицательной чертой движения являлось то, что руководство им оказалось в руках католического духовенства, которое при помощи «братств трезвенности» укрепляло свое влияние на народные массы¹⁰.

Белорусский историк Т.С. Протьюко обосновала причины особой остроты отношений с откупщиками и изложила развитие трезвенного движения в белорусских губерниях¹¹. В современной России специалисты энергично изучают историю питейного дела в России, в том числе, историю откупной системы и причины ее кризиса, а также «отечественные питейные традиции», однако трезвенному движению и борьбе с ним государственной власти уделяют значительно меньше внимания¹².

Трезвенное движение 1858–1860 гг. сегодня рассматривается как борьба против откупной системы и выступления против пьянства. Впрочем, И.Р. Такала в своей монографии вскользь отмечает: принимая против движения чрезвычайные меры, власти опасались, что трезвенные бунты могут перерасти в общее восстание крестьян «за волю»¹³. О вовлечении в движение духовенства она не упоминает. Лишь И.В. Курукин и Е.А. Никулина обратили внимание на то, что в противостоянии трезвенному движению Министерство финансов обращалось за помощью к православному духовенству¹⁴.

Зарубежные авторы сосредоточены на проблеме пьянства, особенно в начале XX в. и в советский период, и на истории борьбы с ним¹⁵. Только Д. Кристиан

¹⁰ Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. 1859–1862 гг. Москва: Высшая школа, 1961. С. 89–93; Таутавичюс А., Юргинис Ю. и др. История Литовской ССР (С древнейших времен до наших дней). Вильнюс: Мокслас, 1978. С. 185.

¹¹ Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость. Страницы истории. Минск: Наука и техника, 1988. С. 52–59.

¹² Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / составитель А.И. Раздорский. Санкт-Петербург; Москва: Старая Басманная, 2022.

¹³ Такала И.Р. Веселие Руси. С. 87.

¹⁴ Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. Москва: АСТ, ЛЮКС, 2005. С. 203.

¹⁵ Alcohol and Alcohol Abuse // The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union / edited by A. Brown et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 463–465; White S. Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996; Афанасьева В. Производство и потребление алкоголя и борьба с пьянством в Калужской губернии (1894–1914 гг.) // Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сборник материалов Международной научной

дает подробный анализ истории трезвенного движения конца 1850-х гг. в полемике с Н.А. Добролюбовым и советскими историками, а также оценку участия в движении католических ксендзов¹⁶.

Основная часть

Общества трезвости появились во второй половине 1858 г. в Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях. Официальные круги и сами ксендзы называли инициатором их создания католическое духовенство. Подобную точку зрения разоблачал еще Н.А. Добролюбов, заметивший, что ее авторы радовались усилиям духовенства и оставляли «в стороне народ, на который его внушения действовали»¹⁷. Советские историки доказали, что сообщения об организации ксендзами «братств трезвости» стали поступать только в октябре – ноябре 1858 г., а отказ от употребления водки и начало трезвенного движения в Ковенской губернии относится к августу – сентябрю того же года¹⁸. Им удалось также объяснить, почему трезвенное движение началось в белорусско-литовских губерниях. Организация питейного дела здесь была иной. Казенный откуп распространялся на города с двухверстной чертой от них, а в остальных местах право на производство и продажу вина сохраняли помещики, что еще более обостряло их отношения с крестьянами¹⁹.

Документы свидетельствуют, что трезвенное движение в Литве зародилось в народной среде летом 1858 г. Католические священники быстро присоединились к народному негодованию, возглавили движение и сумели использовать намерения активных прихожан для укрепления своего влияния на широкие круги верующих. Автор заметки, помещенной в № 7 «Новгородских губернских ведомостей» за 1859 г., утверждал, что в борьбе с дорогой водкой нужно брать пример с крестьян Ковенской губернии, которые «сговорились не пить водки и крепко держат зарок». Речи ксендзов вызывали у прихожан, иногда вопреки воле самих проповедников, единодушное решение «отказаться

конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / составитель А.И. Раздорский. Санкт-Петербург; Москва: Старая Басманная, 2022. С. 41–42; Смелова А.В. Алкоголь и политика Российской империи в конце XIX – начале XX в. на примере анализа истории и идеологии Казанского общества трезвости // Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / составитель А.И. Раздорский. Санкт-Петербург; Москва: Старая Басманная, 2022. С. 667–674.

¹⁶ Christian D. “Living Water”: Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 286–352.

¹⁷ Добролюбов Н.А. Народное дело. Распространение обществ трезвости. С. 263.

¹⁸ Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. С. 89.

¹⁹ Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость. С. 52–53.

от употребления спиртных напитков»²⁰. Тем представителям католического духовенства, которые проявили нерасторопность на ранних этапах, приходилось пропагандировать трезвость уже под прямым давлением своей паствы. Тельшевский епископ М. Волончевский (Валанчюс) утверждал, что жители ряда приходов «нареканиями и во многих местах угрозами заставили духовных наставников к провозглашению трезвости»²¹.

Развернув мощную проповедническую деятельность и вскоре «исчерпав волю прихожан», ксендзы во главе с епископом начали действовать «методами, принадлежащими одному правительству», и решились «полностью воспретить народу употребление вина». Для достижения цели «употреблялись религиозные угрозы» (отлучение от церкви, лишение таинств и обрядов), наказания розгами и нагайками, заключение «в этапных тюрьмах», а там, где их не было, – в «тюрьмах, специально устроенных, в колодках или цепях, аресты, публичные посрамления» (провинившегося могли вымазать дегтем, надеть на шею доску с указанием вины, водить в позорном виде вокруг костела, нередко – на коленях, укладывать для позора на полу храма и т.д.)²².

«Действия духовенства произвели поразительное влияние на умы простолюдинов», и в ноябре 1858 г. в Ковенской губернии было 40–50 тыс. человек, «добровольно согласившихся выполнять присягу» о трезвости²³. В начале 1859 г. движение охватило значительную часть жителей Ковенской губернии, распространилось на соседние губернии, и к началу 1860 г. в братствах трезвости в Виленской губернии состояло 321 195 человек²⁴, в Гродненской в мае 1859 г. – 22 850 человек (участников трезвенного движения в середине 1859 г. здесь насчитывалось более 220 140 человек)²⁵, а в Ковенской губернии в июле 1860 г. из 820 754 католиков «воздерживающихся от питья» было, по данным епископа М. Волончевского, 488 464 человека²⁶. По мнению С.А. Лазутки, власти не имели возможности вести прямую борьбу против такого массового движения и потому медлили с принятием карательных мер²⁷. Только в марте 1859 г. Министерство внутренних дел разослало отношение

²⁰ Новгородские губернские ведомости. Отд. 2. Часть неофициальная. К № 7 1859 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 12.

²¹ Записка о действиях епископа Волончевского // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 279 об.

²² Записка о действиях римско-католического духовенства Ковенской губернии // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 250–252.

²³ Там же. Л. 251.

²⁴ Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. С. 90.

²⁵ Протько Т.С. В борьбе за трезвость. С. 54–55.

²⁶ Ведомость о числе лиц римско-католического исповедания Тельшевской епархии, воздерживающихся от питья // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 240, 244.

²⁷ Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. С. 91.

начальникам губерний за подписью министра С.С. Ланского о запрещении и уничтожении обществ трезвости. В белорусских губерниях, где многие жители были православными и размах движения был меньше, администрация могла действовать более решительно. Так, в Новогрудке (Минская губерния) оштрафованы были даже те, кто расклеивал обращения к жителям с призывом не пить водки²⁸. Трезвенное движение в северо-западных губерниях имело «ряд специфических особенностей, связанных с религиозным и национальным моментами»²⁹. В Ковенской губернии, по сообщению ревизора, местное гражданское начальство, во главе которого «стоит католик», было равнодушно к жалобам на ксендзов, в результате «народ не видит, что есть какая-либо другая власть, кроме духовенства»; предписания министров митрополиту римско-католических церквей в России «объявлялись, а не исполнялись»³⁰.

В конце 1859 – начале 1860 г. Виленский генерал-губернатор В.И. Назимов и Ковенский военный губернатор С.Ф. Хоминский не раз обращались к епископу с запросами о численности братств трезвости в епархии. Очередной запрос был датирован 5 марта 1860 г. Ситуацией, связанной с уменьшением поступлений от откупщиков, озаботилось и Министерство финансов. 1 марта 1860 г. министр А.М. Княжевич распорядился командировать в Ковенскую губернию «для собрания сведений о положении тамошнего акцизного откупа» советника Минской казенной палаты коллежского асессора А.В. Столяревского³¹. Секретная инструкция первоначально предписывала ему негласно проверить поступившие в Петербург сведения о злоупотреблениях откупщиков и служащих казенной палаты³². В донесении от 16 марта 1860 г., подготовленном на основе первых наблюдений, чиновник сдержанно отметил: у него сложилось

грустное убеждение, что действия неисправных содержателей были слишком недобросовестные, распоряжения казенной палаты отличались поразительной слабостью³³.

²⁸ Протько Т.С. В борьбе за трезвость. С. 58.

²⁹ Федоров В.А. Крестьянское трезвенное движение. С. 113.

³⁰ Записка о действиях римско-католического духовенства Ковенской губернии // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 253, 255.

³¹ Предписание министра финансов советнику Минской казенной палаты Столяревскому // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 3.

³² Отпуск секретной инструкции Министерства финансов Столяревскому // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 4.

³³ Секретный рапорт Столяревского министру финансов // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 14–14 об.

По сути, предварительный вывод ревизора заключался в том, что главной причиной трезвенного движения явились злоупотребления откупщиков и потворствующих им чиновников.

27 мая 1860 г. А.В. Столяревский получил «особенно секретное» предписание министра. Он должен был, во-первых, «удостовериться на месте о причинах распространяющегося там братства трезвости и о числе приписанных к этому братству»; во-вторых, определить, в «какой степени участвует в том католическое духовенство и какие меры оно принимает для распространения означенного братства»; в-третьих, выяснить, действительно ли «это духовенство с тех пор, как стало известно, что состоялись новые торги на отдачу откупа, усилило свои действия к распространению братств трезвости, и, основываясь на циркулярном предписании своего епископа, вновь начало приводить к присяге своих прихожан не употреблять вино до самой смерти»; наконец, в-четвертых, узнать, какие именно «возникали жалобы на духовенство, ...и чем они разрешены»³⁴. Ревизору явно дали понять, что ему нужно сосредоточиться на выяснении роли католического духовенства в трезвенном движении. В докладе, отправленном 24 апреля 1860 г., А.В. Столяревский вновь попытался обратить внимание начальства на «действия неисправных содержателей» откупа. Он заявил, что «учение католического духовенства о трезвости, получившее в Ковенской губернии начало свое в исходе 1858 г., не было известно при торгах ...с 1859 по 1863 г.». Откупщики сами предложили повышенную сумму в 948 тыс. руб., за первый год не додали в казну около 100 тыс. руб., в основном, по собственной вине – «сами неисправны»³⁵.

В июле 1860 г. А.В. Столяревский представил в столице собранный им комплекс документов о деятельности католического духовенства Ковенской губернии. Как писал в своей докладной записке в министерство один из откупщиков, посланные им служители именно в марте 1860 г., когда ревизор прибыл на место,

в Ковенской губернии заметили необыкновенное движение народа к церквям и чрезвычайную деятельность местного католического духовенства к приведению народа к присяге³⁶.

³⁴ Особенно секретно. Отпуск предписания министра финансов Столяревскому // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 25–28.

³⁵ Рапорт советника Минской казенной палаты Столяревского // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 34–37 об.

³⁶ Докладная записка содержателя акцизных сборов по Ковенской губернии полтавского 1 гильдии купца Горвица // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 16.

12 марта 1860 г. М. Волончевский сообщил подчиненному духовенству о просьбе военного губернатора собрать сведения «о числе лиц, принадлежащих к трезвости». В связи с этим епископ предписал составить «книги» с именами трезвенников и их детей. Записанные в книги должны были с клятвой подтвердить свой обет «пред алтарем или образом». К распоряжению прилагалась форма присяги с обещанием «с помощью Божией воздерживаться от всех горячих напитков»³⁷.

Содержатель откупа по Ковенской губернии купец первой гильдии Горвиц считал циркуляр епископа важной вехой в расширении и углублении трезвенного движения³⁸. Ему вторил А.В. Столяревский, который, как уже отмечалось, не раз критиковал откупщиков, но в этом случае согласился с мнением одного из них. Он писал:

¾ католического населения до марта 1860 г. покорены требованием не употреблять вина, а в марте сделана окончательная победа над всем населением³⁹.

Получив мартовское предписание епископа, ксендзы лишней раз убедились, что

братства вполне одобрены... начальством. В Тельшах уездный судья и казначей участвовали в торжественном шествии со всеми чиновниками в костел и приняли присягу. Таковые действия духовенства вынудили нынешних содержателей воздержаться с заключением контракта на содержание сборов⁴⁰.

Ревизор утверждал, что назначенные духовенством наказания нарушителям исполнялись «или в сельских управлениях Министерства государственных имуществ, или тысяцкими, сотскими и десятскими земской полиции, духовенством» и нищими, а также «особо верными братству людьми»⁴¹.

Даже историки советского периода признавали, что, начавшись в народной среде и захватив большинство населения, трезвенное движение в Литве очень скоро приняло религиозную оболочку. Впрочем, сообщая о наказаниях,

³⁷ Копия. Пер. с польского. Циркуляр Жмудского бискупа духовенству Жмудской епархии с формой присяги // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 21–22.

³⁸ Докладная записка содержателя акцизных сборов по Ковенской губернии Полтавского 1 гильдии купца Горвица // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 16–16 об.

³⁹ Записка о действиях римско-католического духовенства Ковенской губернии // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 252–252 об.

⁴⁰ Там же. Л. 257 об.–258.

⁴¹ Там же. Л. 251 об.–252 об., 259.

назначаемых ксендзами, С.А. Лазутка называл их «единичными случаями»⁴². Думается, это не совсем верно. В собранных А.В. Столяревским жалобах и рапортах полицейских, сведенных в таблицу, названы имена 93 пострадавших от борьбы за трезвость жителей Ковенской губернии, в основном, крестьян, приведены сведения о разгоне посетителей питейных заведений в ряде сел и об одном разрушенном доме⁴³. На фоне почти полумиллиона «воздерживающихся от питья» эти цифры выглядят ничтожными, но многие факты противоправной трезвенной деятельности католического духовенства – с учетом его влияния на верующих – в документах не отразились.

По мнению некоторых советских авторов, убедительным подтверждением народного характера трезвенного движения в Литве явилась полная неспособность священнослужителей остановить его по требованию властей. Духовенство и в самом деле не смогло прекратить движение, но в значительной степени потому, что и не хотело этого делать. Поддерживая и развивая движение за трезвость, служители католической церкви почувствовали себя религиозными и национальными лидерами, оппозиционерами. В реальности же они вели борьбу против государственной власти, прикрываясь самым благовидным предлогом. Так, епископ М. Волончевский ловко обманул местную и центральную администрацию, изобразив себя ревностным исполнителем ее предписаний и при этом организовав запрещенную в православных районах империи присягу с подтверждением обета трезвости. В июле 1860 г. А.В. Столяревский сообщал, что генерал-губернатор потребовал от М. Волончевского объяснения, но не получил «уважительного оправдания». В.И. Назимов обратился к епископу с просьбой уничтожить «означенное распоряжение» о составлении «книг» со списками трезвенников и приведении прихожан к присяге. Чем ситуация разрешится, по мнению ревизора, было неизвестно, но решение главы епархии «едва ли поможет делу»⁴⁴. Ревизор оказался прав: массовый бойкот системы винных откупов, наносивший большой ущерб казне, продолжался в Литве вплоть до восстания 1863–1864 гг.⁴⁵

⁴² Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. С. 91.

⁴³ Списки 16 рапортов земских исправников, 2 рапортов станового пристава и рапорта городничего; 21 донесение акцизных надзирателей; жалобы обиженных лиц на действия духовенства в списках // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 100–195; Записка о насилиях, которые употребляемы были римско-католическим духовенством Ковенской губернии при воспрещении прихожанам употреблять вино // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 250–260 об.

⁴⁴ Записка о действиях римско-католического духовенства Ковенской губернии // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 259.

⁴⁵ Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. С. 93.

Иронизируя над обвинениями в адрес католических ксендзов, герценовский «Колокол» писал, что

администрация преследует общества трезвости не только в Виленской губернии, но и в Калужской, где нет католического духовенства, и в других совершенно православных губерниях, где попы сами пьют, и никого от пьянства не удерживают⁴⁶.

В начале 1859 г. трезвенное движение стало стремительно распространяться по внутренним районам России и серьезно встревожило столичное начальство. В министерства шел поток жалоб с мест.

Проблема обсуждалась в Совете Министров, и 5 марта 1859 г. Александр II поручил министрам «представить о тех мерах, которые признают они необходимыми принять в настоящем случае»⁴⁷. Еще 3 марта министр финансов предписал казенным палатам «внушить содержателям» не повышать цену на хлебное вино и продавать его «по указанным ценам и в указанной добротe», а 5 марта направил коллегам-министрам проект циркуляра, адресованного начальникам губерний⁴⁸. 19 марта циркуляр министра государственных имуществ был послан руководителям подведомственным палат. Они должны были напомнить подчиненным, что крестьянские сходы не могут предлагать властям «решения к обязательному исполнению», назначать караулы к питейным заведениям и «наказание за употребление вина»⁴⁹. 22 марта 1859 г. министр внутренних дел отправил начальникам губерний циркуляр «О воспрещении понудительных мер к сохранению трезвости»⁵⁰.

В апреле 1859 г. три чиновника особых поручений Министерства финансов отправились в секретные командировки «для наблюдения по питейной части». Статский советник Я.Г. Вейде должен был объехать 11 губерний Поволжья и Приуралья, коллежский асессор Е.М. Короленко – 9 губерний Центральной

⁴⁶ Смесь // «Колокол». 1859. Вып. 2. С. 365.

⁴⁷ Всеподданнейший рапорт министра финансов А.М. Княжевича о вреде, причиняемом казне особыми обществами и самовольными приговорами на счет употребления хлебного вина. 5 марта 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 22.

⁴⁸ Проект циркулярного предписания министра внутренних дел С.С. Ланского. 3 марта 1859 г.; Циркулярное предписание министра финансов. 5 марта 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 36, 119.

⁴⁹ Циркуляр министра государственных имуществ М.Н. Муравьева 19 марта 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 61–61 об.

⁵⁰ Циркуляр министра внутренних дел начальникам губерний. 22 марта 1859 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. 2 отд. I ст. Д. 20. Л. 3.

России, статский советник А.А. Севастьянов – 9 северо-западных губерний⁵¹. Наблюдая «за исполнением откупщиками правил», проверяющие обязывались

обратить особенное внимание на... общества трезвости и дознать: ...добровольно ли оные составились, или были увлечены к тому и кем именно⁵².

Проверка выявила неприятную для центра картину. По сведениям Я.Г. Вейде, почти все участники движения отказались от вина «совершенно добровольно», «без постороннего участия», кое-где – «по побуждению местного духовенства». О «мнимых обществах трезвости», в частности, в Саратовской губернии, в начале 1860 г. ревизору рассказывали, как о «происшествии быстро промелькнувшем», которое было «умышлено газетными статейками, злобно противу откупов направленными». Они создавались «по настаиванию помещиков», в казенных селах – по «требованиям волостных и сельских начальников, способствовало также местное духовенство с церковными обрядами»⁵³. Кроме того, чиновник отметил «дурное свойство» водки, особенно в Самарской губернии, «мутной, цветом желто-сероватого, с отвратительным запахом и вкусом»⁵⁴. Осторожный А.А. Севастьянов указал только на случаи внешнего воздействия на крестьян. По его словам, в Тотемском уезде Вологодской губернии общества трезвости создавались «чрез увещание... священников, которые стращали крестьян ...в случае неповиновения не ходить к ним на св. пасхе с образами», у удельных крестьян «составил общество» авторитетный удельный голова Попов, в Ярославской губернии крестьяне отказывались пить «по убеждению помещиков», а в Тверской – общества «стали следствием гласности, статей в газетах», и опять-таки увещеваний священников⁵⁵.

⁵¹ Министерство финансов. Отношение Департамента разных податей и сборов Департаменту государственного казначейства. Апрель 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 219–219 об.

⁵² Секретно. Предписание министра финансов председателю Санкт-Петербургской казенной палаты от 5 мая 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 241–242 об.

⁵³ Донесение статского советника Вейде министру финансов. Из Костромской губернии. 10 июля 1859 г.; Донесение статского советника Вейде министру финансов. Из Саратовской губернии. 6 февраля 1860 г.; Донесение статского советника Вейде министру финансов. Из Пензенской губернии // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 351 об.–353, 525, 531 об.

⁵⁴ Донесение статского советника Вейде министру финансов. Из Самарской губернии. 10 ноября 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 490 об.–491.

⁵⁵ Отчет Севастьянова по всем губерниям. 26 сентября 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 451–455 об.

Самым откровенным и склонным к обобщениям оказался Е.М. Короленко. В рапорте от 14 апреля 1860 г. он отметил, что

общества трезвости возникли как противодействие откупам вследствие возвышения содержателями откупов последнего периода цен на вино, ... главным поводом было всегда возвышение цен. Морального побуждения к воздержанию от употребления вина, можно сказать, нигде не было, хотя открытие обществ сопровождалось иногда молебствиями и тому подобными религиозными обрядами. Это доказывается тем, во-первых, что общества трезвости при понижении откупщиками цен на вино тотчас же распадались, а, во-вторых, что они вовсе и не возникали там, где вино продавалось и продается по низшим... ценам. Общества трезвости составлялись... большей частью по словесному между крестьянами условию не пить вина, и распадались по такому же словесному их решению, а иногда даже и без разрешения со стороны мира... Кроме редких случаев, когда эти условия были выражены в проповедях, ... нет никакой возможности... узнать даже о времени, когда общества... начали свое существование⁵⁶.

Первое отношение обер-прокурору Св. Синода графу А.П. Толстому с изложением жалоб на причастность духовенства к трезвенному движению министр внутренних дел отправил 4 апреля 1859 г. Сначала Синод по поручению обер-прокурора расследовал отдельные претензии чиновников. 10 июня 1859 г. по указу императора Синод принял определение в связи с «обнаружившимся в некоторых местах стремлением к трезвости». Его содержание ярко демонстрирует то двусмысленное положение, в котором оказались представители духовенства – от архиереев до причетников. По закону священники были обязаны предотвращать народные волнения⁵⁷. При этом многие духовные лица вовсе не соответствовали упомянутой выше иронической характеристике «Колокола». Пропаганда умеренности и воздержания от спиртных напитков входила в их служебные обязанности, особенно во время Великого поста, что и спровоцировало жалобы на

⁵⁶ Рапорт коллежского асессора Короленко министру финансов // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 549–549 об.

⁵⁷ № 17958. – Мая 7. Синодский. «О наблюдении Епархиальным Архиереям за священно и церковнослужителями, дабы они при возмущении крестьян старались отвращать от онога» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1 (далее – ПСЗ-1). Т. 24. С 6 ноября 1796 по 1798. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 606–608; № 19479 – Июля 9. Синодский «О подтверждении всем священно и церковнослужителям с подписками, дабы они в возмущение крестьян не вмешивались» // ПСЗ-1. Т. 26. 1800–1801. С. 226–227.

служителей церкви, якобы силой удерживавших прихожан от пьянства. Необходимость реагировать на доносы вызвала определенное затруднение у синодальных архиереев. Церковным иерархам вовсе не хотелось руководить борьбой против «преступления трезвости». Неловкость чувствуется в самих официальных документах. В представлении исполнявшего должность обер-прокурора Синода С.Н. Урусова членам Синода от 12 мая 1859 г. сообщается, что откупщики пожаловались «на удержание духовенством прихожан своих от пьянства». В отпуске документа слово «пьянство» зачеркнуто и заменено выражением «употребление горячего вина»⁵⁸. Синод медлил, но в конечном итоге ему пришлось подчиниться официальной линии. В определении от 10 июня 1859 г. высшие церковные иерархи, как бы оправдываясь перед светскими властями, решительно заявили:

Содействие приходского духовенства к поддержанию и усилению обнаружившейся в некоторых городах и селениях решимости прихожан воздерживаться от употребления вина вполне приличествует долгу служения пастырского⁵⁹.

Священники «имеют непрременную обязанность пещись» об искоренении «греховных привычек», проповедовать в храмах и доказывать пользу трезвости «живым примером собственной жизни»⁶⁰. В то же время, Синод запретил духовенству применять в борьбе за трезвость такие меры, которые «не истекают прямо из пастырских обязанностей... и не основаны на положительных узаконениях». Суть этих мер циркуляр не раскрывал. Главы трех епархий получили предписание провести дознание по всем поступившим жалобам⁶¹.

Расследование обнаружило несостоятельность большинства доносов. Как и следовало ожидать, духовные лица не являлись инициаторами и лидерами трезвенного движения. Гвоздь вопроса состоял в том, что в России в тот момент, по едкому определению герценовского «Колокола», «кабак поднялся в ранг церкви и дворца», и оскорбление кабака стало «оскорблением величества. Кража вина – не просто кража, а винотатство»⁶². В такой атмосфере и проповеди о воздержании, и привычка верующих утверждать важное для них решение молебном в церкви оказались почти крамольными. Ранее спокойно

⁵⁸ Предложение за обер-прокурора Урусова Св. Синоду. 12 мая 1859 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. 2 отд. I ст. Д. 20. Л. 7.

⁵⁹ Определение Св. Синода. 10 июля 1859 г. // РГИА. Ф. 759. Оп. 140. Д. 560. Л. 32.

⁶⁰ Там же. Л. 32–33 об.

⁶¹ Там же. Л. 33 об. – 35.

⁶² Смесь // «Колокол». 1860. Вып. 3. С. 566.

воспринимавшие поучения соблюдать умеренность, прихожане стали реагировать на них с пылом и вдохновением. Получив благодарных слушателей, некоторые священники в неподходящей для властей обстановке увлеклись проповедничеством. Подобно католическим ксендзам, они попытались использовать трезвенное движение для укрепления своего авторитета в народе. В таких случаях по просьбе прихожан священник обычно совершал молебствие для освящения принятого ими обета не пить «горячего вина». Нередко крестьяне или мещане, не очень доверявшие своим пастырям, самостоятельно договаривались не пить водки. Позднее они либо извещали духовных лиц о своем намерении и требовали провести по этому поводу молебен и организовать присягу, либо обманывали их и находили для молебна другой повод. Не служители церкви воодушевляли прихожан на принятие присяги, подтверждавшей их решение не употреблять спиртных напитков, и наложение взысканий на ослушников. Напротив, общественное мнение заставляло духовенство включаться в пропаганду трезвости, проводить молебствия, благословлять обязательства не пить вина и даже санкционировать решения о наказаниях для нарушителей.

Нередко представители светских властей сами убеждались, что православное духовенство не являлось вдохновителем трезвенного движения. В апреле 1859 г. министр внутренних дел сообщал обер-прокурору Синода, что во многих селениях Тульской губернии священников приглашали «для служения молебнов в знак освящения принятого обещания» соблюдать трезвость, а в Тарусском уезде Калужской губернии «после молебствия крестьяне некоторых деревень отказались от употребления вина»⁶³. Из Смоленской губернии вяземский исправник тогда же доносил, что более 2 000 крестьян графини Рибопьер по убеждению служителей церкви «согласились не пить вина, подвергая нарушителей этого телесным наказаниям и денежным штрафам»⁶⁴. Но вскоре тот же исправник уточнил: решение крестьян было принято без постороннего вмешательства, с «соблюдением порядка и благочиния»⁶⁵, а духовенство никакого повода для обета трезвости не давало. Инициативы священников в деле организации обществ трезвости в Тульской, Калужской и Смоленской губерниях не выявил и ревизор Е.М. Короленко⁶⁶. Протоиерей

⁶³ Отношение министра внутренних дел обер-прокурору Св. Синода. 4 апреля 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 2–2 об.

⁶⁴ Донесение начальника Смоленской губернии министру финансов. 18 апреля 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 214.

⁶⁵ Донесение начальника Смоленской губернии министру внутренних дел. 19 мая 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 278.

⁶⁶ Рапорт Короленко министру финансов. 14 апреля 1860 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 549–552.

г. Краснослободска Пензенской губернии Лентовский знал об «обете тамошних жителей не употреблять хмельных напитков» и 16 марта 1859 г. провел по этому случаю на базарной площади торжественный молебен, какой «положен церковью при начале всякого доброго дела и совершил освящение воды», которой окропил собравшихся. Такой обряд он совершал обычно, например, при первом выходе в поле. К молебну, как пояснял протоиерей, он был побужден «не корыстными какими-либо выгодами и не со злым умыслом, а собственно ревностью о благочестии и чистоте нравов»⁶⁷.

По объяснению от протоиерея И. Карелина прихожане местечка Никополь Екатеринославской губернии (несколько тысяч «вольных матросов» и государственных крестьян) в марте 1859 г. известили его о своем решении «не употреблять никогда водки, вина и никаких... хмельных напитков». 5 апреля в «неделю Ваий» (вербное воскресенье) в храме после литургии протоиерей прочитал «во всеуслышание и за... толикую благодать Божию» общественный приговор и совершил молебствие⁶⁸. Синоду упрекнуть его было не в чем.

Костромской епископ Платон по жалобам откупщиков и требованию Синода провел обстоятельное расследование. В каждый из трех наиболее опасных в противостоянии откупной системе уездов – Чухломской, Галицкий и Солигаличский – отправились по два ревизора из среды духовенства. Им предписали

дознать, в каком состоянии находятся приходы в отношении к употреблению откупных питей и, если в каком-либо приходе есть так называемые общества трезвости, то какие⁶⁹,

как они возникли, было ли участие духовенства и какое именно. Проверяющие изучили действия более десятка священнослужителей, включив в проверку и Буйский уезд. Обществ трезвости к концу 1859 г. ревизоры не обнаружили, но отметили, что весной 1859 г. крестьяне «начали воздерживаться от употребления водки, а где-то и вовсе отказались». Побуждениями к трезвости они посчитали «известия в газетах о создании обществ трезвости в разных местах России», пример соседей, «дороговизну водки и очень дурное качество ее», «пагубные последствия пьянства», «внушения помещиков» и «преимущественно пастырские увещания священников, которые, не прибегая

⁶⁷ Рапорт Варлаама, епископа Пензенского, Св. Пр. Синоду. 19 сентября 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 44–45 об.

⁶⁸ Рапорт секретаря Екатеринославской духовной консистории обер-прокурору Св. Синода А.П. Толстому // Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 26–26 об.

⁶⁹ Донесение Платона, епископа Костромского, Св. Синоду. 30 декабря 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 58.

ни к каким... принудительным мерам, расположили своих прихожан к воздержанию от водки, и собственным своим примером и словом учения (в домах при требах и в другое время), так особенно в церкви... по заведенному... Св. Синодом порядку», чем сделали «благое дело»⁷⁰.

В Саратовской епархии расследование провел один из благочинных. Выяснилось, что 8 февраля 1859 г. в г. Балашове Саратовской губернии по просьбе старосты мещанского общества на площади был проведен молебен. Священнику В. Смирнову объяснили, что поводом для него послужили состоявшиеся днем ранее выборы сборщиков податей. Священник разрешил верующим вынести из церкви икону Божией матери. Без его ведома мещанский староста и его помощники добавили к иконе хоругви, а также организовали колокольный звон. Об обете не пить водки священник вовсе не знал⁷¹.

Духовные лица, как и светские ревизоры, подчеркивали, что стремление к трезвости имело преимущественно социально-экономический характер. Прихожане отказывались «от употребления откупных питей», призывали «не покупать вина в откупе и не пить, кроме виноградного вина и пива, заготовленного у себя в домах»⁷². Они просили отслужить молебен, чтобы не пить простого вина до тех пор, пока не будут снижены цены, «пока не будет таковое продаваться по 3 руб. сер.»⁷³, в апреле 1859 г. давали обет не пить до 1860 г.⁷⁴

По результатам расследования белое духовенство получило от Синода очередной приказ избегать действий, имевших «вид торжественного обещания или присяги». Фактически это означало запрещение использовать авторитет церкви для поощрения стремления к трезвости. Применить суровые карательные меры по отношению к тем священникам, которые активно содействовали борьбе с пьянством, явно казалось неприличным, и они отделались мягкими видами взысканий за не вовремя проявленное усердие. Краснослободский протоиерей Лентовский, отличавшийся «примерным усердием и благочестием», получил «замечание за совершение молебствия без

⁷⁰ Донесение Платона, епископа Костромского, Св. Синоду. 30 декабря 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 58–74.

⁷¹ Рапорт Иоанникия, епископа Саратовского, в Св. Синод. 17 декабря 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 49–51.

⁷² Копия прошения управляющего Чухломским питейным откупом М.А. Кожевникова костромским военному и гражданскому губернаторам. Апрель 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 7–8 об.

⁷³ Прошение балашовского 3-й гильдии купца Л.Г. Огурцова Иоанникию, епископу Саратовскому. Июнь 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 29.

⁷⁴ Копия прошения обоим костромским губернаторам от управляющего Солигалицким акцизным комиссариатством А.Т. Котенева. Апрель 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 11–12.

разрешения епархиального начальства»⁷⁵. Священнику В. Смирнову, допустившему в Балашове «колокольный звон и вынос хоругвей, что дало молебствию вид крестного хода, который мог совершать лишь с разрешения начальства», за «неосмотрительность» было сделано замечание «без занесения в послужной список»⁷⁶. Все духовные лица Костромской епархии отделались внушением со стороны архиерея. Серьезнее наказали только священника села Мироханово Чухломского уезда Н. Соболева, который во время Великого поста, по собственным словам, по просьбе «своего больного прихожанина» покупал спирт «в городском ведерном заведении» и в присутствии откупщика запретил приобретать вино крестьянину из соседнего прихода. Тем самым, по мнению Синода, Н. Соболев «подал повод к нареканию в противозаконных действиях». За это его, хотя и одобряемого в поведении, приказали вызвать в архиерейский дом на время, которое «будет признано достаточным для его испытания»⁷⁷.

Важным аргументом, подтверждавшим, что православное духовенство не было вдохновителем трезвенного движения, стало полное отсутствие данных о причастности служителей церкви к разгрому питейных заведений, охватившему Поволжье. Лишь в г. Троицке Пензенской губернии дьякон С. Рождественский, пономарь М. Тимофеев и дьячок А. Иванов 29 мая 1859 г. оказались в качестве зевак «при толпе буйствовавших крестьян и тем подали повод заподозрить себя в участии в произведенных ими беспорядках», за что дьякона отправили на епитимью в монастырь на два месяца, а причетников – на месяц⁷⁸.

Распоряжения Синода, призывавшие духовенство распространять трезвость только проповедями и личным примером, вызвали неожиданную реакцию. Не все священники осознали, что им в завуалированной форме рекомендуется дистанцироваться от трезвенного движения. Некоторые из них, привыкшие к дисциплине, восприняли циркуляры духовных властей как сигнал к началу трезвеннических поучений. О приказе, поступившем от духовного начальства,

⁷⁵ Выписка из определения Св. Синода. 2 ноября 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 47–47 об.

⁷⁶ Выписка из определения Св. Синода. 3 марта / 7 июня 1860 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. Отд. 1. II ст. Д. 20. Л. 35–37 об.

⁷⁷ Выписка из определения Св. Синода. 3 марта / 15 июня 1860 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. Отд. 1. II ст. Д. 20. Л. 47–49 об.

⁷⁸ Рапорт секретаря Пензенской духовной консистории и. д. обер-прокурора Св. Синода С.Н. Урусову. 30 июня 1859 г.; Рапорт секретаря Пензенской духовной консистории обер-прокурору Св. Синода А.П. Толстому. 4 декабря 1859 г.; Рапорт секретаря Пензенской духовной консистории обер-прокурору Св. Синода. 25 декабря 1859 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. 2 отд. I ст. Д. 189. Л. 1–2, 5–6 об., 7–7 об.

проведали и крестьяне. В начале 1860 г. опять появились жалобы на духовенство, особенно из Киевской и Херсонской губерний. Новые доносы вызвали раздражение министра финансов, прямо обвинившего священников в нанесении ущерба казне. Министр предложил Синоду предписать всему духовенству, чтобы оно призывало прихожан

к воздержанию от пьянства или от излишнего пристрастия к горячим напиткам, но не воспрещало им умеренного употребления вина, необходимого для здоровья трудящегося народа⁷⁹.

Синод постыдился приказать духовенству рекламировать питейные заведения, но все жалобы вновь были проверены. Ревизоры из духовной среды подтвердили, что определение Синода никто из священников не читал в церквях. Многие из них прекрасно поняли суть претензий властей и уверяли ревизоров, что говорили о вреде чрезмерного употребления водки, но убеждали, что, мол, «после труда полезно употребление оной, только в малом количестве». Другие же заявляли, что советовали прихожанам не пьянствовать в корчме, а «употреблять горячее вино умеренно и в своих домах»⁸⁰. Прихожане также сознавали, что им следует говорить тогда, когда они хотят защитить своих священников. Они проникновенно сообщали, что священник убеждал их «не заходить из церкви в шинок, а идти домой, ... вовсе не пить не принуждал» или советовал «не упиваться водкою, а пить умеренно»⁸¹. Проверяющие обратили также внимание и на особенности трезвенного движения в Малороссии и Новороссии. Так, крестьяне села Петрушки Каневского уезда, послушав поучения священника Е. Левицкого о трезвости, «по случаю уменьшения хлеба то от неурожая, то от выбития градом, перестали столько пить водки, сколько прежде пили, а некоторые и вовсе перестали пить оную»⁸². Священники также отметили, что борьба против системы откупов могла приобретать некоторую антисемитскую направленность. К примеру, крестьяне села Шабельники Чигиринского уезда, послушав поучение священника и

будучи сильно озлоблены против откупщиков-евреев за разные обиды и притеснения от них, с радостью ответили, что желают не только

⁷⁹ Отношение министра финансов обер-прокурору Св. Синода. 29 января 1860 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. Отд. 1. П ст. Д. 20. Л. 24 об.

⁸⁰ Рапорт Арсения, митрополита Киевского, Св. Синоду. 30 июня 1861 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 123 об., 141–141 об.

⁸¹ Там же. Л. 124.

⁸² Там же. Л. 127–127 об.

воздерживаться от излишнего употребления водки, но согласны и вовсе не пить той⁸³.

«Обиды» заключались в недомере и разбавлении водки.

Отдельные духовные лица действовали решительно, почти так же, как их католические собратья. 6 декабря 1859 г. священник села Шендеровка Бердичевского уезда Киевской губернии А. Войнарский был обеспокоен шумом в корчме, находившейся вблизи его дома и церкви. Через 2 часа после литургии он отправился туда вместе с дьячком и велел запечатать одну из бочек с вином⁸⁴. По распоряжению священника херсонского села Арбузники (район Херсонских военных поселений) Д. Кальнева 19 июля 1859 г., в воскресенье, за 10 минут до благовеста к литургии, были закрыты на замок два питейных дома. Жалобы откупщиков расследовало Министерство государственных имуществ и духовные ревизоры. Министр отметил, что откупщик не имеет права противостать борьбе духовенства за трезвость, напомнил, что «по закону продажа питей до окончания литургии воспрещается», но следить за этим должна полиция. Священнику внушили, что «в подобных случаях он обязан обращаться к местному поселенному начальству», имеющему «надзор за торговлею вином»⁸⁵.

Следствие по жалобам на духовенство проводилось в 7 уездах Киевской и в одном уезде Херсонской губерний. Беспочвенность большинства обвинений священников в насильственном насаждении трезвости подтверждали помещики и их управляющие. 14 киевских священников были освобождены от наказания, часть из них выслушала внушения в духовных правлениях. В числе освобожденных от взыскания был и благочинный священник ставшего печально известным в конце XX в. местечка Чернобыль Н. Успенский. Его обвиняли в том, что он обрил крестьянину голову «за несогласие отказаться от употребления вина». Оказалось, что местный кузнец «нанес благочинному... в пьяном виде дерзости», за что служители «остригли ему голову». Кузнец жалоб не приносил и к тому же умер. Самоуправство благочинного не привлекло внимания начальства⁸⁶. Запечатавший бочку с вином священник за «неприличный его сану проступок», создавший помехи винной торговле, был «послан в монастырское подначальство на месяц», а в Киевское губернское

⁸³ Рапорт Арсения, митрополита Киевского, Св. Синоду. 30 июня 1861 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 125–125 об.

⁸⁴ Рапорт Димитрия, архиепископа Херсонского, Св. Синоду. 23 августа 1860 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 114 об.–116.

⁸⁵ Рапорт Арсения, митрополита Киевского, Св. Синоду. 30 июня 1861 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 128.

⁸⁶ Там же. Л. 127.

правление отправилось требование перенести питейный дом на «узаконенное расстояние» от церкви⁸⁷. Херсонскому священнику Д. Кальневу, закрывшему на время литургии 2 питейных дома, было «сделано чрез благочинного надлежащее внушение». Начальник Херсонского поселения подал жалобу викарию на действия священников сел Варваровка и Боковое И. Полянского и К. Крыжановского, которые якобы «настоятельно требуют, чтобы поселяне вовсе не пили вина, а ...Полянский обязал прихожан клятвами и штрафом». По итогам следствия им сделали «внушение, чтоб действовали только убеждениями». Дело было передано в земский суд, который не подтвердил донос на К. Крыжановского. От суда священник был освобожден⁸⁸. Очевидно, Синод и архиерей посчитали «внушение» достаточным наказанием для них.

Заключение

Таким образом, расследование, проведенное Министерством финансов, Министерством внутренних дел и Св. Синодом, показало, что ни православное, ни католическое духовенство не было вдохновителем и организатором трезвенного движения. Протест против откупной системы и провоцируемого ею пьянства возник в народной среде. Католическое духовенство Литвы и Западной Белоруссии поспешило использовать трезвенное движение в своих сословных, религиозных и национальных интересах и при попустительстве многих представителей местных властей, католиков по вероисповеданию, смогло преуспеть в этом отношении. Отдельные православные священники также добивались укрепления своего влияния и популярности. Немалая часть православного духовенства не устояла перед натиском своей паствы и была вовлечена прихожанами в антиалкогольное движение. Постыдную двусмысленную позицию вынуждены были занять иерархи православной церкви, объявлявшие себя блюстителями нравственности. Под нажимом светских властей им пришлось подключиться к борьбе против уменьшения доходов казны и в ее интересах одобрить «умеренное употребление горячего вина». Синод чувствовал некоторую неловкость, но счел себя обязанным организовать расследование трезвенной деятельности духовенства, в ходе которого священникам пришлось оправдываться даже в проведении проповедей о воздержании. Духовные власти стремились продемонстрировать чиновному Петербургу лояльность своих подчиненных и доказать их непричастность к массовым трезвенным выступлениям. Синод сумел

⁸⁷ Рапорт Арсения, митрополита Киевского, Св. Синоду. 30 июня 1861 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 128–128 об.

⁸⁸ Рапорт Димитрия, архиепископа Херсонского, Св. Синоду. 23 августа 1860 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 114–117 об.

изолировать духовенство от массового народного трезвенного движения. Однако ситуация, в которой разошлись морально-нравственные нормы христианства и интересы государственной казны, оказалась крайне неприятной и запутанной, как для рядового православного духовенства, так и для духовного начальства, и не способствовала росту их авторитета. Трезвенное движение 1858–1860 гг., как известно, ускорило отмену системы винных откупов в России.

Introduction

In 1858–60, 32 Russian governorates were involved in the temperance movement, a mass protest of the tax-paying population against the system of wine tax farming that existed in Russia from 1765 to 1863. Wine tax farming was a specific form of taxation in the drinking trade, a characteristic of pre-reform economic relations, which was used in Russia before the introduction of the excise tax. According to the results of public auctions, the state, which owned a wine monopoly, handed over the right to sell “grain wine” (vodka) in a certain area for 4 years. Tax farmers paid a fixed amount to the treasury as a drinking tax, received the rights of state officials, and could trade wine for profit at the expense of the consumer.¹ The rate was determined by the previous year income, with an extra charge established by the authorities in agreement with the tax farmer. The share of drinking duties in the budget revenue reached 43% in 1859 and 46% in 1859–63.² It was due to a significant increase in the tax amount, which raised after the devastating Crimean War from 61.6 million rubles in 1856 to 91.6 million rubles in 1858.³ In order to maintain the profitability of the wine trade, the tax farmers, on the one hand, tried to reduce their costs by purchasing the cheapest and the lowest-quality vodka; on the other hand, they raised the price of “plain wine.” The poor quality of vodka and the simultaneous increase in its price caused temperance movement. At its first stage (from the autumn of 1858 to the spring of 1859; until the spring of 1860 in the southwest; until 1863–64 in Lithuania), it boycotted the wine tax system by organizing temperance societies that were active even in 1860 and by collective refusal to drink wine. In the summer of 1859, a wave of attacks on drinking houses swept through 15 Volga governorates. The temperance movement caused concern of central and local authorities and posed a difficult problem for them: how should they deal with the “crime of temperance”?

The conflict between the tax farmers and the lower groups of the population was eagerly discussed in newspapers and magazines,⁴ and the revolutionary democrats

¹ M.L. Gavlin, “The Issue of Wine Tax Farming in the History of Legislation of the Russian Empire. 18–19th Centuries” [in Russian], in *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*, iss. 13, ed. L.I. Borodkin (Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2007), accessed June 2, 2024, <https://clck.ru/3RsvVR>

² I.R. Takala, *The Joy of Russia. History of Alcohol Issue in Russia* [in Russian] (St Petersburg: Zhurnal “Neva”, 2002), 55.

³ P. Brandt, “Alcohol Duties” [in Russian], in *The Encyclopedic Dictionary*, vol. 23A, *Petropavlovskii–Povatazhnoe*, ed. F.A. Brokgauz, I.A. Efron (St Petersburg: Tipo-litografiya I.A. Efrona, 1898), 734.

⁴ I.G. Pryzhov, *The History of Taverns in Russia in Connection with the History of the Russian People* [in Russian] (St Petersburg; Moscow: Molodye sily, 1914), 240, 242–48, 250.

paid attention to the temperance movement.⁵ The work of I. Pryzhov on the history of taverns was the first historical work that highlighted the causes of the temperance movement and mentioned the accusations of the authorities against the clergy as its inspirer.⁶ The Soviet historians called the temperance movement of 1858–60 “an essential element of the anti-serf struggle of the peasantry during the revolutionary situation of 1859–1861.”⁷ V. Fedorov directly and reasonably declared the version about the leading role of the clergy in the temperance movement to be “false” but avoided covering the events in Lithuania.⁸ In the preface to the collection of documents on the history of the peasant movement, S. Okun' emphasized that the importance of the temperance movement went “far beyond the struggle against the abuses of tax farmers,” and that the authorities saw the direct threat in its “amazing unanimity.”⁹ Soviet Lithuanian historian S. Lazutka showed that the movement was not a purely Lithuanian phenomenon, exclusively “the doing of Catholic clergy.” The authors of the generalizing Soviet work on the history of Lithuania accepted that

the negative feature of the movement was that its leadership ended up in the hands of the Catholic clergy, who strengthened their influence on the masses with the help of the “temperance brotherhoods.”¹⁰

Belarusian historian T. Prot'ko explained the reasons for the particularly tense relations with tax farmers and described the development of the temperance

⁵ N.G. Chernyshevskii, “Tax-Farming System” [in Russian], in N.G. Chernyshevskii, *Complete Works*, ed. V.Ya. Kirpotin et al., vol. 5, *Articles, 1858–1859* (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1950), 318–336; N.A. Dobrolyubov, “People’s Affair. The Spread of Temperance Societies” [in Russian], in N.A. Dobrolyubov, *Collected Works*, vol. 5, *Articles and Reviews. July–December 1859* (Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1962), 246–85; *Kolokol. Newspaper of A.I. Herzen and N.P. Ogarev. Vol'naya russkaya tipografiya. 1857–1867. London–Geneva. Iss. 2. 1859. London* [in Russian], June 1, 1859 (Moscow: AN SSSR, 1962), 364–65; *Kolokol. Iss. 3. 1860. London* [in Russian], April 1, 1860 (Moscow: AN SSSR, 1962), 566.

⁶ I.G. Pryzhov, *The History of Taverns in Russia in Connection with the History of the Russian People* [in Russian] (St Petersburg; Moscow: M.O. Vol'f, 1868), 288–96.

⁷ V.A. Fedorov, “Peasant Temperance Movement” [in Russian], in *Revolutionary Situation in Russia in 1858–1860*, ed. M.V. Nechknia et al. (Moscow: AN SSSR, 1962), 107.

⁸ Fedorov, *Peasant Temperance Movement*, 113, 115–16.

⁹ S.B. Okun', “Preface” [in Russian], in *The Peasant Movement in Russia in 1857–May 1861: A Collection of Documents*, ed. S.B. Okun', and K.V. Sivkov (Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1963), 18–19.

¹⁰ S.A. Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania. 1859–1862* [in Russian] (Moscow: Vysshaya shkola, 1961), 89–93; S.A. Tautavichyus, Yu. Yurginis, et al., *The History of the Lithuanian SSR (From Ancient Times to the Present Day)* [in Russian] (Vilnius: Mokslas, 1978), 185.

movement in the Belarusian governorates.¹¹ In modern Russia, the experts are actively studying the history of the drinking industry in Russia, including the history of the tax farming system and the causes of its crisis, as well as “Russian drinking traditions.” However, the researchers give much less attention to the temperance movement and the state fight against it.¹²

Today, the temperance movement of 1858–60 is seen as a struggle against the tax farming system and drunkenness. Nevertheless, I. Takala casually notes in her monograph that the emergency measures against the movement taken by the authorities could result in a general peasant uprising “for freedom.”¹³ She does not mention the involvement of the clergy in the movement. It was only I. Kurukin and E. Nikulina who drew attention to the fact that the Ministry of Finance turned to the Orthodox clergy for help in opposing the temperance movement.¹⁴

Foreign authors focus on the problem of drunkenness, especially in the early 20th century and in the Soviet period as well as on the history of countering it.¹⁵ Arguing the point with N. Dobrolyubov and Soviet historians, only D. Christian provides a detailed analysis of the history of the temperance movement of the late 1850s and assesses the involvement of Catholic priests in it.¹⁶

¹¹ T.S. Prot'ko, *In the Struggle for Temperance. Pages of History* [in Russian] (Minsk: Nauka i tekhnika, 1988), 52–59.

¹² A.I. Razdorskii, comp., *The Tavern Business and the Temperance Movement in Russia from Ancient Times to the Present Day: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, June 28–30, 2021)* [in Russian] (St Petersburg; Moscow: Staraya Basmanaya, 2022).

¹³ Takala, *The Joy of Russia*, 87.

¹⁴ I.V. Kurukin, E.A. Nikulina, “*The Tsar’s Tavern Business*”: *Essays on Drinking Policy and Traditions in Russia* [in Russian] (Moscow: AST, LYUKS, 2005), 203.

¹⁵ “Alcohol and Alcohol Abuse,” in *The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union*, ed. A. Brown et al. (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 463–65; S. White, *Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society* (Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996); V. Afanas'eva, “Alcohol Production and Consumption, and the Fight against Drunkenness in Kaluga Governorate (1894–1914)” [in Russian], in *The Tavern Business and the Temperance Movement in Russia from Ancient Times to the Present Day: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, June 28–30, 2021)*, comp. A.I. Razdorskii (St Petersburg; Moscow: Staraya Basmanaya, 2022), 41–42; A.V. Smelova, “Alcohol and the Policy of the Russian Empire in the Late 19th and Early 20th Centuries: An Analysis of the History and Ideology of the Kazan Temperance Society” [in Russian], in *The Tavern Business and the Temperance Movement in Russia from Ancient Times to the Present Day: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, June 28–30, 2021)*, comp. A.I. Razdorskii (St Petersburg; Moscow: Staraya Basmanaya, 2022), 667–74.

¹⁶ D. Christian, “*Living Water*”: *Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation* (Oxford: Clarendon Press, 2001), 286–352.

Main body

The temperance societies appeared in the second half of 1858 in the Kovno, Vilna, and Grodno governorates. The officials and the priests considered the Catholic clergy to be the initiator of those societies. N. Dobrolyubov criticized that point of view, noting that its authors accepted the efforts of the clergy and left “aside the people influenced by their morality.”¹⁷ Soviet historians proved that the first reports about the “temperance societies” organized by priests appeared in October and November 1858, and the refusal to drink vodka and the beginning of the temperance movement in Kovno Governorate dated back to August and September of the same year.¹⁸ They also managed to explain why the temperance movement started in the Belarusian and Lithuanian governorates. The organization of the drinking business there was different. The cities within a two-verst area from them had to pay state tax, and in other places the landowners retained the right to produce and sell wine, which aggravated their relations with the peasants.¹⁹

According to the documents, the temperance movement in Lithuania originated in the popular circles in the summer of 1858. Catholic priests quickly joined the popular indignation, headed the movement and managed to use the intentions of active parishioners to strengthen their own influence on a wide circle of believers. The author of a note published in no. 7 of the *Novgorodskiye Gubernskiye Vedomosti* (Novgorod Governorate Gazette) for 1859 argued that in the fight against expensive vodka, the peasants of Kovno Governorate were exemplary, as they “agreed for not drinking vodka and firmly hold the vow.” The priests’ speeches aroused in the parishioners, sometimes against their will, a unanimous decision to “stop drinking alcoholic beverages.”²⁰ The sluggish representatives of the Catholic clergy had to promote temperance already under direct pressure from their flock. Telsze Bishop M. Volonchevsky (Valancius) claimed that the residents of a number of parishes, “with complaints and often threats, forced spiritual mentors to proclaim temperance.”²¹

Having started a powerful preaching activity and soon “exhausted the will of the parishioners,” the priests led by the bishop began to act “using exclusively governmental methods” and dared to “completely prohibit people from drinking

¹⁷ Dobrolyubov, “People’s Affair,” 263.

¹⁸ Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania*, 89.

¹⁹ Prot’ko, *In the Struggle for Temperance*, 52–53.

²⁰ “Novgorodskie gubernskie vedomosti. Otd. 2. Chast’ neofitsial’naya. K № 7 1859 g.” [Novgorod Governorate Gazette. Section 2. Part unofficial. To no. 7, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 12. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

²¹ “Zapiska o deistviyakh episkopa Volonchevskogo” [Note on the actions of Bishop Volonchevskii]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 279 ob. RGIA.

wine.” To achieve that goal, they used “religious threats” (excommunication, deprivation of sacraments), punishment with rods and whips, imprisonment “in transit prisons.” In case of their absence, the people were placed in “specially designed prisons, in stocks or chains; there were arrests, public shaming” (the guilty person could be smeared with tar, put a sign around his neck indicating his guilt, led around the church in a shameful way, often on knees, or laid on the floor of the church for shame, etc.).²²

“The actions of the clergy greatly influenced the minds of commoners,” and in Kovno Governorate there were 40–50 thousand people in November 1858 who “voluntarily agreed to fulfill the oath” of temperance.²³ At the beginning of 1859, the movement spread to a significant part of Kovno Governorate, to neighboring governorates, and at the beginning of 1860, there were 321,195 people in temperance societies in Vilna Governorate.²⁴ In May 1859, there were 22,850 people in Grodno Governorate (more than 220,140 participants in the middle of 1859²⁵). In July 1860, there were 820,754 Catholics in Kovno Governorate, and according to Bishop M. Volonchevsky, 488,464 of them “were abstaining from drinking.”²⁶ According to S. Lazutka, the authorities had no opportunity to struggle directly against such a mass movement and therefore delayed taking punitive measures.²⁷ Only in March 1859, the Ministry of Internal Affairs sent the letters to the governorate heads; they were signed by Minister S. Lanskoï and prohibited and obliterated the temperance societies. In Belarusian governorates, where many residents were Orthodox and the scope of the movement was smaller, the administrators could act more decisively. For example, in Novogrudok (Minsk Governorate), even those who posted appeals to residents urging them not to drink vodka were fined.²⁸ In the north-western governorates, the temperance movement had “a number of specific features related to religious and national issues.”²⁹ According to an inspector, the local civil authorities “headed by a Catholic” ignored the complaints about priests in Kovno Governorate. As a result, “the people did not see that there was any other authority than the clergy”; the orders

²² “Zapiska o deistviyakh rimsko-katolicheskogo dukhovenstva Kovenskoï gubernii” [Note on the actions of the Roman Catholic clergy in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 250–252. RGIA.

²³ *Ibid.*, l. 251.

²⁴ Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania*, 90.

²⁵ Prot'ko, *In the Struggle for Temperance*, 54–55.

²⁶ “Vedomost' o chisle lits rimsko-katolicheskogo ispovedaniya Tel'shevskoi eparkhii, vozderzhivayushchikhsya ot pitiya” [List of the number of Roman Catholics in the Diocese of Telsze, who abstain from drinking]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 240, 244. RGIA.

²⁷ Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania*, 91.

²⁸ Prot'ko, *In the struggle for temperance*, 58.

²⁹ Fedorov, “Peasant Temperance Movement,” 113.

from ministers to the Metropolitan of Roman Catholic churches in Russia “were given but not fulfilled.”³⁰

In late 1859 and early 1860, Vilna governor-general V. Nazimov and Kovno military governor S. Khominsky repeatedly asked the bishop about the number of temperance societies in the diocese. The next request was dated March 5, 1860. The Ministry of Finance was also concerned about the decrease in revenues from tax farmers. On March 1, 1860, Minister A. Knyazhevich sent collegiate assessor A. Stolyarevsky, Councilor to the Minsk State Chamber, to Kovno Governorate. There, he had “to collect information about the situation of the excise tax.”³¹ Initially, the secret instruction ordered him to check the information from St Petersburg about abuse and corruption of tax farmers and employees of the State Chamber.³² In the report dated March 16, 1860, prepared on the basis of the first observations, the official cautiously noted that he had

a sad conviction that the actions of the tax farmers were too unscrupulous, and the orders of the state chamber were absolutely inappropriate.³³

In fact, the inspector’s preliminary conclusion was that the main reason for the temperance movement was abuse by tax collectors and officials who condoned them.

On May 27, 1860, A. Stolyarevsky received a “particularly secret” order from the Minister. Firstly, he had “to personally ascertain the reasons for the spread of the temperance society there and the number assigned to it”; secondly, to determine “the role of the Catholic clergy and the measures they take for the enlargement of this society”; thirdly, to find out whether it was really or not that “since it became known about a new auction for tax farming, the clergy had increased their efforts to spread the temperance societies, and, based on the bishop’s circular letter, had again begun to force the parishioners not to drink wine until death”; finally, fourthly, to identify the “complaints against the clergy ...and how they were resolved.”³⁴ The inspector

³⁰ “Zapiska o deistviyakh rimsko-katolicheskogo dukhovenstva Kovenskoj gubernii” [Note on the actions of the Roman Catholic clergy in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 253, 255. RGIA.

³¹ “Predpisanie ministra finansov sovetniku Minskoi kazennoi palaty Stolyarevskomu” [Instruction from the Minister of Finance to Stolyarevsky, Councilor to the Minsk Treasury Chamber]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 3. RGIA.

³² “Otpusk sekretnoi instruktsii Ministerstva finansov Stolyarevskomu” [Issuing secret instruction from the Ministry of Finance to Stolyarevsky]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 4. RGIA.

³³ “Sekretnyi raport Stolyarevskogo ministru finansov” [Secret report from Stolyarevsky to the Minister of Finance]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 14–14 ob. RGIA.

³⁴ “Osobenno sekretno. Otpusk predpisanija ministra finansov Stolyarevskomu” [Top secret. Issuing instruction from the Minister of Finance to Stolyarevsky]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 25–28 ob. RGIA.

was clearly told to focus on the role of the Catholic clergy in the temperance movement. In a report sent on April 24, 1860, Stolyarevsky again tried to draw his superiors' attention to the "actions of the corrupt tax farmers." He stated that "the teaching of the Catholic clergy on temperance, which appeared in Kovno Governorate at the end of 1858, was not known at the auction . . . from 1859 to 1863." The tax farmers themselves offered an increased amount of 948 thousand rubles, and during the first year they did not give about 100 thousand rubles to the treasury, mainly through their own fault: "they were failing."³⁵

In July 1860, A. Stolyarevsky presented in the capital a set of documents he had collected about the activities of the Catholic clergy of Kovno Governorate. In his report to the ministry, a tax farmer wrote that in Kovno Governorate, it was in March 1860 (the time when the inspector arrived at the site) that the servants he sent

noticed the extraordinary movement of the people to the churches and extraordinary activity of the local Catholic clergy to bring the people to the oath.³⁶

On March 12, 1860, M. Volonchevsky informed the subordinate clergy about the military governor's request to collect information on the number of persons following the temperance movement. In this regard, the bishop ordered to make the "books" with the names of temperance followers and their children. Those recorded in the books had to swear "before the altar or icon" to confirm their vow. The order was accompanied by a form of oath with the promise "to abstain from all hot drinks with the help of God."³⁷

Horwitz, a merchant of the first guild, tax farmer in Kovno Governorate, considered the bishop's letter an important booster of expanding and deepening the temperance movement.³⁸ A. Stolyarevsky shared this point of view and, as already noted, repeatedly criticized the tax farmers, but in that instance he agreed with the opinion of one of them. He wrote that

³⁵ "Raport sovetnika Minskoi kazennoi palaty Stolyarevskogo" [Report from Stolyarevsky, Councilor to the Minsk Treasury Chamber]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 34–37 ob. RGIA.

³⁶ "Dokladnaya zapiska sodержatelya aktsiznykh sborov po Kovenskoii guberniii poltavskogo 1 gil'dii kuptsa Gorvitsa" [Report from Gorvits, Poltava merchant of the 1st guild, collector of excise duties in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 16. RGIA.

³⁷ "Kopiya. Per. s pol'skogo. Tsirkulyar Zhmudskogo biskupa dukhovenstvu Zhmudskoi eparkhii s formoi prisyagi" [Copy. Translated from Polish. Circular letter from the Zhmud bishop to the clergy of the Zhmudche Diocese with the form of the oath]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 21–22. RGIA.

³⁸ "Dokladnaya zapiska sodержatelya aktsiznykh sborov po Kovenskoii guberniii poltavskogo 1 gil'dii kuptsa Gorvitsa" [Report from Gorvits, Poltava merchant of the 1st guild, collector of excise duties in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 16–16 ob. RGIA.

until March 1860, three-quarters of the Catholic population was subdued by the demand not to drink wine, and in March the final victory over the entire population was made.³⁹

Having received the bishop's March order, the priests were once again convinced that

the superiors... quite approve the societies. In Telsze, the uyezd judge and the treasurer took part in a solemn procession with all the officials, went to the church, and took the oath. Such actions of the clergy forced the current tax farmers to refrain from entering into a contract for tax farming.⁴⁰

The inspector stated that the punishments imposed by the clergy on violators were implemented "either in the rural departments of the Ministry of State Property or by zemstvo police commanders (*tysyatsky*, *sotsky*, *desyatsky*), by the clergy," the beggars, and by the "people particularly loyal to the society."⁴¹

Even historians of the Soviet period accepted that in Lithuania, the temperance movement among the people, reached out the majority of the population and very soon took on a religious nature. However, speaking about the punishments imposed by the priests, S. Lazutka called them "individual cases."⁴² We think that it is quite correct. The complaints and police reports collected by A. Stolyarevsky and presented in the form of a table include the names of 93 temperance movement victims from among the residents of Kovno Governorate, mainly peasants; and there was information about the dispersal of visitors to drinking houses in a number of villages and about one destroyed house.⁴³ Compared to almost half a million "abstainers from drinking," these figures look insignificant, but the documents did not mention any of the numerous facts about illegal temperance activity performed by the Catholic clergy who greatly influenced the believers.

³⁹ "Zapiska o deistviyakh rimsko-katolicheskogo dukhovenstva Kovenskoj gubernii" [Note on the actions of the Roman Catholic clergy in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 252–252 ob. RGIA.

⁴⁰ Ibid., ll. 257 ob.–258.

⁴¹ Ibid., ll. 251 ob.–252 ob., 259.

⁴² Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania*, 91.

⁴³ "Spiski 16 raportov zemskikh ispravnikov, 2 raportov stanovogo pristava i raporta gorodnichego; 21 donesenie aktsiznykh nadziratelei; zhaloby obizhennykh lits na deistviya dukhovenstva v spiskakh" [List of 16 reports from zemstvo police officers, 2 reports from the district superintendent of police, and a report from the mayor; 21 reports from excise officers; complaints from offended persons about the actions of the clergy in the lists]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 100–195. RGIA; "Zapiska o nasiliyakh, kotorye upotreblyaemy byli rimsko-katolicheskim dukhovenstvom Kovenskoj gubernii pri vospreshchenii prikhozhanam upotreblyat' vino" [Note on the violent acts performed by the Roman Catholic clergy of Kovno Governorate to prohibit parishioners from drinking wine]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 250–260 ob. RGIA.

According to some Soviet authors, a convincing confirmation of the popular character of the temperance movement in Lithuania was the complete inability of the clergy to stop it at the request of the authorities. Indeed, the clergy failed to stop the movement, but mainly because they did not want to do so. By supporting and developing the temperance movement, the Catholic clergy felt themselves to be religious and national leaders and oppositionists. In reality, they were fighting against the state authorities, using the most plausible pretext. For example, bishop M. Volonchevsky deftly deceived the local and central administration, acting as a zealous executor of its orders and at the same time making a temperance oath that was forbidden in the Orthodox regions of the empire. In July 1860, A. Stolyarevsky reported that the governor-general demanded an explanation from M. Volonchevsky, but did not receive a “valid excuse.” V. Nazimov asked the bishop to revoke the “the aforesaid order” on making “books” with lists of temperance followers and bringing parishioners to the oath. The inspector did not dare to predict the end of the situation, but the decision of the diocese head “was unlikely to help.”⁴⁴ The inspector turned out to be right: a massive boycott against the wine-taxing system, which significantly injured the treasury, continued in Lithuania until the uprising of 1863–64.⁴⁵

Speaking ironically about the accusations against the Catholic priests, Herzen’s *Kolokol* wrote that

the administration persecutes the temperance societies not only in Vilna Governorate, but also in Kaluga Governorate, where there are no Catholic clergy, and in other completely Orthodox governorates, where the priests drink and do not keep anyone from drinking.⁴⁶

At the beginning of 1859, the temperance movement began to spread rapidly through the interior of Russia and seriously alarmed the authorities in the capital. The ministries were flooded with complaints from the local areas.

The problem was discussed in the Council of Ministers, and on March 5, 1859, Alexander II instructed the ministers to “take the measures that they consider necessary to be taken in such case.”⁴⁷ On March 3, the Minister of Finance ordered the state chambers to “persuade tax farmers” not to raise the price of “grain wine”

⁴⁴ “Zapiska o deistviyakh rimsko-katolicheskogo dukhovenstva Kovenskoï gubernii” [Note on the actions of the Roman Catholic clergy in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 259. RGIA.

⁴⁵ Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania*, 93.

⁴⁶ “Blend” [in Russian], in *Kolokol*, iss. 2 (1859): 365.

⁴⁷ “Vsepoddanneishii raport ministra finansov A.M. Knyazhevicha o vrede, prichinyaemom kazne osobymi obshchestvami i samovol'nymi prigovorami na schet upotrebleniya khlebnogo vina. 5 marta 1859 g.” [Report of Minister of Finance A.M. Knyazhevich submitted to the emperor on the damage caused to the treasury by special societies and unauthorized verdicts regarding the use of grain wine. March 5, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 22. RGIA.

and sell it “at the specified price and of the proper quality,” and on March 5 he familiarized his minister colleagues with a draft circular letter addressed to the governorate heads.⁴⁸ On March 19, the circular letter from the Minister of State Property was sent to the heads of subordinate chambers. They were ordered to remind their subordinates that the peasant gatherings could not offer the authorities “the decisions for mandatory execution,” appoint guards to drinking houses and “punish the use of wine.”⁴⁹ On March 22, 1859, the Minister of Internal Affairs sent governorate heads a circular letter “On the prohibition of compulsive measures to preserve temperance.”⁵⁰

In April 1859, three officials of special assignments of the Ministry of Finance went on secret missions “to observe the drinking situation.” State councilor Ya. Weide had to go around 11 governorates of the Volga region and the Ural region, collegiate assessor E. Korolenko had to visit 9 governorates of Central Russia, and state councilor A. Sevastyanov had to visit 9 north-western governorates.⁵¹ Observing “the implementation of the rules by tax farmers,” the inspectors were obliged

to pay special attention to. . . temperance societies and find out. . . whether they were formed voluntarily, or were attracted to someone and by whom exactly.⁵²

The inspection revealed a picture unpleasant for the capital. As Ya. Weide found out, almost all the participants in the movement refused wine “completely voluntarily,” “without outside interference,” and in some places “they were encouraged by the local clergy.” At the beginning of 1860, the inspector was told about “imaginary temperance societies” in Saratov Governorate, which were described as “an incident that quickly passed” as an event created “deliberately by

⁴⁸ “Proekt tsirkulyarnogo predpisaniya ministra vnutrennikh del S.S. Lanskogo. 3 marta 1859 g.; Tsirkulyarnoe predpisanie ministra finansov. 5 marta 1859 g.” [Draft circular order from the Minister of Internal Affairs S.S. Lanskoii. March 3, 1859; Circular order from the Minister of Finance. March 5, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 36, 119. RGIA.

⁴⁹ “Tsirkulyar ministra gosudarstvennykh imushchestv M.N. Murav'eva 19 marta 1859 g.” [Circular letter from the Minister of State Property M.N. Muravyov on March 19, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 61–61 ob. RGIA.

⁵⁰ “Tsirkulyar ministra vnutrennikh del nachal'nikam gubernii. 22 marta 1859 g.” [Circular letter from the Minister of Internal Affairs to the governorate heads. March 22, 1859]. F. 797, op. 29, 2 otd. I st., d. 20, l. 3. RGIA.

⁵¹ “Ministerstvo finansov. Otnoshenie Departamenta raznykh podatei i sborov Departamentu gosudarstvennogo kaznacheistva. Aprel' 1859 g.” [Ministry of Finance. Relation of the Department of Unassessed Taxes to the Department of State Treasury. April 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 219–219 ob. RGIA.

⁵² “Sekretno. Predpisanie ministra finansov predsedatelyu Sankt-Peterburgskoi kazennoi palaty ot 5 maya 1859 g.” [Secret. Order of the Minister of Finance to the chairman of the St Petersburg Treasury Chamber dated May 5, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 241–242 ob. RGIA.

newspapers, viciously directed against the tax-paying system.” The societies were created “at the insistence of landowners;” in state-owned villages they were created after “the requirements of volost and village heads; the local clergy, with their religious rites, also made a contribution.”⁵³ In addition, the official noted the “bad quality” of vodka, especially in Samara Governorate, “muddy, yellow-grayish in color, with a disgusting smell and taste.”⁵⁴ Cautious A. Sevastyanov noted only the cases of external influence on the peasants. According to him, in Totma Uyezd of Vologda Governorate, temperance societies were created “through the exhortation. . . of priests who threatened the disobedient peasants. . . refusing to go to them at Easter with icons.” As for court peasants, they joined a society “made” by an authoritative court head Popov; in Yaroslavl Governorate, the peasants “persuaded by their landowners” refused to drink; in Tver Governorate, the societies “became a consequence of a policy of maximum openness and newspaper articles,” and again, the exhortations of priests.⁵⁵

E. Korolenko was the most outspoken and prone to generalizations. In the report dated April 14, 1860, he noted that

the temperance societies have emerged as a counteraction to taxes due to the wine prices recently risen by landowners, . . . the main reason has always been an increase in prices. The moral impulse to abstain from drinking wine, one might say, was nowhere to be found, although the societies were sometimes opened by prayers and religious rites. This is proved, firstly, by the fact that the temperance societies immediately broke up when the price of wine was lowered by tax farmers; and, secondly, by the fact that they did not appear at all where wine was sold and is sold at the lowest prices. Temperance societies were formed. . . mainly by peasants’ verbal agreement not to drink wine, and they were broken up by the same peasants’ verbal decision, and sometimes even without the public

⁵³ “Donesenie statskogo sovetnika Veide ministru finansov. Iz Kostromskoi gubernii. 10 iyulya 1859 g.; Donesenie statskogo sovetnika Veide ministru finansov. Iz Saratovskoi gubernii. 6 fevralya 1860 g.; Donesenie statskogo sovetnika Veide ministru finansov. Iz Penzenskoi gubernii” [Report from State Councilor Weide to the Minister of Finance. From Kostroma Governorate. July 10, 1859; Report from State Councilor Weide to the Minister of Finance. From Saratov Governorate. February 6, 1860; Report from State Councilor Weide to the Minister of Finance. From Penza Governorate]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 351 ob.–353 ob., 525, 531 ob. RGIA.

⁵⁴ “Donesenie statskogo sovetnika Veide ministru finansov. Iz Samarskoi gubernii. 10 noyabrya 1859 g.” [Report from State Councilor Weide to the Minister of Finance. From Samara Governorate. November 10, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 490 ob.–491. RGIA.

⁵⁵ “Otchet Sevast'yanova po vsem guberniyam. 26 sentyabrya 1859 g.” [Report from Sevastyanov on all governorates. September 26, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 451–455 ob. RGIA.

permission. Except the rare cases when the conditions were specified in sermons, there is no way to know even about the time when the societies began to exist.⁵⁶

On April 4, 1859, the Minister of Internal Affairs sent the first letter to the Chief Procurator of the Synod, Count A. Tolstoy, stating complaints about the involvement of the clergy in the temperance movement. At first, the Synod investigated individual claims of officials on behalf of the Chief Procurator. By decree of the emperor, the Synod adopted a resolution related to “the desire for temperance revealed in some places” on June 10, 1859. Its content vividly demonstrates the ambiguous situation in which the clergy found themselves, from highest hierarchs to acolytes. The law required of the priests to prevent popular disturbances.⁵⁷ At the same time, many clergymen did not match the ironic characterization of the *Kolokol* at all. Propaganda of moderation and abstinence from alcohol was part of their duties, especially during Lent, which caused complaints against priests who allegedly forcibly restrained parishioners from drinking. The need to respond to denunciations resulted in some difficulties for the synodal bishops. Church leaders did not want to lead the struggle against the “crime of temperance.” The embarrassment is seen even in the official documents. On May 12, 1859, S. Urusov, who served as Chief Procurator of the Synod, reported to the members of the Synod that the tax farmers complained “about the clergy keeping their parishioners from drinking.” In the duplicate copy of the document, the word “drunkenness” was crossed out and replaced with the “drinking hot wine.”⁵⁸ The Synod hesitated, but eventually had to comply with the official concept. In the decree dated June 10, 1859, the highest church leaders, as if excusing to the secular authorities, emphatically stated:

The contribution of the parish clergy to the maintenance and strengthening of the parishioners’ determination to abstain from drinking wine, which has been revealed in some cities and villages, is fully befitting their pastoral duty.⁵⁹

⁵⁶ “Raport kollezhskogo assessora Korolenko ministru finansov” [Report from Collegiate Assessor Korolenko to the Minister of Finance]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 549–549 ob. RGIA.

⁵⁷ No 17958. – May 7. Synodic, “On the Control by the Diocese Bishops of the Clergy and Churchmen so that They Would Dissuade Peasants from Disturbances” [in Russian], in *Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649. Collection I (PSZ-I)*, vol. 24, *From November 6, 1796, to 1798* (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830), 606–608; No 19479. – July 9. Synodic, “On the Confirmation with Signature by All Clergymen and Churchmen so that They Do Not Interfere in the Peasants’ Disturbances” [in Russian], in *PSZ-I*, vol. 26, *1800–1801*, 226–27.

⁵⁸ “Predlozhenie za ober-prokurora Urusova Sv. Sinodu. 12 maya 1859 g.” [Proposal for Chief Procurator Urusov to the Synod. May 12, 1859]. F. 797, op. 29, 2 otd. I st., d. 20, l. 7. RGIA.

⁵⁹ “Opredelenie Sv. Sinoda. 10 iyulya 1859 g.” [Decree of the Synod. July 10, 1859]. F. 59, op. 140, d. 560, l. 32. RGIA.

The priests “have an indispensable duty to care” about the eradication of “sinful habits,” to preach in churches and to prove the benefits of temperance “by a vivid example of their own life.”⁶⁰ At the same time, the Synod forbade the clergy to apply the measures that “do not make a part of their pastoral duties. . . and are not based on positive resolutions” in the struggle for temperance. The circular letter did not specify the essence of those measures. Heads of the three dioceses were ordered to investigate all complaints received.⁶¹

The investigation revealed the inconsistency of most of the denunciations. As expected, the clergy were not the initiators and leaders of the temperance movement. According to the bitter expression of Herzen’s *Kolokol*, the point of the matter was that “the tavern rose to the rank of a church and a palace” in Russia at that moment, and insulting the tavern became “an insult to his majesty. The theft of wine is not just a theft, but a felony.”⁶² In such atmosphere, the sermons on abstinence and the habit of believers to affirm an important decision with a prayer service in the church turned out to be almost seditious. Parishioners began to respond to sermons on moderation with fervor and inspiration, although they used to accept them calmly. Having met grateful listeners, some priests became too active in preaching in an unsuitable environment for the authorities. Like the Catholic priests, they tried to take advantage of the temperance movement to strengthen their own authority among the people. In such cases, at the request of parishioners, the priest usually held a prayer service to consecrate their vow not to drink “hot wine.” Quite often, peasants or petit bourgeoisie, who did not trust their pastors, often agreed on their own not to drink vodka. Later, they either informed the clergy of their intention and demanded to hold a service and arrange an oath on this occasion, or they deceived them and found another reason for public prayer. It was not the clergy who encouraged parishioners to take the oath confirming their decision not to drink alcohol and to impose penalties on those who disobeyed. On the contrary, public opinion involved the clergy in spreading temperance, holding public prayer services, blessing obligations not to drink wine, and even authorizing decisions on punishments for violators.

Representatives of the secular authorities often saw for themselves that the Orthodox clergy did not inspire the temperance movement. In April, 1859, the Minister of Internal Affairs reported to the Chief Procurator of the Synod that in many villages of Tula Governorate the priests were invited “to hold services to consecrate the accepted temperance promise,” and in Tarusa Uyezd of Kaluga

⁶⁰ Opređenje Sv. Sinoda. 10 iyulya 1859 g.” [Decree of the Synod. July 10, 1859]. F. 59, op. 140, d. 560, ll. 32–33 ob. RGIA.

⁶¹ Ibid., ll. 33 ob.–35.

⁶² “Blend” [in Russian], in *Kolokol*, iss. 3 (1860): 566.

Governorate “the peasants of some villages refused to drink wine after the service.”⁶³ At the same time, a police chief from Smolensk Governorate reported that more than 2,000 peasants of Countess Ribopierre were convinced by the priests, “agreed not to drink wine and subjected violators to corporal punishment and monetary fines.”⁶⁴ Soon the same police chief added that the peasants had made that decision without outside interference, with “respect for order and deanery,”⁶⁵ and the clergy had not given any reason for the temperance vow. Inspector E. Korolenko discovered no priests’ initiative in organizing temperance societies in Tula, Kaluga and Smolensk Governorates.⁶⁶ Lentovsky, an archpriest of Krasnoslobodsk, Penza Governorate, knew about “the vow of local residents not to drink alcohol,” and on March 16, 1859, he held a solemn prayer service on that occasion in the market square, “consecrated the water” and sprinkled it on the audience. It was the prayer service “prescribed by the church to be held at the beginning of every good deed.” He usually held it, for example, at the beginning of work in the field. As the archpriest explained, he was motivated “not by selfish interests and malicious intent, but actually by zeal for piety and purity of morals.”⁶⁷

According to an explanation given by archpriest I. Karelin, in March 1859, the parishioners of the town of Nikopol in Yekaterinoslav Governorate (several thousand “free sailors” and state peasants) informed him of their decision “never to drink vodka, wine and other alcoholic drinks.” On Palm Sunday April 5 after the liturgy, the archpriest declared the public decision “publicly and for. . . the great grace of God” and held prayer service in the church.⁶⁸ The Synod had nothing to reproach him with.

⁶³ “Otnoshenie ministra vnutrennikh del ober-prokuroru Sv. Sinoda. 4 aprelya 1859 g.” [Relation from the Minister of Internal Affairs to the Chief Procurator of the Synod. April 4, 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 2–2 ob. RGIA.

⁶⁴ “Donesenie nachal'nika Smolenskoï gubernii ministru finansov. 18 aprelya 1859 g.” [Report from the head of Smolensk Governorate to the Minister of Finance. April 18, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 214. RGIA.

⁶⁵ “Donesenie nachal'nika Smolenskoï gubernii ministru vnutrennikh del. 19 maya 1859 g.” [Report from the head of Smolensk Governorate to the Minister of Internal Affairs. May 19, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 278. RGIA.

⁶⁶ “Raport Korolenko ministru finansov. 14 aprelya 1860 g.” [Report from Korolenko to the Minister of Finance. April 14, 1860]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 549–552. RGIA.

⁶⁷ “Raport Varlaama, episkopa Penzenskogo, Sv. Pr. Sinodu. 19 sentyabrya 1859 g.” [Report from Varlaam, Bishop of Penza, to the Synod. September 19, 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 44–45. RGIA.

⁶⁸ “Raport sekretarya Ekaterinoslavskoi dukhovnoi konsistorii ober-prokuroru Sv. Sinoda A.P. Tolstomu” [Report by the Secretary of the Ekaterinoslav Spiritual Consistory to the Chief Procurator of the Synod, A.P. Tolstoy]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 26–26 ob. RGIA.

Kostroma bishop Platon conducted a thorough investigation on the request of the Synod and on the complaints of tax collectors. Two clergy inspectors went in each of the three most oppositional uyezds (Chukhloma, Galich and Soligalich uyezds). They were ordered

to learn about the parishes' opinion in relation to drinking beverages under taxation and if there are so-called temperance societies in any parish,⁶⁹

to identify them, to study their origin, the contribution of the clergy and its nature. The inspectors studied the actions of more than a dozen clergymen, including Buy Uyezd. By the end of 1859, the inspectors had not found any temperance societies, but they had noted that in the spring of 1859, the peasants “began to refrain from drinking vodka, and in some places they refused altogether.” As for the motives for temperance, the inspectors mentioned “information in the newspapers about the creation of temperance societies in different parts of Russia,” the example of neighbors, “the high cost of vodka and its very bad quality,” “the harmful consequences of drunkenness,” “the instructions of landowners,” and “mainly pastoral exhortations of priests who, without any force, both by their own example and by the word of religious teaching (in the homes on request and at other times), encouraged their parishioners to abstain from vodka”; and they performed “a good deed,” “especially in the church . . . following the custom of the Synod.”⁷⁰

In the Saratov diocese, the investigation was conducted by one of the deans. It turned out that on February 8, 1859, a service was held in the square in the town of Balashov, Saratov Governorate, at the request of the elder of petty bourgeoisie. It was told to priest V. Smirnov that the election of tax collectors held the day before was the reason. The priest allowed the believers to take out the icon of the Mother of God from the church. Without his knowledge, the elder and his assistants added banners to the icon and organized a bell ringing. The priest did not know anything about the vow not to drink vodka.⁷¹

Both the clerics and secular inspectors emphasized mainly socio-economic nature of the desire for temperance. The parishioners refused “to drink beverages under taxation,” urged “not to buy the taxed wine and not to drink anything other than grape

⁶⁹ “Donesenie Platona, episkopa Kostromskogo, Sv. Sinodu. 30 dekabrya 1859 g.” [Report from Platon, Bishop of Kostroma, to the Synod. December 30, 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 58. RGIA.

⁷⁰ Ibid., ll. 58–74.

⁷¹ “Raport Ioannikiya, episkopa Saratovskogo, v Sv. Sinod. 17 dekabrya 1859 g.” [Report from Ioannikii, Bishop of Saratov, to the Synod. December 17, 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 49–51. RGIA.

wine and beer prepared in their homes.”⁷² They asked to hold a prayer service, so that they would not drink plain wine until prices were reduced, “until such wine would be sold for 3 silver rubles.”⁷³ In April 1859, they vowed not to drink until 1860.⁷⁴

As a result of the investigation, the white clergy received another order from the Synod to avoid actions that “looked like a solemn promise or oath.” In fact, that meant prohibiting the use of the church authority to encourage the desire for temperance. Severe punitive measures against those priests who actively contributed to the fight against drunkenness seemed indecent, and they got off with mild penalties for their ill-timed zeal. Krasnoslobodsk archpriest Lentovsky, who was distinguished by “exemplary zeal and piety,” received “a reprimand for holding a service without the permission of the diocesan authorities.”⁷⁵ Priest V. Smirnov allowed “the ringing of bells and the removal of banners” in Balashov. “The service seemed like a procession that could only be performed after the permission of the authorities.” The priest was reprimanded for “imprudence” “without entering the reprimand into his service record.”⁷⁶ All the clergy of the Kostroma diocese got off with a reprimand from the bishop. Only N. Sobolev, priest of Mirokhanovo village in Chukhlomsky Uyezd, was more seriously punished: according to him, he bought alcohol “in a city alcoholic beverages shop” during Lent at the request of “his sick parishioner” and in the presence of a tax farmer forbade a peasant from a neighboring parish to buy wine. Thus, according to the Synod, Sobolev “was suspected of illegal actions.” His behavior was approved, but he was summoned to the bishop’s house for a time that “would be considered sufficient for his trial.”⁷⁷

⁷² “Kopiya prosheniya upravlyayushchego Chukhlomskim piteinyim otkupom M.A. Kozhevnikova kostromskim voennomu i grazhdanskomu gubernatoram. Aprel' 1859 g.” [Copy of the petition from M.A. Kozhevnikov, manager of the Chukhloma tax-paying district, to the military and civil governors of Kostroma. April 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 7–8 ob. RGIA.

⁷³ “Proshenie balashovskogo 3-i gil'dii kuptsa L.G. Ogurtsova Ioannikiyu, episkopu Saratovskomu. Iyun' 1859 g.” [Petition from L.G. Ogurtsov, Balashov 3rd guild merchant, to Ioannikii, Bishop of Saratov. June 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 29. RGIA.

⁷⁴ “Kopiya prosheniya oboim kostromskim gubernatoram ot upravlyayushchego Soligalitskim aktsiznym komissariatstvom A.T. Koteneva. Aprel' 1859 g.” [Copy of a petition to both Kostroma governors from A.T. Kotenev, manager of the Soligalich Excise Commissariat. April 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 11–12. RGIA.

⁷⁵ “Vypiska iz opredeleniya Sv. Sinoda. 2 noyabrya 1859 g.” [Extract from the resolution of the Synod. November 2, 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 47–47 ob. RGIA.

⁷⁶ “Vypiska iz opredeleniya Sv. Sinoda. 3 marta / 7 iyunya 1860 g.” [Extract from the resolution of the Synod. March 3 / June 7, 1860]. F. 797, op. 29, otd. 1, II st., d. 20, ll. 35–37 ob. RGIA.

⁷⁷ “Vypiska iz opredeleniya Sv. Sinoda. 3 marta / 15 iyunya 1860 g.” [Extract from the resolution of the Synod. March 3 / June 15, 1860]. F. 797, op. 29, otd. 1, II st., d. 20, ll. 47–49 ob. RGIA.

There was no information about the involvement of churchmen in the destruction of drinking houses in the Volga region. It was an important argument confirming that the Orthodox clergy did not inspire the temperance movement. Only in the town of Troitsk, Penza Governorate, deacon S. Rozhdestvensky, sexton M. Timofeev and sexton A. Ivanov appeared on May 29, 1859, as onlookers “in front of a crowd of raging peasants and thereby were suspected of participating in the riots they caused.” As a result, the deacon was sent to penance in a monastery for two months, and the sextons were sent there for a month.⁷⁸

The Synod’s orders called on the clergy to spread temperance only through sermons and personal example, which provoked an unexpected reaction. Not all priests understood that they were implicitly called to distance from temperance movement. Some of them, accustomed to discipline, took the circulars of the church authorities as a signal for the beginning of temperance teachings. The peasants also knew about the order received from the church authorities. At the beginning of 1860, complaints against the clergy appeared again, especially from Kiev Governorate and Kherson Governorate. The Minister of Finance was irritated by the new denunciations and directly accused the priests of causing damage to the treasury. The minister suggested that the Synod should instruct all clergy to call their parishioners

to abstain from drunkenness or from excessive addiction to hot drinks but did not prohibit them from moderate consumption of wine, which is necessary for the health of the working people.⁷⁹

The Synod was ashamed to order the clergy to promote drinking houses, but all complaints were again checked. The church inspectors confirmed that none of the priests declared the Synod’s decision in the churches. Many of them clearly understood the essence of the claims of the authorities and assured the inspectors that they were talking about the dangers of excessive use of vodka, but convinced the parishioners that “after work, it brings good, but only in small quantities.” Others explained that they advised parishioners not to get drunk in the tavern but “to use hot

⁷⁸ “Raport sekretarya Penzenskoi dukhovnoi konsistorii i. d. ober-prokurora Sv. Sinoda S.N. Urusovu. 30 iyunya 1859 g.; Raport sekretarya Penzenskoi dukhovnoi konsistorii ober-prokuroru Sv. Sinoda A.P. Tolstomu. 4 dekabrya 1859 g.; Raport sekretarya Penzenskoi dukhovnoi konsistorii ober-prokuroru Sv. Sinoda. 25 dekabrya 1859 g.” [Report from the Secretary of the Penza Spiritual Consistory to Chief Procurator of the Synod S.N. Urusov. June 30, 1859; Report of the Secretary of the Penza Spiritual Consistory to Chief Procurator of the Synod A.P. Tolstoy. December 4, 1859; Report of the Secretary of the Penza Spiritual Consistory to Chief Procurator of the Synod. December 25, 1859]. F. 797, op. 29, 2 otd. I st., d. 189, ll. 1–2, 5–6 ob., 7–7 ob. RGIA.

⁷⁹ “Otnoshenie ministra finansov ober-prokuroru Sv. Sinoda. 29 yanvarya 1860 g.” [Letter from the Minister of Finance to the Chief Procurator of the Synod. January 29, 1860]. F. 797, op. 29, otd. 1, II st., d. 20, l. 24 ob. RGIA.

wine in moderation and in their homes.”⁸⁰ Parishioners were also aware that they should speak up when they wanted to protect their priests. They sincerely reported that the priest urged them “not to go from church to tavern but to go home,” that “he did not forbid to drink” and advised “not to get drunk on vodka, but to drink moderately.”⁸¹ The inspectors also drew attention to the peculiarities of the temperance movement in Malorossia and Novorossiia. For example, the peasants of the village of Petrushki, Kanev uyezd, after listening to the teachings of the priest E. Levitsky about the temperance “on the occasion of a decrease in bread because of crop failure or hail, stopped drinking as much vodka as they used to drink, and some even stopped drinking it at all.”⁸² The priests also noted that the struggle against the tax-farming system could acquire some anti-Semitic orientation. For example, the peasants of the village of Shabelniki, Chigirin Uyezd, after listening to the teachings of a priest and

being very angry with the Jewish tax farmers for various insults and oppressions, were happy to answer that they not only wanted to refrain from excessive drinking of vodka and also agreed not to drink it at all.⁸³

The “insults” consisted in the short measure and dilution of vodka.

Some individual priests acted decisively, much like their Catholic colleagues. On December 6, 1859, A. Voynarsky, priest of the village of Shenderovka, Berdichev Uyezd, Kiev Governorate, was alarmed by noise in a tavern located near his house and church. Two hours after the liturgy, he went there with a sexton and ordered to seal one of the wine barrels.⁸⁴ On Sunday July 19, 1859, by order of D. Kalnev, priest of the Kherson village of Arbuzniki (near the Kherson military settlements), two drinking houses were locked up 10 minutes before the annunciation for the liturgy. The complaints of tax farmers were investigated by the Ministry of State Property and church inspectors. The minister noted that the tax collector had no right to oppose the clergy’s struggle for temperance and reminded that “the law prohibited the sale of hot drinks before the end of the liturgy” and that it was the police who should

⁸⁰ “Raport Arseniya, mitropolita Kievskogo, Sv. Sinodu. 30 iyunya 1861 g.” [Report from Metropolitan of Kiev Arsenii to the Synod. June 30, 1861]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 123 ob., 141–141 ob. RGIA.

⁸¹ Ibid., l. 124.

⁸² Ibid., l. 127–127 ob.

⁸³ Ibid., l. 125–125 ob.

⁸⁴ “Raport Dimitriya, arkhiepiskopa Khersonskogo, Sv. Sinodu. 23 avgusta 1860 g.” [Report from Archbishop of Kherson Dimitry to the Synod. August 23, 1860]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 114 ob.–116. RGIA.

monitor that. The priest was told that “in such cases, he was obliged to address the local village authorities” who “monitored the wine trade.”⁸⁵

The investigation of complaints against the clergy was conducted in 7 uyezds of Kiev Governorate and in one uyezd of Kherson Governorate. Most of the accusations of priests in forcible spread of temperance were groundless, and this was confirmed by landowners and their managers. 14 Kiev priests were released from punishment, some of them listened to suggestions in the church boards. N. Uspensky, priest of the town of Chernobyl, which became notorious at the end of the 20th century, was among those released from penalty. He was accused of shaving a peasant’s head “for refusing to stop drinking wine.” It turned out that the local blacksmith, “who was drunken, offended the priest,” for which “the hair on his head was cut off.” The blacksmith did not complain; moreover he died. The priest’s self-will did not attract the attention of his superiors.⁸⁶ The priest who had sealed a barrel of wine “was sent to the monastery administration for a month” “for the action indecent for his status” that interfered with the wine trade; a request was sent to the Kiev Governorate government to move the drinking house to a “legal distance” from the church.⁸⁷ Kherson priest D. Kalnev, who closed two drinking houses for the duration of the liturgy, “was given a proper admonition.” The head of the Kherson settlement filed a complaint to the vicar about the actions of the priests of Varvarovka and Bokovoe villages, I. Polyansky and K. Kryzhanovsky, who “urged the villagers not to drink wine at all, and. . . Polyansky obliged the parishioners with oaths and a fine.” As a result of the investigation, they were “instructed to act only by persuasion.” The case was transferred to the zemstvo court, which did not confirm the denunciation against K. Kryzhanovsky. The priest was released from the trial.⁸⁸ Apparently, the Synod and the bishop considered “admonition” to be sufficient punishment for them.

Conclusion

Thus, the investigation conducted by the Ministry of Finance, the Ministry of Internal Affairs, and the Synod revealed that neither the Orthodox nor Catholic clergy inspired and organized the temperance movement. A protest against the tax-farming system and the drunkenness provoked by it arose among the popular circles. The Catholic clergy of Lithuania and Western Belarus hastened to use the temperance

⁸⁵ “Raport Arseniya, mitropolita Kievskogo, Sv. Sinodu. 30 iyunya 1861 g.” [Report from Metropolitan of Kiev Arsenii to the Synod. June 30, 1861]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 128. RGIA.

⁸⁶ “Raport Arseniya, mitropolita Kievskogo, Sv. Sinodu. 30 iyunya 1861 g.” [Report from Metropolitan of Kiev Arsenii to the Synod. June 30, 1861]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 127. RGIA.

⁸⁷ *Ibid.*, l. 128–128 ob.

⁸⁸ “Raport Dimitriya, arkhiepiskopa Khersonskogo, Sv. Sinodu. 23 avgusta 1860 g.” [Report from Archbishop of Kherson Dimitry to the Synod. August 23, 1860]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 114–117 ob. RGIA.

movement in their class, religious, and national interests, and they succeeded due to the support of many local administrators, Catholics by religion. Individual Orthodox priests also sought to strengthen their influence and popularity. A considerable part of the Orthodox clergy could not resist the rush of their believers, and they were involved in the anti-alcohol movement by parishioners. The leaders of the Orthodox Church, who declared themselves guardians of morality, were forced to take a shameful ambiguous position. Under the pressure of the secular authorities, they had to join the struggle against the reduction of treasury revenues and in its interests approve “moderate use of hot wine.” The Synod felt awkward but found it necessary to organize an investigation into the temperance activities of the clergy, during which the priests had to justify their temperance sermons. The church authorities sought to demonstrate the loyalty of their subordinates to the official Petersburg and to prove their non-involvement in mass temperance campaign. The Synod managed to isolate the clergy from the mass popular temperance movement. However, the moral norms of Christianity and the interests of the state treasury diverged. That situation turned out to be extremely unpleasant and confusing, both for the ordinary Orthodox clergy and for the church authorities and did not contribute to the growth of their authority. It is known that the temperance movement of 1858–60 to have accelerated the abolition of the wine tax farming system in Russia.

Список литературы

Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: ТУСУР, 2007. 196 с.

Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII–XIX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13 / под редакцией Л.И. Бородкина. Москва: Издательство МГУ, 2007. URL: <https://clck.ru/3RsvVR> (дата обращения: 02.06.2024).

История Белорусской ССР / под редакцией Л.С. Абецдарского и др.: в 2 т. Т. 1. Минск: Издательство АН БССР, 1961. 655 с.

Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. Москва: АСТ, ЛЮКС, 2005. 382 с.

Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. 1859–1862 гг. Москва: Высшая школа. 1961. 260 с.

Лизунов П.В. Питейный откуп в России и его отмена // Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / составитель А.И. Раздорский. Санкт-Петербург; Москва: Старая Басманная, 2021. С. 238–249.

Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003.

Окунь С.Б. Предисловие // Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг.: сборник документов / под редакцией С.Б. Окуня, К.В. Сивкова. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1963. С. 5–37.

Похлебкин В.В. История водки. Москва: Центрполиграф, 2009. 268 с.

Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость. Страницы истории. Минск: Наука и техника, 1988. 165 с.

Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Санкт-Петербург; Москва: Молодые силы, 1914. 282 с.

Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. Москва: Наука, 1990. 300 с.

Такала И.Р. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2002. 336 с.

Таутавичюс А., Юргинис Ю. и др. История Литовской ССР (С древнейших времен до наших дней). Вильнюс: Мокслас, 1978. 676 с.

Федоров В.А. Крестьянское трезвенное движение // Революционная ситуация в России в 1858–1860 гг. / под редакцией М.В. Нечкиной и др. Москва: АН СССР, 1962. С. 107–126.

Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). Москва: Русская панорама, 2003. 479 с.

Christian D. “Living water”: Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. Oxford: Clarendon Press, 2001. 447 p.

Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. 507 p.

Pipes R. Russia under the Old Regime. New York: Scribner's sons, 1974. 361 p.

Treml V.G. Alcohol in the USSR: A Statistical Study. Durham, NC: Duke University Press in Cooperation with the Center of Alcohol Studies, Rutgers University, 1982. 103 p.

White S. Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996. 250 p.

References

Afanas'ev, A.L. *Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiya. 1907–1914 gody: opyt ozdorovleniya obshchestva* [Temperance movement in Russia during the period of peaceful development. 1907–1914: The experience of health improvement in society]. Tomsk: TUSUR, 2007. (In Russian)

Christian D. “Living Water”: *Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation*. Oxford: Clarendon Press, 2001.

Fedorov, V.A. “Krest'yanskoe trezvennoe dvizhenie” [Peasant temperance movement]. In *Revolutsionnaya situatsiya v Rossii v 1858–1860 gg.* [Revolutionary situation in Russia in 1858–1860], edited by M.V. Nechkina et al., 107–26. Moscow: AN SSSR, 1962. (In Russian)

Fedorov, V.A. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period (1700–1917)* [Russian Orthodox Church and the state. The Synodal period (1700–1917)]. Moscow: Russkaya panorama, 2003. (In Russian)

Freeze, G.L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983.

Gavlin, M.L. “Vopros o vinnyh otkupah v istorii zakonodatel'stva Rossijskoj imperii. XVIII–XIX vv.” [The issue of wine tax farming in the history of legislation of the Russian Empire.

18th – 19th centuries]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie* [Economic history. Review], iss. 13, edited by L.I. Borodkin. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2007. Accessed June 2, 2024. <https://clck.ru/3RsvVR> (In Russian)

Istoriya Belorusskoi SSR [The history of the Byelorussian SSR], 2 vols. Vol. 1, edited by L.S. Abetsedarskii et al. Minsk: Izdatel'stvo AN BSSR, 1961. (In Russian)

Kuruin, I.V., and E.A. Nikulina. “*Gosudarevo kabatskoe delo*”: *ocherki piteinoi politiki i traditsii v Rossii* [“The Tsar’s Tavern Business”: Essays on drinking policy and traditions in Russia]. Moscow: AST, LYUKS, 2005. (In Russian)

Lazutka, S.A. *Revolutsionnaya situatsiya v Litve. 1859–1862 gg.* [Revolutionary situation in Lithuania. 1859–1862]. Moscow: Vysshaya shkola, 1961. (In Russian)

Lizunov, P.V. “Piteinyi otkup v Rossii i ego otmena” [Alcohol tax in Russia and its abolition]. In *Piteinoe delo i trezvenicheskoe dvizhenie v Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 28–30 iyunya 2021 g.)* [The tavern business and the temperance movement in Russia from ancient times to the present day: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, June 28–30, 2021)], compiled by A.I. Razdorskii, 238–49. St Petersburg; Moscow: Staraya Basmannaya, 2021. (In Russian)

Mironov, B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the imperial period (18th – early 20th centuries): The genesis of personality, democratic family, civil society, and the rule-of-law state], 2 vols. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. (In Russian)

Okun', S.B. “Predislovie” [Preface]. In *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1857 – mae 1861 gg.: sbornik dokumentov* [The peasant movement in Russia in 1857–May 1861: A collection of documents], edited by S.B. Okun', and K.V. Sivkov, 5–37. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1963. (In Russian)

Pipes, R. *Russia under the Old Regime*. New York: Scribner's sons, 1974.

Pokhlebkina, V.V. *Istoriya vodki* [The history of vodka]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2009. (In Russian)

Prot'ko, T.S. *V bor'be za trezvast'. Stranitsy istorii* [In the struggle for temperance. Pages of history]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1988. (In Russian)

Pryzhov, I.G. *Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda* [The history of taverns in Russia in connection with the history of the Russian people]. St Petersburg; Moscow: Molodye sily, 1914. (In Russian)

Rakhmatullin, M.A. *Krest'yanskoe dvizhenie v velikorusskikh guberniyakh v 1826–1857 gg.* [The peasant movement in the Great Russian governorates in 1826–1857]. Moscow: Nauka, 1990. (In Russian)

Takala, I.R. *Veseliye Rusi. Istoriya alkogol'noi problemy v Rossii* [The joy of Russia. History of alcohol issue in Russia]. St Petersburg: Zhurnal “Neva”, 2002. (In Russian)

Tautavichyus, A., Yu. Yurginis, et al. *Istoriya Litovskoi SSR (S drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [The history of the Lithuanian SSR (From ancient times to the present day)]. Vilnius: Mokslas, 1978. (In Russian)

Treml, V.G. *Alcohol in the USSR: A Statistical Study*. Durham, NC: Duke University Press in Cooperation with the Center of Alcohol Studies, Rutgers University, 1982.

White, S. *Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996.

Информация об авторах

Татьяна Георгиевна Фруменкова – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.), почетный доцент РГПУ им. А.И. Герцена; <https://orcid.org/0000-0002-6708-8233>, frumentat@yandex.ru, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (д. 48, наб. реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия).

Людмила Геннадьевна Рогушина – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, <https://orcid.org/0000-0002-1552-4849>; lrogushina@yandex.ru, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (д. 48, наб. реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the authors

Tatiana G. Frumenkova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History (19–21st centuries), Honorary Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6708-8233>, frumentat@yandex.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Lyudmila G. Rogushina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History (19–21st centuries) of Herzen State Pedagogical University of Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1552-4849>, lrogushina@yandex.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов

Определение цели и задач исследования на основе изучения научной литературы и исторических источников, обобщение результатов анализа литературы и источников, написание основной части текста – Т.Г. Фруменкова (доля вклада автора – 2/3).

Определение корпуса источников и научной литературы, первичная обработка источников, написание части текста – Л.Г. Рогушина (доля вклада автора – 1/3).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contribution Statement

Definition of the purpose and objectives of research based on the study of scientific literature and historical sources, generalization of the results of the analysis of literature and sources, writing of the main part of the text by T.G. Frumenkova (the share of the author's contribution is 2/3).

Definition of the corpus of sources and scientific literature, primary processing of sources, writing of part of the text by L.G. Rogushina (the share of the author's contribution is 1/3).

The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 31.01.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 12.08.2025.

The article was submitted 31.01.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 12.08.2025.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 434–470.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 2 (2026): 434–70.

Научная статья

УДК 396.5

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-2>

<https://elibrary.ru/yrxwam>

Купчихи-старообрядки: женская общественная деятельность в Казанской губернии в середине XIX – начале XX в.

Анастасия Юрьевна Федотова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия,

stasi7886@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>

Anastasiya Yu. Fedotova

Kazan Federal University,
Kazan, Russia,

stasi7886@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>

Аннотация. Женщина в старообрядчестве всегда занимала значительное место, особенно в сравнении с остальной частью православного социума. При этом ее деятельность не выходила за рамки своей конфессиональной группы, которая применительно к старообрядчеству приравнивалась к приватной сфере в целом. Однако под влиянием индустриальных тенденций в российском обществе в середине – второй половине XIX в. и в связи с распространением идей феминизма произошел выход жен купцов-старообрядцев во внеконфессиональное (публичное) пространство. Статья посвящена анализу форм и направлений общественной деятельности купчих-старообрядок в социально-экономической жизни Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. В изучаемой среде жены изначально выступали помощницами своих мужей в деле предпринимательства и благотворительности. На основе имеющихся источников видно, что со временем они стали равноправными и самостоятельными акторами. Хотя участие в частной и организованной благотворительности было более распространенной формой, нежели предпринимательство, женщины старообрядческого купеческого сообщества Казани и Казанской губернии были представлены почти в равной степени в каждой из них. Купчихи-старообрядки занимались не только торговлей разнообразными товарами (галантерея, мука, бакалея, железо, медные и железоскобяные товары), но и производством и переработкой сырья (кондитерское и мучное, нефтеперегонное и нефтеперерабатывающее производство), являлись судовладелицами. В области благотворительности изначально старообрядки работали в уже существовавших или создаваемых в Казани и Казанской губернии обществах, становясь попечительницами, почетными и рядовыми членами. Такая работа позволяла применять опыт, ранее полученный

© Федотова А.Ю., 2026

© Fedotova A., 2026

купчихами-старообрядками в рамках своего конфессионального сообщества. Возможность создавать собственные благотворительные общества у старообрядцев появилась в начале XX в. В Казанской губернии первыми ею воспользовались именно женщины, начав создавать как сугубо старообрядческие организации для женщин, так и внеконфессиональные – для представителей всех сословий и гендерных групп. В статье делается вывод, что вольно или невольно жены купцов-старообрядцев, так же, как и представительницы других сословий Казанской губернии, во второй половине XIX – начале XX в. оказались вовлечены в женскую общественную деятельность.

Ключевые слова: Казанская губерния, вторая половина XIX – начало XX в., купцы-старообрядцы, женщины-старообрядки, жены купцов, женская общественная деятельность, женское предпринимательство, купчихи, женская благотворительность, «новые женщины», женское движение, женская история

Для цитирования: Федотова А.Ю. Купчихи-старообрядки: женская общественная деятельность в Казанской губернии в середине XIX – начале XX в. // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2026. Т. 10, № 2. С. 434–470, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-2>; EDN: YRXWAM

Old Believer Merchant Women: Women's Social Activism in Kazan Governorate in the Mid-19th – Early 20th Century

Abstract. Women have always occupied a significant place in Old Belief, especially compared to the rest of the Orthodox society. At the same time, their activities did not extend beyond their confessional group, which, in the case of Old Belief, was associated with the private sphere as a whole. However, under the influence of industrial trends in Russian society in the middle and second half of the 19th century and the spread of feminist ideas, the wives of Old Believer merchants entered the extra-confessional (public) space. This article analyses the forms and directions of social activity of Old Believer merchants' wives in the socio-economic life of Kazan Governorate in the second half of the 19th – early 20th centuries. Initially, merchants' wives acted as their husbands' assistants in entrepreneurship and charity. Available sources show that over time they became equal and independent actors. Although participation in private and organized charity was more common than entrepreneurship, women belonging to the Old Believer merchant community of Kazan and Kazan Governorate were represented almost equally in each of these spheres. Old Believer merchant women were engaged not only in the trade of various goods (haberdashery, flour, groceries, iron, copper, and ironware) but also in the production and processing of raw materials (confectionery and flour production, oil refining, and petroleum processing), and they were ship-owners. In the field of charity, Old Believer women initially worked within already existing or newly established societies in Kazan and Kazan Governorate, becoming trustees, as well as honorary and ordinary members of various organizations. Such work allowed them to apply the experience previously gained within their confessional community. The opportunity for Old Believers to create their own charitable societies appeared in the early 20th century. In Kazan Governorate, it was women who first took advantage of that, establishing both purely Old Believer organizations for women and non-denominational ones for representatives of all estates and gender groups. The article concludes that whether willingly or not, like representatives of other estates in Kazan Governorate, the wives of Old Believer merchants became widely involved in women's social activity in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Keywords: Kazan Governorate, second half of the 19th – early 20th century, Old Believer merchants, Old Believer women, merchants' wives, women's social activism, women's business, merchants, women's charity, "new women," women's movement, women's history

For citation: Fedotova, A.Yu. "Old Believer Merchant Women: Women's Social Activity in Kazan Governorate in the Mid-19th – Early 20th Century." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 2 (2026): 434–70, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-2>; EDN: YRXWAM

Введение

Как отмечают М. Джоффе и А. Линденмейер, одной из самых незаметных социальных групп в России XIX в. были женщины из купеческого сословия¹. Этот же тезис можно считать верным и применительно к женам купцов-старообрядцев.

Женщине в старообрядчестве принадлежало внутреннее приватное пространство жизненного уклада (семейный хозяйственный быт), в то время как мужчине – внешнее публичное, заключающееся в профессиональной трудовой и общественной деятельности.

При этом сама семья в жизни старообрядцев существенно превосходила рамки хозяйственно-бытовых функций. По значимости для сохранения старообрядческой религиозно-культурной традиции И.В. Куприянова сравнивает ее с общиной. Происходило отождествление понятий «семья – религиозная община»². Таким образом, приватную сферу для женщин у старообрядцев можно приравнять ко всему религиозному сообществу в целом.

Вследствие этого при анализе деятельности старообрядок использовалась методология частной и общественной / публичной сфер, описанная Юргеном Хабермасом и Ханной Арендт³, а также введенное А.Ю. Федотовой понятие «женская общественная деятельность»⁴.

¹ Джоффе М., Линденмейер А. Дочери, жены и партнеры московской деловой элиты / перевод с английского Ю.А. Петрова, Е.Н. Савиновой // Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии / под редакцией Дж. Уэста, Ю.А. Петрова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 147.

² Куприянова И.В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 326, 327. EDN: REFWFL

³ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: The MIT Press, 1989. P. 27–73; Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / перевод с немецкого и английского В.В. Библихина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. С. 65–67.

⁴ Федотова А.Ю. Женская общественная деятельность: терминология и методология изучения женского движения в России во второй половине XIX – начале XX вв. // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2024. Т. 8, № 1. С. 177–208. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>, EDN: WKKCOQ

Основу настоящей работы составили архивные источники, периодические издания, исследования по истории старообрядчества, купечества⁵, женского движения в России⁶, связанные с темой статьи. Современные авторы, изучающие старообрядчество, концентрируют свои работы вокруг таких тем, как старообрядческая семья и положение женщины в старообрядческом сообществе. С одной стороны, ученые характеризуют старообрядческую семью как патриархальную, расширяя ее границы до религиозной общины в целом, с другой стороны, – отмечают, что под влиянием модернизационных процессов XIX – начала XX в. внутри семьи произошли существенные изменения, ориентиром для которых стала западная модель жизненного уклада, при которой власть и авторитет в семье начали распределяться между мужем и женой в равных долях⁷. Вопрос о высоком статусе женщины в старообрядческом сообществе в современной историографии является дискуссионным, в то же время историки очерчивают определенный круг функций в религиозной и общественной жизни, которые выполняли старообрядки, что делало их положение отличным от положения представительниц слабого пола в синодальной православной церкви⁸.

⁵ *Девятых Л.И.* Из истории казанского купечества: тысячелетию Казани посвящается... Казань: Титул-Казань, 2005. EDN: QPANEB; *Джозффе М., Линденмейер А.* Дочери, жены и партнеры московской деловой элиты. С. 147–165; *Маслова И.В.* Культура семейных традиций уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 121–126. EDN: MNRSXC; *Свердлова Л.М.* Купечество Казани: дела и люди. Казань: Матбугат йорты, 1998; *Ульянова Г.* Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2021.

⁶ *Федотова А.Ю.* Женская общественная деятельность; *Юкина И.И.* «Новые женщины»: мотивы участия в женском движении // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / составитель Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 118–126; *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. EDN: QPGUWZ

⁷ *Куприянова И.В.* Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта. С. 326–330; *Хирьянова Л.В.* Традиционные основы семьи как главный фактор формирования идентичности старообрядчества в эпоху модернизации // Аналитика культурологии. 2009. № 1 (13). С. 173–178. EDN: QZBGPV

⁸ *Керов В.В.* Место женщины в старообрядческом сообществе и предпринимательстве // Женщина в старообрядчестве: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители / составители А.М. Пашков, А.В. Пигин, И.Н. Ружинская. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2006. С. 14–23; *Керов В.В.* Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 60–69. EDN: UYJSNZ; *Керов В.В.* Конфессиональные факторы особого статуса женщины в старообрядчестве // Вестник Тверского государственного университета. Серия:

Исследователи старообрядчества Казани и Казанской губернии рассматривают женщин в общем контексте жизнедеятельности данного сообщества в XIX – начале XX в., не анализируя их как отдельных субъектов социально-экономической сферы данного региона⁹.

Таким образом, *самостоятельная* (курсив наш. – А. Ф.) деятельность на пользу государству и обществу старообрядок из купеческого сословия, особенно с точки зрения женской общественной деятельности в России во второй половине XIX в., остается малоисследованным вопросом.

Целью данной работы является анализ социальной активности купчих-старообрядок Казани и Казанской губернии в середине XIX – начале XX вв. как части женской общественной деятельности в России.

История. 2023. № 3. С. 34–46. <https://doi.org/10.26456/vthistory/2023.3.034-046>, EDN: CGIPWJ; *Смилянская Е.Б.* Женское служение в старообрядческой общине конца XX в. (из наблюдения полевого археографа) // *Одиссей: человек в истории*. 2013. Женщина в религиозной общине. Запад / Восток / под редакцией А.О. Чубарьяна. Москва: Наука, 2014. С. 90–114. EDN: UJGVAN; *Тикас Ч.О.* О степени самостоятельности женщины в старообрядческом обществе (по материалам Новгородской губернии XIX в.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2011. Вып. 2. С. 60–65. EDN: NTUCOB; *Тикас Ч.О.* Отношение к женщинам вне и внутри старообрядческого сообщества (по материалам Русского Севера второй половины XIX в.) // *Труды Государственного музея истории религии*. 2011. № 11. С. 85–90. EDN: ORJNIZ; *Тикас Ч.О.* Женщина в беспоповском старообрядческом сообществе во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Санкт-Петербургской, Новгородской, Вологодской и Олонецкой губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2011. EDN: ZOJIGH

⁹ *Карташева Е.И.* Старообрядчество в Казани: вехи истории // *Проблемы изучения истории Русской православной церкви и современная деятельность музеев* / под редакцией Л.И. Скрипкиной, И.Л. Кызласовой. Москва: Государственный Исторический музей, 2005. С. 99–113; *Карташева Е.И.* Благотворительность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX веков // *Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность: сборник научных трудов* / под редакцией С.В. Таранца. 2010. Вып. 4. С. 172–217; *Карташева Е.И.* Благотворительная деятельность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX вв. // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2022. Т.12, № 1. С. 9–27. EDN: SHVTKB; *Латыпов И.Р.* Благотворительность купцов-старообрядцев Казанской губернии в XIX – начале XX века // *Самарское староверие*. URL: https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_blagotvoritelnost_kupcov_staroobrjadcev_kazanskoj_gubernii_v_xix_nachale_xx_vek_a/44-1-0-1932 (дата обращения: 20.10.2024); *Латыпов И.Р.* Развитие старообрядческих общин Казанской губернии XIX – начала XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2011.

Старообрядцы купеческого сословия Казанской губернии: краткий обзор

Полиэтничность и поликонфессиональность Казанской губернии распространялись на все социальные слои региона, в том числе и на купечество. Весомой группой среди казанского купечества были старообрядцы.

В XIX в. в старообрядческой среде данного региона сложились две общины: беспоповцы-поморцы и поповцы. Основу данного сообщества составляли крестьяне, мещане и цеховые¹⁰. Однако руководителями общин в городах все же становились представители купечества, занимавшего высокое положение в региональном масштабе.

Вторая половина XIX в. стала периодом расцвета старообрядческого предпринимательства в Казанской губернии. Мукомольное дело и хлеботорговля являлись основными сферами их экономической деятельности. Занимались данными направлениями такие семьи как Коровины, Барабановы (представители поповского согласия), Оконишниковы, Фомины, Шамовы, Чельшевы, Шашины, Романовы (представители беспоповского согласия). Купцы осваивали и крупные промышленные производства. А.К. Месетников еще в 1830-е гг. организовал в Царевококшайском уезде Стекольный завод¹¹. В 1851 г. купец А.Н. Свешников в Адмиралтейской слободе г. Казани открыл «Чугунолитейный, машиностроительный, кузнечно-котельный и механический завод», который впоследствии был унаследован его сыновьями. Активными темпами развивалось пароходство (Барабановы, Романовы, Фомины и Четверговы)¹². Также купцы держали бакалейно-винные и гастрономические магазины, в частности, Ф.Т. Васильев и братья Афанасьевы¹³.

Казанское купечество проводило широкие благотворительные кампании в области образования, здравоохранения и социального обеспечения. Большую помощь купцам как в предпринимательской, так и общественной деятельности оказывали их супруги, действуя с течением времени все более самостоятельно. Зачатки подобной тенденции можно наблюдать еще в первой половине XIX в. «Ведомости имянной о старообрядцах, живущих в Казани, приемлющих священство по состоящей издревле в губернском городе Казани 1 части при реке Булак часовне» 1835 и 1838 гг. позволяют провести статистический анализ женской части старообрядческой общины. Она в обеих группах была преобладающей: 51 % у поповцев и 59 % у беспоповцев. Однако число женщин, являвшихся главами семьи или ведущих дело, было невелико – всего

¹⁰ *Карташева Е.И.* Старообрядчество в Казани: вехи истории. С. 102.

¹¹ *Девятых Л.И.* Из истории казанского купечества. С. 31.

¹² *Свердлова Л.М.* Купечество Казани: дела и люди. С. 125, 173.

¹³ *Латыпов И.Р.* Развитие старообрядческих общин Казанской губернии XIX – начала XX веков. С. 143.

14, что составляло 2,5 % от общего количества староверок Казани: в поповской среде 12 купеческих жен и вдов (3,6 %), у беспоповцев – 2 вдовы (0,8 %) ¹⁴. В середине – второй половине XIX в. этот процесс продолжился.

В 1865 г. таких женщин было уже 38, в их числе было 14 жен купцов, 3 купчихи (М.И. Подуруева, П.М. Фомина, У.И. Фомина), 4 сестры мужчин-купцов, достигшие зрелого возраста, 17 дочерей. В документах 1883–1884 гг. упомянуты 2 купчихи (А.С. Барабанова, Е.И. Гордеева), а в 1899, 1905–1907 гг. – лишь купчиха Е.М. Гордеева ¹⁵, что отражает общероссийскую тенденцию, по которой с конца XIX в. развитие количественных и качественных показателей российского купечества шло по нисходящей линии ¹⁶.

Положение женщин в старообрядческом сообществе во второй половине XIX – начале XX в.: между традицией и новацией

Ряд дореволюционных и современных исследователей указывают на тот факт, что женщина в официальном православии занимала менее значимое место, чем в старообрядчестве, где ее статус во многом уравнивался с мужским ¹⁷. Однако некоторые авторы утверждают, что высота статуса и самостоятельности женщины-старообрядки несколько преувеличена в литературе. При этом ученые сходятся во мнении, что старообрядки могли «отправлять важные функции и в религиозной, и в общественной сфере, что представлялось необычным для традиционного российского сознания» ¹⁸.

¹⁴ Подсчитано по: Ведомость имянная о старообрядцах, живущих в Казани, приемлющих священство по состоящей издревле в губернском городе Казани I части при реке Булаке часовне, учиненная избранным старообрядческим обществом попечителями, Казанскими купцами: Егором Никифоровым Романовым и Акимом Ивановым Коровиным, с собранных сведений за 1835 год // Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета. Рук. 218. Л. 275–288, 404–416.

¹⁵ Списки купцов г. Казани на 1865 г. // Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГАРТ). Ф. 98. Оп. 1. Д. 70; Заявления купцов, объявивших капиталы по городу Казани на 1883–1884 год. // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 2. Д. 746; Книга записи лиц, объявивших капиталы за 1899 г. // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 3221. 321 л.; О купцах г. Казани // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 4. Д. 2216.

¹⁶ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Москва: Проспект, 2026. С. 60.

¹⁷ Кириллов И.А. Наш грех // Старая Русь. 1912. № 5. С. 78–80; Керов В.В. Место женщины в старообрядческом сообществе и предпринимательстве; Керов В.В. Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства; Тикас Ч.О. О степени самостоятельности женщины в старообрядческом обществе (по материалам Новгородской губернии XIX в.); Тикас Ч.О. Отношение к женщинам вне и внутри старообрядческого сообщества (по материалам Русского Севера второй половины XIX в.); Тикас Ч.О. Женщина в беспоповском старообрядческом сообществе во второй половине XIX – начале XX вв.

¹⁸ Тикас Ч.О. Женщина в беспоповском старообрядческом сообществе во второй половине XIX – начале XX вв. С. 26, 27; Керов В.В. Конфессиональные факторы особого статуса женщины в старообрядчестве. С. 34–35.

Однако, XIX – начало XX в. становится для старообрядцев периодом больших перемен, которые не в последнюю очередь коснулись старообрядческой семьи. Существовавший ранее патриархальный тип семейного уклада заменяется новым типом – эгалитарным, когда власть и авторитет начинают распределяться между мужем и женой в равных долях¹⁹.

Кроме того, в середине XIX в. в России стали распространяться идеи феминизма. В этот период начал формироваться тип «новых женщин». Как отмечает И.И. Юкина, «“новая женщина” – самостоятельная, образованная женщина предреформенной и пореформенной России, ориентированная на деятельность в публичной сфере»²⁰. Они стали принимать равное участие в делах, которые ранее считались сугубо мужскими, почувствовали сопричастность к большому делу, ощутили востребованность своих сил, знаний, умений и обнаружили легитимный выход «во всеобщее» – в публичную сферу жизни²¹.

Многие купчихи были хорошо образованными, владели несколькими языками и придерживались прогрессивных для своего времени взглядов²², в частности, в вопросе равноправия полов не только внутри семьи – старообрядческой общины, но и в публичном пространстве. Скорее всего, купчихи-старообрядки, проживавшие в крупных городах, не были исключением. Они, наравне с другими женщинами нового типа, работали в благотворительных учреждениях, являлись членами разных благотворительных обществ, то есть были в гуще событий, встречались и общались с другими дамами, не из старообрядческого сообщества. Следовательно, вполне могли быть осведомлены о новых взглядах на свое положение в обществе, о том, что в последующем стало частью женского движения в России. Это дает нам возможность выдвинуть гипотезу, что образованные женщины старообрядческой общины могли быть знакомы с идеями феминизма.

Исторические источники свидетельствуют о том, что старообрядки во второй половине XIX – начале XX в. активно проявляли себя как во внутри-, так и во внеконфессиональной сферах, что выражалось не только в благотворительности и общественной работе, но и в предпринимательстве, и таким образом включились в женскую общественную деятельность. Е.Б. Смилянская называет их «женщинами-подвижницами» и/или

¹⁹ Хирьянова Л.В. Традиционные основы семьи как главный фактор формирования идентичности старообрядчества в эпоху модернизации. С. 174–175.

²⁰ Юкина И.И. «Новые женщины»: мотивы участия в женском движении. С. 118.

²¹ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 54–55.

²² Маслова И.В. Культура семейных традиций уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX века. С. 122.

«женщинами-лидерами», отмечая рост их статуса в среде старообрядцев в XIX в.²³

Предпринимательницы, благотворительницы, общественные деятельницы: старообрядки купеческого сословия Казанской губернии в середине XIX – начале XX в.

Предпринимательницы. Имперское законодательство позволяло участие женщин в хозяйственной деятельности: они могли владеть и управлять предприятиями. Большие возможности для участия в семейном бизнесе женщинам из купеческой среды предоставлял вдовый статус: он давал им право возглавлять фирмы, пока их старшие сыновья не достигали возраста, необходимого для передачи семейного дела. Женщина переоформляла на себя документы и до определенного момента становилась главой хозяйства²⁴.

Согласно Памятной книге Казанской губернии на 1863 год (вышла в 1862 г.) к купцам второй гильдии среди женщин относились: Степанида Андреевна Королькова (торговля галантерейным товаром), Марья Ивановна Подуруева (торговля железом и бакалейным товаром), Прасковья Михайловна Фомина (торговля мукой). В состав третьей купеческой гильдии входили: Устинья Ивановна Фомина (торговля медным товаром), Прасковья Сергеевна Новикова (судовладелица). Упоминается в Памятной книге и Фомина (в документе – только фамилия, но предположительно речь идет о П.М. Фоминой), она имела водяную мельницу при с. Савинове²⁵.

²³ *Смилянская Е.Б.* Женское служение в старообрядческой общине конца XX в. (из наблюдения полевого археографа). С. 95.

²⁴ *Джоффе М., Линденмейер А.* Дочери, жены и партнеры московской деловой элиты. С. 157, 159; *Ульянова Г.* Купчихи, дворянки, магнатки. С. 16.

²⁵ Памятная книга Казанской губернии на 1863. Казань: Губернская типография, 1862. С. 163, 164, 172, 175, 192.

Мария Ивановна Подуруева

Источник: Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник. URL: <https://chistopol-museum.ru/tpost/5ytoz0vx91-poduruevi-krasnikovi-kupecheskie-familii?ysclid=mo1jfkbbqm558720307>

После смерти купца второй гильдии Павла Львовича Гордеева (1820–1868 гг.) семейное дело в Казани возглавила его жена Екатерина Матвеевна Гордеева (1835 – не ранее 1912 гг.), так как сыновья, Александр, Василий (р. 1855 г.) и Константин (р. 1857), были еще маленькими. Семья занималась торговлей железом (на Толкучем рынке) и железно-скобяным товаром (лавка в собственном доме на Петропавловской улице, ныне ул. Мусы Джалиля), а также владела нефтеперегонным и нефтеперерабатывающим заводом (в деревне Печищи Свияжского уезда). По мере взросления к семейному делу подключились и сыновья, со временем общее управление перешло к Александру, при этом мать формально оставалась во главе дела. О сохранении значительной роли Екатерины Матвеевны говорит тот факт, что при создании в 1897 г. торгового дома наследники в его названии первой указали мать – торговый дом «Гордеева Е.М. и сыновья»²⁶, несмотря на то, что на момент его оформления среднему сыну, Василию, было уже 42 года, а старшему, Александру, соответственно, еще больше.

²⁶ Латыпов И.Р. Развитие старообрядческих общин Казанской губернии XIX – начала XX веков. С. 161.

Герб «Торгового дома М. Корольковой и А. Барабановой с сыновьями»

Источник: Документы о покупке хлеба у купца Барабанова для выдачи ссуд крестьянам // ГАРТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 728. Л. 4

С 1880-х гг. в Казани действовал «Торговый дом М. Корольковой и А. Барабановой с сыновьями», который занимался кондитерским производством²⁷. А. Барабанова – казанская купчиха, вдова купца-старообрядца белокриницкого согласия П.С. Барабанова. В 1892 г. водяно-паровая мельница, открытая торговым домом в Набережных Морквашах на берегу Волги, дала первую партию крупчатой муки из пшеницы²⁸.

*Филантропическая деятельность старообрядцев Казани и Казанской губернии в исследуемый период освещена в трудах Е.И. Карташевой, которая приводит классификацию форм и направлений благотворительности данной конфессиональной группы. Она выделяет следующие направления: личная (лично-семейная) благотворительность в частной жизни; благотворительность, направленная на поддержание существования храмов, моленных и общин; благотворительные общества и заведения самих общин; социально-сословная благотворительность (участие в деятельности благотворительных обществ и заведений)*²⁹. При анализе деятельности женщин старообрядческого сообщества Казанской губернии мы будем пользоваться именно этой классификацией.

²⁷ Документы о покупке хлеба у купца Барабанова для выдачи ссуд крестьянам // ГАРТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 728. Л. 4.

²⁸ Объекты культурного наследия Республики Татарстан. Т. 2: Административные районы: иллюстрированный каталог / под редакцией А.М. Тарунова. Москва: НИИЦентр, 2021. С. 224, 968.

²⁹ *Карташева Е.И.* Благотворительность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX веков. С. 178.

Личная (лично-семейная) благотворительность в частной жизни. К сожалению, о данном направлении благотворительности письменные свидетельства практически не сохранились, в связи с чем Е.И. Карташева в своих исследованиях вынуждена была обращаться к устным преданиям и воспоминаниям. Так, например, жители Казани сообщали, что жена купца Я.Ф. Шамова – Аграфена (по некоторым данным Агриппина) Хрисанфовна – запекала серебряные монеты в хлеб, передаваемый в дар бедным семьям³⁰, а Александровской больнице подарила 100 металлических кружек³¹.

Поддержание существования общин и храмов, моленных. Часовня белокрыницкой общины во второй половине – конце XIX в. находилась на Большой Проломной улице в жилом доме купца И.П. Карпова (ныне улица Баумана). После смерти собственника строения она перешла на попечение его вдовы О.П. Карповой³². В 1880-х гг. И.П. Карпов успел построить еще одно кирпичное здание в начале улицы Первая Гора (ныне улица Ульянова-Ленина) с целью расположить в нем отдельно стоящий храм. Однако это вызвало сопротивление властей, и храм открыт не был. На рубеже веков этот дом выкупила Е.И. Новикова для организации квартир для членов старообрядческого причта. Заселение произошло только в 1902 г. после личной переписки благотворительницы по этому вопросу с министром внутренних дел и издания приказа МВД на имя казанского губернатора. При этом в 1907 г. в статье И.К. Петрухина «Казанская община старообрядцев, приемлющих белокрыницкое священство» благотворительница указана с разными инициалами – Новикова О.П. и Новикова К.И., а у Карташевой – Новикова Е.И.³³ (Автор принимает вариант Карташевой.)

Другая дарительница, Елизавета Федоровна Четвергова, перед смертью в 1911 г. выделила средства под постройку старообрядческой церкви

³⁰ *Карташева Е.И.* Благотворительность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX веков. С. 178–179.

³¹ Протокол заседания Совета Казанской Городской Александровской больницы 19 декабря 1891 года // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1185. Л. 5.

³² *Латыпов И.Р.* Благотворительность купцов-старообрядцев Казанской губернии в XIX – начале XX века // Книжница Самарского староверия. URL: https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_blagotvoritelnost_kupcov_staroobrjadcev_kazanskoj_gubernii_v_xix_nachale_xx_veka/44-1-0-1932 (дата обращения: 20.10.2024).

³³ *Петрухин И.К.* Казанская община старообрядцев, приемлющих белокрыницкое священство // Старообрядец. 1907. № 1. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-96> (дата обращения: 20.01.2024); *Карташева Е.И.* Благотворительность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX веков. С. 180–181.

белокриницкого согласия на завещанном ею участке собственной земли в Адмиралтейской слободе города Казани³⁴.

Благотворительные общества и заведения самих общин. Закон 1883 г. об общем положении старообрядчества в государстве и его религиозных правах ограничил благотворительную и образовательную деятельность старообрядческих сообществ, подозревая их в совращении в раскол³⁵. Вследствие этого старообрядцы не создавали собственных благотворительных обществ. Ситуация начала меняться только в начале XX в.

Екатерина Чельшева в 1904 г. в Чистополе официально зарегистрировала у министра внутренних дел с внесением в список благотворительных обществ и учреждений по г. Казани и Казанской губернии богадельню «для лишенных крова престарелых и увечных женщин-раскольниц беспоповщинского поморского толка из двух уездов Казанской губернии – Чистопольского и Лаишевского»³⁶. Сам факт открытия женщиной-старообрядкой благотворительной организации – богадельни для своих единоверок – носил в указанный период беспрецедентный характер.

Мария Кондратьевна Санина (дочь казанского купца второй гильдии Кондратия Ермолаевича Подуруева, жена самарского купца-старообрядца Ивана Львовича Санина) в 1913 г. при белокриницкой общине Казани открыла «Бесплатную столовую имени старообрядцев Ивана и Марии Саниных». Она находилась на Георгиевской улице и была предназначена для нуждающихся всех вероисповеданий³⁷. Мария Кондратьевна получила статус почетной попечительницы столовой и по мере необходимости включалась в решение ключевых вопросов.

Социально-сословная благотворительность женщин-старообрядок фактически была внесословной и внеконфессиональной. Именно в этом направлении наблюдалось их широкое личное участие, которое выражалось в

³⁴ *Латыпов И.Р.* Благотворительность купцов-старообрядцев Казанской губернии в XIX – начале XX века. URL: https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_blagotvoritelnost_kupcov_staroobryadcev_kazanskoj_gubernii_v_xix_nachale_xx_veka/44-1-0-1932 (дата обращения: 20.10.2024).

³⁵ *Карташева Е.И.* Благотворительность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX веков. С. 175.

³⁶ Богадельня для женщин в г. Чистополе, учрежденная вдовой коммерции советника Екатериной Васильевной Чельшевой // ГАРГ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 134. Л. 16 об.; Устав богадельни для женщин в городе Чистополе Казанской губернии, учреждаемой вдовой коммерции советника Екатериною Васильевной Чельшевою. Казань: Типография и Литография А.А. Родионова, 1904. С. 3.

³⁷ Устав Бесплатной столовой в г. Казани им. старообрядцев Ивана и Марии Саниных. Казань: [б. и.], 1916.

пожертвованиях различного рода государственным, общественным учреждениям и инициативам.

Е.И. Новикова в 1893 г. передала дом Казанской школе детского трудолюбия³⁸. В организацию Казанского городского научно-промышленного музея (ныне Национальный музей Республики Татарстан) свой вклад в 1895 г. внесла М.С. Королькова³⁹ Е.В. Чельшева в 1905 г. финансово (100 тыс. руб.) поддержала строительство в Чистополе водопровода⁴⁰. А.Х. Шамова пожертвовала 100 руб. Казанскому обществу русских женщин⁴¹, А.С. Четвергова в 1910 г. помогала в содержании столовой и чайной на Устье Казанского Дамского благотворительного общества⁴². В 1912 г. Казанское общество во имя Всемилоственного Спаса призрения детей слабоумных и калек находилось на попечении М.К. Саниной и М.И. Подуруевой (дочери елабужского купца третьей гильдии Ивана Григорьевича Стахеева и жены купца второй гильдии Алексея Арсеньевича Подуруева)⁴³.

Участие в деятельности благотворительных обществ и заведений можно выделить в качестве самостоятельного направления, так как женщины были не просто благотворителями, но и выступали попечителями или являлись членами обществ, в том числе почетными, внесшими крупные пожертвования или оказавшими выдающиеся услуги.

³⁸ *Карташева Е.И.* Благотворительная деятельность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX вв. С. 19.

³⁹ *Карташева Е.И.* Благотворительность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX веков. С. 207.

⁴⁰ *Латыпов И.Р.* Благотворительность купцов-старообрядцев Казанской губернии в XIX – начале XX века. URL: https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_blagotvoritelnost_kupcov_staroobrjadcev_kazanskoj_gubernii_v_xix_nachale_xx_veka/44-1-0-1932 (дата обращения: 20.10.2024).

⁴¹ *Танасева Р.* Жизнь дана на добрые дела – купец Шамов // Казанские истории. 2004. № 2–3. URL: <https://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/7001-974> (дата обращения: 20.10.2024).

⁴² Отчет Казанского Дамского благотворительного общества по столовой и чайной на Устье за время навигации в 1910 г. Казань: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1911. С. 8.

⁴³ *Карташева Е.И.* Благотворительная деятельность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX вв. С. 19; *Бикмуллина Н.Е.* Подуруевы – Красниковы. Купеческие фамилии Казанской и Симбирской губерний // Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник. URL: <https://chistopol-museum.ru/tpost/5ytoz0vx91-poduruevi-krasnikovikupcheskie-familii> (дата обращения: 23.03.2024); *Гаврилова Ю.П.* Мария Подуруева. Духовный подвиг восприемничества // Чистополь-информ. URL: <https://chistopol-rt.ru/news/nashey-istorii-stroki/mariia-podurueva-duxovnyi-podvig-vospriemnicestva> (дата обращения: 23.03.2024).

Почетными членами благотворительных обществ были следующие женщины: Казанского общества трезвости – А.Х. Шамова; Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского первого реального училища – А.Х. Шамова, М.М. Романова, С.А. Бердникова; Благотворительного общества для вспомоществования нуждающимся больным – О.П. Карпова⁴⁴.

Наибольшую активность среди женщин-старообрядок второй половины XIX в. проявила Ольга Андреевна Месетникова (жена общественного деятеля, промышленника, казанского купца первой гильдии, мецената Петра Анисимовича Месетникова), работавшая в благотворительных «обществах на особых основаниях». Таковыми являлись в Казани организации Императорского человеколюбивого общества и Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящего под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством.

Дамское благотворительное отделение при Казанском попечительном о бедных комитете Ведомства Императорского человеколюбивого общества начало свою работу в 1873 г. Среди первых его членов была и Ольга Андреевна. На первых порах общество изучало потребности нуждающихся посредством устройства 12-ти участковых попечительств о бедных в приходах Казани. Во Владимирском приходе вместе с Ю.И. Кузнецовой и А.Н. Шпилевской работала Месетникова⁴⁵. В 1875–1881 гг. она стала одной из попечительниц подведомственной Благотворительному дамскому отделению Рукодельной для обучения призреваемых в бесплатных квартирах девочек. В это же время Федосья Михайловна Бердникова, жена купца, была сотрудницей Хозяйственно-рукодельного заведения, состоящего в ведении Благотворительного дамского отделения Попечительного о бедных комитета Ведомства императорского человеколюбивого общества⁴⁶.

В 1871–1875 гг. Месетникова, будучи сначала помощницей попечительницы Николаевского детского приюта, а в 1881–1885 гг. ставшая собственно попечительницей, являлась действительным членом Губернского попечительства детских приютов при Ведомстве учреждений императрицы

⁴⁴ *Карташева Е.И.* Благотворительная деятельность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX вв. С. 18–19; Отчеты правления Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского первого реального училища за 1909–1914 гг. Казань: [б. и.], 1910–1915 гг.

⁴⁵ Краткая историческая записка о деятельности Женского Благотворительного Отделения при Казанском Попечительном о бедных комитете ведомства Императорского Человеколюбивого Общества за 25-летие (1874–1898 г.) / составитель М.В. Улитин. Казань: Типография и литография А.А. Родионова, 1899. С. 4–5, 38.

⁴⁶ Адрес-календарь Казанской губернии. Казань: Губернская типография, 1875. С. 31.

Марии⁴⁷. Судя по документам, именно работа в данных организациях (Губернское попечительство детских приютов и Николаевский детский приют) была приоритетом в ее общественной деятельности.

В начале XX в., после смерти купца Якова Филипповича Шамова, в общественной сфере бразды правления взяла в свои руки его вдова Аграфена (Агриппина) Хрисанфовна. Главной ее задачей стало завершение строительства больницы, здание которой и по сей день в народе носит название Шамовской. Данная благотворительница не просто закончила все работы, укомплектовав лечебное заведение всем необходимым и обустроив его территорию и подъезды к нему, а трудилась в качестве председательницы строительного комитета. Как до, так и после передачи больницы в ведение города А.Х. Шамова, будучи почетной попечительницей, не раз принимала участие в решении текущих вопросов в жизни медицинского учреждения⁴⁸.

Заключение

Старообрядки, как и любые женщины середины – второй половины XIX в., были частью патриархальной семьи и вместе с ней относились к частной / приватной сфере общества и исключались из сферы публичной. При этом в среде староверов женщины занимали особое положение. С одной стороны, по мнению некоторых авторов, семья в старообрядчестве отождествлялась с общиной в целом, следовательно, любая активность женщин проходила внутри приватной сферы. С другой стороны, они принимали в жизни сообщества активное участие, получая определенный опыт, который с легкостью применяли в последующем, выходя в публичную сферу.

Модернизация в Российской империи в середине – второй половине XIX в. оказала существенное влияние, в том числе и на жизненный уклад купцов-старообрядцев, на изменение гендерных внутрисемейных отношений.

Кроме того, в этот исторический период наблюдался подъем женского движения, характеризовавшийся разрывом границ традиционного общества, выходом в публичное поле. Его участницы, действовавшие в публичной сфере, получили название «новых женщин» / женщин «нового типа».

⁴⁷ Адрес-календарь Казанской губернии. Казань: Губернская типография, 1871. С. 3; Адрес-календарь Казанской губернии. Казань: Губернская типография, 1872. С. 3; Адрес-календарь Казанской губернии. Казань: Губернская типография, 1875. С. 9, 31; Адрес-календарь Казанской губернии на 1881 г. Казань: Типография губернского правления, 1881. С. 17, 31; Список лицам, служащим по всем ведомствам Казанской губернии / составитель А.П. Орлов. Казань: Казанская губернская типография, 1885. С. 298.

⁴⁸ Журнал очередного заседания Казанской городской Думы 7-го апреля 1910 г. // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 6. Д. 810. Л. 142 об.–143 об.; Журналы Казанской городской думы и доклады Управы за январь–май 1912 года. Казань: [б. и.], 1912. С. 14–16.

Купчихи-старообрядки Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. одновременно принадлежали как к старообрядческому и купеческому, так и к чисто женскому сообществам. Следовательно, они, благодаря трансформационным процессам во всех этих группах, оказались на пересечении традиций и новаций.

Безусловно, можно только предполагать, что жены купцов-старообрядцев Казани были знакомы с идеями феминизма, и уж тем более нельзя утверждать, что они причисляли себя к «новым женщинам». И все же имеющиеся исторические источники демонстрируют множество примеров, когда женщины-старообрядки стали выходить за рамки своего внутриконтрафессионального (приватного) пространства и действовать во внеконтрафессиональном (публичном) поле.

Согласно подсчетам, из 19 выявленных (курсив наш. – А. Ф.) купчих-старообрядок 63 % относились к поповскому согласию (С.А. Королькова, М.С. Королькова, П.С. Новикова, А. Барабанова, О.П. Карпова, Новикова, Е.Ф. Четвергова, А.С. Четвергова, М.М. Романова, С.А. Бердникова, Ф.М. Бердникова, О.А. Месетникова) и 37 % – к беспоповскому (М.И. Подуруева, П.М. Фомина, У.И. Фомина, Е.М. Гордеева, А.Х. Шамова, Е.В. Челышева, М.К. Санина). 42 % женщин-старообрядок (в равной степени представительницы обеих согласий) Казанской губернии были вовлечены в предпринимательскую деятельность⁴⁹. Иногда вдовы для сохранения бизнеса брали правление в свои руки до наступления совершеннолетия сыновей. Значительность роли женщины как главы семейного предприятия нашла отражение в названиях торговых домов, зарегистрированных в конце XIX в.

Наибольшее развитие общественной деятельности купчих-старообрядок происходило в сфере благотворительности: личной (лично-семейная благотворительность в частной жизни и поддержание существования общин, храмов и моленных) и организованной (как благотворительные общества самих общин, так и внеконтрафессиональные социально-сословные общества). Изначально старообрядки не имели права самостоятельно создавать благотворительные организации, но могли принимать участие в уже существовавших или создававшихся в Казани и Казанской губернии обществах, становясь их почетными членами и попечительницами. Обладая достаточным количеством времени и денег, женщины-старообрядки на практике применяли свои организационные и административные способности, не прибегая к помощи мужчин своего контрафессионального сообщества.

В начале XX в. для старообрядцев открылась возможность создавать собственные благотворительные общества. В Казанской губернии одними из

⁴⁹ Подсчитано автором на основе всех обнаруженных источников и литературы.

первых этим воспользовались именно женщины, создав как сугубо старообрядческие организации для женщин (богадельня в Чистополе), так и внеконфессиональные – для представителей всех сословий и гендерных групп (столовая / больница в Казани).

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что во второй половине XIX – начале XX в. жены и вдовы купцов-старообрядцев Казанской губернии начали активно включаться в женскую общественную деятельность.

Introduction

As M. Joffe and A. Lindenmeyr note in their study “Daughters, Wives, and Partners of the Moscow Business Elite,” one of the most discreet social groups in 19th-century Russia was that of women from the merchant estate.¹ This thesis can also be considered true with regard to the wives of Old Believer merchants.

In Old Belief, the internal private space of daily life (family household routines) belonged to women, while men were the masters of the external public space that consisted of professional labor and social activity.

At the same time, family significantly exceeded the framework of economic and domestic functions in the life of Old Believers. In terms of its importance for preserving the Old Believer religious and cultural tradition, I. Kupriyanova compares it to community. Thus, the concepts of family and religious community were identified with each other.² As a result, the private sphere for Old Believer women could be associated with the entire religious community as a whole.

Consequently, in analyzing the activities of Old Believer women, it is necessary to use the methodology of the private and public spheres described by J. Habermas and H. Arendt.³ This study employs the concept of women's social activism, which was first introduced by A. Fedotova.⁴

The basis of this work includes archival sources, periodicals, and studies on the history of Old Belief, the merchant estate,⁵ and the women's movement in Russia,⁶

¹ M. Joffe, and A. Lindenmeyr, “Daughters, Wives, and Partners: Women of the Moscow Merchant Elite” [in Russian], in *Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie*, ed. J. West, and Yu. Petrov (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007), 147.

² I.V. Kupriyanova, “The Old Believer Family: Religious and Cultural Dominant” [in Russian], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 4 (41) (2013): 326, 327. EDN: REFWFL

³ J. Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* (Cambridge, MA: MIT Press, 1989), 27–73; H. Arendt, *The Human Condition* [in Russian], trans. V.V. Bibikhin (St Petersburg: Aleteya, 2000), 65–67.

⁴ A.Yu. Fedotova, “Women's Social Activism: Terminology and Methodology for the Study of the Women's Movement in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century,” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 177–208, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>, EDN: WKKCOQ

⁵ L.I. Devyatykh, *From the History of Kazan Merchants: Dedicated to the Millennium of Kazan* [in Russian] (Kazan: Titul-Kazan', 2005), EDN: QPANEB; Joffe, and Lindenmeyr, “Daughters, Wives, and Partners,” 147–65; I.V. Maslova, “Culture of Uyezd Merchants' Family Traditions in Vyatka Governorate in the 19th – Early 20th Century” [in Russian], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 1 (2011): 121–26. EDN: MNRSXC; L.M. Sverdlova, *Merchants of Kazan: Deeds and People* [in Russian] (Kazan: Matbugat iorty, 1998); G. Ul'yanova, *Merchant Women, Noblewomen, Magnates: Female Entrepreneurs in Russia in the 19th Century* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021).

related to the topic of the article. Contemporary authors studying Old Belief focus their research on such themes as the Old Believer family and the position of women in the Old Believer community. On the one hand, scholars characterize the Old Believer family as patriarchal institution, extending its boundaries to the religious community as a whole. On the other hand, they note that under the influence of modernization processes in the 19th – early 20th centuries, significant changes occurred within the family, guided by the Western model of daily life, in which power and authority in the family began to be distributed equally between husband and wife.⁷ The question of the high status of women in the Old Believer community is debatable in contemporary historiography. At the same time, historians outline a certain range of religious and social functions that Old Believer women performed, which made their position different from that of women in the Synodal Orthodox Church.⁸

⁶ Fedotova, “Women’s Social Activism”; I.I. Yukina, “‘New Women’: Motives for Participation in the Women’s Movement” [in Russian], in *Russian Women and European Culture: Proceedings of the 5th Conference on the Theory and History of the Women’s Movement*, comp. G.A. Tishkin (St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001), 118–26; I.I. Yukina, *Russian Feminism as a Challenge to Modernity* [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya, 2007), EDN: QPGUWZ.

⁷ Kupriyanova, “The Old Believer Family,” 326–30; L.V. Khir'yanova, “Traditional Foundations of Family as the Main Factor in the Formation of the Old Belief Identity in the Era of Modernization” [in Russian], *Analitika kul'turologii*, no. 1 (13) (2009): 173–78, EDN: QZBGPV.

⁸ V.V. Kerov, “The Place of Woman in the Old Belief Community and Entrepreneurship” [in Russian], in *Woman in Old Belief: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 300th Anniversary of the Leksa Old Believer Convent*, comp. A.M. Pashkov, A.V. Pigin, and I.N. Ruzhinskaya (Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2006), 14–23; V.V. Kerov, “Maria Morozova and Others: The Gender Aspect of Old Believer Entrepreneurship” [in Russian], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (49) (2015): 60–69, EDN: UYJSNZ; V.V. Kerov, “Confessional Factors of the Special Status of Woman in Old Belief” [in Russian], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 3 (2023): 34–46, <https://doi.org/10.26456/vthistory/2023.3.034-046>, EDN: CGIPWJ; E.B. Smilyanskaya, “Women’s Ministry in the Old Believer Community of the Late 20th Century (Observations of a Field Archaeographer)” [in Russian], in *Odyssey: Man in History*, 2013, *Woman in a Religious Community: West / East*, ed. A.O. Chubaryan (Moscow: Nauka, 2014), 90–114, EDN: UJGVAN; Ch.O. Tikas, “On the Degree of Woman’s Independence in the Old Believer Community (Based on the Materials from Novgorod Governorate of the 19th Century)” [in Russian], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, iss. 2 (2011): 60–65, EDN: NTUCOB; Ch.O. Tikas, “Attitudes toward Women Outside and Inside the Old Belief Community (Based on the Materials from the Russian North of the Second Half of the 19th Century)” [in Russian], *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii*, no. 11 (2011): 85–90, EDN: ORJNIZ; Ch.O. Tikas, “Woman in the Priestless Old Believer Community in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on the Materials of St Petersburg, Novgorod, Vologda, and Olonets

Researchers of Old Believer movement in Kazan and Kazan Governorate examine women in the general context of life of that community in the 19th – early 20th century, without specifically analyzing them as separate subjects of the region's socio-economic sphere.⁹

Thus, the *independent* (emphasis added. – A. F.) activity of the Old Believer women from merchant estate for the benefit of the state and society, especially from the perspective of women's social activism in Russia in the second half of the 19th century, remains an under-researched phenomenon.

The aim of this work is to analyze the social activity of Old Believer merchant women of Kazan and Kazan Governorate in the mid-19th – early 20th centuries as part of women's social activity in Russia.

Old Believer Merchants of Kazan Governorate: A Brief Overview

The multi-ethnic and multi-confessional nature of Kazan Governorate extended to all social strata of the region, including the merchant estate. Old Believers constituted a significant group among the Kazan merchants.

In the 19th century, two communities formed among the Old Believers of the region: Pomorian Bespopovtsy (priestless Old Believers) and Popovtsy (priestly Old Believers). The backbone of that community consisted of peasants, townspeople, and guild workers.¹⁰ However, representatives of the merchant estate, who held a high position on a regional scale, were the leaders of the communities in the cities.

The second half of the 19th century was a successful period for Old Believer entrepreneurship in Kazan Governorate. Milling and grain trading were the main

Governorates)" [in Russian] (PhD thesis, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, 2011), EDN: ZOJIGH.

⁹ E.I. Kartasheva, "Old Belief in Kazan: Milestones in History" [in Russian], in *Problems of Studying the History of the Russian Orthodox Church and Contemporary Museum Activities: Collected Scientific Papers*, ed. L.I. Skripkina, and I.L. Kyzlasova (Moscow: Gosudarstvennyi Istoricheskii muzei, 2005), 99–113; E.I. Kartasheva, "Charity of Old Believer Merchants and Old Believer Communities of Kazan in the Late 19th – Early 20th Centuries" [in Russian], in *The Fate of the Old Belief in the 20th – Early 21st Centuries: History and Modernity*, ed. S.V. Taranets, iss. 4 (2010), 172–217; E.I. Kartasheva, "Charitable Work of Old Believer Merchants and Old Believer Communities of Kazan in the Late 19th – Early 20th Centuries" [in Russian], *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, vol. 12, no. 1 (2022): 9–27, EDN: CHVTKB; I.R. Latypov, "Charity of the Old Believer Merchants of Kazan Governorate in the 19th – Early 20th Century" [in Russian], *Samara Old Belief*, accessed October 20, 2024, https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_blagotvoritelnost_kupcov_staroobrjadcev_kazanskoj_gubernii_v_xix_nachale_xx_veka/44-1-0-1932; I.R. Latypov, "Development of the Old Believer Communities in Kazan Governorate in the 19th – Early 20th Centuries" [in Russian] (PhD diss., Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011).

¹⁰ Kartasheva, "Old Belief in Kazan," 102.

areas of their economic activity. Such families as the Korovins and the Barabanovs (the Popovtsy) as well as the Okonishnikovs, the Fomins, the Shamovs, the Chelyshevs, the Shashins, and Romanovs (the Bespopovtsy) were involved in those industries. Merchants also developed their own large industrial enterprises. In particular, A. Mesetnikov organized a glass factory in Tsarevokokshaiskii Uyezd as early as the 1830s.¹¹ In 1851, another merchant, A. Sveshnikov, opened an “iron foundry, machine-building, forge-boiler, and mechanical plant” in Admiralteiskaya Sloboda of Kazan, which was later inherited by his sons. Steamship transportation also developed rather actively (by the Barabanovs, the Romanovs, the Fomins, and the Chetvergovs).¹² Merchants also ran grocery, wine, and delicatessen stores, in which regard one might name F. Vasil'ev, and the Afanas'ev brothers.¹³

The Kazan merchant estate conducted extensive charitable campaigns in the fields of education, healthcare, and social welfare. Moreover, merchant wives provided great assistance to their husbands in both entrepreneurial and social activities, acting with increasing independence over time. The beginnings of that trend can be observed as early as the first half of the 19th century. The “Nominal List of Old Believers Residing in Kazan Who Accept Priests at the Chapel Located on the Bulak River” for 1835 and 1838 allow for a statistical analysis of the female part of the Old Believer community. Women were predominant in both groups: 51% among the Popovtsy and 59% among the Bespopovtsy. However, the number of women who were heads of families or ran businesses was small, only 14 women, which constituted 2.5% of the total number of Old Believer women in Kazan. Among them, 12 merchant wives and widows (3.6%) belonged to the Popovtsy, and 2 widows (0.8%) belonged to the Bespopovtsy.¹⁴ That process continued in the middle and second half of the 19th century.

In 1865, there were 38 women who were heads of families or ran businesses, including 14 merchant wives, three merchant women (M. Podurueva, P. Fomina, and

¹¹ Devyatykh, *From the History of Kazan Merchants*, 31.

¹² Sverdlova, *Merchants of Kazan*, 125, 173.

¹³ Latypov, “Development of the Old Believer Communities,” 143.

¹⁴ Calculated according to “Vedomost' imyannaya o staroobryadtsakh, zhivushchikh v Kazani, priemlyushchikh svyashchenstvo po sostoyashchei izdrevle v gubernskom gorode Kazana I chasti pri reke Bulake chasovne, uchinennaya izbrannym staroobryadcheskim obshchestvom popechitelyami, Kazanskimi kuptsami: Egorom Nikiforovym Romanovym i Akimom Ivanovym Korovinym, s sobrannykh svedenii za 1835 god.” [Nominal list of Old Believers residing in Kazan who accept priests at the chapel located on the Bulak river in the first part of the city of Kazan, compiled by the elected trustees of the Old Believer community, Kazan merchants Egor Nikiforov Romanov and Akim Ivanov Korovin, based on the information collected for 1835]. Ruk. 218, ll. 275–288, 404–416. Otdel rukopisei i redkikh knig nauchnoi biblioteki Kazanskogo (Privolzhskogo) federal'nogo universiteta [Department of Manuscripts and Rare Books of the Scientific Library of Kazan Federal University], Kazan, Russia.

U. Fomina), four sisters of male merchants who had reached adulthood, and 17 daughters of merchants. Documents from 1883–84 mention two merchant women (A. Barabanova and E. Gordeeva). However, in 1899 and 1905–07, only one merchant woman, E. Gordeeva, was mentioned in that regard,¹⁵ which reflects the all-Russian trend when the quantitative and qualitative indicators of the Russian merchant estate started to follow a downward trajectory in the late 19th century.¹⁶

The Position of Women in the Old Believer Community in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Between Tradition and Innovation

A number of pre-revolutionary and contemporary scholars point to the fact that women in official Orthodoxy occupied a less significant place than in Old Belief, where their status was largely equalized with that of men.¹⁷ However, some authors argue that the high status and independence of Old Believer women is somewhat exaggerated in the literature. At the same time, scholars agree that Old Believer women could “perform important functions in both religious and social spheres, which seemed unusual for traditional Russian consciousness.”¹⁸

Nevertheless, the 19th – early 20th centuries became a period of great change for Old Believers, which affected the Old Believer family in particular. The previously existing patriarchal type of family structure was replaced by a new, egalitarian, type, where power and authority began to be distributed equally between husband and wife.¹⁹

Furthermore, in the mid-19th century, feminist ideas began to spread in Russia. During that period, the type of “new woman” began to take shape. As I. Yukina notes, this “‘new woman’ was an independent, educated woman of pre-reform and post-reform Russia, oriented toward activity in the public sphere.”²⁰ Such women began to participate equally in the matters that were previously considered strictly

¹⁵ “Spiski kuptsov g. Kazani na 1865 g.” [Lists of merchants of the city of Kazan as of 1865]. F. 98, op. 1, d. 70. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan [State Archive of the Republic of Tatarstan] (GART), Kazan, Russia; “Zayavleniya kuptsov, ob'yavivshikh kapitaly po gorodu Kazani na 1883–1884 god.” [Statements of the merchants who declared their capital in the city of Kazan as of 1883–1884]. F. 98, op. 2, d. 746; “Kniga zapisi lits, ob'yavivshikh kapitaly za 1899 g.” [Register of the persons who declared their capital as of 1899]. F. 98, op. 3, d. 3221; “O kuptsakh g. Kazani” [On the merchants of the city of Kazan]. F. 98, op. 4, d. 2216.

¹⁶ A.N. Bokhanov, *Big Bourgeoisie of Russia* [in Russian] (Moscow: Prospekt, 2026), 60.

¹⁷ I.A. Kirillov, “Our Sin” [in Russian], *Staraya Rus'*, no. 5 (1912): 78–80; Kerov, “The Place of Woman in the Old Belief Community”; Kerov, “Maria Morozova and Others”; Tikas, “On the Degree of Woman's Independence”; Tikas, Attitudes towards Women Outside and Inside the Old Believer Community”; Tikas, “Women in the Priestless Old Believer Community.”

¹⁸ Tikas, “Woman in the Priestless Old Believer Community,” 26, 27; Kerov, “Confessional Factors,” 34–35.

¹⁹ Khir'yanova, “Traditional Foundations of Family,” 174–75.

²⁰ Yukina, “‘New Women’,” 118.

masculine, felt a sense of involvement in a great cause, experienced the demand for their strengths, knowledge, and skills, and discovered a legitimate outlet “into the universal,” i.e. the public sphere of life.²¹

Many merchant women were well-educated, spoke several languages, and held views that were progressive in their time,²² particularly on the issue of gender equality not only within the family (the Old Believer community) but also in the public sphere of life. It is highly likely that Old Believer merchant women who resided in large cities were no exception. Like other women of the new type, they worked in charitable institutions and were members of various charitable societies. That is, they were in the thick of events, meeting and communicating with other women who were not from the Old Believer community. Consequently, they might have been well aware of new views on their position in society, which later became part of the women's movement in Russia. This allows us to hypothesize that educated women of the Old Believer community could be familiar with feminist ideas widespread at that time.

Historical sources indicate that Old Believer women in the second half of the 19th – early 20th centuries actively proved themselves in both intra-confessional and extra-confessional spheres, which was expressed not only in charity and social work but also in entrepreneurship. As a result, many of them became involved in women's social activity. E. Smilyanskaya calls them “women-devotees” and/or “women-leaders,” noting the rise in their status in the Old Believer community in the 19th century.²³

Businesswomen, Philanthropists, Social Activists: Old Believer Women of the Merchant Estate in Kazan Governorate in the Mid-19th – Early 20th Centuries

Businesswomen. Imperial legislation allowed women to participate in economic activity: they could own and manage enterprises. The status of widow provided great opportunities for women from the merchant estate to participate in family business. That status gave them the right to head firms until their elder sons reached the age necessary to take over the family business. In that case, such a woman would re-register the documents in her name and become the head of the household until that time.²⁴

According to the *Commemorative Book of Kazan Governorate for 1863*, which was published in 1862, the following women were listed as merchants of the second guild: Stepanida A. Korol'kova (haberdashery trade), Mar'ya I. Podurueva (iron and groceries), and Praskov'ya M. Fomina (flour). The third merchant guild included:

²¹ Yukina, *Russian Feminism*, 54–55.

²² Maslova, “Culture of Uyezd Merchants' Family Traditions,” 122.

²³ Smilyanskaya, “Women's Ministry,” 95.

²⁴ Joffe, and Lindenmeyr, “Daughters, Wives, and Partners,” 157, 159; Ul'yanova, *Merchant Women, Noblewomen, Magnates*, 16.

Ustin'a I. Fomina (copper goods), and Praskov'ya S. Novikova (a ship-owner). There was also a woman named Fomina (only the surname is given in the document, but presumably it refers to Praskov'ya M. Fomina) mentioned in the *Commemorative Book*. She owned a water mill near the village of Savinovo.²⁵

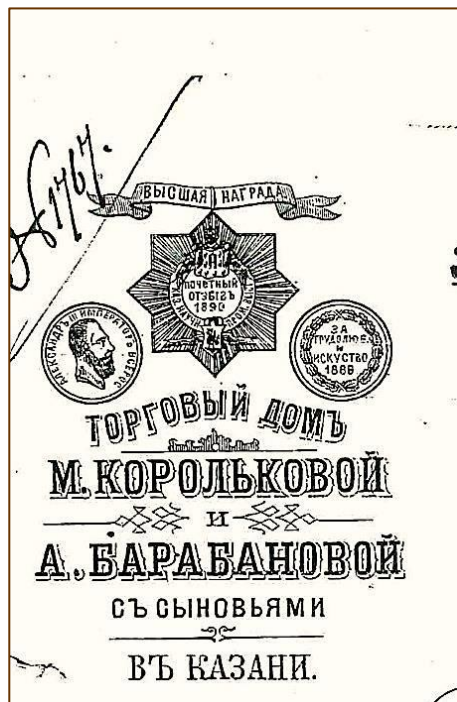
Mar'ya I. Podurueva

Source: Chistopol State Historical, Architectural, and Literary Museum-Reserve, <https://chistopol-museum.ru/tpost/5ytoz0vx91-poduruevi-krasnikovi-kupecheskie-familii?ysclid=mo1jjfkbqm558720307>

After the death of the second-guild merchant Pavel L. Gordeev (1820–68), the family business in Kazan was headed by his wife Ekaterina M. Gordeeva (1835 – not earlier than 1912) because their sons Alexander and Vasilii (b. 1855), and Konstantin (b. 1857) were still too young to take over the business. The family was engaged in iron trade (at the Tolkuchii Market) and sold iron and hardware goods (additionally owning a shop in their own house on Petropavlovskaya Street, now Musa Jalil Street). It also owned an oil refining and petroleum processing plant (in the village of Peshchishchi, Sviyazhskii Uyezd). As the sons grew up, they became involved in the family business as well. Over time, overall management passed to Alexander, while the mother formally remained at the head of the business. The preservation of Ekaterina Gordeeva's significant role is evidenced by the fact that when the heirs established the trading house in 1897, they put the name of their mother first “the

²⁵ *Commemorative Book of Kazan Governorate for 1863* [in Russian] (Kazan: Gubernskaya tipografiya, 1862), 163, 164, 172, 175, 192.

Trading House ‘E.M. Gordeeva and Sons’²⁶ despite the fact that at the time of its registration, the middle son Vasili, was already 42 years old and the elder son Alexander was even older.

Coat of arms of the Trading House “M. Korol'kova and A. Barabanova and Sons”

Source: “Dokumenty o pokupke khleba u kuptsa Barabanova dlya vydachi ssud krest'yanam” [Documents on the purchase of grain from the merchant Barabanov for issuing loans to peasants]. F. 242, op. 1, d. 728, l. 4. GART.

In the 1880s, the Trading House “M. Korol'kova and A. Barabanova and Sons” started operating in Kazan and was engaged in confectionery production.²⁷ A. Barabanova was a Kazan merchant woman, the widow of the Old Believer merchant of the Belokrinskaya hierarchy P. Barabanov. In 1892, a water-steam mill opened by the trading house in Naberezhnye Morkvashi on the bank of the Volga produced its first batch of granular wheat flour.²⁸

Philanthropic Activities. The philanthropic activities of Old Believers in Kazan and Kazan Governorate during the period under study are covered in the works of E. Kartasheva. The author provides a classification of the forms and directions of charity of that confessional group. She identifies the following directions: personal (personal family) charity in private life; charity aimed at maintaining the existence of

²⁶ Latypov, “Development of Old Believer Communities,” 161.

²⁷ “Dokumenty o pokupke khleba u kuptsa Barabanova dlya vydachi ssud krest'yanam” [Documents on the purchase of grain from the merchant Barabanov for issuing loans to peasants]. F. 242, op. 1, d. 728, l. 4. GART.

²⁸ *Cultural Heritage Sites of the Republic of Tatarstan* [in Russian], vol. 2, *Administrative Districts: An Illustrated Catalog*, ed. A.M. Tarunov (Moscow: NIITsentr, 2021), 224, 968.

churches, prayer houses, and communities; charitable societies and institutions of the communities themselves; and social-estate charity (participation in the activities of charitable societies and institutions).²⁹ In analyzing the activities of women of the Old Believer community in Kazan Governorate, we are also going to use this classification.

Personal (personal-family) charity in private life. Unfortunately, written evidence of this type of charity has hardly survived, which is why E. Kartasheva was forced to turn to oral traditions and memoirs. For example, some residents of Kazan reported that Agrafena (according to some sources, Agrippina) Khrisanfovna, wife of merchant Ya. Shamov, used to bake silver coins into bread to be given as gifts to poor families³⁰ and also donated 100 metal mugs to the Alexander Hospital.³¹

Maintaining the existence of communities, churches, and prayer houses. In the second half and at the end of the 19th century, the chapel of the Belokrinitskaya hierarchy was located on Bolshaya Prolomnaya Street in the residential house of merchant I. Karpov (now Bauman Street).³² After the death of the owner, the chapel passed into the care of his widow O. Karpova. In the 1880s, I. Karpov managed to build another brick building at the beginning of Pervaya Gora Street (now Ulyanov-Lenin Street) with the aim of opening a separate church there. However, his intention encountered resistance from the authorities, and the church was not opened. At the turn of the century, the building was bought by E. Novikova to organize apartments for the Old Believer clergy. They could move in only in 1902 after the philanthropist's personal correspondence on that matter with the Minister of Internal Affairs and the issuance of an order by the Ministry addressed to the Kazan governor. At the same time, in I. Petrukhin's article "The Kazan Community of Old Believers Accepting the Belokrinitskaya Hierarchy" published in 1907, the philanthropist was mentioned with different initials (O.P. Novikova and K.I. Novikova) while Kartasheva mentions E.I. Novikova.³³ (The author of the article accepts the variant suggested by Kartasheva.)

²⁹ Kartasheva, "Charity of Old Believer Merchants," 178.

³⁰ Kartasheva, "Charity of Old Believer Merchants," 178–79.

³¹ "Protokol zasedaniya Soveta Kazanskoi Gorodskoi Aleksandrovskoi bol'nitsy 19 dekabrya 1891 goda" [Minutes of the meeting of the board of the Kazan City Alexander Hospital on December 19, 1891]. F. 98, op. 3, d. 1185, l. 5. GART.

³² I.R. Latypov, "Charity of Old Believer Merchants of Kazan Governorate in the 19th – Early 20th Centuries" [in Russian], *Book Collection of Samara Old Belief*, accessed October 20, 2024, https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_blagotvoritelnost_kupcov_staroobryadcev_kazanskoj_gubernii_v_xix_nachale_xx_veka/44-1-0-1932

³³ I.K. Petrukhin, "The Kazan Community of the Old Believers Accepting the Belokrinitskaya Hierarchy" [in Russian], *Staroobryadets*, no. 1 (1907), accessed October 20, 2024, <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-96>; Kartasheva, "Charity of Old Believer Merchants," 180–81.

Another philanthropist, Elizaveta F. Chetvergova, allocated funds for the construction of an Old Believer church for the Belokrinitskaya hierarchy on a plot of her own land bequeathed for that purpose in the Admiralteiskaya Sloboda of Kazan before her death in 1911.³⁴

Charitable societies and institutions of the communities themselves. The 1883 law on the general status of Old Believers in the state and their religious rights restricted the charitable and educational activities of Old Believer communities, suspecting them of luring people into schism.³⁵ Consequently, Old Believers did not create their own charitable societies. The situation began to change only at the beginning of the 20th century.

In 1904, Ekaterina Chelysheva opened an almshouse “for homeless elderly and disabled women schismatics of the Pomorian Bespopovtsy from two uyezds of Kazan Governorate – Chistopolskii Uyezd and Laishevskii Uyezd.”³⁶ It was officially registered with the Minister of Internal Affairs and included in the list of charitable societies and institutions in the city of Kazan and Kazan Governorate. The very fact that an Old Believer woman opened a charitable organization – an almshouse for her co-religionists – was unprecedented for that period.

Mariya K. Sanina (daughter of the Kazan second-guild merchant Kondratii E. Poduruev, wife of Samara Old Believer merchant Ivan L. Sanin) opened a free canteen named after Old Believers Ivan and Maria Sanin for the Belokrinitskaya hierarchy of Kazan in 1913. It was located on Georgievskaya Street and was intended for the poor of all faiths.³⁷ Mariya Sanina received the status of honorary trustee of the canteen and participated in resolving key issues whenever necessary.

Social-estate charity of Old Believer women. Such social-estate charity was essentially cross-estate and cross-confessional. It was in that direction that their broad personal participation was observed, expressed in donations of various kinds to state and public institutions and initiatives.

E. Novikova donated a building to the Kazan School for Child Labor in 1893.³⁸ M. Korol'kova contributed to the organization of the Kazan City Scientific and

³⁴ Latypov, “Charity of Old Believer Merchants.”

³⁵ Kartasheva, “Charity of Old Believer Merchants,” 175.

³⁶ “Bogadel'nya dlya zhenshchin v g. Chistopole, uchrezhdennaya vdovoi kommertsii – sovetnika Ekaterinoi Vasil'evnoi Chelyshevoi” [Almshouse for women in the town of Chistopol, established by the widow of a commerce councillor Ekaterina Vasil'evna Chelysheva]. F. 411, op. 1, d. 134, l. 16 ob. GART; *Charter of the Almshouse for Women in the City of Chistopol, Kazan Governorate, Established by the Widow of a Commerce Councilor Ekaterina Vasil'evna Chelysheva* [in Russian] (Kazan: Tipografiya i litografiya A.A. Rodionova, 1904), 3.

³⁷ *Charter of the Free Canteen in the City of Kazan Named after Old Believers Ivan and Maria Sanins* [in Russian] (Kazan, 1916).

³⁸ Kartasheva, “Charitable Work of Old Believer Merchants,” 19.

Industrial Museum (now the National Museum of the Republic of Tatarstan) in 1895.³⁹ E. Chelysheva financially (with a sum of 100,000 roubles) supported the construction of a water supply system in Chistopol in 1905.⁴⁰ A. Shamova donated 100 roubles to the Kazan Society of Russian Women.⁴¹ A. Chetvergova helped to maintain a canteen and a tea house of the Kazan Ladies' Charitable Society on Ust'e in 1910.⁴² In 1912, the Kazan Society in the Name of the All-Merciful Savior for the Care of Mentally Disabled and Crippled Children was operating under the care of M. Sanina and M. Podurueva (daughter of the Yelabuga third-guild merchant Ivan G. Stakheev and wife of the second-guild merchant Aleksei A. Poduruev).⁴³

Participation in the activities of charitable societies and institutions. That form of charitable activities can be distinguished as a separate direction, as women were not just philanthropists but also acted as trustees, members or honorary members of societies and made large donations or rendered outstanding services.

The following women were honorary members of charitable societies: A. Shamova, of the Kazan Temperance Society; A. Shamova, M. Romanova, and S. Berdnikova, of the Society for Assisting Students in Need of the Kazan First Real School; O. Karpova, of the Charitable Society for Assisting Patients in Need.⁴⁴

The greatest activity among Old Believer women in the second half of the 19th century was shown by Olga A. Mesetnikova (wife of Petr A. Mesetnikov, a public figure, industrialist, Kazan first-guild merchant, and patron of the arts). Mesetnikova worked in charitable societies "on special grounds." In Kazan, those were organizations of the Imperial Humane Society and the Department of Institutions of Empress Maria, which was under the direct patronage of Their Imperial Majesties.

³⁹ Kartasheva, "Charity of Old Believer Merchants," 207.

⁴⁰ Latypov, "Charity of Old Believer Merchants."

⁴¹ R. Tanaseva, "Life Is Given for Good Deeds – Merchant Shamov" [in Russian], *Kazanskie istorii*, no. 2–3 (2004), accessed 20 October 2024, <https://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/7001-974>

⁴² *Report of the Kazan Women Charitable Society on the Canteen and Tea House in Ust'e during the Navigation Season of 1910* [in Russian] (Kazan: Lito-tipografiya I.N. Kharitonova, 1911), 8.

⁴³ Kartasheva, "Charitable Work of Old Believer Merchants," 19; N.E. Bikmullina, "Poduruevs – Krasnikovs. Merchant Families of Kazan and Simbirsk governorates" [in Russian], *Chistopol State Historical, Architectural, and Literary Museum-Reserve*, accessed March 23, 2024, <https://chistopol-museum.ru/tpost/5ytoz0vx91-poduruevi-krasnikov-kupecheskie-familii>; Yu.P. Gavrilova, "Maria Podurueva. Spiritual Feat of Godparenthood" [in Russian], *Chistopol-Info*, accessed March 23, 2024, <https://chistopol-rt.ru/news/nashey-istorii-stroki/mariia-podurueva-duxovnyi-podvig-vospriemnicstva>

⁴⁴ Kartasheva, "Charitable Work of Old Believer Merchants," 18–19; Reports of the Board of the Society for Assisting Needy Students of the Kazan First Real School for 1909–1914 [in Russian] (Kazan, 1910–1915).

The Ladies' Charitable Department under the Kazan Committee for the Poor of the Department of the Imperial Humane Society began its work in 1873. Olga Mesetnikova was among its first members. In the early stages, the society studied the needs of the underprivileged strata of society by establishing 12 district guardianships for the poor in the parishes of Kazan. In the Vladimir parish, Mesetnikova worked together with Yu. Kuznetsova and A. Shpilevskaya.⁴⁵ In 1875–81, she became one of the trustees of the Needlework Workshop subordinate to the Ladies' Charitable Department for teaching girls cared for in free apartments. At the same time, Fedos'ya M. Berdnikova, a merchant's wife, was an employee of the Economic Needlework Institution, also under the authority of the Ladies' Charitable Department under the Kazan Committee for the Poor of the Department of the Imperial Humane Society.⁴⁶

Mesetnikova was an active member of the Provincial Guardianship of Children's Homes under the Department of Institutions of Empress Maria, first as assistant trustee of Nicholas I Children's Home in 1871–75 and as a trustee in 1881–85.⁴⁷ Judging by the documents work in those organizations (both the Provincial Guardianship of Children's Home and the Nicholas I Children's Home) was the priority in her social activities.

At the beginning of the 20th century, after the death of merchant Yakov F. Shamov, the power in the public sphere was taken over by his widow Agrafena (Agrippina) Khrisanfovna Shamova. Her main task was to complete the construction of the hospital. Its building is still called by the locals the Shamov Hospital. The philanthropist not only completed all the work, equipping the medical institution with everything necessary and arranging the grounds and access roads. In addition, she also served as chairwoman of the construction committee. Both before and after the transfer of the hospital to the city's administration, as honorary trustee, A. Shamova repeatedly participated in resolving current issues in the life of the medical institution.⁴⁸

⁴⁵ *Brief Information on the Activities of the Women's Charitable Department under the Kazan Committee for the Poor of the Imperial Humane Society for 25 Years (1874–1898)* [in Russian], comp. M.V. Ulitin (Kazan: Tipografiya i litografiya A.A. Rodionova, 1899), 4–5, 38.

⁴⁶ *Official Directory of Kazan Governorate* [in Russian] (Kazan: Gubernskaya tipografiya, 1875), 31.

⁴⁷ *Official Directory of Kazan Governorate* [in Russian] (Kazan: Gubernskaya tipografiya, 1871), 3; *Official Directory of Kazan Governorate* [in Russian] (Kazan: Gubernskaya tipografiya, 1872), 3; *Official Directory of Kazan Governorate* [in Russian] (Kazan: Gubernskaya tipografiya, 1875), 9, 31; *Official Directory of Kazan Governorate* [in Russian] (Kazan: Gubernskaya tipografiya, 1881), 17, 31; *Spisok litsam, sluzhashchim po vsem vedomstvam Kazanskoi gubernii* [List of Persons Serving in All Departments of Kazan Governorate] [in Russian], comp. A.P. Orlov (Kazan: Kazanskaya gubernskaya tipografiya, 1885), 298.

⁴⁸ "Zhurnal ocherednogo zasedaniya Kazanskoi gorodskoi Dumy 7-go aprelya 1910 g." [Journal of the regular meeting of the Kazan City Duma on April 7, 1910]. F. 98, op. 6, d. 810, ll. 142 ob. –

Conclusion

Like all women in the middle and second half of the 19th century, Old Believer women formed part of the patriarchal family and thus, by definition, belonged to the private sphere of society and were completely excluded from the public life. Nevertheless, women held a special status among the Old Believers. On the one hand, some authors argue that the Old Believer family was synonymous with the community as a whole; therefore, any activity carried out by women was confined to the private realm. On the other hand, those women were actively involved in community life, gaining experience that they later easily applied when they entered the public sphere.

Modernization in the Russian Empire in the middle and second half of the 19th century had a significant impact, among other things, on the way of life of Old Believer merchants and on the changes in gender relations within family.

Furthermore, that historical period saw the rise of the women's movement, marked by the dissolution of traditional societal boundaries and women's emergence into the public arena. The participants in that movement, active within the public sphere, came to be referred to as the new women, or women of the new type.

In the second half of the 19th – early 20th centuries, Old Believer merchant women of Kazan Governorate belonged simultaneously to the Old Believer, merchant, and specifically female communities. Accordingly, as a result of the transformational dynamics within each of those groups, they found themselves positioned at the crossroads of tradition and innovation.

Of course, it can only be conjectured that the wives of Old Believer merchants in Kazan were familiar with feminist ideas, and it is even less reasonable to claim that they regarded themselves “new women.” Nevertheless, the available historical sources offer numerous examples of Old Believer women stepping beyond the confines of their intra-confessional (private) space and operating within the extra-confessional (public) sphere.

According to calculations, out of 19 *identified* (emphasis added. – A. F.) Old Believer women, 63% belonged to the Popovtsy (S. Korol'kova, M. Korol'kova, P. Novikova, A. Barabanova, O. Karpova, P. Novikova, E. Chetvergova, A. Chetvergova, M. Romanova, S. Berdnikova, F. Berdnikova, and O. Mesetnikova), and 37% to the Bespopovtsy (M. Podurueva, P. Fomina, U. Fomina, E. Gordeeva, A. Shamova, E. Chelysheva, and M. Sanina). 42% of the Old Believer women of Kazan Governorate (representatives of both confessions in equal measure) were involved in entrepreneurial activities.⁴⁹ Sometimes, in order to preserve the business,

143 ob. GART; *Journals of the Kazan City Duma and Reports of the Administration for January – May 1912* [in Russian] (Kazan, 1912), 14–16.

⁴⁹ Calculated by the author based on all sources and literature identified.

widows took management into their own hands until their sons came of age. The significance of women as heads of family enterprises is reflected in the names of trading houses registered at the end of the 19th century.

The most significant development of Old Believer women's social activity occurred in the sphere of charity: personal charity (personal family charity in private life and the maintenance of communities, churches, and prayer houses) and organized charity (both the charitable societies of the communities themselves and cross-confessional social-estate societies). Initially, Old Believer women did not possess the right to establish charitable organizations independently. However, they could participate in societies already in existence or in the process of establishment in Kazan and Kazan Governorate, becoming their honorary members and trustees. Possessing sufficient time and financial resources, Old Believer women applied their organizational and administrative abilities in practice without resorting to the assistance of men from their confessional community.

At the beginning of the 20th century, the opportunity for Old Believers to create their own charitable societies finally emerged. In Kazan Governorate, it was women who were among the first to seize that opportunity. They established both purely Old Believer organizations for women (an almshouse in Chistopol) and cross-confessional ones intended for representatives of all estates and gender groups (a canteen and hospital in Kazan).

Thus, it can be confidently asserted that in the second half of the 19th – early 20th centuries, the wives and widows of Old Believer merchants of Kazan Governorate began to actively engage in women's social activity.

Список литературы

Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / перевод с немецкого и английского В.В. Библихина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 437 с.

Бикмуллина Н.Е. Подуруевы – Красниковы. Купеческие фамилии Казанской и Симбирской губерний // Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник. URL: <https://chistopol-museum.ru/tpost/5ytoz0vx91-poduruevi-krasnikovi-kupecheskie-familii> (дата обращения: 23.03.2024).

Гаврилова Ю.П. Мария Подуруева. Духовный подвиг восприимчивости // Чистополь-информ. URL: <https://chistopol-rt.ru/news/nashey-istorii-stroki/mariia-podurueva-duhovnyi-podvig-vospriimnicestva> (дата обращения: 23.03.2024).

Девярых Л.И. Из истории казанского купечества: тысячелетию Казани посвящается... Казань: Титул-Казань, 2005. 144 с. EDN: QPANEB

Джозффе М., Линденмейер А. Дочери, жены и партнеры московской деловой элиты / перевод с английского Ю.А. Петрова, Е.Н. Савиновой // Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии / под редакцией Дж. Уэста, Ю.А. Петрова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 147–165.

Карташева Е.И. Благотворительная деятельность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX вв. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 9–27. EDN: СНVTKB

Карташева Е.И. Благотворительность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX веков // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность: сборник научных трудов / под редакцией С.В. Таранца. 2010. Вып. 4. С. 172–217.

Карташева Е.И. Старообрядчество в Казани: вехи истории // Проблемы изучения истории Русской православной церкви и современная деятельность музеев / под редакцией Л.И. Скрипкиной, И.Л. Кызласовой. Москва: Государственный Исторический музей, 2005. С. 99–113.

Керов В.В. Конфессиональные факторы особого статуса женщины в старообрядчестве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 3. С. 34–46. <https://doi.org/10.26456/vthistory/2023.3.034-046>, EDN: CGIPWJ

Керов В.В. Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 60–69. EDN: UYJSNZ

Керов В.В. Место женщины в старообрядческом сообществе и предпринимательстве // Женщина в старообрядчестве: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители / составители А.М. Пашков, А.В. Пигин, И.Н. Ружинская. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2006. С. 14–23.

Куприянова И.В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 326–330. EDN: REFWFL

Латыпов И.Р. Благотворительность купцов-старообрядцев Казанской губернии в XIX – начале XX века // Самарское староверие. URL: https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_blagotvoritelnost_kupcov_staroobrjadcev_kazanskoj_gubernii_v_x_ix_nachale_xx_veka/44-1-0-1932 (дата обращения: 20.10.2024).

Латыпов И.Р. Развитие старообрядческих общин Казанской губернии XIX – начала XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2011. 224 с.

Маслова И.В. Культура семейных традиций уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 121–126. EDN: MNRSXC

Объекты культурного наследия Республики Татарстан: в 2 т. Т. 2: Административные районы: иллюстрированный каталог / под редакцией А.М. Тарунова. Москва: НИИЦентр, 2021. 1087 с.

Свердлова Л.М. Купечество Казани: дела и люди. Казань: Матбугат йорты, 1998. 168 с.

Смилянская Е.Б. Женское служение в старообрядческой общине конца XX в. (из наблюдения полевого археографа) // Одиссей: человек в истории. 2013. Женщина в религиозной общине. Запад / Восток / под редакцией А.О. Чубарьяна. Москва: Наука, 2014. С. 90–114. EDN: UJGVAN

Танасева Р. Жизнь дана на добрые дела – купец Шапов // Казанские истории. 2004. № 2–3. URL: <https://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/7001-974> (дата обращения: 20.10.2024).

Тикас Ч.О. Женщина в беспоповском старообрядческом сообществе во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Санкт-Петербургской, Новгородской, Вологодской и Олонецкой губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2011. 27 с. EDN: ZOJIGH

Тикас Ч.О. О степени самостоятельности женщины в старообрядческом обществе (по материалам Новгородской губернии XIX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. Вып. 2. С. 60–65. EDN: NTUCOB

Тикас Ч.О. Отношение к женщинам вне и внутри старообрядческого сообщества (по материалам Русского Севера второй половины XIX в.) // Труды Государственного музея истории религии. 2011. № 11. С. 85–90. EDN: ORJNIZ

Ульянова Г. Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 352 с.

Федотова А.Ю. Женская общественная деятельность: терминология и методология изучения женского движения в России во второй половине XIX – начале XX вв. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 177–208. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>, EDN: WKKCOQ

Хирьянова Л.В. Традиционные основы семьи как главный фактор формирования идентичности старообрядчества в эпоху модернизации // Аналитика культурологии. 2009. № 1 (13). С. 173–178. EDN: QZBGPV

Юкина И.И. «Новые женщины»: мотивы участия в женском движении // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / составитель Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 118–126.

Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 544 с. EDN: QPGUWZ

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1989. 301 p.

References

Arendt, H. *Vita Activa, ili O deyatel'noi zhizni* [The human condition], translated by V.V. Bibikhin. St Petersburg: Aleteya, 2000. (In Russian).

Bikmullina, N.E. “Poduruevy – Krasnikovy. Kupecheskie familii Kazanskoi i Simbirskoi gubernii” [Poduruevs – Krasnikovs. Merchant surnames of Kazan and Simbirsk governorates]. Chistopol State Historical, Architectural, and Literary Museum-Reserve. Accessed March 23, 2024. <https://chistopol-museum.ru/tpost/5ytoz0vx91-poduruevi-krasnikov-i-kupecheskie-familii> (In Russian)

Devyatykh, L.I. *Iz istorii kazanskogo kupechestva: tysyacheletiyu Kazani posvyashchaetsya...* [From the history of Kazan merchants: Dedicated to the millennium of Kazan...]. Kazan: Titul-Kazan', 2005. EDN: QPANEB (In Russian)

Fedotova, A.Yu. “Women's Social Activism: Terminology and Methodology for the Study of the Women's Movement in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 177–208. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>, EDN: WKKCOQ

Gavrilova, Yu.P. “Mariya Podurueva. Dukhovnyi podvig vospriemnichestva” [Maria Podurueva. Spiritual feat of godparenthood]. Chistopol-rt.ru. Accessed March 23, 2024. <https://chistopol-rt.ru/news/nashey-istorii-stroki/mariia-podurueva-duxovnyi-podvig-vospriemnichestva> (In Russian)

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

Joffe, M, and A. Lindenmeyr. “Docheri, zheny i partnery moskovskoi delovoi elity” [Daughters, wives, and partners: Women of the Moscow merchant elite]. In *Kupecheskaya Moskva. Obrazy ushedshei rossiiskoi burzhuazii* [Merchant Moscow: Images of Russia's vanished bourgeoisie], edited by J. West, and Yu. Petrov, 147–65. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. (In Russian)

Kartasheva. E.I. “Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kuptsov-starobryadtsev i starobryadcheskikh obshchin Kazani v kontse XIX – nachale XX vv.” [Charitable work of Old Believer merchants and Old Believer communities of Kazan in the late 19th – Early 20th centuries]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, vol. 12, no. 1 (2022): 9–27. EDN: CHVTKB (In Russian)

Kartasheva, E.I. “Blagotvoritel'nost' kuptsov-starobryadtsev i starobryadcheskikh obshchin Kazani v kontse XIX – nachale XX vekov” [Charity of Old Believer merchants and Old Believer communities of Kazan in the late 19th – early 20th centuries]. In *Sud'ba starobryadchestva v XX – nachale XXI vv.: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [The fate of the Old Belief in the 20th – early 21st centuries: History and modernity: Collected scientific papers], edited by S.V. Taranets, 172–217. Iss. 4, 2010. (In Russian)

Kartasheva, E.I. “Starobryadchestvo v Kazani: vekhi istorii” [Old Belief in Kazan: Milestones in history]. In *Problemy izucheniya istorii Russkoi pravoslavnoi tserkvi i sovremennaya deyatel'nost' muzeev* [Problems of studying the history of the Russian Orthodox Church and contemporary museum activities], edited by L.I. Skripkina, and I.L. Kyzlasova, 99–113. Moscow: Gosudarstvennyi Istoricheskii muzei, 2005. (In Russian)

Kerov, V.V. “Konfessional'nye faktory osobogo statusa zhenshchiny v starobryadchestve” [Confessional factors of the special status of woman in Old Belief]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 3 (2023): 34–46. <https://doi.org/10.26456/vthistory/2023.3.034-046>, EDN: CGIPWJ (In Russian)

Kerov, V.V. “Mariya Morozova i drugie: gendernyi aspekt starobryadcheskogo predprinimatel'stva” [Maria Morozova and others: The gender aspect of Old Believer entrepreneurship]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (49) (2015): 60–69. EDN: UYJSNZ (In Russian)

Kerov, V.V. “Mesto zhenshchiny v starobryadcheskom soobshchestve i predprinimatel'stve” [The place of woman in the Old Believer community and entrepreneurship]. In *Zhenshchina v starobryadchestve: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu osnovaniya Leksinskoj starobryadcheskoj obiteli* [Woman in Old Belief: Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 300th anniversary of the Leksa old believer convent], compiled by A.M. Pashkov, A.V. Pigin, and I.N. Ruzhinskaya, 14–23. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2006. (In Russian)

Khiriyanova L.V. “Traditsionnye osnovy sem'i kak glavnyi faktor formirovaniya identichnosti starobryadchestva v ehpokhu modernizatsii” [Traditional foundations of family as the main factor in the formation of the Old Belief identity in the era of modernization]. *Analitika kul'turologii*, no. 1 (13) (2009): 173–78. EDN: QZBGPV (In Russian)

Kupriyanova, I.V. “Starobryadcheskaya sem'ya: religiozno-kul'turnaya dominanta” [The Old Believer family: Religious and cultural dominant]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 4 (41) (2013): 326–30. EDN: REFWFL (In Russian)

Latypov, I.R. “Blagotvoritel'nost' kuptsov-starobryadtsev Kazanskoi gubernii v XIX – nachale XX veka” [Charity of the Old Believer merchants of Kazan Governorate in the 19th – early

20th century]. *Samarskoe staroverie*. Accessed October 20, 2024, https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_blagotvoritelnost_kupcov_staroobrjadcev_kazanskoj_gubernii_v_x_ix_nachale_xx_veka/44-1-0-1932 (In Russian)

Latypov, I.R. “Razvitie staroobryadcheskih obshchin Kazanskoj gubernii XIX – nachala XX vekov” [Development of the Old Believer communities in Kazan Governorate in the 19th – early 20th centuries]. PhD diss., Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011. (In Russian)

Maslova, I.V. “Kul'tura semeinykh tradicii uezdnogo kupechestva Vyatskoj gubernii v XIX – nachale XX veka” [Culture of uyezd merchants' family traditions in Vyatka Governorate in the 19th – early 20th century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 1 (2011): 121–26. EDN: MNRSXC (In Russian)

Ob"ekty kul'turnogo naslediya Respubliki Tatarstan [Cultural heritage sites of the Republic of Tatarstan], in 2 vols. Vol. 2, *Administrativnye raiony: illyustrirovannyi katalog* [Administrative districts: An illustrated catalog], edited by A.M. Tarunov. Moscow: NIITsentr, 2021. (In Russian)

Smilyanskaya, E.B. “Zhenskoe sluzhenie v staroobryadcheskoj obshchine kontsa XX v. (iz nablyudeniya polevogo arkheografa)” [Women's ministry in the Old Believer community of the late 20th century (observations of a field archaeographer)]. In *Odissei: chelovek v istorii* [Odyssey: Man in history], 2013, *Zhenshchina v religioznoi obshchine: Zapad / Vostok* [Woman in a religious community: West / East], edited by A.O. Chubaryan, 90–114. Moscow: Nauka, 2014. EDN: UJGVAN (In Russian)

Sverdlova, L.M. *Kupechestvo Kazani: dela i lyudi* [Merchants of Kazan: Deeds and people]. Kazan: Matbugat iorty, 1998. (In Russian)

Tanaseva, R. “Zhizn' dana na dobrye dela – kupets Shamov” [Life is given for good deeds – Merchant Shamov]. *Kazanskie istorii*, no. 2–3 (2004). Accessed October 20, 2024. <https://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/7001-974> (In Russian)

Tikas, Ch.O. “O stepeni samostoyatel'nosti zhenshchiny v staroobryadcheskom obshchestve (po materialam Novgorodskoi gubernii XIX v.)” [On the degree of woman's independence in the Old Believer community (based on the materials from Novgorod Governorate of the 19th century)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, iss. 2 (2011): 60–65. EDN: NTUCOB (In Russian)

Tikas, Ch.O. “Otnoshenie k zhenshchinam vne i vnutri staroobryadcheskogo soobshchestva (po materialam Russkogo Severa vtoroi poloviny XIX v.)” [Attitudes toward women outside and inside the Old Believer community (based on the materials from the Russian North of the second half of the 19th century)]. *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii*, no. 11 (2011): 85–90. EDN: ORJNIZ (In Russian)

Tikas, Ch.O. “Zhenshchina v bespopovskom staroobryadcheskom soobshchestve vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (po materialam Sankt-Peterburgskoi, Novgorodskoi, Vologodskoi i Oloneckoi gubernij)” [Woman in the Priestless Old Believer community in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the materials of St Petersburg, Novgorod, Vologda, and Olonets governorates)]. PhD thesis, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, 2011. EDN: ZOJIGH (In Russian)

Ul'yanova, G. *Kupchikhi, dvoryanki, magnatki: Zhenshchiny-predprinimatel'nitsy v Rossii XIX veka* [Merchant women, noblewomen, magnates: Female entrepreneurs in Russia in the 19th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. (In Russian)

Yukina, I.I. “Novye zhenshchiny’: motivy uchastiya v zhenskom dvizhenii” [‘New Women’: Motives for participation in the women’s movement]. In *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaya kul'tura: Materialy V konferentsii, posvyashchennoi teorii i istorii zhenskogo dvizheniya* [Russian women and European culture: Proceedings of the 5th conference on the theory and history of the women’s movement], compiled by G.A. Tishkin, 118–26. St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. (In Russian)

Yukina, I.I. *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity]. St Petersburg: Aleteiya, 2007. EDN: QPGUWZ (In Russian)

Информация об авторе

Анастасия Юрьевна Федотова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения, Высшая школа международных отношений и мировой истории, Институт международных отношений, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>, stasi7886@mail.ru, Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420018 Казань, Россия).

Information about the author

Anastasiya Yu. Fedotova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of National History and Archival Studies, Higher School of International Relations and World History, Institute of International Relations, <https://orcid.org/0000-0001-7115-7660>, stasi7886@mail.ru, Kazan Federal University (18, ul. Kremlevskaya, 420018 Kazan, Russia).

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 18.02.2026.

The article was submitted 23.10.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication 18.02.2026.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 471–507.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 2 (2026): 471–507.

Научная статья

УДК: 94(470)"18/19"

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-3>

<https://elibrary.ru/irqvnk>

**В борьбе за детское здоровье: торгово-санитарный надзор и условия
производства и продажи молока в столицах Российской империи
во второй половине XIX – начале XX в.**

Валентина Александровна Веременко ✉

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина,

Санкт-Петербург, Пушкин, Россия,

✉ v.a.veremenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>

Valentina A. Veremenko ✉

Pushkin Leningrad State University,

St Petersburg, Pushkin, Russia,

✉ v.a.veremenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>

Юлия Витальевна Сутула

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина,

Санкт-Петербург, Пушкин, Россия,

jmitlina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5338-0065>

Yuliya V. Sutula

Pushkin Leningrad State University,

St Petersburg, Pushkin, Russia,

jmitlina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5338-0065>

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования деятельности органов столичного самоуправления в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. по контролю производства и продажи молока как важнейшего продукта питания для поддержания детского здоровья.

Высокая детская смертность в рассматриваемый период в значительной мере обуславливалась низким качеством потребляемых продуктов. Изучение деятельности городских структур по организации торгово-санитарного надзора в деле контроля над

© Веременко В.А., Сутула Ю.В., 2026

© Veremenko V., Sutula Yu., 2026

снабжением жителей качественным молоком для детского питания позволило выявить значение регулирующих документов по данному вопросу.

Отсутствие конкретных нормативно-правовых актов, а также невозможность организовать постоянный и систематический контроль в этой сфере приводили к повсеместной реализации населению молока ненадлежащего качества. Серьезно сократить детскую смертность в столицах в таких условиях не представлялось возможным.

Ключевые слова: детское здоровье, торгово-санитарный надзор, городское общественное управление, столичные города, продажа молока, гигиена и санитария, питание детей

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00421-П «Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии в середине XVIII – начале XX в.», <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>).

Для цитирования: Веременко В.А., Сутула Ю.В. В борьбе за детское здоровье: торгово-санитарный надзор и условия производства и продажи молока в столицах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 471–507, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-3>; EDN: IRQVNK

In the Fight for Children’s Health: Trade and Sanitary Supervision and Conditions for Milk Production and Sale in the Capitals of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

Abstract. The article presents the results of research into the activities of the metropolitan self-government bodies of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century aimed at controlling the production and sale of milk as the most important nutrition product for maintaining children’s health.

High infant mortality in the period under review was mostly determined by the quality of the products consumed. The study of the activities of city structures in organizing trade and sanitary supervision in the matter of the residents’ supply with high-quality milk for baby food made it possible to identify the significance of regulatory documents on this issue.

The absence of specific regulatory legal acts as well as the inability to establish continuous and systematic control in that area led to the widespread sale of substandard milk to the population. Under those conditions, it was impossible to significantly reduce child mortality in the capitals.

Keywords: children’s health, trade and sanitary supervision, city public administration, metropolitan cities, milk sale; hygiene and sanitation, children’s nutrition

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project no. 22-18-00421-II, “Childhood Hygiene in Saint Petersburg and Saint Petersburg Province (Mid-18th – Early 20th Century),” <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>).

For citation: Veremenko, V.A., and Yu.V. Sutula, “In the Fight for Children’s Health: Trade and Sanitary Supervision and Conditions for Milk Production and Sale in the Capitals of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 2 (2026): 471–507, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-3>; EDN: IRQVNK

Введение

В Российской империи во второй половине XIX в. проблема здоровья детей стала восприниматься и государством, и обществом как один из ключевых факторов выживаемости нации, что напрямую было связано с ужасающей детской смертностью, значительно превосходившей показатели других европейских стран. Действительно, наибольшее количество детских смертей в России приходилось на возраст от рождения до пяти лет и составляло около 55 % от общего числа умерших детей¹. Причем такой процент смертности был характерен как для сельской местности, так и для городов, особенно столичных: в Московской губернии в 1867–1881 гг. на 1 000 родившихся умирало до года 406 младенцев, в Петербургской губернии – 345².

Изучая причины высокой детской смертности в Российской империи, гигиенисты начала XX в. указывали на существенное влияние, которое оказывали на нее те или иные способы кормления ребенка. Недостаток питания, неправильное кормление, ошибки в организации этого процесса создавали опасность умственной и физической деградации и могли привести к смерти³. Таким образом, вопрос о питании детей с момента их рождения становился основой народного благополучия.

Важнейшее влияние на уровень смертности оказывала форма кормления младенца: при грудном вскармливании он был в 3 раза ниже, чем при искусственном⁴. Пропаганда грудного вскармливания как самого здорового и необходимого питания для ребенка во второй половине XIX в. велась очень активно, и в обществе к концу века было сформировано мнение, что «молоко матери есть наилучшая пища для ее ребенка»⁵.

Несмотря на общепризнанность данного факта, большинство жителей столиц от искусственного вскармливания по ряду причин массово не отказывались. Многие матери не могли кормить детей по состоянию здоровья⁶, для других, занятых на производстве, – это делать было крайне затруднительно. В

¹ Шестакова О.А. Детская смертность в России. Санкт-Петербург: Типография «Родник», 1914. С. 1–2.

² Смертность младенцев в Европейской части в 1867–1881 г. В возрастах от рождения до пяти лет. Санкт-Петербург: Центральный Статистический Комитет Министерства внутренних дел, 1889. С. 7–11.

³ Кайданова О.В., Глаголев Ф. Питание школьников: (Школьные приварки). Москва: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1914. С. 5.

⁴ Детская смертность и социальные условия. Петроград: Музей труда, 1916. С. 5.

⁵ Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. Санкт-Петербург: Издательство В.И. Губинского, 1911. С. 622.

⁶ Якобзон Л.Я. Друг матери. Календарь для матерей на 1901 г. Санкт-Петербург: Издательство А.Е. Ландау, 1900. С. 12.

результате, для значительной части по преимуществу городских семейств разного уровня достатка вопрос качественной замены материнского молока хорошим искусственным питанием был весьма значимым. Основой альтернативного кормления становилось коровье молоко как наиболее близкое по своему составу к материнскому.

Но не только для родителей новорожденных-«искусственников» качество покупаемого молока имело принципиальное значение. Детей, находящихся на грудном вскармливании, с 5–6 месяцев было принято «прикармливать» коровьим молоком, а затем и молочной кашей⁷, да и для вышедших из младенчества детей, по мнению гигиенистов того времени, данный продукт должен был оставаться основой питания. Здоровому дошкольнику рекомендовалось выпивать 2–4 бутылочки (стакана) в день, а в случае болезни ребенка советовали переводить его исключительно на молочную диету⁸.

Таким образом, здоровье всех городских детей самого «опасного возраста» – от рождения до 5 лет, напрямую зависело от того, насколько качественный продукт могли приобрести их родители, а это, в свою очередь, определялось степенью внимания к проблеме со стороны санитарных служб.

На государственном уровне, согласно Уставу Врачебному, были приняты лишь общесанитарные требования к производству и ведению торгова пищевыми продуктами. Продукция для детского питания в особую группу не выделялась, а молоко относилось к «жизненным припасам», к которым применялась ст. 854 Устава Врачебного (о недопуске к продаже продукции несвежей и вредной для здоровья)⁹. При этом принятие мер по обеспечению безвредности припасов, согласно ст. 103 Городского положения 1870 г., возлагалось на Городские Думы¹⁰.

Итак, важнейший вопрос общегосударственной важности о снижении уровня детской смертности в Российской империи посредством обеспечения качественного питания детей раннего возраста перепоручался органам городского самоуправления. Особый научный интерес представляет

⁷ Яновская Д.А. Об искусственном кормлении новорожденных и грудных детей. Доклад в заседании Врачей Бесплатного Родильного Приюта, учрежденного Н. Ф. Уваровой в Киеве. Киев: Типография общества «Петр Барский в Киеве», 1913. С. 443.; Дернова-Ярмоленко А. Азбука матери // Свободное воспитание. 1908–1909. № 11. С. 89.

⁸ Стол для детей в первые годы после кормления грудью // Здравие семьи. Журнал гигиены и популярной медицины, издаваемый при «Биржевых ведомостях». 1902. № 2 (16 (29) января). С. 14.

⁹ Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Санкт-Петербург: Типография П.П. Меркульева, 1874. Т. 2, вып. I. С. 504.

¹⁰ Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 года городское положение. Екатеринбург: Типография А.И. Безбородко, 1871. С. 40–41.

организация подобной работы в столичных городах России в пореформенный период.

В отечественной историографии сюжеты, связанные с деятельностью городского самоуправления и борьбой с детской смертностью, традиционно рассматриваются раздельно. Вместе с тем, изучение роли городских структур в улучшении санитарно-гигиенического состояния своих территорий входит в последние годы в число приоритетных направлений¹¹. Появились первые работы и о создании и функционировании торгово-санитарного надзора в обеих столицах империи¹².

Одним из направлений в рамках исследования борьбы с детской смертностью являются работы по истории гигиены детства. В них, в частности, анализируются принципы организации пунктов по раздаче молока малоимущим слоям населения столичных городов. Авторы этих исследований обращаются и к истории благотворительности, фокусируясь на анализе особенностей частной инициативы в организации данных пунктов¹³.

¹¹ *Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* Бани как компонент городской повседневности Оренбурга XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 4 (36). С. 232–246. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.13>, EDN: VQNPKV; *Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. Москва: Наука, 2006; *Ахметшина А.В., Павлова О.С., Кантимирова Р.И., Мухаметзянова Э.В., Самородов Д.П.* Деятельность органов местного самоуправления и земской медицины по борьбе с эпидемическими заболеваниями в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Гигиена и санитария. 2018. № 97 (4). С. 378–382. <https://doi.org/10.18821/0016-9900-2018-97-4-378-382>, EDN: ХТВЗКР; *Кискидосова Т.А.* Санитарное состояние городов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 49–53. <https://doi.org/10.17223/15617793/403/9>, EDN: VPEPBN; *Шерстнева Е.В.* Деятельность санитарных организаций городов России в области водоснабжения и канализации (конец XIX – начало XX веков) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2007. № 4. С. 50–54. EDN: OEDHNT

¹² *Митлина Ю.В.* Разработка и систематизация врачебно-санитарного законодательства Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 02–04 апреля 2020 г.) / под редакцией В.А. Веременко, В.Н. Шайдурова. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. Т. 1. С. 194–199. EDN: ZXMXZR; *Митлина Ю.В.* Создание системы торгово-санитарного контроля и предпосылки ее реформирования в Российской империи в конце XIX – начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Москвы) // История повседневности. 2021. № 2 (18). С. 33–45. https://doi.org/10.35231/25422375_2021_2_33, EDN: UOHCEQ

¹³ *Зайцева С.В.* Попытки реорганизации городской «Капли молока» в Санкт-Петербурге в начале XX в. как способ борьбы с детской смертностью // Реформы в повседневной жизни

Отечественные ученые в последние годы активно приступили к анализу организации детского питания в пореформенной России, концентрируя внимание как на повседневных домашних уходовых практиках, характерных для той или иной социальной группы¹⁴, так и на продуктовых нормах, действовавших в разнообразных детских общественных учреждениях¹⁵.

В предлагаемой статье исследуется деятельность органов столичного самоуправления по контролю над оборотом молока как важнейшего для поддержания детского здоровья продукта питания во второй половине XIX – начале XX в. Эта комплексная тема охватывает целый ряд важных аспектов: особенности функционирования и законотворческой деятельности городского самоуправления столичных городов; работа различных комиссий городских Управ; практики производства, хранения и торговли коровьим молоком в

населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 02–04 апреля 2020 г.) / под редакцией В.А. Веременко, В.Н. Шайдурова. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. Т. 2. С. 161–167. EDN: EPUCUW; Семенова О.А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019. № 4 (12). С. 72–81. EDN: OBJXWP

¹⁴ Веременко В.А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // История повседневности. 2017. № 2 (4). С. 79–105. EDN: ZRWGNV; Веременко В.А. Организация питания младенцев в столичных дворянско-интеллигентных семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы Международной научной конференции / под редакцией В.А. Веременко. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. Т. 2. С. 111–115. EDN: NHGRHY; Кальсина А.А. Причины детской смертности в Красноуфимском уезде Пермской губернии в начале XX в. (исследование земского врача М. Мизерова) // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 06–08 апреля 2023 г.) / под редакцией В.А. Веременко. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. Т. 2. С. 115–119; Мицюк Н.А. Распространение детских смесей в России (начало XX в.): медиализация и коммерциализация детского питания // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–19 марта 2016 г.) / под редакцией В.Н. Скворцова. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016. С. 155–160.

¹⁵ Синова И.В. Вопросы гигиены труда и быта учеников ремесленных мастерских Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2022. № 8–1. С. 70–78. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi19>, EDN: WPWIOA; Степанов С.В. История детского лечения и отдыха в Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. Царскосельская санатория для детей // История повседневности. 2022. № 2 (22). С. 34–42. https://doi.org/10.35231/25422375_2022_2_34, EDN: ТКННАW

условиях крупных городов; исследования ученых тех лет, в число которых входили химики, гигиенисты, детские врачи, ветеринары, по нормированию молока, в том числе по содержанию жира, особенностям и влиянию состава коровьего молока на детский организм и т.д. Наконец, принципиально важна реакция потребителей на проводимые городскими властями мероприятия.

Источниками для написания статьи явились отчеты санитарных органов и материалы врачебных и педагогических съездов, работы гигиенистов и диетологов, пособия по домоводству и кулинарии, воспоминания и дневники столичных жителей, газетные заметки и публицистика исследуемого периода. Значительная часть материалов впервые вводится в научный оборот.

В работе использован методологический подход, сочетающий в себе исследовательские приемы, характерные для истории повседневности, теории социокультурной динамики и теории «хронотопа». Эти направления дополняют друг друга и дают возможность всесторонне исследовать как сложившуюся в столичных городах России во второй половине XIX – начале XX в. ситуацию с организацией производства и потребления молока, так и мероприятия, осуществляемые городским самоуправлением с целью обезопасить столь важный для детского здоровья продукт на рынке.

Большие города – большое хозяйство – большие расходы

Прежде чем приступить к анализу регулирования молочного рынка, необходимо выделить ряд важных факторов, определявших жизнь столиц в исследуемый период. Для обоих городов был характерен стремительный рост населения. По переписи 1869 г. численность жителей Санкт-Петербурга составляла 667 963 чел., Москвы – 611 974¹⁶. К 1897 г. петербуржцев было уже 1 264 900 чел.¹⁷, а москвичей – 1 038 600¹⁸. Население Москвы и Санкт-Петербурга к концу XIX в. увеличилось почти в два и полтора раза соответственно. Следует обратить внимание на то, что развитие городов происходило не путем естественного прироста населения, а за счет переселенцев из других мест. Только треть жителей столиц к началу XX в. были уроженцами этих городов.

¹⁶ Петербург весь на ладони, с планом Петербурга, его панорамой с птичьего полета, 22 картинками и с прибавлением календаря / составитель В.О. Михневич. Санкт-Петербург: Издание книгопродавца К.Н. Плотникова, 1874. Ч. 1. С. XIX.

¹⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 3. Население городов Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-го января 1897 г. Санкт-Петербург: Печатня С.П. Яковлева, 1897. С. 8.

¹⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 3. С. 12.

«Пришлось» население Москвы и Санкт-Петербурга, занятое в торговле и производстве пищевых продуктов, привнесло в городское устройство свои традиции и устои, сложившиеся в деревенском хозяйстве, в том числе и связанные с хранением молочных продуктов, использованием специальной посуды и т.д. Да и у большинства покупателей крестьянские привычки не были изжиты.

Увеличивалась и площадь городов: ближайшие пригороды, некогда тихие и спокойные, становились промышленными центрами. Например, в конце 50-х гг. XIX в. Выборгская сторона Санкт-Петербурга представляла собой тихую деревенскую окраину¹⁹, а уже спустя тридцать лет эта часть столицы была застроена различными промышленными предприятиями, и большинство жителей составлял фабричный люд²⁰.

Такой стремительный рост городского населения существенно увеличивал зону ответственности городского самоуправления, ставя перед ним большие организационные задачи. Столичное самоуправление столкнулось с новыми нуждами, среди которых были и такие как

ухудшающееся санитарное состояние больших городов, жилищный вопрос, нужды продовольствия, требующие от городского самоуправления самой напряженной работы²¹.

Особо следует подчеркнуть, что городское самоуправление вынуждено было реагировать на эти новые, требующие значительных расходов вызовы в условиях, когда дефицит городского бюджета столичных городов «был болезненно хроническим», а финансовое положение порой признавалось критическим²².

Однако, несмотря на все перечисленные в свете урбанизационных процессов сложности и постоянные дискуссии по поводу разумного распределения расходных статей бюджета, власти столичных городов старались следить за качеством представленных на рынке основных «жизненных припасов», к которым, наравне с хлебом и мясом, относилось молоко. Характерно, что в этом стремлении городские власти значительно опережали население, интересы которого они представляли.

¹⁹ Гончаров И.А. Обломов: роман: полный текст романа. Санкт-Петербург: Издание И. Глазунова, 1909. Ч. 4. С. 470–471.

²⁰ Ленинград. Энциклопедический справочник / под редакцией Л.С. Шаумяна. Москва; Ленинград: Большая Советская энциклопедия, 1957. С. 286.

²¹ Арсеньев Н. От редакции // Городское дело. 1909. С. 1–2.

²² Городской бюджет // Русское слово. 12 декабря 1913. С. 2.

Деятельность органов городского самоуправления в области регулирования молочного рынка следует рассматривать в нескольких аспектах:

1. Создание специальных органов при Управе по контролю мест производства, хранения и продажи молочной продукции.
2. Законотворческая деятельность по разработке и принятию соответствующих обязательных постановлений.
3. Общий контроль над соблюдением нормативных актов и общих правил со стороны санитарных служб и полиции, в том числе и чинов торговой полиции.

Надзорные функции за доброкачеством молока и молочных продуктов должны были осуществлять «г.г. полицейские и санитарные врачи», т.е. контроль носил характер медико-полицейского надзора²³. Санитарная комиссия в качестве постоянного органа появилась в Москве в 1886 г.²⁴ В том же году и в Санкт-Петербурге начала работу Санитарная комиссия, выделенная как отдельный орган из комиссии Общественного Здравия²⁵. Базарные врачисмотрители, фактически подчинявшиеся Санитарной комиссии в Москве, и торгово-санитарные врачи, юридически относившиеся к Санитарной комиссии Санкт-Петербурга, осуществляли осмотр торговых предприятий, организовывали практическую деятельность торгово-санитарного надзора за молоком в зависимости от способа производства и вида торговли.

Особое значение имело открытие в 1891 г. городских санитарных станций, работники которых могли не только визуальнo осматривать продукцию, но и выполнять ее качественный и количественный анализ. Первые исследования молочного рынка по заданию Управы продемонстрировали ошеломляющие результаты. Согласно материалам московской санитарной лаборатории, фальсификация продаваемого молока на рынке составляла 24 % от всех взятых проб, в специальных молочных лавках и фермах – более 50 %, из зеленых погребов и других лавок – даже до 76 %, а молоко, купленное на Хитровке,

²³ Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому градоначальству и полиции, извлеченных из приказов за 1891–1901 гг. / составитель И.П. Высоцкий. Санкт-Петербург: Типография Санкт-Петербургского градоначальства, 1902. С. 499.

²⁴ Вернер И.А. Современное хозяйство города Москвы. Москва: Городская типография, 1913. С. 144–145.

²⁵ Оппенгейм А.Н. Краткий очерк современного состояния городского санитарного дела в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Типография П.Е. Ознобищева, 1903. С. 12.

было фальсифицировано на 100 %²⁶. В ряде образцов присутствовали примеси соды, борной кислоты, крахмала и мела²⁷.

Основной проблемой в деле борьбы с фальсифицированным молоком, по мнению торгово-санитарных служб столичных городов, было отсутствие законодательных актов, регулирующих состав этого продукта, т.е. нормировки молока. А ведь его четкое нормирование могло, как утверждал торгово-санитарный врач Санкт-Петербурга В.Н. Окунев, обеспечить нормальный химический состав продаваемого молока и избавить рынок столицы от недоброкачественных и фальсифицированных продуктов. Помимо этого, нормировка служила бы практическим основанием для проведения городскими учреждениями (лабораториями, санитарными станциями и т.п.) соответствующей экспертизы молочной продукции²⁸.

Для упорядочивания торговли молоком крайне важным было наличие в законах таких ключевых, влияющих на его качество показателей, как удельный вес, минимальное количество жира и сухого остатка. Такие нормы в виде обязательных постановлений в отношении торговли молоком в конце концов были разработаны санитарными комиссиями столичных городов, но их принятие растянулось на годы. Обсуждения и многочисленные дебаты, затягивавшие принятие обязательных постановлений в Думе, показывали, что общественные учреждения, в чьи обязанности входил контроль над санитарным состоянием, не в полной мере осознавали важность принятия подобных нормативных актов для сохранения здоровья маленьких жителей столичных городов²⁹.

В течение десятилетий, ушедших на подготовку законодательной базы, санитарные врачи не имели никакой возможности полноценно осуществлять проверки, что позволяло продавать фальсифицированный пищевой продукт под видом доброкачественного. Молоко теряло свои пищевые свойства,

²⁶ Чернышев С.А. Фальсификация пищевых веществ. Харьков: Печатное Дело, 1900. С. 21.

²⁷ Годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом институте Императорского Московского университета... 2-й... (май 1892 г. – май 1893 г.). Москва: Городская типография, 1894. С. 57.

²⁸ Отчет С.-Петербургского городского общественного управления за 1905 г. Ч. 4. Отчеты о деятельности установлений, подведомственных Городской Управе, содержащихся на городские средства или получавших пособия от городского общественного управления. Санкт-Петербург: Городская типография, 1906. С. 291.

²⁹ Пель А.В. Фальсификации и меры борьбы с ними. Две публичные лекции Профессора А.В. Пеля, читанные в Педагогическом Музее Военно-Учебных заведений, в пользу нуждающихся студентов Императорской Военно-Медицинской Академии. Санкт-Петербург: К.Л. Риккер, 1889. С. 10.

обесценивалось безнаказанными «корыстными стремлениями производителей и торговцев, снимающих с молока сливки и разводящих их водой»³⁰.

Торгово-санитарные врачи могли привлечь нарушителей к ответственности лишь за неудовлетворительное санитарное состояние мест продажи молочной продукции. Складывалось парадоксальное положение, при котором строгое наказание за грязное и неопрятное содержание торгового помещения сочеталось с невозможностью наложения санкций за качество продукции³¹.

Губительным для детского питания было не только отсутствие нормирования молочных продуктов, но и широко распространенный обычай разводить молоко водой. Цельное молоко для питания младенцев, особенно в возрасте до полугода, обычно разводили двумя–тремя частями воды. Определить, насколько продаваемое молоко было разбавлено, визуально было невозможно, и перед родителями вставал выбор – надо ли и в какой пропорции разводить приобретенное коровье молоко водой. Цельное неразбавленное молоко плохо влияло на кишечную перистальтику малышей, слишком разведенное – не обеспечивало потребности детского организма в питательных веществах³². Для снабжения детей в больницах и воспитательных домах даже организовывались специальные «деревенские экспедиции», в ходе которых закупалось качественное парное молоко для кормления с ложки или рожка³³.

Итак, во второй половине XIX в. в столичных городах возникло понимание необходимости осуществления контроля над производством и продажей молочной продукции. Начали функционировать специальные органы, периодически осуществлявшие проверки торговых точек. Но, в связи с тем, что принятие обязательных постановлений о порядке устройства и содержания молочных заведений в Москве растянулось на 14 лет³⁴, а городская лаборатория

³⁰ Коцын М.Б. Молоко и молочные продукты в Москве // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1897. № 3. С. 161.

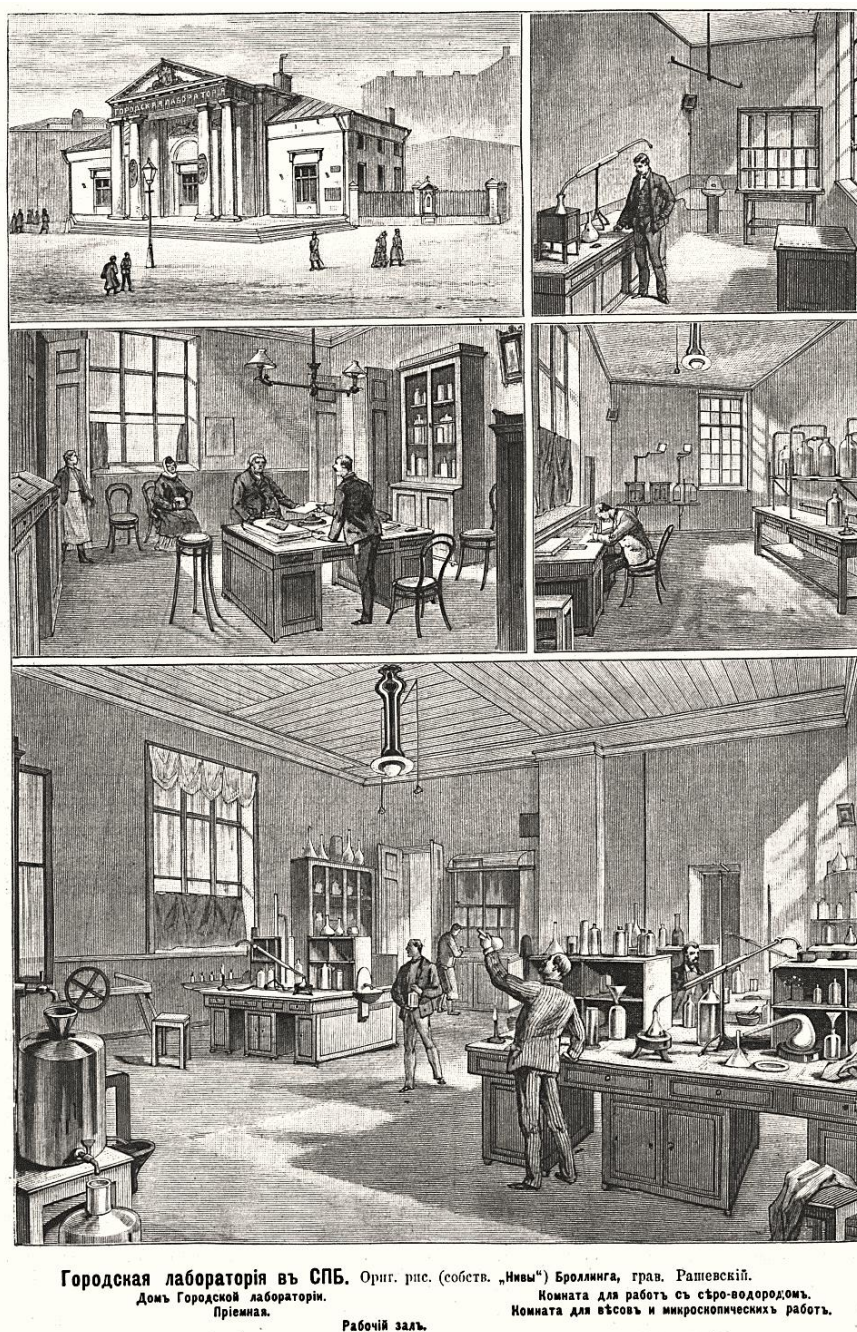
³¹ Отчет С.-Петербургского городского общественного управления за 1905 г. Ч. 4. С. 291.

³² Горохов Д.Е. К вопросу об уходе за детьми: Вскармливание, питание детей. Из лекций на Курсах при Обществе русских врачей в Москве в 1908 г. Москва: Журнал «Фельдшерский вестник», 1909. С. 14–15.

³³ Всеподданнейший отчет Санкт-Петербургского градоначальника... за 1891 год. Санкт-Петербург: Типография Санкт-Петербургского градоначальства, 1892. С. 132.

³⁴ Протокол заседания санитарной комиссии 27 октября 1899 // Центральный Государственный Архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. 179. Оп. 21. Д. 1960. Л. 1–2; Проект обязательных постановлений о содержании молочных заведений // ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1960. Л. 3–5.

в Санкт-Петербурге годами не могла доказать необходимость принятия нормирования молока в столице³⁵, подобные проверки становились фикцией.

Городская лаборатория в Санкт-Петербурге

Источник: Нива: иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1891. № 52. С. 1169

В результате до начала XX в. работа торгово-санитарных служб по контролю качества молока была значительно ограничена. На общегосударственном

³⁵ Проект обязательных постановлений по введению норм для молока, масла, хлеба и уксуса // Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 210. Оп. 1. Д. 389. Л. 1.

уровне не хватало четко прописанных законодательных актов, регулирующих пищевой стандарт молока как жизненно важного продукта. Нормы для качественного и количественного состава молока разрабатывались на местном уровне долгие годы и вызвали бесконечные дискуссии³⁶. Наконец, штат проверяющих производство и продажу пищевой продукции и напитков в столичных городах был незначителен, чем и пользовались фальсификаторы молочной продукции.

В условиях отсутствия должной оперативности в деле принятия необходимых постановлений со стороны столичных общественных учреждений, снабжение маленьких горожан качественным молочным продуктом полностью сосредотачивалось в руках «ответственных родителей», которые сами должны были решать, где приобретать молоко для детского питания.

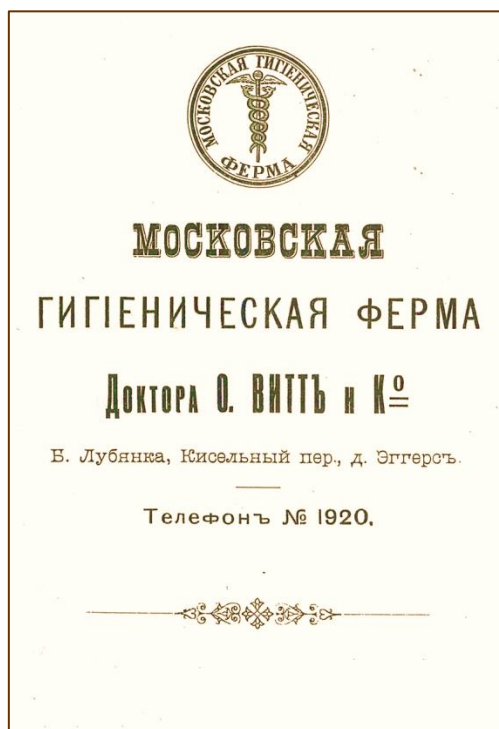
Где брать молоко? – выбор родителей

Важнейшим для родителей был вопрос: где приобретать молоко для детского питания? В женской литературе настоятельно рекомендовалось кормить ребенка молоком от одной проверенной коровы, которая содержится в хороших условиях³⁷. Доставлять молоко с ферм предлагалось в закрытых стеклянных бутылках, а еще лучше в упаковке, защищавшей тару от нагревания. Однако оба эти требования делали детское молочное питание крайне дорогостоящим. Помимо дороговизны, подобный подход требовал от родителей, чтобы они лично озаботились решением «молочной проблемы», занявшись поисками подходящей фермы. Намного проще было перепоручить это дело прислуге, либо отправляя кухарку на рынок или в лавку, либо ежедневно получая продукт у приносящей его прямо на квартиру молочницы³⁸. В результате подавляющее большинство и малоимущих, и вполне состоятельных жителей столицы использовали для покупки молока либо стационарные, либо разносно-развозные формы торговли.

³⁶ Годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом институте Императорского Московского университета за 1895 год. Москва: Городская типография, 1897. С. 7–8.

³⁷ Хозяйка дома: Подарок бережливой хозяйке дома и заботливой матери семейства. Санкт-Петербург: Герман Гоппе (М.А. Меллер), 1903. С. 211.

³⁸ Веременко В.А. «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 320–354. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354>, EDN: KCFJDI

Обложка рекламного проспекта фермы доктора О. Витт и К°

Источник: Московская гигиеническая ферма доктора О. Витт и К°. Описание работы фермы. Москва: [б. и.], 1897

Самой распространенной формой стационарной торговли молоком являлись сливочные и овощные лавки, куда поставляли товар крестьяне из деревень или хозяева, держащие коров в городе. В начале XX в. качество продаваемой в них продукции вызывало серьезные нарекания, о чем санитарные врачи сообщали потребителям через максимально доступные средства массовой информации. Так, газета «Копейка» в сентябре 1911 г. писала, что, по данным городского Врачебного Совета Санкт-Петербурга, в молочных лавках в 73 % взятых проб было обнаружено снятие жира (т.е. молоко не являлось цельным), а 38 % проб молока оказались разбавлены водой³⁹. Проверки, проведенные московской санитарной лабораторией, выявили, что в лавках посуда с молоком хранилась в душных помещениях с обилием мух, в самом молоке была найдена грязь⁴⁰. Читатели ужасались, вздыхали, но продолжали пользоваться привычными лавками, которые привлекали покупателей близостью, доступностью и дешевизной продукта.

В определенной степени улучшило ситуацию с качеством молочной продукции в Москве появление широкой сети молочных магазинов торгового

³⁹ Что мы едим? // Копейка. 28 сентября 1911. С. 2.

⁴⁰ Годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом институте Императорского Московского университета... 10-й... за 1901 год. Москва: Городская типография, 1904. С. 13.

дома Бландовых и специализированных магазинов молочной продукции А.В. Чичкина. Конкуренция между двумя предпринимателями побуждала их более тщательно следить за составом и свежестью продуктов. Однако даже таким «образцовым молочным» не удавалось избежать распространенных в то время нарушений в содержании подсобных помещений, в частности, хранения грязной одежды и обуви служащих в непосредственной близости от молочной продукции в открытой посуде⁴¹.

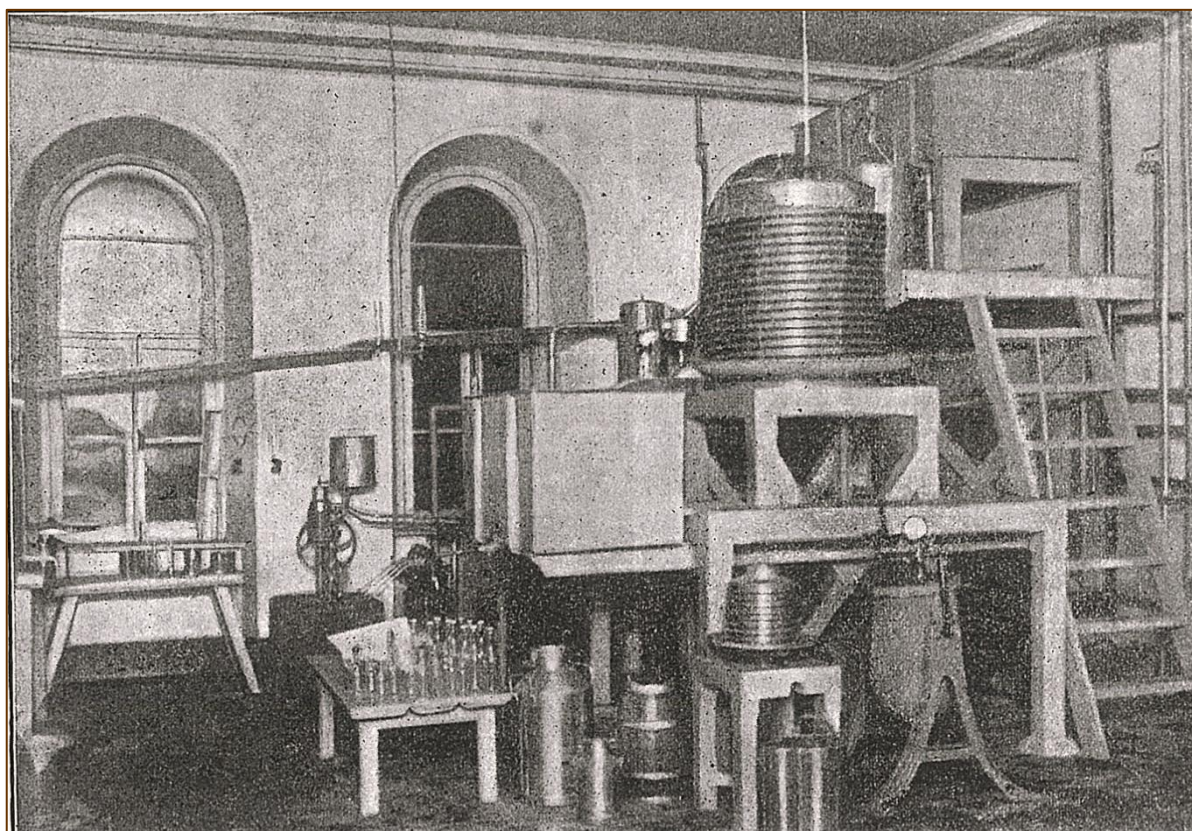
Стеклянная тара с «образцовой укупоркой», обеспечивающей, по мнению производителя, сохранность полезных свойств молока

Источник: Московская гигиеническая ферма доктора О. Витт и К°. Описание работы фермы. Москва: [б. и.], 1897. С. 16

Основная масса жителей столиц предпочитала по традиции покупать молоко на базарах и рыночных площадях, что требовало больше времени и сил, чем поход в ближайшую лавку, но, по мнению покупателей, давало надежду на лучшее качество. В Москву молоко ранним утром привозили окрестные крестьяне в специально оборудованных повозках. В Петербурге лучшим на рынке считалось молоко, продаваемое чухонцами. Санитарные врачи пытались донести до покупателей, что на самом деле за этой славой «рыночного качества» ничего кроме «общего мнения» не стояло: бадьи, в которых перевозили молоко, плохо промывались и содержали из-за этого постоянно

⁴¹ Дело торговца молочными продуктами А.В. Чичкина // Московский листок. 1 июня 1899. № 151. С. 3.

закисшее молоко, а для укупоривания емкостей использовались грязные тряпки, часто от белья или старого платья⁴².

Аппарат по розливу и укупорке молока (использовался в основном для пастеризованного молока)

Источник: Московская гигиеническая ферма доктора О. Витт и К°. Описание работы фермы. Москва: [б. и.], 1897. С. 3

Но «опытные» хозяйки и кухарки предпочитали доверять собственным практическим знаниям, а не прислушиваться к мнению специалистов. Они по запаху и внешнему виду пытались оценить качество молока, а, переливая пробу ложкой, определить на глаз примеси и степень разведения молока водой. На рынках существовал обычай «брать на пробу», поэтому нередко были случаи, когда покупатели, пробуя молоко, слизывали его языком с пробки⁴³. Разумеется, приобретать такое молоко было небезопасно, однако вера в собственный (либо кухаркин) опыт и высокое качество базарного продукта влекла стремящихся к качеству покупателей на рыночную площадь.

Особенно ярко это проявилось в Петербурге, где продажа молока осуществлялась преимущественно «охтенками», воспетыми еще

⁴² Газе А.Ф. Пантелеймоновский рынок в Санкт-Петербурге // Журнал Русского Общества охранения народного здравия. 1894. № 12. С. 974.

⁴³ Яблоков Н.В. О мерах к устранению вреда, причиняемого здоровью детей продажным коровьим молоком. Москва: Типография А.И. Мамонтова, 1891. С. 8.

А.С. Пушкиным. Однако в последней четверти XIX в. товар охтенко-молочниц изменился. Если изначально жители устья реки Охты держали свое молочное хозяйство, то к концу века они стали перепродавать молоко, закупаемое на рынках. По результатам проверок, такое молоко в большей степени оказывалось фальсифицированным из-за добавления воды и снятия сливок⁴⁴. Городское управление пыталось осуществлять контроль качества развозного молока, но сам характер торговли затруднял эту работу⁴⁵.

Стоимость товара существенно различалась от места его приобретения. Так, средняя цена на молоко в столице Российской империи составляла 6 коп. за бутылку. В дачной местности крестьяне предлагали хорошее молоко по 5–6 коп. за бутылку, аналогичное по качеству молоко в городе стоило на 1–2 коп. больше⁴⁶. Значительно дороже было фирменное молоко, например, цена бутылки с Саперной фермы начиналась от 10 коп.⁴⁷

Таким образом, качество молока не зависело от места его покупки, в большей степени в приобретении качественного товара играла роль осведомленность родителей, их ответственный подход к выбору продукта. Городские санитарные организации фиксировали нарушения, сомнительную продукцию отправляли на проверку в городские санитарные лаборатории, однако законодательные лакуны и ограниченность штата сотрудников затрудняли их работу. В итоге к началу XX в. санитарные органы столиц в качестве главного средства борьбы за детское здоровье использовали информирование публики об имеющихся проблемах с качеством молочной продукции, перекладывая всю ответственность на родителей.

Заключение

Коровье молоко являлось основным продуктом для питания детей раннего возраста во второй половине XIX – начале XX в. Его качество должны были контролировать торгово-санитарные службы, однако отсутствие четких требований к производству и продаже продукта, а также небольшая численность санитарных врачей в столичных городах Российской империи приводили к тому, что молока, действительно пригодного для кормления младенцев, было недостаточно.

⁴⁴ Розанов С.А. Молоко петербургских коров и условия его контроля на рынках: дис. ... д-ра мед. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1887. С. 80.

⁴⁵ Надзор за продажей молока в развоз // Петербургская газета. 26 сентября 1911. № 264. С. 2.

⁴⁶ Бахтияров А. Итоги дачного сезона // Петербургская газета. 20 августа 1894. № 227. С. 3.

⁴⁷ Саперная ферма // Петербургская газета. 20 августа 1894. № 227. С. 4.

С начала XX в. органы городского самоуправления на законодательном уровне регулировали качество продукта с помощью обязательных постановлений. Выработанные после нескольких десятилетий обсуждения санитарно-гигиенические требования, предъявляемые к качеству молока, были достаточно высоки, ведь от его состава и свежести в значительной степени зависел уровень детской смертности в стране. Но и после появления регулирующих документов торгово-санитарный надзор, осуществлявшийся за производством и продажей молока, продолжал быть недостаточным и нерегулярным. Ревизоры, не имевшие возможности проводить полномасштабные проверки всех точек производства и продажи молока, предпочитали сконцентрироваться на информировании горожан, запугивая их страшными цифрами и вынуждая «ответственных родителей» самих заниматься выбором подходящего места для приобретения молока и контролировать его качество. Однако поиск «проверенной коровы» и организация правильной доставки свежего продукта требовали слишком много денег, времени и сил. И если это еще могли реализовать специальные детские учреждения, подобные знаменитой «Капле молока» или Воспитательному дому, то даже для самых «продвинутых» родителей подобный подход был малодоступен. Оставалось надеяться на многолетний покупательский опыт хозяек и крепость детского организма.

В результате, в начале XX века детская смертность в столичных городах продолжала оставаться высокой, одной из ее причин являлась нехватка качественного коровьего молока для искусственного вскармливания и кормления маленьких детей.

Introduction

In the second half of the 19th century, the issue of children's health began to be perceived by the state and society in the Russian Empire as a key factor in the nation's survival, directly related to the shocking infant mortality rate, which significantly exceeded that in other European nations. Indeed, the highest number of infant deaths in Russia occurred between birth and five years of age, accounting for approximately 55% of all children's deaths.¹ Moreover, that mortality rate was typical for both rural areas and cities, especially the capitals: in the period between 1867 and 1881, of 1,000 births, 406 infants died before reaching one year of age in Moscow Governorate and in St Petersburg Governorate that number amounted to 345 deaths.²

Studying the causes of high infant mortality in the Russian Empire, hygienists of the early 20th century pointed to the significant impact of various feeding methods. Malnutrition, improper feeding, and poorly organized feeding practices posed the risk of mental and physical deterioration and could lead to death.³ Thus, the issue of infant nutrition from the moment of birth became the foundation of national well-being.

The method of infant feeding had a significant impact on mortality rates: mortality was three times lower with breastfeeding than with artificial feeding.⁴ Breastfeeding was actively promoted as the healthiest and most essential nutrition for children in the second half of the 19th century, and by the end of the century, the opinion had formed in society that “mother's milk is the best food for her child.”⁵

Despite the widespread recognition of that fact, most residents of the capital cities did not abandon artificial feeding en masse for a variety of reasons. Many mothers were unable to breastfeed their children for health reasons;⁶ for those who were employed in manufacturing it was extremely difficult. As a result, the issue of replacing mother's milk with artificial baby's food of high quality was crucial for a significant part of families, primarily urban ones, of varying income levels. As the

¹ O.A. Shestakova, *Child Mortality in Russia* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya “Rodnik”, 1914), 1–2.

² *Infant Mortality in the European Part in 1867–1881. Ages from Birth to Five Years* [in Russian] (St Petersburg: Tsentral'nyi Statisticheskii Komitet Ministerstva vnutrennikh del, 1889), 7–11.

³ O.V. Kaidanova, and F. Glagolev, *Schoolchildren's Nutrition (Hot Meals at School)* [in Russian] (Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o, 1914), 5.

⁴ *Child Mortality and Social Conditions* [in Russian] (Petrograd: Muzei truda, 1916), 5.

⁵ V.N. Zhuk, *Mother and Child. Hygiene in a Popular Presentation* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo V.I. Gubinskogo, 1911), 622.

⁶ L.Ya. Yakobzon, *Mother's Friend. Calendar for Mothers for 1901* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo A.E. Landau, 1900), 12.

closest in composition to mother's milk, cow's milk became the basis for alternative feeding.

The quality of purchased milk was crucial not only for the parents of bottle-fed newborns. Traditionally, breastfed infants were given cow's milk as additional food at the age of 5–6 months and cereal with milk some time later.⁷ According to hygienists of the time, milk should remain the foundation of the diet even for the children beyond infancy. A healthy preschooler was recommended to drink 2–4 bottles (glasses) per day, and in case of illness, it was recommended to switch the child to a diet of milk only.⁸

Thus, the health of all urban children at the most “risky age” (from birth to 5 years) directly depended on the quality of the product their parents could purchase, which, in turn, was determined by the level of attention paid to the problem by sanitary services.

In accordance with the Medical Charter, only general sanitary requirements for the production and sale of food products were adopted at the state level. Baby food products were not classified as a special group, and milk was included into “vital provisions” under Article 854 of the Medical Charter (on the prohibition of the sale of products that were stale or harmful to health).⁹ At the same time, according to Article 103 of the City Statute of 1870, the responsibility for ensuring the safety of supplies was assigned to the city dumas.¹⁰

Thus, the crucial national issue of reducing infant mortality in the Russian Empire by ensuring high-quality nutrition for young children was delegated to the city governments. The organization of such work in Russia's capital cities in the post-reform period is of particular scientific interest.

Traditionally, Russian historiography has considered the topics related to the activities of city governments and the fight against infant mortality separately. However, studying the role of city structures in improving the sanitary and hygienic

⁷ D.A. Yanovskaya, *On Artificial Feeding of Newborns and Infants. Report at a Meeting of the Doctors of the Free Maternity Shelter Established by N.F. Uvarova in Kiev* [in Russian] (Kiev: Tipografiya obshchestva “Petr Barskii v Kieve”, 1913), 443; A. Dernova-Yarmolenko, “Mother's ABC” [in Russian], *Svobodnoe vospitanie*, no. 11 (1908–1909): 89.

⁸ “Children's Diet in the First Years after Breastfeeding” [in Russian], *Zdravie sem'i. Zhurnal gigieny i populyarnoi meditsiny, izdavaemyi pri “Birzhevykh vedomostyakh”*, no. 2, January 16 (29), 1902, 14.

⁹ N. Neklyudov, *Handbook for Justices of the Peace* [in Russian], vol. 2, iss. 1 (St Petersburg: Tipografiya P.P. Merkul'eva, 1874), 504.

¹⁰ *City Regulations Approved by the Emperor on June 16, 1870* [in Russian] (Yekaterinburg: Tipografiya A.I. Bezborodko, 1871), 40–41.

conditions of their territories has become a priority in recent years.¹¹ The first works on the establishment and functioning of trade and sanitary supervision in the imperial capitals have also appeared.¹²

One of the areas of research into the fight against infant mortality is the study of the history of childhood hygiene. In particular, these works analyze the principles of organizing stations of milk distribution among low-income groups of populations in the capital cities. The authors of these studies also turn to the history of charity, focusing on the characteristics of private initiative in organizing those stations.¹³

In recent years, Russian researchers have actively begun to analyze the organization of children's nutrition in post-reform Russia, paying attention both to

¹¹ E.V. Burlutskaya (Bannikova), "Bathhouses as a Component of Urban Daily Life in Orenburg of the 19th Century" [in Russian], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 4 (36) (2020): 232–46, <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.13>, EDN: VQNPVK; N.A. Minenko, E.Yu. Apkarimova, and S.V. Golikova, *Everyday Life of the Ural City in the 18th – Early 20th Century* [in Russian] (Moscow: Nauka, 2006); A.V. Akhmetshina et al., "Activities of the Local Self-Government and Zemstvo Medicine in Fighting Epidemic Diseases in the Ufa Province at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century" [in Russian], *Gigiena i sanitariya*, no. 97 (4) (2018): 378–82, <https://doi.org/10.18821/0016-9900-2018-97-4-378-382>, EDN: XTBZKP; T.A. Kiskidosova, "Sanitary Conditions of Towns of Yenisei Province in the Late 19th and Early 20th Century" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 403 (2016): 49–53, <https://doi.org/10.17223/15617793/403/9>, EDN: VPEPBN; E.V. Sherstneva, "The Activities of the Sanitary Organizations of Russia's Cities in the Area of Water-Supply and Sewerage System (Late 19th – Early 20th Centuries)" [in Russian], *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, no. 4 (2007): 50–54, EDN: OEDHHT

¹² Yu.V. Mitlina, "Development and Systematization of the Medical and Sanitary Legislation of the Russian Empire in the late 19th – Early 20th Century" [in Russian], in *Reforms in the Everyday Life of Russian Population: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, April 2–4, 2020)*, ed. V.A. Veremenko, and V.N. Shaidurov, vol. 1 (St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina, 2020), 194–99, EDN: ZXMXZR; Yu.V. Mitlina, "Creation of the Trade and Sanitary Control System and Prerequisites for Its Reformation In the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Century (On the Example of St Petersburg and Moscow)" [in Russian], *Istoriya povsednevnosti*, no. 2 (18) (2021): 33–45, https://doi.org/10.35231/25422375_2021_2_33, EDN: UOHCEQ

¹³ S.V. Zaitseva, "Attempts of Reorganization of the City's 'Drop of Milk' in St Petersburg at the Beginning of the 20th Century as a Way to Combat Child Mortality" [in Russian], in *Reforms in the Everyday Life of Russian Population: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, April 2–4, 2020)*, ed. V.A. Veremenko, and V.N. Shaidurov, vol. 2 (St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina, 2020), 161–67, EDN: EPUCUW; O.A. Semenova, "Care for Mothers and Babies in St Petersburg in the Early 20th Century on the Example of the City's 'Drop of Milk'" [in Russian], *Istoriya povsednevnosti*, no. 4 (12) (2019): 72–81, EDN: OBJXWP

the everyday home care practices characteristic of a particular social group¹⁴ and to the food standards in various children's public institutions.¹⁵

This article examines the activities of capital city governments in controlling the distribution of milk as a vital food product for maintaining children's health in the second half of the 19th and early 20th centuries. This complex topic covers a number of important aspects: the peculiar features of functioning and legislative activities of city governments in capital cities; the work of various city council commissions; the practices of producing, storing, and trading cow's milk in large cities; the research of scientists, such as chemists, hygienists, pediatricians, and veterinarians, on milk rationing, including fat content, the characteristics and impact of cow's milk composition on children, etc. Finally, of crucial importance is consumer response to the measures taken by city authorities.

The sources for this article include reports from sanitary authorities and materials from medical and pedagogical congresses, the works of hygienists and nutritionists, home economics and culinary manuals, memoirs and diaries of metropolitan residents, newspaper articles, and essays from the period under study. A significant portion of the material is being introduced into scientific discourse for the first time.

¹⁴ V.A. Veremenko, "Hygiene of Schoolchildren in the Noble Intellectual Families of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries" [in Russian], *Istoriya povsednevnosti*, no. 2 (4) (2017): 79–105, EDN: ZRWGNV; V.A. Veremenko, "Organization of Infants' Nutrition in the Capital's Noble Intellectual Families of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century" [in Russian], in *Family and Childhood in Everyday Life: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific Conference*, ed. V.A. Veremenko, vol. 2 (St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A.S. Pushkina, 2023), 111–15, EDN: HHGRHY; A.A. Kal'sina, "Causes of Infant Mortality in Krasnoufimsky Uyezd of Perm Governorate at the Beginning of the 20th Century (Research by Zemstvo Doctor M. Mizerov)" [in Russian], in *Family and Childhood in Everyday Life: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, April 6–8, 2023)*, ed. V.A. Veremenko, vol. 2 (St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A.S. Pushkina, 2023), 115–19; N.A. Mitsyuk, "Distribution of Infant Formula in Russia (Beginning of 20th Century): Medicalization and Commercialization of Baby Food" [in Russian], in *The Material Factor and Entrepreneurship in the Daily Life of the Population of Russia: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, March 17–19, 2016)*, ed. V.N. Skvortsov (St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina, 2016), 155–60.

¹⁵ I.V. Sinova, "Problems of Sanitary and Hygienic Working Conditions and Everyday Life of Students at Craft Workshops in Saint Petersburg in the Second Half of 19th – Beginning of the 20th Century" [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 8–1 (2022): 70–78, <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi19>, EDN: WPWIOA; S.V. Stepanov, "The History of Children's Treatment and Recreation in the St Petersburg Province at the Beginning of the 20th Century. Tsarskoye Selo Canatorium for Children" [in Russian], *Istoriya povsednevnosti*, no. 2 (22) (2022): 34–42, https://doi.org/10.35231/25422375_2022_2_34, EDN: TKHHAW

This study applies a methodological approach that combines research techniques characteristic of history of everyday life, theory of sociocultural dynamics, and theory of “chronotope.” These approaches complement each other and provide an opportunity to comprehensively examine the situation with milk production and consumption in Russia's capital cities in the second half of the 19th – early 20th century as well as the measures taken by city governments to ensure the safety of the product that is so vital to children's health, sold on the market.

Big cities – big industries – big expenses

Before analyzing dairy market regulation, it is important to highlight a number of factors that shaped life in the capitals during the period under study. Both cities were characterized by rapid population growth. According to the 1869 census, St Petersburg had 667,963 residents, and Moscow had 611,974.¹⁶ In 1897, there were already 1,264,900 residents in St Petersburg¹⁷ and 1,038,600 residents in Moscow.¹⁸ By the end of the 19th century, the populations of Moscow had almost doubled and the population of St Petersburg had increased 1.5 times. It is important to note that the increase in the population numbers occurred due to the immigration from other locations rather than natural population growth. At the beginning of the 20th century, only a third of the metropolitan residents were natives of those cities.

The “newcomers” to Moscow and St Petersburg who were engaged in food trade and production brought into the urban economy the traditions and customs established in the village, including those related to storing dairy products, using special utensils, and so on. Most consumers had not abandoned their peasant habits by them.

The cities' areas also expanded: the immediate suburbs, once quiet and peaceful, became industrial centers. For example, in the late 1850s, the Vyborg quarter of St Petersburg was a quiet rural outskirts,¹⁹ but just thirty years later, that part of the capital had been built up with various industrial enterprises, and the majority of its residents were factory workers.²⁰

¹⁶ *Petersburg in Plain Sight, with the Plan of Petersburg, Its Panorama in a Bird's-Eye View, 22 Pictures, and an Added Calendar* [in Russian], comp. V.O. Mikhnevich, pt. 1 (St Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa K.N. Plotnikova, 1874), xix.

¹⁷ *First General Census of the Russian Empire, 1897* [in Russian], iss. 3, *Population of the Cities of St Petersburg, Moscow, Warsaw, and Odessa according to the Census of January 28, 1897* (St Petersburg: Pechatnya S.P. Yakovleva, 1897), 8.

¹⁸ *First General Census of the Russian Empire, 1897*, iss. 3, 12.

¹⁹ I.A. Goncharov, *Oblomov: A Novel: The Complete Text of the Novel* [in Russian], pt. 4 (St Petersburg: Izdanie I. Glazunova, 1909), 470–71.

²⁰ *Leningrad. Encyclopedic Reference* [in Russian], ed. L.S. Shaumyan (Moscow; Leningrad: Bol'shaya Sovetskaya ehntsiklopediya, 1957), 286.

The rapid growth in the urban population significantly expanded the area of the city government's responsibility, posing significant organizational challenges. The capital's local governments faced new needs, such as:

the deteriorating sanitary conditions of large cities, housing, and food shortages, which required the most intensive work from the local government.²¹

It should be especially emphasized that the local governments were forced to respond to those new cost-intensive challenges in a context where the city budget deficits of the capitals were “painfully chronic,” and the financial situation was sometimes considered critical.²²

However, despite all the difficulties mentioned in light of urbanization processes and the constant debate over the reasonable allocation of budget funds, the authorities of the capital cities strove to ensure the quality of the basic “supplies of life” available on the market, which included milk, bread, and meat. Characteristically, in that endeavor, the city authorities significantly outpaced the populations whose interests they represented.

First of all, the activities of city governments in regulating the dairy market should be considered from several perspectives:

- 1) the establishment of special bodies within the city administration to oversee the production, storage, and sale of dairy products;
- 2) legislative work to develop and adopt relevant mandatory regulations;
- 3) general oversight of compliance with regulations and general rules by sanitary services and the police, including trade police officers.

Supervision over the quality of milk and dairy products was to be carried out by “police officers and sanitary inspectors,” i.e., the oversight was of a medical police nature.²³ The Sanitary Commission was established in Moscow as a permanent body in 1886.²⁴ That same year, the Sanitary Commission separated from the Public Health Commission began its work in St Petersburg.²⁵ Marketplace doctor-inspectors, who were subordinate to the Sanitary Commission in Moscow, and trade sanitary doctors, who were legally subordinate to the Sanitary Commission of St Petersburg, inspected

²¹ N. Arsen'ev, “Editorial” [in Russian], *Gorodskoe delo*, 1909, 1–2.

²² “City Budget” [in Russian], *Russkoe slovo*, December 12, 1913, 2.

²³ *Alphabetical Collection of Orders of the St Petersburg City Administration and Police, Extracted from Orders for 1891–1901* [in Russian], comp. I.P. Vysotskii (St Petersburg: Tipografiya Sankt-Peterburgskogo gradonachal'stva, 1902), 499.

²⁴ I.A. Verner, *Modern Economy of the City of Moscow* [in Russian] (Moscow: Gorodskaya tipografiya, 1913), 144–45.

²⁵ A.N. Oppengeim, *Brief Essay on the Current State of Urban Sanitation in St Petersburg* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya P.E. Oznobishcheva, 1903), 12.

commercial establishments and organized the practical activities of trade sanitary supervision of milk depending on the production method and type of trade.

Of particular significance was the opening of city sanitary stations in 1891. Their employees were able not only to visually inspect products but also to make qualitative and quantitative analysis. The first inspections of the dairy market commissioned by the administration yielded astonishing results. According to the Moscow sanitary laboratory, adulteration of milk accounted for 24% of all samples taken at the market; over 50% in specialized dairy shops and farms up to 76% in green cellars and other shops. Milk purchased at Khitrovka was 100% adulterated.²⁶ A number of samples contained traces of soda, boric acid, starch, and chalk.²⁷

According to trade sanitary services in the capital cities, the main problem in combating adulterated milk was the lack of legislation regulating the composition of this product, i.e. the lack of milk standardization. Yet, V. Okunev, a trade sanitary doctor in St Petersburg, stated that strict standardization could ensure the normal chemical composition of milk sold and could rid the capital's market of substandard and adulterated products. Furthermore, standardization would serve as a practical basis for city institutions (laboratories, sanitary stations, etc.) to conduct appropriate testing of dairy products.²⁸

To regulate the milk trade, it was crucial to include in legislation key indicators affecting milk quality, such as specific gravity, minimum fat content, and dry matter. Those standards in the form of mandatory regulations regarding milk trade were eventually developed by sanitary commissions in the capital cities, but their adoption dragged on for years. The discussions and numerous debates that delayed the adoption of mandatory regulations in the Duma demonstrated that public institutions charged with overseeing sanitary conditions did not fully understand the importance of such regulations for preserving the health of young residents of the capital cities.²⁹

²⁶ S.A. Chernyshev, *Adulteration of Food Substances* [in Russian] (Kharkov: Pechatnoe Delo, 1900), 21.

²⁷ *Annual Report of the Moscow City Sanitary Station Established at the Hygienic Institute of the Imperial Moscow University... 2nd ... (May 1892 – May 1893)* [in Russian] (Moscow: Gorodskaya tipografiya, 1894), 57.

²⁸ *Report of the St Petersburg City Public Administration for 1905* [in Russian], pt. 4, *Reports on the Activities of Institutions Subordinate to the City Administration, Maintained by City Funds or Receiving Subsidies from the City Public Administration* (St Petersburg: Gorodskaya tipografiya, 1906), 291.

²⁹ A.V. Pel', *Adulteration and Measures to Combat It. Two Public Lectures by Professor A.V. Pel's delivered at the Pedagogical Museum of Military Educational Institutions for the benefit of Needy Students of the Imperial Military Medical Academy* [in Russian] (St Petersburg: K.L. Rikker, 1889), 10.

During the decades spent preparing the legislative framework, sanitary inspectors had no way of carrying out proper inspections, allowing adulterated foods to be sold as genuine. Milk lost its nutritional value and was devalued by the unpunished “selfish desires of producers and traders, who skimmed cream from milk and diluted it with water.”³⁰

Trade sanitary inspectors could only hold violators accountable for the poor sanitary conditions of dairy product retail outlets. A paradoxical situation developed in which severe penalties for dirty and untidy retail premises were combined with the impossibility of imposing sanctions for product quality.³¹

Not only the lack of dairy product rationing but also the widespread practices of diluting milk with water were detrimental to infant nutrition. Whole milk for infants, especially those under six months, was typically diluted with two to three parts water. It was impossible to visually determine the extent to which the milk being sold was diluted, leaving parents with a choice: whether and in what proportion to dilute purchased cow's milk with water. Whole undiluted milk adversely affected infant intestinal motility, while excessively diluted milk did not provide the necessary nutrients.³² To supply children in hospitals and orphanages, special “village expeditions” were even organized, during which high-quality fresh milk was purchased for feeding with a spoon or bottle.³³

Thus, in the second half of the 19th century, the need for control over the production and sale of dairy products arose in the capital cities. Special agencies began to operate, periodically inspecting retail outlets. However, due to the fact that the adoption of mandatory regulations on the establishment and maintenance of dairy establishments in Moscow dragged on for 14 years,³⁴ and the city laboratory in

³⁰ M.B. Kotsyn, “Milk and Dairy Products in Moscow” [in Russian], *Vestnik obshchestvennoi gigieny, sudebnoi i prakticheskoi meditsiny*, no. 3 (1897): 161.

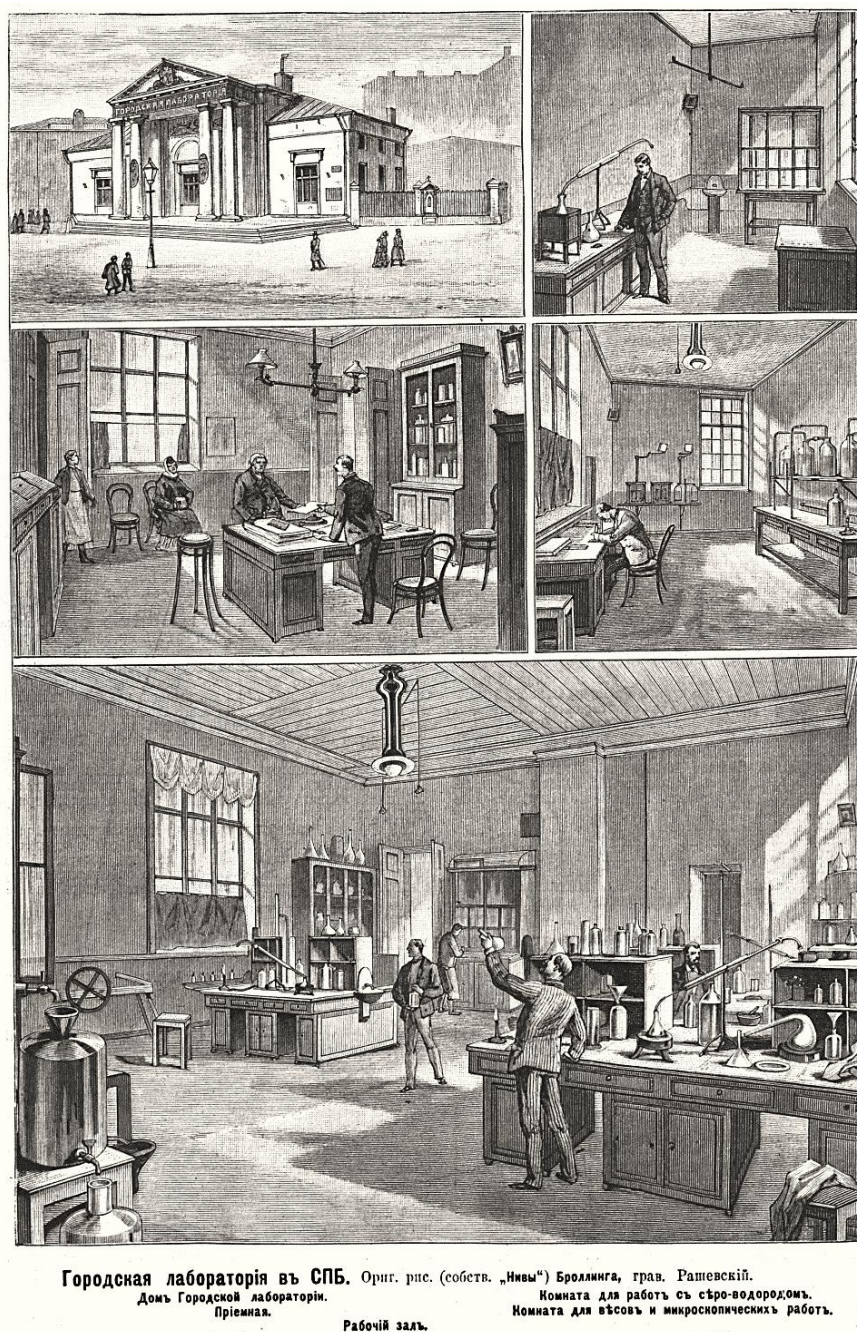
³¹ *Report of the St Petersburg City Public Administration for 1905*, pt. 4, 291.

³² D.E. Gorokhov, *More on Child Care: Feeding and Nutrition of Children. From the Lectures Delivered at the Courses of the Society of Russian Physicians in Moscow in 1908* [in Russian] (Moscow: Zhurnal “Fel'dsherskii vestnik”, 1909), 14–15.

³³ *Report of the St Petersburg Mayor Submitted to the Emperor for 1891* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Sankt-Peterburgskogo gradonachal'stva, 1892), 132.

³⁴ “Protokol zasedaniya sanitarnoi komissii 27 oktyabrya 1899” [Minutes of the meeting of the sanitary commission on October 27, 1899]. F. 179, op. 21, d. 1960, ll. 1–2. Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv goroda Moskvy [Central State Archive of the City of Moscow] (TSGA Moskvy), Moscow, Russia; “Proekt obyazatel'nykh postanovlenii o sodержanii molochnykh zavedenii” [Draft mandatory regulations on the maintenance of dairy establishments]. F. 179, op. 21, d. 1960, ll. 3–5. TSGA Moskvy.

St Petersburg was unable to prove the need for milk rationing in the capital for years,³⁵ such inspections became a sham.

City Laboratory in St Petersburg

Source: *Niva: illyustrirovannyi zhurnal literatury, politiki i sovremennoi zhizni*

[*Niva: Illustrated magazine of literature, politics, and contemporary life*], no. 52 (1891): 1169

³⁵ “Proekt obyazatel'nykh postanovlenii po vvedeniyu norm dlya moloka, masla, khleba i uksusa” [Draft mandatory regulations on the introduction of standards for milk, butter, bread, and vinegar]. F. 210, op. 1, d. 389, l. 1. Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St Petersburg] (TSGIA SPb), St Petersburg, Russia.

As a result, until the early 20th century, the work of trade sanitary services aimed at monitoring milk quality was significantly limited. At the national level, there was a lack of clearly defined legislation regulating the nutritional standards of milk as a vital product. Standards for the qualitative and quantitative composition of milk were developed at the local level over many years and provoked endless debate.³⁶ Finally, the number of inspectors of food and beverage production and sales in capital cities was insignificant, which was exploited by dairy counterfeiters.

With the lack of promptness in issuing the necessary regulations by capital public institutions, the supply of high-quality dairy products to young city residents was entirely concentrated in the hands of “responsible parents,” who had to decide for themselves where to purchase milk for baby food.

Where to get milk? – Parents' choice

The most important question for parents was: where to purchase milk for baby food? Women's literature strongly recommended feeding children milk from one and the same tested and trusted cow kept in good conditions.³⁷ Milk was supposed to be delivered from farms in sealed glass bottles, or even better, in heat-resistant packaging. However, both of those requirements made infant milk food extremely expensive. Besides the high cost, that approach required parents to personally address the “milk problem” by searching for a suitable farm. It was much easier to delegate that task to servants either by sending a cook to the market or to a store, or by having a milkmaid deliver milk daily to their apartment.³⁸ As a result, the vast majority of low-income and wealthy metropolitan residents relied on retail outlets or door-to-door sales to purchase milk.

³⁶ *Annual Report of the Moscow City Sanitary Station Established at the Hygienic Institute of the Imperial Moscow University for 1895* [in Russian] (Moscow: Gorodskaya tipografiya, 1897), 7–8.

³⁷ *Mistress of the House: A Gift to the Frugal Housewife and Caring Mother of the Family* [in Russian] (St Petersburg: German Goppe (M.A. Meller), 1903), 211.

³⁸ V.A. Veremenko, “Powerless Power: The Status of Female Domestic Workers in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century” [in Russian], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, vol. 18, no. 2 (2019): 320–54, <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354>, EDN: KCFJDI

Front cover of the advertising brochure for the farm of Dr. O. Vitt and Co.
Source: *Moscow Hygienic Farm of Dr. O. Vitt and Co. Description of the Farm's Operations* [in Russian] (Moscow, 1897)

The most common form of milk retail outlets was dairy and vegetable shops, where farmers from the countryside or farmers who kept cows in the city supplied their goods. In the early 20th century, the quality of the products sold there was seriously questioned, and sanitary doctors informed consumers about that through the most accessible media. For example, in September 1911, the newspaper *Kopeyka* reported that according to the St Petersburg City Medical Council, 73% of milk samples taken from dairy shops were found to be skimmed (meaning the milk was not whole), and 38% of milk samples were found to be diluted with water.³⁹ Tests conducted by the Moscow sanitary laboratory revealed that milk containers were stored in stuffy, fly-infested rooms, and that dirt was found in the milk.⁴⁰ Readers were horrified and sighed but continued to use their familiar stores, which attracted customers with their proximity, accessibility, and low prices.

To a certain extent, the emergence of a wide network of dairy stores owned by the Blandov trading house and specialized dairy stores owned by A. Chichkin improved the quality of dairy products in Moscow. Competition between the two entrepreneurs

³⁹ "What do we eat?" [in Russian], *Kopeika*, September 28, 1911, 2.

⁴⁰ *Annual Report of the Moscow City Sanitary Station Established at the Hygienic Institute of the Imperial Moscow University... 10th ... for 1901* [in Russian] (Moscow: Gorodskaya tipografiya, 1904), 13.

prompted them to more carefully monitor the composition and freshness of their products. However, even those “model dairies” could not avoid the common violations of backroom maintenance of the time, particularly the storage of employees’ dirty clothes and shoes in close proximity to dairy products in open containers.⁴¹

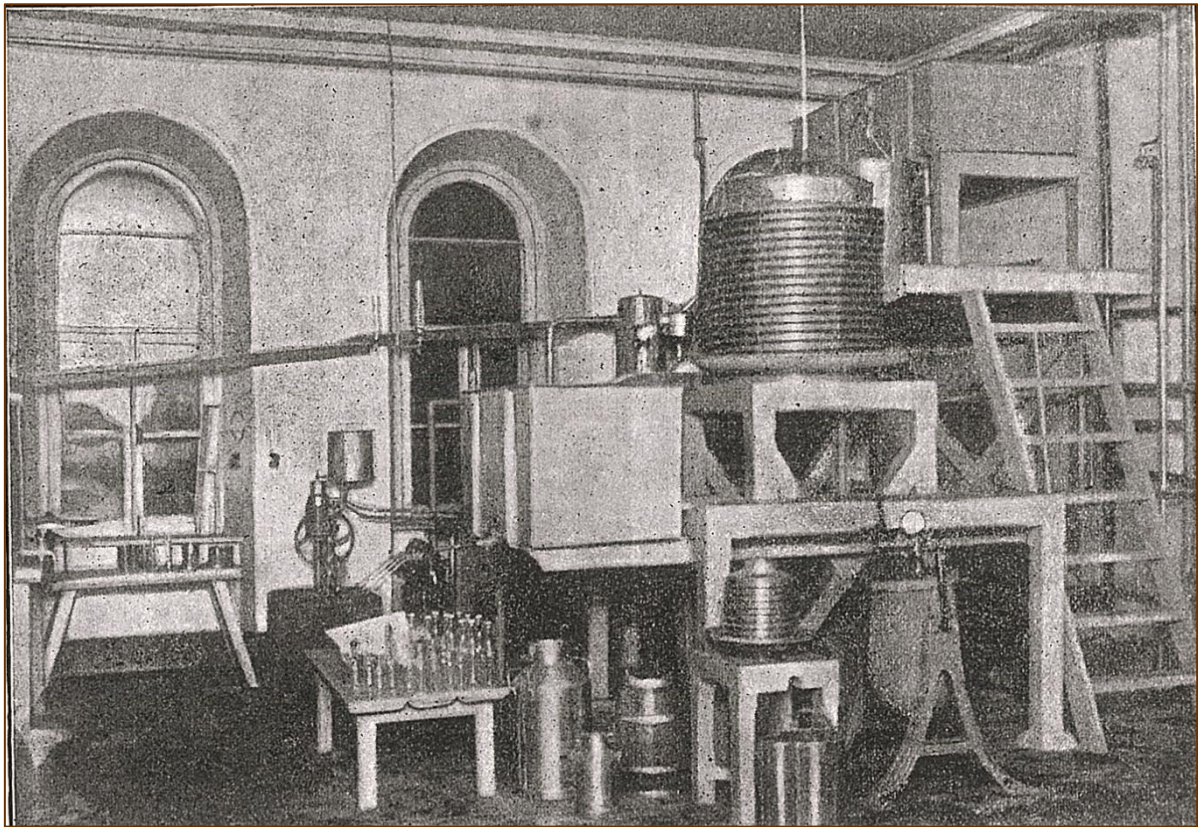
A glass container with a “model closure”; according to the manufacturer, it ensure the preservation of the beneficial properties of milk

Source: *Moscow Hygienic Farm of Dr. O. Vitt and Co. Description of the Farm's Operations* [in Russian] (Moscow, 1897), 16

Most residents of the capital cities traditionally preferred to buy milk at bazaars and market squares, which required more time and effort than a trip to the nearest store, but, in the buyers’ opinion, offered hope for a better quality. Milk was brought to Moscow early in the morning by local peasants in specially equipped carts. In St Petersburg, milk sold by Finns was considered the best at the market. Health officials tried to explain to buyers that the reputation for “market quality” was in fact nothing more than “common opinion”: the tubs in which the milk was transported were poorly washed and therefore constantly contained sour milk, and to seal the containers, dirty rags were used, often from underwear or old clothes.⁴²

⁴¹ “The Case of Dairy Merchant A.V. Chichkin” [in Russian], *Moskovskii listok*, no. 151, June 1, 1899, 3.

⁴² A.F. Gaze, “Panteleimonovsky Market in St Petersburg” [in Russian], *Zhurnal Russkogo Obshchestva okhraneniya narodnogo zdравиya*, no. 12 (1894): 974.

Milk filling and capping machine (used mainly for pasteurized milk)

Source: *Moscow Hygienic Farm of Dr. O. Vitt and Co. Description of the Farm's Operations* [in Russian] (Moscow, 1897), 3

But “experienced” housewives and cooks preferred to trust their own expertise rather than listen to the opinions of experts. They tried to assess the quality of milk by its smell and appearance, and by pouring a sample with a spoon, they could visually determine impurities and the degree of dilution. Markets were known for their custom of “sampling,” so it was not uncommon for customers to lick the milk off the cap with their tongues while tasting it.⁴³ Of course, purchasing such milk was unsafe, but confidence in their own (or their cook’s) experience and in the high quality of the market product attracted quality-seeking buyers to the marketplace.

It was especially evident in St Petersburg, where milk was sold by “okhtenki,” a milk-producing company celebrated by A. Pushkin. However, in the last quarter of the 19th century, the merchandise of those okhtenki milkmaids changed. Initially residents of the Okhta River estuary ran their own dairy farms, but by the end of the century they had begun reselling milk purchased at the markets. According to inspection results, such milk was largely adulterated due to the addition of water and

⁴³ N.V. Yablokov, *On the Measures to Eliminate the Harm Caused to Children's Health by Commercial Cow's Milk* [in Russian] (Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova, 1891), 8.

skimming of cream.⁴⁴ The city administration attempted to monitor the quality of the milk that was sold by delivery, but the nature of the trade made it difficult.⁴⁵

The price of milk varied significantly depending on where it was purchased. For example, the average price of milk in the capital of the Russian Empire was 6 kopecks per bottle. In dacha areas, peasants offered good milk for 5–6 kopecks per bottle, while similar quality milk in the city cost 1–2 kopecks more.⁴⁶ Brand-name milk was significantly more expensive; for example, a bottle from the Sapernoe farm started at 10 kopecks.⁴⁷

Thus, the quality of milk did not depend on where it was purchased; parents' awareness and responsible approach to product selection played a greater role in purchasing a quality product. City sanitary organizations recorded violations, and questionable products were sent for testing to city sanitary laboratories, but legislative loopholes and limited staff hampered their work. As a result, by the beginning of the 20th century, Sanitary authorities in the capitals used informing the public about existing problems with the quality of dairy products as their main means of fighting for children's health, shifting all responsibility to parents.

Conclusion

Cow's milk was a staple food for young children in the second half of the 19th – early 20th century. Its quality was supposed to be monitored by trade sanitary services, but the lack of clear production and sales requirements, as well as the small number of sanitary doctors in the capital cities of the Russian Empire, meant that milk truly suitable for feeding infants was in short supply.

In the early 20th century, city governments started to control milk quality through mandatory regulations. The sanitary and hygienic requirements for milk quality, which were developed after decades of discussion, were quite stringent, as infant mortality rates in the country depended largely on its composition and freshness. However, even after the introduction of regulatory documents, trade sanitary supervision of milk production and sales remained insufficient and irregular. Unable to conduct full-scale inspections of all milk production and sales outlets, inspectors preferred to focus on informing citizens, intimidating them with terrifying figures, and forcing “responsible parents” to choose suitable sources of milk and monitor its

⁴⁴ S.A. Rozanov, “Milk from St Petersburg Cows and the Conditions for Its Monitoring at the Markets” [in Russian], Doctoral diss. (St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1887), 80.

⁴⁵ “Supervision of the Sale of Delivered Milk” [in Russian], *Peterburgskaya gazeta*, no. 264, September 26, 1911, 2.

⁴⁶ A. Bakhtiarov, “Results of the Dacha Season” [in Russian], *Peterburgskaya gazeta*, no. 227, August 20, 1894, 3.

⁴⁷ “The Sapernaya Farm” [in Russian], *Peterburgskaya gazeta*, no. 227, August 20, 1894, 4.

quality themselves. However, finding a “trusted cow” and organizing the proper delivery of fresh milk required too much money, time, and effort. While special children's institutions, such as the famous *Kaplya Moloka* [Drop of Milk] or the orphanage, could provide it, such an approach was hardly applicable even got the most “sophisticated” parents. They were left to rely on the long-standing purchasing experience of housekeepers and the robustness of children's bodies.

As a result, infant mortality in capital cities remained high at the beginning of the 20th century, one of the reasons being the shortage of high-quality cow's milk for bottle-feeding infants and feeding small children.

Список литературы

Ахметшина А.В., Павлова О.С., Кантимирова Р.И., Мухаметзянова Э.В., Самородов Д.П. Деятельность органов местного самоуправления и земской медицины по борьбе с эпидемическими заболеваниями в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Гигиена и санитария. 2018. № 97 (4). С. 378–382. <https://doi.org/10.18821/0016-9900-2018-97-4-378-382>, EDN: XTBZKP

Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Бани как компонент городской повседневности Оренбурга XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 4 (36). С. 232–246. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.13>, EDN: VQNPKV

Вереманко В.А. «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 320–354. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354>, EDN: KCFJDI

Вереманко В.А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // История повседневности. 2017. № 2 (4). С. 79–105. EDN: ZRWGNV

Вереманко В.А. Организация питания младенцев в столичных дворянско-интеллигентных семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 06–08 апреля 2023 г.): в 2 т. / под редакцией В.А. Вереманко. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. Т. 2. С. 111–115. EDN: HHGRHY

Зайцева С.В. Попытки реорганизации городской «Капли молока» в Санкт-Петербурге в начале XX в. как способ борьбы с детской смертностью // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 02–04 апреля 2020 г.): в 2 т. / под редакцией В.А. Вереманко, В.Н. Шайдурова. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. Т. 2. С. 161–167. EDN: EPUCUW

Кальсина А.А. Причины детской смертности в Красноуфимском уезде Пермской губернии в начале XX в. (исследование земского врача М. Мизерова) // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 06–08 апреля 2023 г.): в 2 т. / под редакцией

В.А. Веремченко. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. Т. 2. С. 115–119.

Кискидосова Т.А. Санитарное состояние городов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 49–53. <https://doi.org/10.17223/15617793/403/9>, EDN: VPERBN

Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. Москва: Наука, 2006. 384 с. EDN: QPEDEH

Митлина Ю.В. Разработка и систематизация врачебно-санитарного законодательства Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 02–04 апреля 2020 г.): в 2 т. / под редакцией В.А. Веремченко, В.Н. Шайдурова. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. Т. 1. С. 194–199. EDN: ZXMXZR

Митлина Ю.В. Создание системы торгово-санитарного контроля и предпосылки ее реформирования в Российской империи в конце XIX – начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Москвы) // История повседневности. 2021. № 2 (18). С. 33–45. https://doi.org/10.35231/25422375_2021_2_33, EDN: UONCEQ

Мицюк Н.А. Распространение детских смесей в России (начало XX в.): медицина и коммерциализация детского питания // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–19 марта 2016 г.) / под редакцией В.Н. Скворцова. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016. С. 155–160.

Семенова О.А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019. № 4 (12). С. 72–81. EDN: OBJXWP

Синова И.В. Вопросы гигиены труда и быта учеников ремесленных мастерских Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2022. № 8–1. С. 70–78. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi19>, EDN: WPWIOA

Степанов С.В. История детского лечения и отдыха в Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. Царскосельская санатория для детей // История повседневности. 2022. № 2 (22). С. 34–42. https://doi.org/10.35231/25422375_2022_2_34, EDN: ТКНННВ

Шерстнева Е.В. Деятельность санитарных организаций городов России в области водоснабжения и канализации (конец XIX – начало XX веков) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2007. № 4. С. 50–54. EDN: OEDHNT

References

Akhmetshina, A.V., O.S. Pavlova, R.I. Kantimirova, E.V. Mukhametzyanova, and D.P. Samorodov. “Deyatel'nost' organov mestnogo samoupravleniya i zemskoi meditsiny po bor'be s ehpidemicheskimi zabolevaniyami v Ufimskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka” [Activities of the local self-government and zemstvo medicine in fighting epidemic diseases in the Ufa province at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *Gigiena i sanitariya*, no. 97 (4) (2018): 378–82. <https://doi.org/10.18821/0016-9900-2018-97-4-378-382>, EDN: XTBZKP (In Russian)

Burlutskaya (Bannikova), E.V. “Bani kak komponent gorodskoi povsednevnosti Orenburga XIX veka” [Bathhouses as a component of urban daily life in Orenburg of the 19th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ehlektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 4 (36) (2020): 232–46. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.13>, EDN: VQNPKV (In Russian)

Kal'sina, A.A. “Prichiny detskoj smertnosti v Krasnoufimskom uезде Permskoj gubernii v nachale XX v. (issledovanie zemskogo vracha M. Mizerova)” [Causes of infant mortality in Krasnoufimsky Uyezd of Perm Governorate at the beginning of the 20th century (research by zemstvo doctor M. Mizerov)]. In *Sem'ya i detstvo v povsednevnoi zhizni: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 06–08 aprelya 2023 g.)* [Family and childhood in everyday life: history and modernity: proceedings of the International scientific conference (St Petersburg, April 6–8, 2023)], 2 vols., edited by V.A. Veremenko, vol. 2, 115–19. St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A.S. Pushkina, 2023. (In Russian)

Kiskidosova, T.A. “Sanitarnoe sostoyanie gorodov Enisejskoj gubernii v kontse XIX – nachale XX v.” [Sanitary conditions of towns of Yenisei Province in the late 19th and early 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 403 (2016): 49–53. <https://doi.org/10.17223/15617793/403/9>, EDN: VPEPBN (In Russian)

Minenko, N.A., E.Yu. Apkarimova, and S.V. Golikova. *Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII – nachale XX veka* [Everyday life of the Ural city in the 18th – early 20th century]. Moscow: Nauka, 2006. EDN: QPEDEH (In Russian)

Mitlina, Yu.V. “Razrabotka i sistematizatsiya vrachebno-sanitarnogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii v kontse XIX – nachale XX v.” [Development and systematization of the medical and sanitary legislation of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century]. In *Reformy v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 02–04 aprelya 2020 g.)* [Reforms in the everyday life of Russian population: History and modernity: Proceedings of the international scientific conference (St Petersburg, April 2–4, 2020)], 2 vols., edited by V.A. Veremenko, and V.N. Shaidurov, vol. 1, 194–99. St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina, 2020. EDN: ZXMXZR (In Russian)

Mitlina, Yu.V. “Sozdanie sistemy torgovo-sanitarnogo kontrolya i predposylki ee reformirovaniya v Rossijskoj imperii v kontse XIX – nachale XX v. (na primere Sankt-Peterburga i Moskvy)” [Creation of the trade and sanitary control system and prerequisites for its reformation in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century (on the example of St Petersburg and Moscow)]. *Istoriya povsednevnosti*, no. 2 (18) (2021): 33–45. https://doi.org/10.35231/25422375_2021_2_33, EDN: UOHCEQ (In Russian)

Mitsyuk, N.A. “Rasprostranenie detskikh smesej v Rossii (nachalo XX v.): medikalizatsiya i kommertsializatsiya detskogo pitaniya” [Distribution of infant formula in Russia (beginning of 20th century): Medicalization and commercialization of baby food]. In *Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 17–19 marta 2016 g.)* [The material factor and entrepreneurship in the daily life of the population of Russia: History and modernity: Proceedings of the international scientific conference (St Petersburg, March 17–19, 2016)], edited by V.N. Skvortsov, 155–60. St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina, 2016. (In Russian)

Semenova, O.A. “Popechenie o materyakh i mladentsakh v Sankt-Peterburge v nachale XX v. na primere gorodskoi ‘Kapli moloka’” [Care for mothers and babies in St Petersburg in the early 20th century on the example of the city's ‘Drop of Milk’]. *Istoriya povsednevnosti*, no. 4 (12) (2019): 72–81. EDN: OBJXWP

Sherstneva, E.V. “Deyatel'nost' sanitarnykh organizatsii gorodov Rossii v oblasti vodosnabzheniya i kanalizatsii (konets XIX – nachalo XX vekov)” [The activities of the sanitary organizations of Russia's cities in the area of water-supply and sewerage system (late 19th – early 20th centuries)]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, no. 4 (2007): 50–54. EDN: OEDHHT (In Russian)

Sinova, I.V. “Voprosy gigieny truda i byta uchenikov remeslennykh masterskikh Sankt-Peterburga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.” [Problems of sanitary and hygienic working conditions and everyday life of students at craft workshops in Saint Petersburg in the second half of 19th – beginning of the 20th century]. *Voprosy istorii*, no. 8–1 (2022): 70–78. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi19>, EDN: WPWIOA (In Russian)

Stepanov, S.V. “Istoriya detskogo lecheniya i otdykha v Sankt-Peterburgskoi gubernii v nachale XX v. Tsarskosel'skaya sanatoriya dlya detei” [The history of children's treatment and recreation in the St Petersburg province at the beginning of the 20th century. Tsarskoye Selo sanatorium for children]. *Istoriya povsednevnosti*, no. 2 (22) (2022): 34–42. https://doi.org/10.35231/25422375_2022_2_34, EDN: TKHHAW (In Russian)

Veremenko, V.A. “‘Bezvlastnaya vlast'’: status zhenskoi domashnei prislugi v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.” [‘Powerless power: the status of female domestic workers in Russia in the second half of the 19th – early 20th century’]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, vol. 18, no. 2 (2019): 320–54. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354>, EDN: KCFJDI (In Russian)

Veremenko, V.A. “Gigiena shkol'nika v dvoryansko-intelligentykh sem'yakh Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.” [Hygiene of schoolchildren in the noble intellectual families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti*, no. 2 (4) (2017): 79–105. EDN: ZRWGNV (In Russian)

Veremenko, V.A. “Organizatsiya pitaniya mladentsev v stolichnykh dvoryansko-intelligentnykh sem'yakh Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.” [Organization of infants' nutrition in the capital's noble intellectual families of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. In *Sem'ya i detstvo v povsednevnoi zhizni: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 06–08 aprelya 2023 g.)* [Family and childhood in everyday life: history and modernity: proceedings of the International scientific conference (St Petersburg, April 6–8, 2023)], 2 vols., edited by V.A. Veremenko, vol. 2, 111–15. St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A.S. Pushkina, 2023. (In Russian)

Zaitseva, S.V. “Popytki reorganizatsii gorodskoi ‘Kapli moloka’ v Sankt-Peterburge v nachale XX v. kak sposob bor'by s detskoi smertnost'yu” [Attempts of reorganization of the city's ‘Drop of milk’ in St Petersburg at the beginning of the 20th century as a way to combat child mortality]. In *Reformy v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 02–04 aprelya 2020 g.)* [Reforms in the everyday life of Russian population: History and modernity: Proceedings of the international scientific conference (St Petersburg, April 2–4, 2020)], 2 vols., edited by V.A. Veremenko, and V.N. Shaidurov, vol. 2, 161–67. St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina, 2020. EDN: EPUCUW (In Russian)

Информация об авторах

Валентина Александровна Веремenco – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>, v.a.veremenko@yandex.ru, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (д. 10, Петербургское шоссе, 196605 Санкт-Петербург, Пушкин, Россия).

Юлия Витальевна Сутула – ассистент кафедры истории России, <https://orcid.org/0000-0002-5338-0065>, jmitlina@gmail.com, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (д. 10, Петербургское шоссе, 196605 Санкт-Петербург, Пушкин, Россия).

Information about the authors

Valentina A. Veremenko – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>, v.a.veremenko@yandex.ru, Pushkin Leningrad State University (10, Petersburgskoe shosse, 196605 St Petersburg, Pushkin, Russia).

Yuliya V. Sutula – Assistant Lecturer of the Department of History of Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5338-0065>, jmitlina@gmail.com, Leningrad State University (10, Petersburgskoe shosse, 196605 St Petersburg, Pushkin, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 22.12.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 508–536.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 2 (2026): 508–36.

Научная статья

УДК 94(47)"1886-1914"

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-4>

<https://elibrary.ru/craqhj>

Искусственная монополия: история существования общественных бань в Гатчине в 1840-х – 1914 гг.

Андрей Александрович Ефимов

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия,
aaefimov5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9016-1091>

Andrei A. Efimov

St Petersburg Institute of History of RAS,
St Petersburg, Russia,
aaefimov5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9016-1091>

Аннотация. В статье исследуется важный аспект истории Гатчины, одного из дворцовых городов Российской империи. Автор анализирует взаимодействие между чиновниками Министерства императорского двора и владельцами единственных в городе общественных бань. В тексте кратко излагается предыстория создания и функционирования данного заведения в период с 1840-х по 1880-е гг. Указывается, что местная администрация проявляла интерес к его открытию, однако из-за решения императора о введении денежного сбора первоначальная договоренность о строительстве была нарушена и потребовалось искать нового заинтересованного предпринимателя. После открытия Гатчинские общественные бани получили поддержку со стороны властей, в виде ограничения на строительство в городе аналогичных заведений. Автор указывает, что переход бань в 1859 г. в собственность городского архитектора А.В. Кокорева вызвал волну обвинений в необоснованности ограничений конкуренции. Попытка получить разрешение на строительство нового подобного заведения в 1873 г. не удалась, во многом по объективным причинам. К середине 1880-х гг. состояние бань значительно ухудшилось, и городские власти организовали специальную инспекцию, подтвердившую необходимость их ремонта и модернизации. В статье отмечается, что попытка владельца бань снизить предъявленные требования вынудила местных чиновников в 1888 г. объявить конкурс на строительство новых бань, вследствие чего В.И. Кокорев в 1889 г. согласился выполнить условия властей в обмен на 25-летнюю монополию на банный промысел. При этом указывается, что особое положение не освободило владельца от обязательств по поддержанию санитарного и технического состояния предприятия, что впоследствии привело к его продаже на рубеже

© Ефимов А.А., 2026

© Efimov A., 2026

XIX–XX вв. из-за нехватки материальных ресурсов. В статье указано, что по той же причине в период до начала Первой мировой войны произошла еще одна смена владельцев городских бань в Гатчине. Подчеркивается, что отказ властей от продления монополии в 1914 г. создавал трудности для собственников, вынужденных инвестировать средства без полной уверенности в их возврате в ситуации появления альтернативных заведений и развития городского водоснабжения. Начало Первой мировой войны поставило предпринимателей в новые условия, выходящие за привычные рамки.

Ключевые слова: Гатчина, дворцовый город, Министерство императорского двора, М.М. Аничков, А.В. Кокорев, В.И. Кокорев, бани

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-78-10082 «Дворцовые города как моногорода Российской империи», <https://rscf.ru/project/24-78-10082/>).

Для цитирования: Ефимов А.А. Искусственная монополия: история существования общественных бань в Гатчине в 1840-х – 1914 гг. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 508–536, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-4>; EDN: CRAQHJ

Artificial Monopoly: History of Public Baths in Gatchina from the 1840s to 1914

Abstract. The article examines an important aspect of the history of Gatchina, a palace town of the Russian Empire. The author analyzes the interaction between the officials of the Ministry of the Imperial Court and the owners of the only public baths in the town. The text briefly outlines the background to the creation and operation of this establishment between the 1840s and the 1880s. It is noted that the local administration was interested in opening the baths. However, due to the emperor's decision to introduce a monetary duty for baths owners, the initial agreement for construction was violated and it became necessary to look for a new interested entrepreneur. After opening, Gatchina Public Baths were granted support of the authorities in the form of restrictions on the construction of similar establishments in the town by other entrepreneurs. The author points out that the transfer of the baths to the ownership of town architect A. Kokorev in 1859 caused a wave of accusations regarding the unjustified nature of the competition restrictions. An attempt to obtain permission to build a similar establishment in 1873 failed, largely, due to objective reasons. By the mid-1880s, the condition of the baths had significantly deteriorated. The town authorities organized a special inspection, which confirmed the need for their repair and modernization. The article notes that the baths owner's attempt to reduce the imposed requirements forced local officials to announce a competition for the construction of new baths in 1888. As a result of that competition, V. Kokorev agreed to comply with the authorities' conditions in 1889 in exchange for a 25-year monopoly on the baths business in the town. At the same time, it is noted that the special status did not relieve the owner of the obligation to maintain the sanitary and technical condition of the baths, which subsequently led to their sale at the turn of the 20th century due to the lack of material resources. The article indicates that, another change of ownership of the baths in Gatchina occurred before the outbreak of World War I for the same reason. It is emphasized that the refusal of the authorities to extend the monopoly in 1914 created difficulties for the owners who were forced to invest funds without full certainty of their return if alternative establishments emerged or water supply in the town developed. The outbreak of World War I put the entrepreneurs in new conditions that went beyond the usual framework.

Keywords: Gatchina, palace town, Ministry of the Imperial Court, М.М. Anichkov, А.В. Kokorev, V.I. Kokorev, baths

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project no. 24-78-10082 “Palace Towns as Monotowns of the Russian Empire,” <https://rscf.ru/project/24-78-10082/>).

For citation: Efimov, A.A. “Artificial Monopoly: History of Public Baths in Gatchina from the 1840s to 1914.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 2 (2026): 508–36, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-4>; EDN: CRAQHJ

Введение

В Российской империи XIX – начала XX в. так называемые дворцовые города, к которым относились Царское Село, Гатчина и Петергоф, занимали совершенно особое положение. Они являлись основными летними резиденциями российских императоров, что в значительной степени обуславливало характер их территориального и социально-экономического развития. Данные населенные пункты находились вне общей системы государственного и местного управления, и подавляющее большинство вопросов их администрирования разрешалось чиновниками Министерства императорского двора. Непосредственное руководство дворцовыми городами велось местными дворцовыми правлениями, которые ведали загородными резиденциями с относившимися к ним оранжереями, садами и парками, благотворительными заведениями, полицией и всем городским хозяйством. Именно обособленность, неординарность положения этих населенных пунктов, при котором многие решения по административным вопросам принимались непосредственно государем, делает изучение их истории особенно интересным. Однако основное внимание исследователей истории Придворного ведомства фокусируется на организации центральных органов¹ или работе учреждений Министерства Императорского двора и уделов (далее – МИДв) по бытовому обслуживанию членов царской фамилии², тогда как проблемы развития дворцовых городов, не связанные непосредственно с императорскими резиденциями, остаются в тени. Изучение истории российских городов в целом играет важную роль для специалистов и охватывает различные направления: социально-правовое, экономическое, административное. Основа существующих концепций базируется как на дореволюционном, так и на

¹ Несмеянова И.И. Министерство императорского двора и уделов в истории российской государственности. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2009. EDN: QPNBVX

² Выскочков Л.В. Будни и праздники императорского двора. Санкт-Петербург: Питер, 2012. EDN: SDRYAR; Зимин И.В. Повседневная жизнь российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. Москва: Центрполиграф, 2010. EDN: QPRAMT

советском опыте. Среди современных исследователей, которые занимаются историей городов Европейской России, связанной с вопросами благоустройства в XIX – начале XX в., можно выделить А.Ю. Ильина, И.А. Краснова, А.Б. Бирюкову, М.А. Сергиенко, Н. А. Коновалову и др.³

Частично эти вопросы затрагиваются в следующих книгах: «Столетие города Гатчины» (подготовлена С.В. Рождественским), «Гатчина: страницы истории» (составлена Т.Ф. Родионовой) и «Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей» А.Ю. Гусарова⁴. История банного дела, как в целом, так и в частности, применительно к Российской империи XIX в., изучена весьма фрагментарно как в хронологическом, так и в территориальном аспекте. Применительно к столичному региону стоит выделить книгу И.А. Богданова «Три века петербургской бани»⁵, а из работ последних лет по истории банного

³ *Бирюкова А.Б.* Благоустройство поволжских городов как разновидность градостроительной практики (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Международной научно-практической конференции (Самара, 23–24 мая 2016 г.): в 2 ч. / под редакцией С.В. Соловьевой и др. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2016. Ч. 1. С. 321–327. EDN: XEUWAP; *Ильин А.Ю.* Развитие городского хозяйства региональных центров России в условиях урбанизации XVIII – XX вв. Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2018. EDN: YUEVXJ; *Коновалова Н.А.* Обновление городского хозяйства Москвы при городском голове Н.А. Алексееве // Московская городская дума. 1862–1917 гг.: материалы научно-практической конференции (Москва, 1 ноября 2018 г.) / под редакцией С.В. Орлова. Москва: Московская городская Дума, 2019. С. 102–112. EDN: QREXPB; *Макаров Д.В. и др.* Исторические аспекты развития жилищно-коммунального хозяйства в России (XVII–XXI вв.). Иваново: ЛИСТОС, 2015. EDN: VCQUQJ; *Мамаев А.В.* Городское благоустройство, финансы и вопрос о муниципализации в России накануне революции 1917 года // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17, № 2. С. 321–342. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17\(2\).321-342](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(2).321-342), EDN: WKETFT; *Нардова В.А., Сухорукова А.С., Чистиков А.Н.* Городское хозяйство Петербурга: XIX – начало XX века. Санкт-Петербург: Фонд «Креатив», 2014. EDN: VIVTPZ; *Сергиенко М.А.* Трансформация повседневной жизни провинциальных российских городов под влиянием технических инноваций во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2015. № 1 (198), вып. 33. С. 105–110; *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007. EDN: QPGLAV

⁴ *Гусаров А.Ю.* Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей. Москва: Центрполиграф; Санкт-Петербург: Русская тройка-СПб, 2012; Гатчина: страницы истории / составитель Т.Ф. Родионова. Санкт-Петербург: Издательский дом Герда, 2001; Столетие города Гатчины. 1796 11/XI 1896 / составитель С.В. Рождественский. Т. 1. Исторические сведения. Гатчина: Гатчинское дворцовое управление, 1896.

⁵ *Богданов И.А.* Три века петербургской бани. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000.

промысла в России в целом можно отметить публикации Е.В. Бурлуцкой (Банниковой), А.И. Татарниковой, Ф.А. Суховинского и Р.В. Данилюка⁶.

Одной из задач, стоявших перед МИДв при управлении дворцовыми городами, являлось обеспечение нормального функционирования учреждений бытового обслуживания населения. Для специалистов-историков несомненный интерес представляет и проблема взаимодействия власти и частного предпринимательства. В настоящей статье, продолжающей и развивающей исследования по истории дворцовых городов⁷, представлена история взаимоотношений содержателей единственных в Гатчине коммерческих общественных бань с администрацией города в период с середины 1840-х гг. по 1914 г.

Основная часть

Согласно имеющейся в документах Гатчинского дворцового правления справке, подготовленной в 1888 г., общественные бани появились в городе в начале 1840-х гг. В 1841 г. император Николай I утвердил обращение начальника Гатчинского дворцового правления генерал-майора Е.А. Роопа о разрешении царскосельскому купцу Точенову построить каменные торговые бани. Здание, чертеж которого был высочайше одобрен 17 декабря 1841 г., должно было разместиться на принадлежавшей Придворному ведомству земле близ Черного озера у Приоратского парка⁸. При этом вскоре император принял решение, что владелец указанных бань должен платить в пользу городской

⁶ Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Бани как компонент городской повседневности Оренбурга XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 4 (36). С. 232–246. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.13>, EDN: VQNPKV; Суховинский Ф.А., Данилюк Р.В. Банные традиции Петербурга XVIII–XIX веков // Молодой ученый: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции / под редакцией Г.Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. С. 75–77. EDN: COIXMA; Татарникова А.И. Проблемы банного хозяйства г. Томска в начале XX века: санитарно-гигиенический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (182). С. 42–48. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-5-42-48>, EDN: YLGGOD

⁷ Ефимов А.А. Регулирование и контроль частной застройки в Гатчине в 1830–1840-х гг.: разрешительные процедуры // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1 (13). С. 50–59. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2017-00025>, EDN: YMALYN; Ефимов А.А. Деятельность Министерства императорского двора по созданию системы Гатчинского городского водопровода при Александре III // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 4. С. 62–74. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.7>, EDN: XWHHSP

⁸ Дело об отдаче купцу Точенову места в Гатчине близ Черного озера для постройки бань // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 472. Оп. 14. Д. 221. Л. 1–3.

казны Гатчины по 25 руб. в год, как это уже было принято в Царском Селе и Петергофе. Однако Точенов не готов был выполнять данное требование и отказался от этого проекта⁹. Гатчинская администрация, по согласованию с императором, 19 мая 1842 г. выдала разрешение на постройку бань уже петербургскому купцу Фролову на тех же условиях, что ранее предлагались Точенову. Построенные им общественные бани были открыты 9 сентября 1843 г., после чего для поддержки предпринимателя решением полиции были введены ограничения для обывателей на постройку подобных бань. А.В. Кокорев¹⁰, занимавший должность городского архитектора, приобрел это заведение в 1859 г.

В 1873 г. гатчинский купец Яков Глебов обратился с прошением о дозволении ему построить другие общественные бани на собственном участке земли в центре города. Однако его ходатайство было отклонено местным дворцовым правлением, предложившим ему построить свое заведение в Мариенбургской части (на Пильной). Купец подал жалобу на это решение министру императорского двора. В своем обращении он указывал на недостатки бань А.В. Кокорева, сетовал на необоснованность утверждений местной администрации о достаточности числа бань в Гатчине и практически открыто заявлял о коррупционной природе отказа, оставившего принадлежавшие местному городскому архитектору бани в монопольном положении. В ходе разбирательства были получены заключения как от управляющего Гатчинским дворцовым правлением генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута, так и от Строительной конторы МИДв. Первый, заявив о необоснованности претензий и уверений Глебова, вновь рекомендовал отказать купцу в строительстве бань на избранном участке и направить его на устройство такого заведения как реально полезного для города в Мариенбурге. Чиновники Строительной конторы, со своей стороны, не вдаваясь в обсуждение административно-хозяйственных вопросов и проведя именно техническую экспертизу проекта новых бань, пришли к заключению о невозможности их строительства на выбранном месте по причине несоблюдения ряда норм Строительного устава. По итогам рассмотрения повторного обращения купца

⁹ Возможно, нежелание платить сбор удерживало предпринимателей и ранее, но подтвержденной информации о более ранних планах по созданию в Гатчине общественных бань в документах не представлено.

¹⁰ Адриан Васильевич Кокорев (1810–1877) – русский архитектор, академик Императорской Академии художеств, главный архитектор Гатчины. Родился в семье придворного камер-лакея. Учился в Императорской Академии художеств (1821–1833). С 1838 г. работал архитектором Первой Санкт-Петербургской гимназии.

Главный архитектор Гатчины с 1850-х (точная дата оспаривается) по 1870 г. (по другим данным – по 1877 г.). Умер 31 марта 1877 года в Гатчине (по другим данным – в 1876 году), похоронен на Кузьминском кладбище г. Пушкина.

Я. Глебова, ему вновь не дали разрешения на строительство, а от возведения здания в предложенном дворцовым правлением месте проситель отказался сам¹¹. Соответственно, бани, принадлежавшие А.В. Кокореву, продолжали оставаться единственным общедоступным заведением этого профиля в Гатчине.

В январе 1886 г., по предписанию заведующего Гатчинским дворцом подполковника М.М. Аничкова, городской архитектор Н.В. Дмитриев, санитарный врач Ад. Гаусман, помощник заведующего В.Е. Гинглятт и полицмейстер Г.Г. Подгайный осмотрели Каменные торговые бани наследника А.В. Кокорева его племянника В.И. Кокорева в Гатчине (Люцевская ул., д. 62). Проверка выявила загрязненность помещений, проблемы с водоснабжением и водоотведением: забор воды из открытого озера без очистки, ненадлежащее состояние котла, отсутствие нормальной канализации и выгребных ям, необорудованные входные тамбуры, разрешение стирки в отсутствие соответствующего помещения. К нарушениям эксплуатации указанного заведения было отнесено также то, что над банями находились жилые комнаты. Комиссия предложила Кокореву выселить жильцов, провести освидетельствование котла, исправить систему канализации, заменить поврежденные конструкции и представить чертежи переустройства бань в месячный срок.

11 февраля 1886 г. содержатель торговых бань получил письмо с актом проверки и рекомендациями комиссии. В ответе он пояснил, что выявленные недостатки во многом проистекали из сложности управления банями как совместной собственностью с другими лицами, а также из низкой доходности и устаревших нормативов, действовавших при строительстве бань несколько десятилетий назад¹². Кокорев просил разрешения сохранить квартирантов, обещая заменить лестницы в их комнаты на негорючие. После указанной переписки вопрос о реконструкции бань не поднимался до августа 1888 г.¹³

25 августа 1888 г. В.И. Кокореву предложили в срок до 15 октября перенаправить стоки из бань в новый городской коллектор. Ответным письмом он сообщил, что несколько мастеров отказались работать, а представленная

¹¹ Дело по жалобе купца Якова Глебова на недозволение ему устроить в городе Гатчине общественные бани и на допущенную монополию в пользу бань архитектора Гатчинского дворцового правления Кокорева // РГИА. Ф. 472. Оп. 11. Д. 312. Л. 1–22; Дело о постройке в Гатчине новых общественных бань // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 312. Л. 9–9 об.

¹² При этом документы о первоначальном устройстве бань (планы зданий Точенова и Фролова) найти не удалось, что затрудняло оценку их соответствия нормативам 1840-х гг. (Дело о постройке в Гатчине новых общественных бань // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 312. Л. 9–10 об.)

¹³ Там же. Л. 1–6.

мастером Черневым смета (4 655 руб.) позволяла завершить работы только к 1889 г. Местные власти со своей стороны подчеркнули обязанность Кокорева решить проблему за свой счет¹⁴.

В ноябре 1888 г. М.М. Аничков направил рапорт министру императорского двора графу И.И. Воронцову-Дашкову о необходимости строительства новых общественных бань в Гатчине, мотивируя это тем, что единственные существовавшие бани, обслуживавшие восемь тысяч жителей, находились в удручающем состоянии. Комиссия, включавшая городского архитектора Н.В. Дмитриева и санитарного врача Ад. Гаусмана, еще в 1886 г. выявила серьезные недостатки, по совокупности которых имевшиеся бани больше не отвечали санитарным требованиям. В рапорте также указывалось, что владелец заведения В.И. Кокорев игнорировал предписания об улучшениях и подключении к городской канализации, продолжая сливать стоки в Черное озеро. Аничков предложил построить современные бани на средства частных предпринимателей, привлеченных через объявления¹⁵.

Хозяйственный отдел Кабинета ЕИВ через главу Гатчины 30 ноября 1888 г. поручил архитектору разработать проект бани с условиями договора для представления в Кабинет. 12 апреля 1889 г. Н.В. Дмитриев представил М.М. Аничкову пакет документов, включавший чертежи, пояснительную записку и смету на 58 000 руб. Данное предложение предусматривало возведение кирпичного здания на каменном фундаменте с внутренней отделкой вагонкой и асфальтовым покрытием пола, подключение его к городским сетям водоснабжения и канализации, а также строительство отдельной котельной. К концу апреля 1889 г. были готовы проектная документация и правила содержания бань, и администрация Гатчины через объявления в местной прессе объявила конкурс для предпринимателей¹⁶.

В.И. Кокорев, узнавший о намерении возвести альтернативное своему заведению, 1 мая 1889 г. обратился к руководству города. Он отмечал, что находящиеся в его собственности бани уже более 45 лет действовали без вреда для горожан, при этом предприниматель заявлял о своей готовности в условиях производимых в городе улучшений модернизировать бани соответствующим образом. Предприниматель просил дворцовое управление сообщить ему, что именно следует изменить в них, «чтобы они соответствовали требованиям, не отдавая постройки бани другим лицам»¹⁷.

¹⁴ Дело о постройке в Гатчине новых общественных бань // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 312. Л. 7–8 об.

¹⁵ Там же. Л. 9–10 об.

¹⁶ Там же. Л. 11–13, 20.

¹⁷ Там же. Л. 28.

Ознакомившись с этим прошением, М.М. Аничков распорядился составить ответ, одним из оснований которого стали бы положения проекта строительства новых бань. Эта бумага была подготовлена к 4 мая 1889 г. В.И. Кокореву препроводили проект постройки новых общественных бань и сообщили, что помимо подключения к городским сетям водоснабжения и водоотведения от него требуется выполнить реконструкцию принадлежавшего ему заведения по конкретным рекомендациям техников Придворного ведомства. Вслед за этим, 16 мая владельцу бань предложили сообщить, готов ли он провести воду из городского водопровода и сделать присоединение к городскому коллектору сточных вод. Получив на следующий день положительный ответ предпринимателя, М.М. Аничков 21 мая 1889 г. назначил комиссию в составе полицмейстера, архитектора Н.В. Дмитриева и санитарного врача, которым поручил «осмотреть банное здание во всей подробности, составить о сем акт с показанием необходимых переустройств для удовлетворения современным потребностям»¹⁸.

Комиссия собралась 5 июня 1889 г. и, обследовав банное заведение Кокорева, выявила в нем не только прежние, но и новые недостатки: сырость из-за плохого водостока, гниение конструкций, неудачную организацию тамбуров, холод, размещение отхожих мест без выгребных ям. Для их устранения было предложено провести реконструкцию входных групп, удаление деревянных пристроек, замену систем водоснабжения, водоотведения и отопления, обновление отделки, благоустройство территории. Акт осмотра передали М.М. Аничкову, а затем и В.И. Кокореву с требованием до 15 июня представить план перестройки бань. В случае отказа предпринимателя от выполнения предписания планировалось объявить конкурс на строительство новых общественных бань, а старые – закрыть.

Предприниматель В.И. Кокорев, отозвавшись в последний день указанного срока, не принял предписания, возражая практически против каждого пункта. Он счел городские системы водоснабжения и водоотведения ненадежными, предложив сохранить прежние схемы как резервные. Высказал сомнения в целесообразности новой отделки (вагонка с окраской и асфальт), считая ее неподходящей для жарких и влажных помещений, а также попросил сохранить квартиру приказчика и деревянную пристройку до их обветшания. Требования о пожарных кранах и подъезде к зданию он посчитал излишними, ссылаясь на пример петербургских бань. В дополнение он выдвинул встречные условия:

¹⁸ Дело о постройке в Гатчине новых общественных бань // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 312. Л. 28–29 об., 32, 33.

продление монополии на содержание бань и повышение тарифов для посетителей¹⁹.

Чиновники Гатчинской администрации направили комиссию для проверки основательности возражений. Однако повторный осмотр здания не привел к изменению выставленных требований. Более того, 28 июня 1889 г. М.М. Аничков направил владельцу бань письмо, в котором отмечалось, что у властей имелись и альтернативные предложения об устройстве подобного заведения. В.И. Кокореву для продолжения своей деятельности настоятельно рекомендовалось немедленно приступить к реконструкции бань, чтобы завершить переделку коммуникаций к 15 августа, а общий капитальный ремонт – к 1 октября. В обращении к владельцу указывалось, что выполнение требований комиссии является обязательным условием для последующей выдачи удостоверения на монопольное содержание общественных бань в Гатчине.

Однако предприниматель, несогласный с частью предписаний, в начале июля 1889 г. обратился к статс-секретарю Н.С. Петрову для назначения комиссии из техников Контроля МИДв, отвечавшего в тот период за ведение надзора за строительными работами. Специалистов, назначенных местной администрацией, он посчитал недостаточно квалифицированными и просил прислать более компетентных²⁰. Это обращение, однако, осталось без ответа, поскольку было спущено местным гатчинским властям с пометой «для сведения».

Не получив иного выбора, как приняться за реконструкцию, В.И. Кокорев в середине июля 1889 г. представил на утверждение чертежи как для общестроительных работ, так и для систем водопровода и водоотведения, и вскоре приступил к самим работам, не дожидаясь официального уведомления о согласовании проекта, которое поступило только в конце августа. Отчасти поспешность была обусловлена продолжавшимися понуждениями со стороны Гатчинского дворцового управления, напоминавшего о необходимости скорейшего переустройства коммуникаций. Не без технических и организационных накладок, но работы продвигались. Однако выполнить требование о завершении всей реконструкции к 1 октября не удалось, работы продолжались вплоть до лета 1890 г. При этом на время перестройки бань Кокорева для горожан открыли по особому расписанию бани, действовавшие

¹⁹ Дело о постройке в Гатчине новых общественных бань // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 312. Л. 41–47.

²⁰ Там же. Л. 51–53, 55–56 об.

при городском госпитале, а с января 1890 г. после приемки Гатчинской администрацией – часть перестраиваемых бань²¹.

Предприниматель дважды безуспешно пытался получить от М.М. Аничкова удостоверение на 25-летнюю монополию банных промыслов в Гатчине для заемных средств, но после завершения реконструкции бань формальные причины для отказа отпали. В середине августа 1890 г. заведующий Гатчинским дворцом направил рапорт управляющему Кабинетом ЕИВ с просьбой разрешить выдачу В.И. Кокореву свидетельства на банную монополию при соблюдении следующих условий: поддержание здания и оборудования в исправности, регулярная работа бань не менее трех раз в неделю с согласованной оплатой, выполнение распоряжений местной администрации по надзору. За нарушения предусматривались штрафы от 10 до 100 руб. Хозяйственный отдел Кабинета ЕИВ 7 сентября 1890 г. согласился выдать свидетельство при выполнении указанных условий²².

В течение последующих 10 лет переписка по поводу бань сводилась к решению вопросов стоимости посещения, которую первоначально удерживали путем уступок предпринимателю в отношении стоимости пользования системами водопровода и канализации. Однако к 1899 г. этих мер было уже недостаточно, ввиду как общего повышения цен, так и появления в подключенных к водопроводу домах ванн, повлекших падение спроса на услуги бань, и В.И. Кокореву разрешили поднять расценки²³.

Через два года, в ноябре 1901 г. бани были проданы купцу из Санкт-Петербурга А.Д. Кузнецову. При этом по согласованию с юрисконсультом Кабинета ЕИВ вместе с заведением было передано и выданное ранее В.И. Кокореву в 1890 г. удостоверение на 25-летнюю монополию с условием для нового собственника принять на себя все установленные обязательства. Эта передача была во многом обусловлена выставленными со стороны Придворного ведомства требованиями очередной реконструкции бань. А.Д. Кузнецов согласился на эти работы, предполагавшие модернизацию инженерных систем здания, расширение служебных помещений и пристройку дополнительных отделений для посетителей. Однако работы по реконструкции не были завершены ввиду смерти владельца в 1908 г. Наследники оказались в сложной финансовой ситуации, испытывая трудности с получением кредита ввиду относительно скорого завершения действия права исключительного содержания общественных бань в Гатчине. Новые собственники просили продлить действие этого документа, обязуясь не только выполнять прежние

²¹ Дело о постройке в Гатчине новых общественных бань // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 312. Л. 57–64, 70, 74–76, 80–81, 93, 95, 95 об., 99, 101, 101 об., 107, 110, 111, 117, 120–140 об.

²² Там же. Л. 82, 117, 143–146.

²³ Там же. Л. 150, 151, 158–160.

условия, но и платить двойной размер сбора за банный промысел (50 руб. вместо 25 руб.), принимать людей из учреждений призрения за полцены, а некоторых и вовсе бесплатно. Они отмечали, что после появления бань при государственных и военных учреждениях, а также ванн у частных лиц, банный промысел во многом потерял рентабельность. На уровне местной администрации явных препятствий для продления привилегии не встретилось, поскольку бани содержались собственниками в порядке, а выявлявшиеся упущения устранялись «без принуждения». Однако полицмейстер Н.А. Кавтарадзе все же предложил ввести ряд дополнительных условий: ответственность владельцев за вещи посетителей; обязательства при найме и увольнении работников; выделение обособленной зоны для парикмахеров и брадобреев; недопущение в бани людей с признаками заразных болезней; размещение расценок на услуги бани в доступном посетителям месте. С учетом этого начальник Гатчинского дворцового управления, признававший общую основательность просьбы о продлении монополии, 3 марта 1909 г. обратился в Кабинет ЕИВ с соответствующим запросом. Со своей стороны он предлагал не только включить в обязательства владельцев предложения местного полицмейстера, но и повысить сумму годового банного сбора до 75 руб. Чиновники Кабинета ЕИВ, направившие ответное письмо только 1 августа 1909 г., отмечали, что содержатели бань в Гатчине уже получили достаточно льгот (бани построены на дворцовой земле, сбор с бань – всего 25 руб. в год, пониженная плата за воду). Дополнительно указывалось, что с момента прошлого объявления с предложением к предпринимателям построить общественные бани, опубликованного в 1888 г., население города выросло почти вдвое, и соответственно, могли появиться новые заинтересованные в получении подряда на строительство люди. По мнению Кабинета ЕИВ, конкуренция, в свою очередь, могла бы улучшить качество обслуживания, что автоматически привело бы к увеличению платы за содержание бань. А потому согласиться на просьбу владельцев бань и продлить действие монополии признавалось невыгодным и для горожан, и для Придворного ведомства. Дополнительно отмечалось, что, поскольку плата в 25 руб. была установлена еще в 1841 г. и с тех пор не менялась, то начальнику Гатчинского дворцового управления предписывалось сообщить владельцам бань, что в 1915 г. по истечении действия монополии ее размер будет увеличен. В том случае, если владельцы выразят недовольство указанными требованиями или если действующие бани все же будут сочтены недостаточными по размеру или несоответствующими гигиеническим требованиям, предлагалось до окончания

срока привилегии через газеты и уличные объявления пригласить заинтересованных лиц для строительства новых бань²⁴.

Отказ в продлении права исключительного ведения банного промысла привел к скорому появлению нового собственника, которым в ноябре 1911 г. стал потомственный почетный гражданин В.В. Арсеньев, купивший заведение у наследников купца А.Д. Кузнецова. Новый владелец предполагал провести крупные работы по модернизации бань: расширить одно из отделений, смонтировать дополнительные ванны, в нескольких отделениях (кроме самых дешевых) устроить душевые по системе Шарко, плавательные бассейны, провести электрическое освещение, сделать из открытых дворики между отделениями бань общий вестибюль. Дополнительно предполагалось построить санаторий при банях с привлечением врачей-специалистов. В направленном в Гатчинское дворцовое управление обращении «во избежание конкуренции» и для обеспечения окупаемости нововведений сторона В.В. Арсеньева просила помимо сохранения текущей привилегии продлить монополию на бани на 25 лет после истечения текущей, то есть с 1915 г. по 1940 г., при сохранении ранее установленных условий. Однако это обращение не было поддержано. Более того, вслед за отказом в продлении срока действия выданного в 1890 г. удостоверения местные власти в начале 1912 г., после проведения осмотра бань, выставили требования о необходимости осуществления ряда ремонтных работ, в частности, перекраски стен, переделки туалетов и канализации; улучшения системы отопления и вентиляции (ремонта и установки новых печей, с улучшением воздухообмена; установки в каждом отделении открывающихся окон); замены деревянных емкостей металлическими и улучшения освещенности. Также указывалось на необходимость соблюдения требований по хранению и использованию белья и банных принадлежностей, вещей посетителей и по обустройству раздевалок. Осенью того же года был проведен повторный осмотр, на основании которого установили, что не все из требуемого было сделано. Запрошенная В.В. Арсеньевым отсрочка до середины декабря 1912 г. была ему предоставлена только при согласии выполнить указания, данные по результатам осмотров. Однако и в декабре еще не все было сделано, но поскольку инспектировавший бани полицмейстер Н.А. Кавтарадзе признал старания предпринимателя, санкций не последовало²⁵.

Приближавшееся окончание срока действия монополии побудило В.В. Арсеньева в феврале 1914 г. вновь обратиться с просьбой о продлении привилегии на 25 лет. При этом отмечалось, что поскольку в прошлый раз отказ был связан с условием о подготовке и представлении проекта новой

²⁴ Дело о постройке в Гатчине новых общественных бань // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 312. Л. 163, 165–166, 169–179.

²⁵ Там же. Л. 185, 185 об., 195–217 об.

реконструкции бань, то для обоснования нынешнего запроса был подготовлен и 7 февраля 1914 г. утвержден управляющим Кабинетом ЕИВ новый план перестройки. В ответ на это обращение в письме от 6 марта 1914 г. чиновниками Придворного ведомства было дано обещание ходатайствовать о продлении монополии, но только на пять лет. Условиями для этого называлось выполнение требований по текущему ремонту бань, реализация разрешенной министерством перестройки, выполнение требований по санитарной части и отсутствие нареканий по обслуживанию посетителей²⁶.

Отмеченный текущий ремонт, предусматривавший окраску фасада, локальную окраску стен и потолков в помещениях, ремонт и окраску банных полков и мебели, ремонт и замену печей, был произведен в конце весны – начале лета 1914 г.²⁷ Отсутствие более поздних документов дает основания полагать, что эти работы стали последними перед начавшейся вскоре Первой мировой войной, установившей другие условия и задачи.

Заключение

Проведенное исследование истории взаимоотношений властей города Гатчины и содержателей местных общественных бань, основанное на документах Гатчинского дворцового управления, показало достаточно противоречивую картину действий местной администрации. С одной стороны, чиновники старались добиться от предпринимателей поддержания своего заведения в надлежащем виде и его модернизации с учетом возраставших требований. С другой стороны, местные власти, едва предприниматели реально приступали к выполнению их требований, быстро отказывались от идеи расширения системы общедоступных бань и введения конкуренции, помогая поддерживать монополию. Подобная практика искусственного монополизма, когда предприниматели были уверены в исключительности своего положения, отчасти и порождала те проблемы в состоянии бань, с которыми потом боролись власти. На это обстоятельство в начале XX в. обратили внимание в руководстве Придворного ведомства, и, возможно, вмешательство чиновников Кабинета ЕИВ могло бы способствовать качественному сдвигу в этой сфере бытового обслуживания жителей Гатчины, но начавшаяся вскоре Первая мировая война изменила приоритеты.

²⁶ Дело о постройке в Гатчине новых общественных бань // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 312. Л. 232–234 об.

²⁷ Там же. Л. 237–238 об., 241–246.

Introduction

The so-called palace towns, which included Tsarskoye Selo, Gatchina, and Peterhof, had a special status in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. They served as the main summer residences of the Russian emperors, which largely determined the nature of their territorial and socio-economic development. These settlements were not included in the general system of state and local governance. The overwhelming majority of issues concerning their administration were resolved by the officials of the Ministry of the Imperial Court. The palace towns were managed directly by the local palace administrations, which were in charge of the country residences with their greenhouses, gardens, and parks, charitable institutions, the police, and the whole municipal economy. It is the isolation and the extraordinary status of these settlements (due to which many decisions on administrative matters were made directly by the sovereign) that makes the study of their history particularly interesting. However, the main focus of researchers on the history of the Court Department is on the organization of central bodies¹ or the work of the institutions of the Ministry of the Imperial Court in the everyday service for the imperial family.² The issues of the development of the palace towns that were not directly related to the imperial residences remain unstudied. The study of the history of Russian cities in general plays an important role for specialists and covers various areas, including socio-legal, economic, and administrative ones. The basis of existing concepts is rooted in both pre-revolutionary and Soviet experience. Among contemporary researchers studying the history of cities in European Russia related to issues of urban improvement in the 19th – early 20th centuries, we can first of all name A. Il'in, I. Krasnov, A. Biryukova, M. Sergienko, N. Konovalova, et al.³

¹ I.I. Nesmeyanova, *Ministry of the Imperial Court and Appanages in the History of Russian Statehood* [in Russian] (Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009), EDN: QPNBVX

² L.V. Vyskochkov, *Weekdays and Holidays of the Imperial Court* [in Russian] (St Petersburg: Piter, 2012), EDN: SDRYAR; I.V. Zimin, *Everyday Life of the Russian Imperial Court. Second Quarter of the 19th – Early 20th Centuries. The Adult World of the Imperial Residences* [in Russian] (Moscow: Tsentrpoligraf, 2010), EDN: QPRAMT

³ A.B. Biryukova, “Improvement of the Volga Cities as a Type of Urban Planning Practice (Late 18th – First Half of the 19th Centuries)” [in Russian], in *Modernization of Culture: From Cultural Policy to the Power of Culture. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference (Samara, May 23–24, 2016)*, ed. S.V. Solov'eva et al., pt. 1 (Samara: Samarskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2016), 321–27, EDN: XEUWAP; A.Yu. Il'in, *Development of Municipal Economy of the Russian Regional Centers in the Context of Urbanization in the 18th – 20th Centuries* [in Russian] (Tambov: Izdatel'skii dom “Michurinsk”, 2018), EDN: YUEVXJ; N.A. Konovalova, “Renewal of Moscow Municipal Economy under Mayor N.A. Alekseev” [in Russian], in *Moscow City Duma. 1862–1917: Proceedings of the Scientific and Practical Conference (Moscow, November 1, 2018)*, ed. S.V. Orlov (Moscow: Moskovskaya gorodskaya

The issues mentioned above are partially addressed in the following books: *Centenary of the Town of Gatchina* prepared by S. Rozhdestvenskii, *Gatchina: Pages of History* compiled by T. Rodionova, and *Gatchina. From the Past to the Present. A History of the Town and Its Residents* by A. Gusarov.⁴ The history of the bath business in general, as well as in relation to the Russian Empire of the 19th centuries, has been studied rather fragmentarily, both chronologically and geographically. Regarding the metropolitan region, the book by I. Bogdanov *Three Centuries of the St Petersburg Baths* clearly stands out.⁵ Among recent works on the history of the bath business in Russia in general, publications by E. Burlutskaya (Bannikova), A. Tatarnikova, F. Sukhovinskii, and R. Danilyuk should be noted.⁶

Duma, 2019), 102–12, EDN: QREXPG; D.V. Makarov et al., *Historical Aspects of the Development of Housing and Communal Services in Russia (17th – 21st Centuries)* [in Russian] (Ivanovo: LISTOS, 2015), EDN: VCQUQJ; A.V. Mamaev, “Urban Development, Finances and the Issue of Municipalization in Russia on the Eve of the 1917 Revolution” [in Russian], *Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya*, vol. 17, no. 2 (2016): 321–42, [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17\(2\).321-342](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(2).321-342), EDN: WKETFT; V.A. Nardova, A.S. Sukhorukova, and A.N. Chistikov, *Municipal Economy of St Petersburg: 19th – Early 20th Century* [in Russian] (St Petersburg: Fond “Kreativ”, 2014), EDN: VIVTPZ; M.A. Sergienko, “Transformation of Everyday Life in Provincial Russian Cities under the Influence of Technical Innovations in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (A Case Study of Kursk Governorate)” [in Russian], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ehkonomika. Informatika*, no. 1 (198), iss. 33 (2015): 105–10; V.A. Skubnevskii, and Yu.M. Goncharov, *Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Population. Economy. Development and Improvement* [in Russian] (Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2007), EDN: QPGLAV

⁴ A.Yu. Gusarov, *Gatchina. From the Past to the Present. A History of the Town and Its Residents* [in Russian] (Moscow: Tsentrpoligraf; St Petersburg: Russkaya troika-SPb, 2012); T.F. Rodionova, comp., *Gatchina: Pages of History* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'skii dom Gerda, 2001); S.V. Rozhdestvenskii, comp., *Centenary of the Town of Gatchina. November 1796 – November 1896* [in Russian], vol. 1, *Historical Background* (Gatchina: Gatchinskoe dvortsovoe upravlenie, 1896).

⁵ I.A. Bogdanov, *Three Centuries of St Petersburg Baths* [in Russian] (St Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000).

⁶ E.V. Burlutskaya (Bannikova), “Bathhouses as a Component of Urban Everyday Life in the 19th-Century Orenburg” [in Russian], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 4 (36) (2020): 232–46, <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.13>. EDN: VQNPKV; F.A. Sukhovinskii, and R.V. Danilyuk, “Bathhouse Traditions of St Petersburg in the 18th – 19th Centuries” [in Russian], in *Young Scientist. A Collection of Articles from the 8th International Scientific and Practical Conference*, ed. G.Yu. Gulyaev (Penza: MTsNS “Nauka i Prosveshchenie,” 2024), 75–77; A.I. Tatarnikova, “Tomsk Bathhouse Problems in the Early 20th Century: A Hygienic Aspect” [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (182) (2017): 42–48, <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-5-42-48>, EDN: YLGGOD

One of the tasks of the Ministry of the Imperial Court related to the management of palace towns was to ensure normal functioning of institutions rendering consumer services to the population. Of undoubted interest to professional historians is the issue of the interaction between the local authorities and private enterprising. Continuing and developing research on the history of palace towns,⁷ this article presents the history of relations between the owners of the only commercial public baths in Gatchina and the town administration from the mid-1840s to 1914.

Main body

According to a report available among the documents by the Gatchina Palace Administration, prepared in 1888, public baths appeared in the town in the early 1840s. In 1841, Emperor Nicholas I approved the petition of Major General E.A. Roop, the head of the Gatchina Palace Administration, which allowed merchant Tochenov from Tsarskoye Selo to build commercial baths from stone. The building, the design of which was approved by the emperor on December 17, 1841, was to be located on the land plot near Black Lake by the Prioratskii Park that was owned by the Court Department.⁸ Soon after that, the emperor decided that the owner of the baths should pay 25 roubles per year to the treasury of Gatchina, which was already an existing practice in Tsarskoye Selo and Peterhof. However, Tochenov was not prepared to comply with that requirement and abandoned the project.⁹ On May 19, 1842, the Gatchina administration in agreement with the emperor issued a permit for the construction of baths to merchant Frolov from St Petersburg. The permit was issued under the same conditions that had been previously offered to Tochenov. The public baths he built opened on September 9, 1843. In order to support the entrepreneur, restrictions were imposed by the police on residents regarding the

⁷ A.A. Efimov, "Regulation and Control over Private Construction Activity in Gatchina in the 1830–1840s: Licensing Procedures" [in Russian], *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 1 (13) (2017): 50–59, <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2017-00025>, EDN: YMALYN; A.A. Efimov, "The Activities of the Ministry of Imperial Court regarding Creation of the Water-Pipe System in the Town of Gatchina under Alexander III" [in Russian], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 23, no. 4 (2018): 62–74, <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.7>, EDN: XWHHSP

⁸ "Delo ob otdache kuptsu Tochenovu mesta v Gatchine bliz Chernogo ozera dlya postroiki ban" [Case on granting merchant Tochenov a place in Gatchina near Black Lake for the construction of baths]. F. 472, op. 14, d. 221, ll. 1–3. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

⁹ Possibly, the reluctance to pay the duty had previously deterred entrepreneurs, but there is no confirmed information in the documents about earlier plans to create public baths in Gatchina.

construction of similar baths after that. A. Kokorev,¹⁰ who held the position of town architect, acquired the establishment in 1859.

In 1873, Gatchina merchant Yakov Glebov submitted a petition requesting permission to build another public baths on his own plot of land in the town center. However, his request was rejected by the local palace administration. As an alternative, it was suggested that he should build his establishment in the Marienburg quarter (on Pil'naya). The merchant filed a complaint against that decision with the Minister of the Imperial Court. In his complaint, he pointed out the deficiencies of the Kokorev's baths, lamented the groundlessness of the local administration's claims that the number of baths in Gatchina was sufficient, and practically openly alleged a corrupt nature to the refusal that had left the baths owned by the local architect in monopoly. During the inquiry, opinions were obtained from both the head of the Gatchina Palace Administration, Lieutenant General K. Baggovut (Karl Gustav von Baggehufwudt) and the Construction Office of the Ministry of the Imperial Court. Stating the groundlessness of Glebov's claims and assertions, the former recommended that the permission to build baths on the chosen site should be refused and directed him to build such an establishment in Marienburg, which would be truly beneficial for the town. Without delving into administrative and economic issues and conducting a technical expert review of the new baths project, the officials of the Construction Office, for their part, concluded that construction on the chosen site was impossible due to non-compliance with several norms of the Construction Code. Following the review of merchant Ya. Glebov's repeated appeal, he was again denied permission to build. The petitioner refused to erect a building at the location suggested by the palace administration.¹¹ Consequently, the baths owned by A. Kokorev remained the only publicly accessible establishment of this type in Gatchina.

¹⁰ Adrian V. Kokorev (1810–77), a Russian architect, academician of the Imperial Academy of Arts, chief architect of Gatchina. He was born into the family of a court chamber lackey. He studied at the Imperial Academy of Arts (1821–33). From 1838, he worked as architect for the First St Petersburg Gymnasium.

He worked as chief architect of Gatchina from the 1850s (exact date is disputed) until 1870 (according to other sources, until 1877). He died on March 31, 1877, in Gatchina (according to other sources, in 1876). He was buried in Kuzminskoe Cemetery of the town of Pushkin.

¹¹ “Delo po zhalobe kuptsa Yakova Glebova na nedozvolenie emu ustroit' v gorode Gatchine obshchestvennye bani i na dopushchennuyu monopoliyu v pol'zu ban' arkhitekora Gatchinskogo dvortsovogo pravleniya Kokoreva” [Complaint case of merchant Yakov Glebov regarding the denied permission to establish public baths in the town of Gatchina and the allowed monopoly in favor of the baths of Kokorev, the architect of the Gatchina palace administration]. F. 472, op. 11, d. 312, ll. 1–22. RGIA; “Delo o postroike v Gatchine novykh obshchestvennykh ban'” [Case on the construction of new public baths in Gatchina]. F. 491, op. 3, d. 312, l. 9–9 ob. RGIA.

On the instruction of Gatchina Palace manager Lieutenant Colonel M. Anichkov, town architect N. Dmitriev, sanitary inspector Ad. Gausman, assistant manager V. Ginglyatt, and police chief G. Podgainyi inspected the Stone Commercial Baths of A. Kokorev's heir, his nephew V. Kokorev, in Gatchina (Lyutsevskaya St., 62) in January 1886. The inspection revealed a number of deficiencies. Among them were contamination of the premises and problems with water supply and drainage: water intake from an open lake without treatment, improper condition of the boiler, lack of proper sewerage and cesspits, unequipped entrance vestibules, and permitting laundry washing without a special room for that. The operation of the establishment was also deemed faulty because living quarters were located above the baths. The commission suggested that Kokorev should evict the tenants, conduct a boiler inspection, repair the sewerage system, replace damaged structures, and submit plans for the redevelopment of the baths within a month.

On February 11, 1886, the owner of the commercial baths received a letter containing the inspection report and the commission's recommendations. In his response, he explained that the identified deficiencies largely stemmed from the complexity of managing the baths as a joint property with other individuals as well as from low profitability and outdated standards that were in place when the baths were built several decades earlier.¹² Kokorev requested permission to keep the tenants living above the baths and promised to replace the stairs leading to their rooms with non-combustible ones. After that correspondence, the issue of reconstructing the baths was not raised until August 1888.¹³

On August 25, 1888, V. Kokorev was asked to redirect the wastewater from the baths into the new municipal collector by October 15. In a reply letter, he stated that several craftsmen had refused to work, and the estimate proposed by craftsman Chernev (4,655 roubles) would allow work to be completed only by 1889. The local authorities, for their part, emphasized Kokorev's obligation to solve the problem at his own expense.¹⁴

In November 1888, M. Anichkov sent a report to Minister of the Imperial Court Count I. Vorontsov-Dashkov on the need to build new public baths in Gatchina. He argued that the only existing baths, which served eight thousand residents, were in a rather deplorable state. A commission comprising town architect N. Dmitriev and sanitary inspector Ad. Gausman had identified serious deficiencies back in 1886, which collectively meant that the existing baths no longer met sanitary requirements.

¹² Documents on the original construction of the baths (Tochenov's and Frolov's building plans) could not be found, which made it difficult to assess their compliance with the 1840s standards (See: "Delo o postroike v Gatchine novykh obshchestvennykh ban" [Case on the construction of new public baths in Gatchina]. F. 491, op. 3, d. 312, ll. 9–10 ob. RGIA.

¹³ Ibid, ll. 1–6.

¹⁴ Ibid, ll. 7–8 ob.

The report also stated that V. Kokorev, the owner of the establishment, had ignored instructions for improvements and connection to the new water collector and continued to discharge wastewater into Black Lake. Anichkov proposed building modern baths using funds from private entrepreneurs attracted through announcements.¹⁵

On November 30, 1888, the Economic Department of the Cabinet of His Imperial Majesty, instructed the architect through the mayor of Gatchina to develop a baths project along with contract terms for submission to the Cabinet. On April 12, 1889, N. Dmitriev submitted documents to M. Anichkov, including drawings, an explanatory note, and an estimated budget of 58,000 roubles. The proposal involved construction of a brick building on a stone foundation with interior finishing of wooden paneling and asphalt flooring, connecting it to the municipal water supply and sewerage networks, and building a separate boiler room. By the end of April 1889, the documentation and rules for maintaining the baths had been ready, and the Gatchina administration announced a competition for entrepreneurs through advertisements in the local press.¹⁶

On hearing of the intention to build an alternative establishment, V. Kokorev appealed to the town administration on May 1, 1889. He noted that the baths he owned had operated without harm to residents for over 45 years. Also, the entrepreneur declared his readiness to modernize the baths appropriately in light of the improvements being made in the town. The entrepreneur asked the palace administration to inform him what changes were needed “so that the baths would meet the requirements and allowing the construction of baths to other persons could be avoided.”¹⁷

After reviewing that petition, M. Anichkov ordered a response to be drafted. It was partly based on the provisions of the construction project of new public baths. The document had been prepared by May 4, 1889. V. Kokorev received the project for the construction of new public baths. He was informed that in addition to connecting to the town’s water supply and sewerage networks, he was required to reconstruct his establishment according to the specific recommendations of the technicians of the Court Department. Subsequently, on May 16, the bath owner was asked to inform whether he was prepared to supply water from the town’s water main and connect to the town’s wastewater collector. Receiving a positive response from the entrepreneur the following day, M. Anichkov on 21 May, 1889, appointed a commission consisting of the police chief, architect N. Dmitriev, and the sanitary inspector. They

¹⁵ “Delo o postroiike v Gatchine novykh obshchestvennykh ban” [Case on the construction of new public baths in Gatchina]. F. 491, op. 3, d. 312, ll. 9–10 ob. RGIA.

¹⁶ Ibid, ll. 11–13, 20.

¹⁷ Ibid, l. 28.

were to “inspect the construction in every detail and draw up a report showing the necessary reconstructions to meet modern needs.”¹⁸

The commission convened on 5 June, 1889. Upon inspecting Kokorev’s bath establishment, it discovered not only previous but also new deficiencies. Among them were dampness due to poor drainage, rotting structures, poorly designed vestibules, cold, and latrines without cesspits. To address them, it was proposed to reconstruct the entrance areas, remove wooden extensions, replace the water supply, drainage, and heating systems, update the decoration, and improve the surrounding area. The inspection report was submitted to M. Anichkov and then to V. Kokorev, with a requirement to submit a plan for the bathhouse reconstruction by 15 June. If the entrepreneur refused to comply with the instructions, it was planned to announce a competition for the construction of new public baths and close the old ones for good.

Responding on the last day of the specified deadline, entrepreneur V. Kokorev did not accept the instructions, objecting to almost every point. He considered the town’s water supply and sewerage systems unreliable and suggested retaining the previous schemes as backups. He expressed doubts about the expediency of the new decoration (painted wood paneling and asphalt), considering them unsuitable for hot and humid environments, and also requested to keep the caretaker’s apartment and the wooden extension until they fell into disrepair. He considered the requirements for fire hydrants and access to the building excessive, citing the example of St Petersburg baths. In addition, he put forward counter-conditions: extending the monopoly on running the baths and increasing the existing fees for visitors.¹⁹

Officials of the Gatchina administration sent a commission to verify the validity of the objections. However, a re-inspection of the building did not lead to any change in the requirements set forth. On 28 June, 1889, M. Anichkov sent a letter to the bath owner stating that the authorities had alternative proposals for establishing such a facility. V. Kokorev was strongly advised to immediately begin the reconstruction of the baths in order to complete the reconfiguration of the utilities by 15 August and the overall major repairs by October 1, 1889. The letter to the owner indicated that fulfilling the commission’s requirements was a mandatory condition for issuing a certificate for the monopoly operation of public baths in Gatchina.

However, disagreeing with some requirements set in the instructions, the entrepreneur appealed to State Secretary N. Petrov in early July 1889 to appoint a commission of technicians from the Control Department of the Ministry of Imperial Court, which was responsible for supervising construction work at that time. He

¹⁸ “Delo o postroike v Gatchine novykh obshchestvennykh ban” [Case on the construction of new public baths in Gatchina]. F. 491, op. 3, d. 312, ll. 28–29 ob., 32, 33. RGIA.

¹⁹ Ibid, ll. 41–47. RGIA.

considered the specialists appointed by the local administration insufficiently qualified and requested that more competent ones be sent to the site.²⁰ That request, however, remained unanswered as it was passed down to the local Gatchina authorities with a note “for your information.”

Having no other choice but to undertake the reconstruction, V. Kokorev submitted plans for both general construction works and the water supply and sewerage systems in mid-July 1889 and soon commences the works. He did not wait for any official notification of project approval, which arrived only at the end of August. The haste was partly due to continued pressure from the Gatchina Palace Administration, reminding him of the need to quickly reconfigure the utilities. Despite some technical and organizational issues, the work progressed. However, the requirement to complete reconstruction by October 1 was not met. Work continued until the summer of 1890. During the reconstruction of Kokorev’s baths, the baths operating at the town hospital were opened for the residents according to a special schedule. In January 1890, part of the baths under reconstruction was opened following approval by the Gatchina Administration.²¹

The entrepreneur twice failed to obtain a certificate for a 25-year monopoly on the bath business in Gatchina from M. Anichkov to secure borrowed funds. However, after the completion of the reconstruction, the formal reasons for refusal disappeared. In mid-August 1890, the head of the Gatchina Palace sent a report to the manager of the Cabinet of His Imperial Majesty requesting permission to issue V. Kokorev a certificate for the bath monopoly. It was subject to the following conditions: maintaining the building and equipment in good working order, operating the baths regularly at least three times a week with agreed-upon admission fees, and complying with the instructions of the local administrative supervision. Violations were subject to fines ranging from 10 to 100 roubles. Following that, on September 7, 1890, the Economic Department of the Cabinet of His Imperial Majesty finally agreed to issue the certificate provided the conditions were successfully met.²²

Over the next 10 years, correspondence regarding the baths was mainly concerned with resolving issues of the cost of admission, which was initially kept under control by making concessions to the entrepreneur regarding the cost of using the water supply and sewerage systems. However, by 1899, those measures had become insufficient due to both general increase in prices and the appearance of bathtubs in

²⁰ “Delo o postroike v Gatchine novykh obshchestvennykh ban” [Case on the construction of new public baths in Gatchina]. F. 491, op. 3, d. 312, ll. 51–53, 55–56 ob. RGIA.

²¹ *Ibid.*, ll. 57–64, 70, 74–76, 80–81, 93, 95, 95 ob., 99, 101, 101 ob., 107, 110, 111, 117, 120–140 ob.

²² *Ibid.*, ll. 82, 117, 143–146.

the houses connected to the water supply. Those two facts led to a decline in demand for bath services, and V. Kokorev was allowed to raise prices.²³

Two years later, in November 1901, the baths were sold to A. Kuznetsov, a merchant from St Petersburg. With the agreement of the legal adviser of the Cabinet of His Imperial Majesty, the certificate for a 25-year monopoly issued to V. Kokorev in 1890 was transferred together with the establishment on condition that the new owner assumed all previously established obligations. That transfer was largely driven by the requirements for another reconstruction of the baths set by the Court Department. A. Kuznetsov agreed to those works, which involved modernizing engineering systems in the building, expanding service rooms, and adding additional wings for visitors. However, the reconstruction work was not completed due to the owner's death in 1908. His heirs subsequently found themselves in a difficult financial situation as it was difficult for them to obtain a loan given the imminent expiration of the exclusive right to operate public baths in Gatchina. The new owners requested an extension of the document's validity, pledging not only to fulfill the previous conditions but also to pay double the annual bath business duty (50 roubles instead of 25 roubles), to accept people from charitable institutions at half price, and some even for free. They also noted that after the appearance of baths at state and military institutions, as well as the appearance of bathtubs in private homes, the bath business had largely lost its profitability. At the local administration level, there seemed to be no obvious obstacles to extending the privilege, as the baths were maintained by the owners, and any identified deficiencies were improved "without coercion." However, police chief N. Kavtaradze still proposed introducing a number of additional conditions: responsibility of the owners for visitors' belongings; obligations regarding hiring and firing staff; allocating a separate area for hairdressers and barbers; preventing people with signs of infectious diseases from entering the baths; displaying the price list for bath services in a place accessible to all visitors. Taking this into consideration, the head of the Gatchina Palace Administration acknowledged the general validity of the request for monopoly extension and submitted a corresponding inquiry to the Cabinet of His Imperial Majesty on March 3, 1909. For his part, he proposed not only to include the suggestions of the local police chief in the owners' obligations but also to increase the annual bath duty to 75 roubles. Sending a reply only on August 1, 1909, the officials of the Cabinet of His Imperial Majesty noted that the owners of the Gatchina baths had already received sufficient benefits (i.e. baths built on palace land, bath duty of only 25 roubles per year, reduced water charges). It was further noted that since the publication of the last announcement inviting entrepreneurs to build public baths in

²³ "Delo o postroike v Gatchine novykh obshchestvennykh ban" [Case on the construction of new public baths in Gatchina]. F. 491, op. 3, d. 312, ll. 150, 151, 158–160. RGIA.

1888, the town's population had almost doubled, and accordingly, new persons interested in obtaining the construction contract might have appeared. In the Cabinet's opinion, competition could improve the quality of service, which would automatically lead to an increase in the fee for operating the baths. Therefore, agreeing to the owners' request and extending the monopoly was deemed unprofitable both for the residents and for the Court Department. It was additionally noted that as the fee of 25 roubles had been set in 1841 and had not changed since, the head of the Gatchina Palace Administration was instructed to inform the bath owners that upon expiration of the monopoly in 1915, its amount would be increased. If the owners expressed dissatisfaction with those requirements or if the existing baths were still deemed insufficient in size or not meeting hygienic standards, it was proposed to invite interested parties through local press and street announcements to build new baths before the privilege expired.²⁴

The refusal to extend the exclusive right to operate the bath business led to the rapid appearance of a new owner. In November 1911, V. Arsen'ev, a hereditary honorary citizen, bought the establishment from the heirs of merchant A. Kuznetsov. The new owner planned to conduct major modernization work: expand one of the sections, install additional bathtubs, install showers using the Charcot system in several departments (except the cheapest ones), construct swimming pools, install electric lighting, and convert the open courtyards between bath sections into a common foyer. Additionally, it was planned to build a sanatorium attached to the baths, with specialist doctors. In an appeal sent to the Gatchina Palace Administration, "in order to avoid competition" and ensure the profitability of the innovations, V. Arsen'ev's side requested to maintain the current privilege and also to extend the monopoly on the baths for 25 years after the expiration of the current one, i.e., from 1915 to 1940, while retaining the previously established conditions. However, that request was not supported. Moreover, following the refusal to extend the validity of the certificate issued in 1890, the local authorities imposed requirements for a number of repairs after an inspection of the baths in early 1912. In particular, they required repainting walls, remodeling toilets and sewerage; improving the heating and ventilation systems (repairing and installing new furnaces, improving air flow; installing opening windows in each section); replacing wooden tanks with metal ones and improving lighting. Furthermore, it was noted that it was necessary to comply with requirements for the storage and use of linen and bath supplies, visitors' belongings, and the arrangement of changing rooms. In the autumn of the same year, a re-inspection was conducted. Based on it, it was established that not all of the required works had been done. V. Arsen'ev requested a delay until mid-December of

²⁴ "Delo o postroike v Gatchine novykh obshchestvennykh ban'" [Case on the construction of new public baths in Gatchina]. F. 491, op. 3, d. 312, ll. 163, 165–166, 169–179. RGIA.

1912, but it was granted him only on condition that he complied with the instructions resulting from the inspections. However, not everything had been completed by December, but the inspecting police chief N. Kavtaradze acknowledged the entrepreneur's efforts and no sanctions followed.²⁵

The approaching expiration of the monopoly prompted V. Arsen'ev to re-appeal for an extension of the privilege for 25 years in February 1914. It was noted that since the previous refusal was linked to the condition of preparing and submitting a new bath reconstruction project, a new reconstruction plan had been prepared to substantiate the current request. That plan was approved by the manager of the Cabinet of His Imperial Majesty on February 7, 1914. In response to that appeal in a letter dated March 6, 1914, the officials of the Court Department promised to petition for an extension of the monopoly, but for only five years. The conditions included completing the current bath repairs, implementing the reconstruction approved by the ministry, complying with sanitary requirements, and having no complaints regarding visitor service.²⁶

The aforementioned current repairs, which involved painting the facade, localized painting of walls and ceilings in the premises, repairing and painting bath benches and furniture, and repairing and replacing furnaces, were carried out in late spring – early summer of 1914.²⁷ The absence of later documents suggests that those works were the last before the outbreak of World War I, which soon set different conditions and changed priorities.

Conclusion

The conducted study of the history of relations between the authorities of the town of Gatchina and the owners of the local public baths, based on documents from the Gatchina Palace Administration, revealed a rather contradictory picture of the local administration's actions. On the one hand, the officials sought to oblige the owners of the public baths to maintain their establishments in proper condition and modernize them in line with increasing requirements. On the other hand, as soon as the owners actually began to comply with their requirements, the local authorities quickly abandoned the idea of expanding the system of public baths and introducing competition and helped to maintain the monopoly. The practice of artificial monopolism, where the entrepreneurs were in fact confident in the exclusivity of their position, partly generated the problems in the condition of the baths that the authorities later fought. The leadership of the Court Department drew attention to that

²⁵ “Delo o postroiike v Gatchine novykh obshchestvennykh ban” [Case on the construction of new public baths in Gatchina]. F. 491, op. 3, d. 312, ll. 185, 185 ob., 195–217 ob. RGIA.

²⁶ Ibid, ll. 232–234 ob.

²⁷ Ibid, ll. 237–238 ob., 241–246.

circumstance at the beginning of the 20th century, and the involvement of the officials from the Cabinet of His Imperial Majesty might have contributed to a qualitative shift in the sphere of consumer services for Gatchina residents, but the outbreak of World War I soon set different priorities.

Список литературы

Бирюкова А.Б. Благоустройство поволжских городов как разновидность градостроительной практики (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Международной научно-практической конференции (Самара, 23–24 мая 2016 г.): в 2 ч. / под редакцией С.В. Соловьевой и др. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2016. Ч. 1. С. 321–327. EDN: XEUWAP

Богданов И.А. Три века петербургской бани. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 254 с.

Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Бани как компонент городской повседневности Оренбурга XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 4 (36). С. 232–246. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.13>, EDN: VQNPKV

Высочков Л.В. Будни и праздники императорского двора. Санкт-Петербург: Питер, 2012. 493 с. EDN: SDRYAR

Гатчина: страницы истории / составитель Т.Ф. Родионова. Санкт-Петербург: Издательский дом Герда, 2001. 207 с.

Гусаров А.Ю. Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей. Москва: Центрполиграф; Санкт-Петербург: Русская тройка-СПб, 2012. 350 с.

Ефимов А.А. Деятельность Министерства императорского двора по созданию системы Гатчинского городского водопровода при Александре III // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 4. С. 62–74. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.7>, EDN: XWHHSP

Ефимов А.А. Регулирование и контроль частной застройки в Гатчине в 1830–1840-х гг.: разрешительные процедуры // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1 (13). С. 50–59. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2017-00025>, EDN: YMALYN

Зимин И.В. Повседневная жизнь российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. Москва: Центрполиграф, 2010. 430 с. EDN: QPRAMT

Зимин И.В., Соколов А.Р., Лазерсон И.И. Императорская кухня. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь российского императорского двора. Москва: Издательство Центрполиграф, 2021. 334 с. EDN: DBSMZD

Ильин А.Ю. Развитие городского хозяйства региональных центров России в условиях урбанизации XVIII – XX вв. Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2018. 486 с. EDN: YUEVXJ

Коновалова Н.А. Обновление городского хозяйства Москвы при городском голове Н.А. Алексееве // Московская городская дума. 1862–1917 гг.: материалы научно-практической конференции (Москва, 1 ноября 2018 г.) / под редакцией С.В. Орлова. Москва: Московская городская Дума, 2019. С. 102–112. EDN: QREXPG

Макаров Д.В. и др. Исторические аспекты развития жилищно-коммунального хозяйства в России (XVII–XXI вв.). Иваново: ЛИСТОС, 2015. 72 с. EDN: VCQUQJ

Мамаев А.В. Городское благоустройство, финансы и вопрос о муниципализации в России накануне революции 1917 года // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17, № 2. С. 321–342. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17\(2\).321-342](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(2).321-342), EDN: WKETFT

Нардова В.А., Сухорукова А.С., Чистиков А.Н. Городское хозяйство Петербурга: XIX – начало XX века. Санкт-Петербург: Фонд «Креатив», 2014. 399 с. EDN: VIVTPZ

Несмеянова И.И. Министерство императорского двора и уделов в истории российской государственности. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2009. 275 с. EDN: QPNBVX

Сергиенко М.А. Трансформация повседневной жизни провинциальных российских городов под влиянием технических инноваций во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2015. № 1 (198), вып. 33. С. 105–110.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007. 239 с. EDN: QPGLAV

Столетие города Гатчины. 1796 11/XI 1896 / составитель С.В. Рождественский. Т. 1. Исторические сведения. Гатчина: Гатчинское дворцовое управление, 1896. 323 с.

Суховинский Ф.А., Данилюк Р.В. Банные традиции Петербурга XVIII–XIX веков // Молодой ученый: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции / под редакцией Г.Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. С. 75–77. EDN: SOIXMA

Татарникова А.И. Проблемы банного хозяйства г. Томска в начале XX века: санитарно-гигиенический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (182). С. 42–48. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-5-42-48>, EDN: YLGGOD

References

Biryukova, A.B. “Blagoustroistvo povolzhskikh gorodov kak raznovidnost' gradostroitel'noi praktiki (konets XVIII – pervaya polovina XIX vv.)” [Improvement of the Volga cities as a type of urban planning practice (late 18th – first half of the 19th centuries)]. In *Modernizatsiya kul'tury: ot kul'turnoi politiki k vlasti kul'tury: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Samara, 23–24 maya 2016 g.)* [Modernization of culture: From cultural policy to the power of culture: Proceedings of the 4th International scientific and practical conference (Samara, May 23–24, 2016)], 2 pts., edited by S.V. Solov'eva et al., pt. 1, 321–27. Samara: Samarskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2016. EDN: XEUWAP (In Russian)

Bogdanov, I.A. *Tri veka Peterburgskoi bani* [Three centuries of St Petersburg baths]. St Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000. (In Russian)

Burlutskaya (Bannikova), E.V. “Bani kak komponent gorodskoi povsednevnosti Orenburga XIX veka” [Bathhouses as a component of urban everyday life in the 19th-century Orenburg]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 4 (36) (2020): 232–46. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.13>. EDN: VQNPKV (In Russian)

Efimov, A.A. “Deyatel'nost' Ministerstva imperatorskogo dvora po sozdaniyu sistemy Gatchinskogo gorodskogo vodoprovoda pri Aleksandre III” [The activities of the Ministry of Imperial Court regarding creation of the water-pipe system in the town of Gatchina under Alexander III]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 23, no. 4 (2018): 62–74. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.7>. EDN: XWHHSP (In Russian)

Efimov, A.A. “Regulirovanie i kontrol' chastnoi zastroiki v Gatchine v 1830–1840-kh gg.: razreshitel'nye protsedury” [Regulation and control over private construction activity in Gatchina in the 1830–1840s: Licensing procedures]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 1 (13) (2017): 50–59. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2017-00025>. EDN: YMALYN (In Russian)

Gusarov, A.Yu. *Gatchina. Ot proshlogo k nastoyashchemu. Istoriya goroda i ego zhitelei* [Gatchina. From the past to the present. A history of the town and its residents]. Moscow: Tsentrpoligraf; St Petersburg: Russkaya troika-SPb, 2012. (In Russian)

Il'in, A.Yu. *Razvitie gorodskogo khozyaistva regional'nykh tsentrov Rossii v usloviyakh urbanizatsii XVIII – XX vv.* [Development of municipal economy of the Russian regional centers in the context of urbanization in the 18th – 20th centuries]. Tambov: Izdatel'skii dom “Michurinsk”, 2018. EDN: YUEVXJ (In Russian)

Konovalova, N.A. “Obnovlenie gorodskogo khozyaistva Moskvy pri gorodskom golove N.A. Alekseeve” [Renewal of Moscow municipal economy under Mayor N.A. Alekseev]. In *Moskovskaya gorodskaya дума. 1862–1917 gg.: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 1 noyabrya 2018 g.)* [Moscow City Duma. 1862–1917: Proceedings of the scientific and practical conference (Moscow, November 1, 2018)], edited by S.V. Orlov, 102–12. Moscow: Moskovskaya gorodskaya Duma, 2019. EDN: QREXPG (In Russian)

Makarov, D.V. et al. *Istoricheskie aspekty razvitiya zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva v Rossii (XVII–XXI vv.)* [Historical aspects of development of housing and communal services in Russia (17th – 21st centuries)]. Ivanovo: LISTOS, 2015. EDN: VCQUQJ (In Russian)

Mamaev, A.V. “Gorodskoe blagoustroistvo, finansy i vopros o munitsipalizatsii v Rossii nakanune revolyutsii 1917 goda” [Urban development, finances and the issue of municipalization in Russia on the eve of the 1917 Revolution]. *Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya*, vol. 17, no. 2 (2016): 321–42. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17\(2\).321-342](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(2).321-342). EDN: WKETFT (In Russian)

Nardova V.A., A.S. Sukhorukova, and A.N. Chistikov. *Gorodskoe khozyaistvo Peterburga: XIX – nachalo XX veka* [Municipal economy of St Petersburg: 19th – early 20th century]. St Petersburg: Fond “Kreativ”, 2014. EDN: VIVTPZ (In Russian)

Nesmeyanova, I.I. *Ministerstvo imperatorskogo dvora i udelov v istorii rossiiskoi gosudarstvennosti* [Ministry of the Imperial Court and Appanages in the history of Russian statehood]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009. EDN: QPNBVX (In Russian)

Rodionova, T.F., comp. *Gatchina: stranitsy istorii* [Gatchina: Pages of history]. St Petersburg: Izdatel'skii dom Gerda, 2001. (In Russian)

Rozhdestvenskii, S.V., comp. *Stoletie goroda Gatchiny. 1796 11/XI 1896* [Centenary of the town of Gatchina. November 1796 – November 1896]. Vol. 1, *Istoricheskie svedeniya* [Historical background]. Gatchina: Gatchinskoe dvortsovoe upravlenie, 1896. (In Russian)

Sergienko, M.A. “Transformatsiya povsednevnoi zhizni provintsial'nykh rossiiskikh gorodov pod vliyaniem tekhnicheskikh innovatsii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Kurskoi gubernii)” [Transformation of everyday life in provincial Russian cities under the influence

of technical innovations in the second half of the 19th – early 20th centuries (a case study of Kursk Governorate)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ehkonomika. Informatika*, no. 1 (198), iss. 33 (2015): 105–10. (In Russian)

Skubnevskii, V.A., and Yu.M. Goncharov. *Goroda Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Naselenie. Ehkonomika. Zastroika i blagoustroistvo* [Cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Population. Economy. Development and improvement]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2007. EDN: QPGLAV (In Russian)

Sukhovinskii, F.A., and R.V. Danilyuk. “Bannye traditsii Peterburga XVIII–XIX vekov” [Bathroom traditions of St Petersburg in the 18th – 19th centuries]. In *Molodoi uchenyi: sbornik statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Young scientist: A collection of articles from the 8th International scientific and practical conference], edited by G.Yu. Gulyaev, 75–77. Penza: MTsNS “Nauka i Prosveshchenie”, 2024. EDN: COIXMA (In Russian)

Tatarnikova, A.I. “Problemy bannogo khozyaistva g. Tomska v nachale XX veka: sanitarno-gigienicheskii aspekt” [Tomsk bathroom problems in the early 20th century: A hygienic aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (182) (2017): 42–48. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-5-42-48>. EDN: YLGGOD (In Russian)

Vyskochkov, L.V. *Budni i prazdniki imperatorskogo dvora* [Weekdays and holidays of the imperial court]. St Petersburg: Piter, 2012. EDN: SDRYAR (In Russian)

Zimin, I.V. *Povsednevnyaya zhizn' rossiiskogo imperatorskogo dvora. Vtoraya chetvert' XIX – nachalo XX v. Vzroslyi mir imperatorskikh rezidentsii* [Everyday life of the Russian imperial court. Second quarter of the 19th – early 20th century. The adult world of the imperial residences]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. EDN: QPRAMT (In Russian)

Zimin I.V., A.R. Sokolov, and I.I. Lazerson. *Imperatorskaya kukhnya. XIX – nachalo XX v. Povsednevnyaya zhizn' rossiiskogo imperatorskogo dvora* [Imperial kitchens. 19th – early 20th centuries. Everyday life of the Russian imperial court]. Moscow: Izdatel'stvo Tsentrpoligraf, 2021. EDN: DBSMZD (In Russian)

Информация об авторе

Андрей Александрович Ефимов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0001-9016-1091>, aaefimov5@gmail.com, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (д. 7, ул. Петрозаводская, 197110 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Andrei A. Efimov – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, <https://orcid.org/0000-0001-9016-1091>, aaefimov5@gmail.com, St Petersburg Institute of History of RAS (7, ul. Petrozavodskaya, 197110 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 16.02.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 22.12.2025.

The article was submitted 16.02.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 537–571.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 2 (2026): 537–71.

Научная статья

УДК 94(571.1/5):378

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-5>

<https://elibrary.ru/fxifod>

Формирование политических позиций сибирской инженерно-технической профессуры в условиях революции 1917 г. и гражданской войны

Алексей Григорьевич Осипов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Новосибирск, Россия,
a.g.osipov@ssga.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4824-0225>

Aleksei G. Osipov

Siberian State University of Geosystems and Technologies,
Novosibirsk, Russia,
a.g.osipov@ssga.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4824-0225>

Денис Игоревич Муренко ✉

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия,
✉ denismurenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6389-488X>

Denis I. Murenko ✉

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia,
✉ denismurenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6389-488X>

Аннотация. В статье исследуются проблемы жизнедеятельности инженерно-технической школы Сибири в годы революций и гражданской войны, дается оценка уровня развития российского инженерно-технического образования в первые десятилетия XX в. Авторы раскрывают основные направления общественно-политической деятельности и ценностную ориентацию преподавательского состава и студенчества инженерно-технической школы Сибири. На материалах Томского образовательного комплекса выявлено, что профессорско-преподавательская среда технических вузов придерживалась либеральных взглядов, склоняясь к поддержке областничества. Студенчество отличалось более радикальными, эсеро-меньшевистскими взглядами. Сделан вывод, что для профессорско-преподавательского состава и учащихся высшей инженерно-технической школы Сибири в рассматриваемый период был характерен волнообразный процесс политизации. По мнению авторов, правление антибольшевистских режимов на востоке страны противоречиво

© Осипов А.Г., Муренко Д.И., 2026

© Osipov A., Murenko D., 2026

сказалось на положении высшей технической школы. С одной стороны, были созданы новые очаги высшего технического образования, в частности, Омский (коммерческий) политехнический институт, а с другой стороны, вследствие мобилизации части студенчества, занятия в некоторых вузах велись нерегулярно. Тем не менее, несмотря на революционные события 1917 г. и перипетии гражданской войны, в Томске и Омске подготовка инженерных кадров продолжалась. В условиях постоянной смены политических режимов интеллигенция инженерно-технической школы была склонна занимать конформистскую позицию по отношению к властям, при этом требуя сохранения за собой академических свобод и финансирования.

Ключевые слова: высшее инженерно-техническое образование, Великая российская революция, гражданская война, политизация студенчества, уровень инженерной подготовки, конформизм, нонконформизм

Для цитирования: Осипов А.Г., Муренко Д.И. Формирование политических позиций сибирской инженерно-технической профессуры в условиях революции 1917 г. и гражданской войны // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 537–571, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-5>; EDN: FXIFOD

Formation of Political Positions of Siberian Engineering and Technical Professoriate in the Conditions of the 1917 Revolution and Civil War

Abstract. The article examines the problems of the activity of Siberia's engineering and technical school during the years of revolutions and the civil war. It assesses the level of development of Russian engineering and technical education in the first decades of the twentieth century. The main areas of socio-political activity and the value orientation of the faculty and students of Siberian engineering and technical school are considered. Based on the materials of the Tomsk educational complex, it was established that the faculty of technical universities adhered to liberal views tending to support regionalism. The students were distinguished by more radical Socialist-Revolutionary-Menshevik views. It is concluded that during the period under review, the staff and students of Siberia's higher engineering and technical school were undergoing a wave-like process of politicization. According to the authors of the article, the rule of anti-Bolshevik regimes in the east of the country had a contradictory effect on the position of higher technical school. On the one hand, new centers of higher technical education were created, in particular, the Omsk (Commercial) Polytechnic Institute, and on the other hand, due to the mobilization of part of the students, classes in some universities were irregular. Nevertheless, despite the revolutionary events of 1917 and the vicissitudes of the civil war, the training of engineering personnel continued in Tomsk and Omsk. In the conditions of constant change of political regimes, the intelligentsia of the engineering and technical school was inclined to take a conformist position in relation to the authorities while demanding the preservation of academic freedoms and funding.

Keywords: higher engineering and technical education, The Great Russian Revolution, Civil War, politicization of students, level of engineering training, conformism, nonconformism

For citation: Osipov, A.G., and D.I. Murenko. "Formation of Political Positions of Siberian Engineering and Technical Professoriate in the Conditions of the 1917 Revolution and Civil War." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 2 (2026): 537–71, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-5>; EDN: FXIFOD

Введение

В России решающий прорыв в области инженерного образования был сделан в первые два десятилетия XX в. Накануне Первой мировой войны в Российской империи наблюдался значительный рост числа технических вузов, что было обусловлено потребностями развивавшейся промышленности и военного сектора. Только между 1894 и 1917 гг. было учреждено восемь новых инженерных вузов, а численность студентов технических специальностей увеличилась с 5,7 тыс. чел. в 1898 г. до 27,3 тыс. чел. в 1913 г.¹

Указанный период стал временем расцвета русского математического, естественно-научного и технического образования. Именно тогда в России сложилась уникальная модель и концепция физико-технического образования. Применение сложных математических методов и достижений в области теоретической физики, механики, химии и биологии к решению важных практических задач, становление профессиональной области прикладной науки, создание соответствующей инфраструктуры в виде институтов и лабораторий – эти тенденции сформировались в ряде ведущих государств, прежде всего в Германии, США и России.

К 1917 г. Россия владела примерно таким же инженерным потенциалом, как Германия, а Францию по этому показателю превосходила. Более высокий рост демонстрировали только США, где система технического и сельскохозяйственного образования активно развивалась с 60–70-х гг. XIX в. 1916 год считается датой окончательного формирования новой модели «физико-технического» образования, позже повлиявшей на возникновение так называемой «системы Физтеха»². «Физико-технический подход» оказал определенное воздействие на европейскую и американскую науку и образование.

Развитие инженерного образования в России в начале XX в. происходило в условиях обострения социально-политической обстановки. Революция и последовавшая за ней гражданская война стали серьезным вызовом для высшей инженерно-технической школы. Особенно остро это проявилось в Сибири, которая, являясь научно-образовательной периферией, не имела столь прочных традиций высшего образования и отличалась незначительным количеством высших учебных заведений по сравнению с Европейской частью России.

¹ Сапрыкин Д.Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 127.

² Феклисова Т.М., Мозгунова Н.Н. Становление русской инженерной школы // Профессиональное образование: актуальные проблемы и пути их решения: материалы 3-й региональной научно-практической Интернет-конференции (Ливны, 18 декабря 2020 года) / под редакцией Е.А. Звягиной. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2021. С. 99.

Несмотря на то, что историография по теме исследования не столь обширна, вопросы развития высшего технического образования в Российской империи освещались в работах Н.В. Хисамутдиновой³, В.Н. Тарасовой⁴, В.В. Рыжковского⁵ и других исследователей. Однако в их трудах специфика сибирского региона представлена недостаточно. Проблема развития высшей школы в Сибири, а также формирование профессорско-преподавательского состава в дореволюционный период стали основными направлениями исследований томских историков С.А. Некрылова и М.В. Грибовского⁶. Вместе с тем, их внимание было сосредоточено преимущественно на университетах, а не на инженерно-технических учебных заведениях Сибири указанного периода.

Основная часть

Становление высшего инженерно-технического образования в Сибири было тесно связано с подготовкой высококвалифицированных специалистов для Транссибирской магистрали. Великий железнодорожный путь на рубеже XIX–XX вв. испытывал острую нужду в инженерных кадрах, геологах и изыскателях. Поэтому первыми факультетами (отделениями) первого в Сибири технического вуза – Томского технологического института (далее – ТТИ) – стали механический, горный, химический и инженерно-строительный.

Российская империя в ту пору по качеству и уровню развития инженерно-технического образования входила в пятерку ведущих стран. Звание инженера было одним из самых престижных, а его работа – высокооплачиваемой. Статус инженеров-путейцев и инженеров связи, горных инженеров, инженеров лесо- и землеустроителей был высок. Они обладали весомыми привилегиями. Форма, военные чины, объединения в специализированные корпуса вселяли в них военно-корпоративный дух, хотя формально они не являлись

³ Хисамутдинова Н.В. Дальневосточная школа инженеров: к истории высшего технического образования (1899–1990 гг.). Владивосток: ВГУЭС, 2009. 286 с.

⁴ Тарасова В.Н. Высшая инженерная школа России (последняя четверть XVIII в. – 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 2000.

⁵ Рыжковский В.В. Высшее специальное образование в 1880–1930-х годах (медицина, сельское хозяйство, финансы и экономика) // Дмитриев А.Н. и др. Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 775–808.

⁶ Некрылов С.А., Грибовский М.В. Сибирская профессура рубежа XIX–XX веков: социальный и политический портрет // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 21–37. <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2018-00002>, EDN: XRVEEN; Грибовский М.В. Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 54–71. EDN: UGXMEJ

военнослужащими. Верхи инженерного и профессорско-преподавательского корпусов получали чины, приравненные к генеральским. Поэтому прогрессивная дворянская молодежь тянулась к приобретению инженерно-технического образования, а для юношей из низов оно фактически становилось социальным лифтом.

К началу Первой мировой войны в России функционировало 15 государственных инженерно-промышленных вузов (в подавляющем большинстве своем в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове). Более половины студентов этих учебных заведений было представлено выходцами из высших сословий – дворян и священнослужителей. В Сибири студенческий контингент и профессорско-преподавательский состав по сословному положению были более демократичными.

Конкурс в высшие инженерно-технические заведения до революции составлял 4–5 человек на одно место, а в столичные вузы этого профиля – еще больше. Обучение в технических вузах было платным и стоило в среднем примерно 100 рублей в год (примерно \$50 США). При этом в самих Соединенных Штатах и Англии такое образование обходилось в \$1 тыс. в год, т.е. в двадцать раз дороже. Малоимущие студенты в Российской империи могли быть освобождены от оплаты обучения. Более того, им выделялась довольно весомая стипендия, нередко достигавшая 300 рублей в год.

Престижным было и положение профессорско-преподавательского состава (далее – ППС). При этом не все его представители имели дворянские корни. К 1917 г. дворян среди преподавателей инженерно-технических вузов было около трети. Тем не менее, все получившие ученую степень, начиная с магистра, имели, по крайней мере, личное дворянство, т.е. принадлежали к высшему сословию. Доля землевладельцев (в основном помещиков), которые жили за счет ренты с земли, среди ППС составляла не более 6%. Исходя из этого, можно сделать вывод, что преподавать в вузы шли в основном не самые состоятельные люди, для которых жалование имело большое значение. Основная же часть ППС пополнялась представителями других сословий. Среди них были выходцы из разночинной интеллигенции, мещан, духовенства и купеческого сословия⁷. Поскольку в Российской империи штатные преподаватели вузов являлись государственными служащими и получали чины коллежских, тайных и статских советников, то чиновный статус обязывал их подчиняться всем указаниям властей. Тем не менее, привычка самостоятельно

⁷ Вдовенко А. Сколько зарабатывали преподаватели императорских университетов. И какой у них был статус в России конца XIX – начала XX века // Skillbox. URL: <https://skillbox.ru/media/education/skolko-zarabatyvali-prepodavateli-imperatorskikh-universitetov/> (дата обращения: 02.03.2025).

мыслить приводила ряд преподавателей к конфликтам с властью, что заканчивалось увольнением непослушных, а иногда и временным закрытием вуза.

Профессорам и преподавателям в сибирских вузах полагались дополнительные льготы и привилегии в связи с несением службы в условиях сурового климата и удаленностью от столичных культурных центров. Так, например, в Томске профессора зарабатывали в полтора раза больше, чем их коллеги из европейской части России. Экстраординарным профессорам (начинающим сотрудникам) полагалось жалованье в 3 000 руб., ординарным профессорам (могли заведовать кафедрой) – 4 500 руб. в год. После 5–10 лет выслуги предоставлялась надбавка от 20 до 40 % жалованья. Право выхода на пенсию для томских профессоров наступало на 5 лет раньше обычного. После 20 лет выслуги ординарный профессор мог рассчитывать на пенсию в 2 400 руб., за 25 лет службы в том же звании пенсия увеличивалась до 4 500 руб.⁸

В первой четверти XX в. Томск являлся главным интеллектуальным центром на востоке страны. В городе располагался университет, открытый еще при Александре III, а также технологический институт и высшие женские курсы.

Учебно-воспитательный процесс в сибирских вузах инженерного профиля выстраивался исходя из того, что специфика работы на местных относительно мелких предприятиях не позволяла содержать значительное число инженерных кадров. Поэтому от инженеров требовались универсальность знаний и навыков, умение адаптироваться к суровым природным условиям, оригинальное конструкторское мышление. Учебный процесс в Томском технологическом институте, например, в полной мере отвечал этим требованиям. Предметная система обучения, принятая в институте, обеспечивала студентам значительную автономию в распределении учебного времени. Благодаря этому студенты ТТИ имели возможность беспрепятственно посещать лекции, проводимые профессорами по иным дисциплинам и на других факультетах, нежели те, на которых они учились.

Политические предпочтения томской профессуры выражались в принадлежности к различным партиям. Среди ППС Томска значилось 43 члена «Партии народной свободы» (кадеты) и 15 членов «Союза 17 октября». Среди тех и других преобладали профессора пожилого возраста. Представители революционных и крайне правых движений находились в меньшинстве –

⁸ Первые профессора Императорского Томского университета // Экскурсионно-просветительский центр ТГУ. URL: <https://museum.tsu.ru/stud/professor> (дата обращения: 02.03.2025).

5 черносотенцев, 2 эсера, 2 меньшевика и 1 большевик. Преподаватели, которые не состояли в партиях, придерживались либеральных взглядов. Отличительной чертой ППС Томска было то, что наставники студентов в технологическом институте были значительно либеральнее университетских. Так, в технологическом институте насчитывалось 26 профессоров-кадетов, а в университете их было всего 17. Октябристы напротив преобладали в университете – 14 профессоров, а в технологическом институте был лишь один октябрист⁹. Среди преподавателей-гуманитариев кадеты и октябристы были представлены более равномерно.

Основываясь на данных цифрах, можно сделать вывод, что техническая интеллигенция вузов, придерживаясь по преимуществу демократических взглядов, была настроена довольно критично по отношению к царской власти. Не зря в 1910 г. в письме к министру народного просвещения попечитель Томского учебного округа предлагал закрыть ТТИ как рассадник революционной крамолы.

Оппозиционные взгляды профессоров транслировались и студенчеству, которое в основном все более радикализировалось и склонялось к левым взглядам. Самыми популярными партиями среди студентов были эсеры, меньшевики и большевики. Консервативно настроенная часть ППС считала, что недопустимо втягивать молодежь в политику, требовала оградить студенчество от участия в политической деятельности. В ответ студенты нередко подвергали осмеянию своих наставников-консерваторов, в частности октябристов, не посещали их лекции или вовсе срывали занятия, устраивая политические провокации, к профессорам же с демократическими взглядами относились доброжелательно.

Представителей либерального крыла ППС иногда увольняли по политическим мотивам. Так, в 1906 г. был освобожден от должности первый директор ТТИ, профессор Е.Л. Зубашев. Пострадал от царской власти и впоследствии всемирно известный геолог и путешественник, академик АН СССР В.А. Обручев, который, как и Зубашев, был активным членом кадетской партии. Также в 1906 г. по предписанию местных властей был уволен будущий знаменитый ученый-химик, член-корреспондент АН СССР Н.М. Кижнер. Профессора-кадеты активно выступали за либерализацию учебного процесса не

⁹ Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак // iknigi.net. URL: <https://iknigi.net/avtor-vladimir-handorin/145044-nacionalnaya-ideya-i-admiral-kolchak-vladimir-handorin/read/page-3.html> (дата обращения: 02.03.2025).

только в вузах, но и гимназиях, требовали закрепить за гимназистами и студентами право на забастовки¹⁰.

Первая мировая война до основания потрясла систему высшего технического образования. В Сибири в начале войны среди профессорско-преподавательского состава и студентов наблюдался патриотический подъем. До июня 1916 г. в действующую армию было призвано 693 студента ТТИ, из них: прапорщиков запаса – 33 человека, студентов 1-го и 2-го курсов, родившихся в 1888–1896 гг. – 514, добровольцев – 66¹¹. Практически на войну ушло около двух третей контингента, хотя в первые военные годы студенты имели отсрочку от службы до достижения 28 лет. Но некоторые отправились на фронт добровольцами, многие устроились на оборонные предприятия. Студенты-добровольцы считались в отпуске до окончания войны. Профессорско-преподавательский состав имел «бронь».

В Томске, как и в других крупных городах Российской империи, был создан Военно-промышленный комитет. В него вошли некоторые профессора технологического института. К выполнению военных заказов, в том числе и на научные исследования, были подключены мастерские и лаборатории института. Так, в механической лаборатории под руководством профессора И.И. Бобарыкова изготавливались крупные части наборов калибров для измерения 9-сантиметровых бомб (для бомбометов), было сделано около 10 000 медных кнопок для патронных сумок. В 1915 г. механические мастерские института получили заказ на изготовление 10 токарных станков для обработки ружейных стволов¹².

К 1916 г. патриотический настрой сибирской вузовской интеллигенции стал иссякать. Война затягивалась и даже в глубоком тылу ощущались ее тяготы и невзгоды. Весной 1916 г. студенты Томского технологического института присоединились к протестам, организованным столичным студенческим сообществом. Поползли слухи, что в условиях разгула протестной активности студентов будут подвергать мобилизации в армию. Поэтому студенчеству предлагалось призыв в армию использовать в революционных целях, ведя постоянную социалистическую пропаганду и организационную работу в рядах

¹⁰ Хандорин В.Г. Политическая эволюция томской профессуры в годы революции и гражданской войны // ru_civil_war. URL: <https://ru-civil-war.livejournal.com/138095.html> (дата обращения: 02.03.2025).

¹¹ Отечества сыны // За кадры. Газета Томского политехнического университета. 2014. № 13 (3413) (19 сентября). С. 3.

¹² Отечества сыны // За кадры. Газета Томского политехнического университета. 2014. № 13 (3413) (19 сентября). С. 3.

армии и входя в связь с существующими партийными группами среди трудовых масс¹³.

Февральскую революцию 1917 г. сибирская либеральная профессура встретила восторженно. Томская организация кадетской партии к тому времени была самой многочисленной в Сибири, в ней числилось порядка 600 человек¹⁴. В это время выросла популярность молодого лидера кадетской партии профессора ТТИ Николая Виссарионовича Некрасова (1879–1940). Родился он в Санкт-Петербурге, происходил из семьи священнослужителей. После революции 1905–1907 гг. стал членом Центрального комитета партии, депутатом III и IV Госдумы. Был весьма амбициозен. Не раз критиковал лидера партии кадетов П.Н. Милюкова. В первом и втором составе Временного правительства Некрасов занимал пост министра путей сообщения. В третьем составе он стал правой рукой А.Ф. Керенского, вступив в должность заместителя министра-председателя. Однако из-за разногласий с Керенским Некрасов вскоре был отправлен в качестве генерал-губернатора в Финляндию. Летом 1917 г. он покинул ряды партии¹⁵.

После Февраля начался новый виток в карьере бывшего директора ТТИ, профессора-кадета Е.Л. Зубашева. Он был назначен губернским комиссаром Томской губернии. Февральская революция вызвала не только развал армии и промышленности, но и дезорганизацию высшего образования и науки. В Российской империи значительная часть научно-технических проектов координировались и финансировались правительством, а иногда непосредственно членами царской фамилии. Все остановилось практически сразу после свержения Николая II. Единство власти распалось, она перешла к комитетам, советам, комиссиям. Развернулись нескончаемые дискуссии о преобразованиях, поиски ответственных, практическая деятельность замерла.

В Сибири ППС инженерно-технического профиля искал силу, к которой можно было бы «прислониться». Целый ряд работников примкнули к сибирским областникам, активизировавшимся в мае–июне 1917 г. С 30 апреля по 2 мая 1917 в Томске проходил I Общесибирский съезд партии кадетов и I Съезд Енисейского казачества. Делегаты требовали немедленно созвать Сибирскую Областную Думу. Областники образовали свой организационный комитет.

¹³ Отечества сыны // За кадры. Газета Томского политехнического университета. 2014. № 13 (3413) (19 сентября). С. 3.

¹⁴ Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак.

¹⁵ Хандорин В.Г. Политическая эволюция томской профессуры в годы революции и гражданской войны.

Незадолго до захвата власти большевиками в столице в Томске состоялся I Областной Сибирский съезд. Собравшиеся требовали создать сибирские органы власти. Съезд открылся 8 октября 1917 г. в Томске в помещении университетской библиотеки. В президиуме съезда заседал возглавлявший Центральный сибирский организационный комитет Г.Н. Потанин. На заднем плане разместили бело-зеленое знамя: «Да здравствует автономная Сибирь!» и красное знамя социалистов-революционеров: «Земля и Воля». Трибуну оформили в бело-зеленых тонах¹⁶. Большинством голосов съезд постановил следующее: Сибирь в качестве автономной единицы должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти¹⁷.

Октябрьскую революцию профессорско-преподавательский состав и большая часть студенчества сибирских вузов не приняли. Когда в Томске установилась новая власть, вузовская интеллигенция старалась саботировать все основные решения местного совета. Исключением являлись вопросы финансовые и хозяйственные. Так, профессора ТТИ вынуждены были пойти на контакт с новой властью, чтобы приостановить процесс перевода учебных мастерских в собственность государства¹⁸.

Взаимоотношения высшей школы с новой властью складывались с большим трудом. Разгон большевиками Учредительного собрания не вызвал среди профессуры серьезного недовольства. Дело в том, что среди этой группы были сильны прокадетские настроения. Кадеты же оказались в полном меньшинстве в Учредительном собрании и мало что теряли от его роспуска. Для либерально настроенной профессуры стало очевидно, что сформировать антибольшевистское правительство не получится.

В вузовской среде Сибири протестная активность не была особенно сильна. Однако новость о разгоне Учредительного собрания в январе 1918 г. была встречена общественностью Томска с большим волнением. Гласные Томской городской думы, среди которых были и представители ТТИ, поздно вечером 8 января собрались на экстренное собрание. Еще до начала заседания думский зал был переполнен. Большую часть составляли студенты, девушки-курсистки, гимназисты и рабочие. Также присутствовали представители ППС и служащие учреждений. Заседание началось с минуты молчания в память о погибших в

¹⁶ Жилиякова Н. Октябрь 1917-го в Томске: революция на фоне дефицита и преступности // vtomske.ru. URL: <https://vtomske.ru/details/148260-oktyabr-1917-go-v-tomske-revolyciya-na-fone-deficita-i-prestupnosti> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁷ Шишкин В.И. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта–октября 1917 года // Acta Slavica Iaponica. 2016. Т. 37. С. 47–71.

¹⁸ Хандорин В.Г. Политическая эволюция томской профессуры в годы революции и гражданской войны.

Петрограде в ходе разгона Учредительного собрания. Люди хотели получить объяснение, почему собрание было распущено¹⁹.

Вузовская общественность Томска была наэлектризована и 21 января 1918 г. предприняла попытку организовать протестную акцию. В большом зале библиотеки университета собрались перевозбужденные студенты. Возглавил стихийный протест правый эсер Прокопий Беляков. Собрание началось с минуты молчания в честь жертв событий 9 января 1905 г. и 5 января 1918 г. Затем перед собравшимися выступил председатель временного Сибирского областного совета П.Я. Дербер. Он склонял студентов поддержать политику Сибирской областной думы. Беляков и другие организаторы протестной акции хотели получить официальное разрешение на проведение общегородской студенческой забастовки. Разгорелись жаркие дебаты. Однако после перерыва, объявленного до 7 часов вечера, собрать необходимое количество студентов уже не удалось²⁰. После этих событий наступило временное политическое затишье, и сибирские высшие учебные заведения продолжили свою обычную работу.

Весной 1918 г. сибирские вузы были взбудоражены информацией из столицы. Стало известно, что большевики готовят новую реформу высшей школы, в рамках чего в системе Наркомата народного просвещения уже была создана комиссия по реформе высшего образования, в которую вошли профессор П.К. Штейнберг, М.Н. Покровский, В.А. Артемьев, М.А. Рейснер²¹.

Бывший профессор ТТИ большевик М.А. Рейснер являлся одним из главных разработчиков «Проекта положения о российских университетах», предполагавшего широкую автономию, децентрализацию и демократизацию вузов. По плану Рейснера каждый вуз должен был представлять собой совокупность трех направлений деятельности: ученой, просветительской и основной. Такое разделение, по мнению авторов проекта, наилучшим образом способствовало бы производству и распространению теоретических и прикладных наук. По Рейснеру, вузы получали полную автономию. Ведомственная подчиненность Наркомпросу ограничивалась лишь представлением ежегодных отчетов. Наркомат обязан был полностью финансировать вузы. Внутреннее же распределение средств осуществлялось бы самими вузами самостоятельно на основании коллегиального управления. Это означало в том числе, что должность ректора не предусматривалась, вместо нее

¹⁹ Городская Дума // Знамя революции (Томск). 1918. № 7 (10 января). С. 3.

²⁰ Помозов О.А. День освобождения Сибири // Лайвлиб. URL: <https://www.livelib.ru/book/610705/readpart-den-osvobozhdeniya-sibiri-oleg-pomozov/~11> (дата обращения: 02.03.2025).

²¹ Съезд по народному образованию // Известия ВЦИК. 1918. № 71 (335) (11 апреля). С. 4.

предлагалось следующее: «общее управление и руководство деятельностью университета осуществляется Советом университета (или Советом университетских ассоциаций)»²². Очевидно, что проект Рейснера по расширению автономии университетов стал выражением тех идей, которые обсуждались еще на рубеже XIX–XX вв. и были частично осуществлены Временным правительством.

Поначалу Советское руководство не ограничивало автономию высшей школы. Созданный в ноябре 1917 г. Наркомпрос не имел четкого плана действий в отношении высшей школы. В наркомат поступали принципиально различные проекты вузовской реформы. Одни предлагали сохранить автономию, другие – существенно ограничить. Глава Наркомпроса А.В. Луначарский требовал ликвидации автономии. Против этого категорически выступал ректор Московского университета М.А. Мензбир.

Также большевистские руководители не пришли к единому мнению, как быть с учащейся молодежью и преподавателями, которые не признавали советскую власть. Ликвидация автономии вузов сделала бы эту часть интеллигенции врагами советской власти и разрушила бы полностью систему высшего образования. Сохранение автономии позволяло в будущем наладить диалог властей с представителями высшей школы.

В итоге большевики временно отказались от идеи закрытия вузов, но не отrekliсь от самой идеи реформирования высшей школы. Было решено на определенный срок пойти на уступки, чтобы в дальнейшем совместно с профессурой разработать новый проект реформы. Реформаторы планировали сделать вузы более открытыми и доступными для всех граждан страны. Понимались эти предложения по-разному, но фактически речь шла о коренном сломе прежней системы. Во-первых, предлагалось ввести общественный контроль вузов с помощью специальных «Народных советов». Во-вторых, выдвигалось предложение отменить вступительные экзамены, упразднить привилегированное положение ППС в вузах, привлекать к преподаванию студентов. В таком виде проект М.А. Рейснера был одобрен и разослан для обсуждения в вузы страны. Однако все эти идеи доходили до Сибири с большим опозданием и до антибольшевистского переворота в мае 1918 г. не были восприняты местным научно-педагогическим сообществом.

После свержения советской власти летом 1918 г., когда правление до ноябрьского переворота Колчака сосредоточилось в руках так называемого

²² Парсамов В.С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6 (39). С. 121–146. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-6-121-146>

«демократического» Временного сибирского правительства, оплотом автономистов-областников стала Сибирская областная дума. В ее состав вошли профессор Томского университета Н.Я. Новомбергский, Б.П. Вейнберг, В.В. Сапожников, С.П. Никонов, а ГТИ представлял профессор П.П. Гудков.

Томская профессура заняла важные места во Временном сибирском правительстве. Так, кадет В.В. Сапожников стал кандидатом в члены правящей Директории и министром народного просвещения. Именно благодаря ему в октябре 1918 г. был открыт Иркутский университет. Профессор ГТИ областник П.П. Гудков занял пост министра торговли и промышленности. Профессор университета кадет Н.Я. Новомбергский стал товарищем министра туземных дел.

Во второй половине 1918 г. профессура сибирских вузов активно выступала за сохранение широкой академической свободы и университетской автономии, которые были получены еще при Временном правительстве. Уставы сибирских вузов, принятые уже в новых условиях, отражали эти стремления. В целом же, в условиях активной фазы Гражданской войны, вопросы, связанные с демократизацией внутренней общественной жизни вузов, стали реже подниматься в преподавательском и научном сообществе. Изредка все же звучали предложения о том, чтобы допустить низшее звено ППС к участию в выборе ректора. Либерально настроенные профессора предлагали больше вовлекать студентов в принятие решений, касающихся внутренней жизни факультетов.

Гражданская война разгоралась, вузовская интеллигенция стремилась уйти из ее очагов. К концу лета 1918 г. Сибирь стала прибежищем для части преподавателей целого ряда вузов Европейской России. Например, 7 августа 1918 г. В.О. Каппель взял Казань, где был захвачен золотой запас России. Под контролем белых оказался Казанский университет, чему его преподаватели в большинстве своем были несказанно рады. Но радость была недолгой. Уже через месяц Красная Армия отбила Казань. Вместе с белыми Казань покинули 96 преподавателей, многие из которых позднее нашли работу в томских вузах. Уральское наступление РККА также привело к отъезду на восток части пермских вузовских педагогов и студентов, значительная часть из них, вслед за казанскими коллегами, в июне 1919 г. перебазировалась в Томск.

В период революционных событий Сибирь прирастала и новыми вузами. В Омске были учреждены Коммерческий институт и частный Сельскохозяйственный институт. Осенью 1918 г. раскрыл свои двери для студентов Иркутский университет, ставший первым высшим учебным заведением в Восточной Сибири. В этом же году во Владивостоке был создан Политехнический институт. В Омском коммерческом институте, например,

студентов готовили по двум направлениям – «Экономика и коммерческое дело». Весной 1918 г. его преобразовали в Политехнический институт. Через некоторое время в институте были созданы новые факультеты, которые помимо экономистов, стали готовить специалистов в области химии, механики и инженерно-строительного дела. ППС Политехнического института состоял из 7 профессоров. В составе же частного Сельскохозяйственного института было открыто 5 факультетов. Институт готовил агрономов, ветеринаров, специалистов в области лесного дела и экономики. В вузе работало около 20 профессоров²³.

Верхи сибирской профессуры, особенно инженерно-технического профиля, активно приветствовали пришедшего к власти в ноябре 1918 г. Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Среди них наиболее ярко выделялся молодой, амбициозный и деятельный профессор права Томского университета член кадетской партии Г.Г. Тельберг. Вначале он управлял делами колчаковского кабинета министров, затем занял пост министра юстиции и вице-премьера, став фактически одним из самых приближенных к Колчаку лиц. Благодаря его протекции многие преподаватели из ТТИ получили возможность продвинуться по службе. Так, профессор С.А. Введенский занял должность министра торговли и промышленности, профессор С.В. Лебедев получил пост директора Департамента промышленности этого же министерства, а племянник Г.Н. Потанина, профессор кадет-областник А.В. Лаврский стал председателем городской думы Томска.

В целом ППС и студенчество Сибирской высшей инженерно-технической школы положительно приняли установление колчаковского режима. Многие надеялись на возвращение дореволюционных льгот и привилегий. Но ситуация не благоприятствовала нормальной учебной и научной деятельности. Несмотря на увеличение окладов ППС и финансовую поддержку колчаковского Минпроса вузы постоянно испытывали материальные затруднения.

Часть преподавательского состава технических вузов участвовала не только в хозяйственно-экономической, но и в общественно-политической жизни региона. Так, в марте 1919 г. Совет ТТИ назначил профессора П.А. Микулина в

²³ *Посадсков А.Л.* Высшее образование в столице «белой» Сибири: из истории вузов г. Омска в годы Гражданской войны (1918–1919) // История науки и образования в Сибири: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. (Красноярск, 15–16 ноября 2005 г.) / под редакцией Я.М. Кофмана. Красноярск: Издательство Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2006. С. 291.

Губернский комитет помощи армии Колчака²⁴. Но это не улучшило положение института: многие его помещения занимали сторонние организации, аудитории не отапливались. Сроки приема в вуз были сдвинуты на октябрь. В настроениях студентов и преподавателей появились разочарование и безысходность. Лояльность профессорско-преподавательского состава инженерно-технического профиля к режиму Колчака пошатнулась, когда кадеты предложили призывать в армию Колчака представителей интеллигенции, включая студентов, гимназистов и преподавателей²⁵.

Правление антибольшевистских режимов на востоке страны противоречиво сказалось на положении высшей технической школы. С одной стороны, были созданы новые очаги высшего инженерного образования, в частности, Омский (коммерческий) политехнический институт, а с другой – занятия в вузах фактически замерли, студенчество почти поголовно было мобилизовано. Более или менее свободные помещения вузов были заняты под военные нужды, лазареты и правительственные учреждения²⁶.

Однако революционные события и гражданская война не остановили подготовку инженерно-технических кадров. Более того, вузы региона стали прибежищем профессуры и студентов из центра страны. Так, с сентября 1918 по март 1920 г. в Томске жил и работал Николай Николаевич Семенов, который позднее, в 1956 г., получил нобелевскую премию по химии²⁷. Многих новоприбывших приняли на работу в технологический институт и университет. Конкретно Семенов по представлению ректора Томского университета профессора А.П. Поспелова 15 февраля 1919 г. советом физико-математического факультета был избран младшим ассистентом.

В 1918 г. свою учебу в ТТИ начал один из будущих главных конструкторов отечественных вертолетов Николай Ильич Камов. Причем он был зачислен в институт в возрасте 15 лет. С 1918 по 1923 г. Камов обучался на механическом

²⁴ Выписки из протоколов заседаний совета. Отношение ректора к управляющему Томской губернией и союзу преподавателей о выборе представителей в комитет помощи армии // Государственный архив Томской области. Ф. 194. Оп. 1. Д. 262. Л. 5.

²⁵ *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). Москва: Наука, 1982. С. 53.

²⁶ «Докладная записка коллегии по управлению вузами Томска» в отдел высших учебных заведений Наркомпрофса, Главпрофобр, Сибнаробраз и Сибпрофобр о состоянии высшей школы от 5 июля 1920 г. // Власть и интеллигенция в сибирской провинции (конец 1919–1925 гг.): сборник документов / составители С.А. Красильников и др. Новосибирск: ЭКОР, 1996. С. 45–56.

²⁷ *Майер Г.В., Фоминых С.Ф.* Томский период в жизни академика Н.Н. Семенова // Национальный исследовательский Томский государственный университет. URL: <https://tsu.ru/university/tsutoday/semenov.php> (дата обращения: 02.03.2025).

факультете. Интересно, что будущий конструктор вертолетов делил парту со знаменитым тогда русским летчиком, награжденным французской Военной Медалью и Военным крестом, Харитоном Никаноровичем Славороссовым, под влиянием которого проникся любовью к авиации и авиастроению.

Летом 1919 г. правительство Колчака стало готовить сибирские учебные заведения, в числе которых были Омский политехнический и сельскохозяйственный институты, Омский кадетский корпус, Томский университет, к эвакуации на Дальний Восток. Однако лишь сравнительно небольшая часть студентов и преподавателей решила покинуть свои города. В Томске вузы продолжили работу, но в Омске в декабре 1919 г. деятельность инженерно-технических факультетов в составе Омского сельскохозяйственного института прекратилась²⁸. Политехники (часть ППС и студентов) убыли во Владивосток вместе с оборудованием кабинетов и библиотекой. Там омичи приняли участие в создании профильного вуза – Высшего политехникума. Профессорско-преподавательский состав получил возможность остаться во Владивостоке на постоянное местожительство²⁹.

С Томским технологическим институтом все сложилось иначе. Осенью 1919 г., когда колчаковские войска терпели поражения и отступали, Верховный правитель Колчак приказал военному коменданту Томска эвакуировать Технологический институт с оборудованием и библиотекой в Читу. Ректор института профессор Бобарыков Иван Иванович сумел убедить коменданта не делать этого, мотивируя невозможность эвакуации отсутствием нужного количества вагонов. Военачальник с этими доводами согласился, институт остался на месте и сохранил себя. Со сбоями, но ТТИ продолжал работать. Новая власть, взяв управление высшей школой Сибири на себя, не препятствовала продолжению подготовки инженерно-технических кадров.

Заключение

Таким образом, для высшей инженерно-технической школы Сибири периода революций и гражданской войны был характерен волнообразный процесс политизации профессорско-преподавательского состава и студенчества. Представители данной отрасли знания в регионе не только ощущали причастность ко многим общероссийским событиям, но и нередко принимали

²⁸ Полканов В.Д., Букин А.Ф. Омский коммерческий (политехнический) институт (1917–1919 гг.) // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 5. С. 195–198. EDN: SHJYGZ

²⁹ Малявина Л.С. Роль ученых Урала и «белой» Сибири в развитии высшей школы и науки Дальнего Востока России (1918–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета Серия: История. 2010. № 3 (11). С. 57–71.

в них непосредственное участие. Несмотря на периферийное положение, профессорско-преподавательский состав и студенчество инженерных вузов Сибири ощущали себя частью единого академического и научно-образовательного пространства страны, придерживаясь при этом в основной своей массе либеральных позиций и склоняясь к поддержке областничества. В целом этому отряду интеллигенции было свойственно так называемое расщепленное сознание. Однако, осознавая необходимость продолжения обучения, преподавательской и научной деятельности, инженерно-техническое образовательное сообщество было склонно занимать конформистскую позицию по отношению к властям.

Introduction

A decisive breakthrough in engineering education in Russia occurred in the first two decades of the 20th century. On the eve of World War I, the Russian Empire saw a significant increase in the number of technical universities, driven by the needs of the developing industry and military sector. Between 1894 and 1917 alone, eight new engineering universities were established, and the number of students in technical specialties increased from 5,700 in 1898 to 27,300 in 1913.¹

The abovementioned period marked a golden age for Russian mathematical, natural science, and engineering education. It was then that a unique model and concept for physical and engineering education emerged in Russia. The application of complex mathematical methods and advances in theoretical physics, mechanics, chemistry, and biology to the solution of important practical problems, the development of a professional field of applied science, and the creation of a corresponding infrastructure in the form of institutes and laboratories – these trends emerged in a number of leading countries, primarily Germany, the United States, and Russia.

By 1917, Russia had been in possession of roughly the same engineering potential as Germany and surpassed France in that regard. Only the United States, where the system of technical and agricultural education had been actively developing since the 1860s and 1870s, demonstrated greater growth. 1916 is considered the date of the final formation of the new model of “physical and engineering” education, which later influenced the emergence of the so-called PhysTech system.² The physical and engineering approach had a certain impact on European and American science and education.

The development of engineering education in Russia in the early 20th century occurred in a deteriorating socio-political situation. The revolution and subsequent civil war posed a serious challenge to higher engineering and technical education. It was particularly noticeable in Siberia. Being a scientific and educational periphery, it lacked such a strong tradition of higher education as and had a much smaller number of higher educational institutions than the European part of Russia.

Although the historiography on this topic is not extensive, the development of higher technical education in the Russian Empire has been explored in the works of

¹ D.L. Saprykin, “Engineering Education in Russia: History, Concept, and Prospects” [in Russian], *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 1 (2012): 127.

² T.M. Feklisova, and N.N. Mozgunova. “The Formation of Russian Engineering School” [in Russian], in *Professional Education: Current Problems and Solutions: Proceedings of the 3rd Regional Scientific and Practical Internet Conference (Livny, December 18, 2020)*, ed. E.A. Zvyagina (Orel: OGU imeni I.S. Turgeneva, 2021), 99.

by N. Khisamutdinova,³ V. Tarasova,⁴ V. Ryzhkovskii,⁵ and other researchers. However, their works underrepresent the specific characteristics of the Siberian region. The development of higher education in Siberia as well as the formation of the faculty in the pre-revolutionary period became the main areas of research for Tomsk historians S. Nekrylov and M. Gribovskii.⁶ However, their attention was focused primarily on universities rather than on engineering and technical educational institutions in Siberia during the specified period.

Main Body

The development of higher engineering and technical education in Siberia was closely linked to the training of highly qualified specialists for the Trans-Siberian Railway. At the turn of the 20th century, the great railway line was in dire need of engineers, geologists, and prospectors. Therefore, the first faculties (departments) of Siberia's first technical university, Tomsk Technological Institute (hereinafter TTI), were the mechanical, mining, chemical, and civil engineering departments.

At that time, the Russian Empire ranked among the top five countries in terms of the quality and development of engineering and technical education. The title of engineer was one of the most prestigious, and the work was highly paid. The status of railway and communications engineers, mining engineers, and forestry and land surveyors was high, and they enjoyed significant privileges. Uniforms, military ranks, and associations in specialized corps imbued them with a military-corporate spirit, even though formally they were not military personnel. The top positions of the engineering and teaching staff were given ranks equivalent to those of generals. Therefore, progressive young noblemen were drawn to engineering and technical education, while it was an effective social lift for young men from the lower classes.

³ N.V. Khisamutdinova, *Far Eastern School of Engineers: On the History of Higher Technical Education (1899–1990)* [in Russian] (Vladivostok: VGUES, 2009).

⁴ V.N. Tarasova, "Higher Engineering School of Russia (Last Quarter of the 18th Century – 1917)" [in Russian] (Doctoral thesis, Russian Independent Institute of Social and National Problems, 2000).

⁵ V.V. Ryzhkovskii, "Specialized Higher Education in the 1880s–1930s (Medicine, Agriculture, Finance, and Economics)" [in Russian], in A.N. Dmitriev et al., *Timetable of Change. Essays on the History of Educational and Scientific Policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s)* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012), 775–808.

⁶ S.A. Nekrylov, and M.V. Gribovskii, "Siberian Professoriate in the Late 19th – Early 20th Centuries: A Social and Political Profile" [in Russian], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (55) (2018): 21–37, <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2018-00002>, EDN: XRVEEH; M.V. Gribovskii, "Political Activity of the 'Leftist' University Professors in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries" [in Russian], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 2 (44) (2015): 54–71, EDN: UGXMEJ

At the beginning of World War I, there were 15 state engineering and industrial universities operating in Russia (the overwhelming majority of them in St Petersburg, Moscow, Kyiv, and Kharkov). More than half of the students at those institutions came from the upper classes (nobility and clergy). In Siberia, the student body and faculty were more democratic in terms of class status.

Before the revolution, competition for admission to higher engineering and technical institutions was 4–5 applicants per place, and even higher for Moscow universities in that field. Tuition at technical universities was fee-based, averaging approximately 100 rubles per year (approximately \$50 US). In the United States and England, however, the same education cost \$1,000 per year, twenty times more. Low-income students could be exempt from tuition in the Russian Empire. Moreover, they were awarded substantial stipends, often reaching 300 rubles per year.

The position of the faculty was also prestigious. However, not all of them had noble roots. By 1917, nobles had made about a third of the faculty at engineering and technical universities. Nevertheless, all those who received an academic degree (starting with master's degree), had at least personal nobility, i.e., belonged to the upper class. The share of landowners (primarily landlords), who lived off land rent, among the teaching staff amounted to no more than 6%. Based on this, it can be concluded that those who chose to teach at universities were not very wealthy individuals for whom salary was of great importance. The bulk of the teaching staff, however, came from other social classes. They included members of the intelligentsia of miscellaneous ranks (*raznochintsy*), the bourgeoisie, the clergy, and the merchants.⁷ Since full-time university professors in the Russian Empire were civil servants and held the ranks of collegiate, privy, and state councilors, their official status compelled them to obey all government orders. However, their habit of independent thinking led some professors into conflict with the authorities, which resulted in the dismissal of the disobeying and sometimes even temporary closure of their universities.

Professors and lecturers at Siberian universities were entitled to additional benefits and privileges due to their service in harsh climates and remoteness from the capital's cultural centers. For example, in Tomsk, professors earned one and a half times more than their colleagues in European Russia. Extraordinary professors (entry-level employees) were entitled to a salary of 3,000 rubles, while full professors (who could head a department) received 4,500 rubles per year. After 5–10 years of service, a bonus of 20 to 40% of the salary was provided. Tomsk professors were eligible for

⁷ A.Vdovenko, "How Much Did Professors at Imperial Universities Earn. And What Was Their Status in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries" [in Russian], *Skillbox*, accessed March 2, 2025, <https://skillbox.ru/media/education/skolko-zarabatyvali-prepodavateli-imperatorskikh-univer-sitetov/>

retirement five years earlier than usual. After 20 years of service, a full professor could expect a pension of 2,400 rubles; after 25 years of service at the same rank, the pension increased to 4,500 rubles.⁸

In the first quarter of the 20th century, Tomsk was the main intellectual center in the east of the country. The city was home to a university (which was founded during the reign of Alexander III), a technological institute, and higher education courses for women.

The educational process at Siberian engineering universities was structured around the specific nature of work at the local enterprises that were relatively small and did not allow for the maintenance of a significant number of engineering personnel. Therefore, engineers were required to possess versatile knowledge and skills, the ability to adapt to harsh environmental conditions, and original designer thinking. The educational process at Tomsk Technological Institute, for example, fully met those requirements. The institute's subject-based system of instruction provided students with significant autonomy in the distribution of their study time. Thanks to that, TTI students were free to attend lectures delivered by professors in disciplines and departments other than their own.

The political preferences of Tomsk professoriate were expressed through their affiliation with various political parties. Among the Tomsk teaching staff, there were 43 members of the People's Freedom Party (Kadets) and 15 members of the Union of October 17. Elderly professors predominated among both groups. Representatives of revolutionary and far-right movements were in the minority: 5 Black Hundreds, 2 Socialist Revolutionaries, 2 Mensheviks, and 1 Bolshevik. The faculty who were not party members held liberal views. A distinctive feature of the Tomsk teaching staff was that the student mentors at the Technological Institute were significantly more liberal than those at the university. For example, there were 26 Kadet professors at the Technological Institute, while there were only 17 of them at the university. Octobrists, by contrast, predominated at the university (14 professors), while at the Technological Institute there was only one Octobrist.⁹ Among the humanities faculty, Kadets and Octobrists were more evenly represented.

Based on these figures, one can conclude that while predominantly democratic, the technical intelligentsia of the universities was quite critical of the tsarist regime. It was not without reason that in a letter to the Minister of Public Education in 1910, the

⁸ "First Professors of Imperial Tomsk University" [in Russian], *Excursion and Educational Center of Tomsk State University*, accessed March 2, 2025, <https://museum.tsu.ru/stud/professor>

⁹ V.G. Khandorin, "National Idea and Admiral Kolchak" [in Russian], *iknigi.net*, accessed March 2, 2025, <https://iknigi.net/avtor-vladimir-handorin/145044-nacionalnaya-ideya-i-admiral-kolchak-vladimir-handorin/read/page-3.html>

trustee of the Tomsk educational district proposed closing TTI as a breeding ground for revolutionary sedition.

The professors' oppositional views also spread to the student body, which was increasingly radicalized and leaned toward the left. The Socialist Revolutionaries, Mensheviks, and Bolsheviks were the most popular parties among students. The conservative part of the faculty believed that it was unacceptable to draw young people into politics and demanded that students be shielded from political activity. In response, students often ridiculed their conservative teachers, particularly the Octobrists, by not attending their lectures or even disrupting classes, staging political provocations, while professors with democratic views were treated kindly.

Representatives of the liberal wing of the faculty were sometimes dismissed for political reasons. For example, in 1906, Professor E. Zubashev, the first director of the TTI, was dismissed. The world-renowned geologist and explorer V. Obruchev, Academician of the USSR Academy of Sciences, who, like Zubashev, was an active member of the Kadet Party, also suffered under the tsarist regime. N. Kizhner, the future famous chemist and Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, was also dismissed in 1906 by order of the local authorities. The Kadet professors actively advocated the liberalization of the educational process not only in universities but also in gymnasiums. They demanded that gymnasium and higher school students be given the right to strike.¹⁰

World War I shook the system of higher technical education to its foundations. In Siberia, a patriotic surge was observed among the faculty and students at the beginning of the war. By June 1916, 693 TTI students were called up for active duty, including 33 reserve warrant officer, 514 first- and second-year students born between 1888 and 1896, and 66 volunteers.¹¹ Almost two-thirds of the contingent went to war, although in the early years of the war, students were granted a deferment from military service until they reached the age of 28. However, some volunteered for the front, and many found jobs at defense plants. Student volunteers were considered on leave until the end of the war. The faculty had an exemption from active duty.

In the same way as in other large cities of the Russian Empire, a Military Industrial Committee was established in Tomsk. Some TTI professors joined it. The institute's workshops and laboratories were involved in fulfilling military orders, including scientific research. For example, the mechanical laboratory under the guidance of

¹⁰ V.G. Khandorin, "Political Evolution of Tomsk Professoriate during the Revolution and the Civil War" [in Russian], *ru_civil_war*, accessed March 2, 2025, <https://ru-civil-war.livejournal.com/138095.html>

¹¹ "Sons of the Fatherland" [in Russian], *Za kadry. Gazeta Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, no. 13 (3413), September 19, 2014, 3.

Professor I. Bobarykov manufactured large parts for caliber sets for measuring 9-centimeter bombs (for mortar launchers) and produced approximately 10,000 copper buttons for cartridge pouches. In 1915, the institute's mechanical workshops received an order to manufacture 10 lathes for machining rifle barrels.¹²

By 1916, the patriotic spirit of the Siberian university intelligentsia had begun to wane. The war dragged on, and its hardships and difficulties were felt even deep in the rear. In the spring of 1916, students from the Tomsk Technological Institute joined protests organized by the capital's student community. Rumors began to circulate that against the background of raging protests, students would be mobilized into the army amid. Therefore, students were encouraged to use the draft into the army for revolutionary purposes by conducting constant socialist propaganda and organizational work in the ranks of the army and by establishing contacts with existing party groups among the working masses.¹³

The February Revolution of 1917 was greeted enthusiastically by Siberian liberal professors. By that time, the Tomsk branch of the Kadet Party had become the largest in Siberia, with approximately 600 members.¹⁴ The young leader of the Kadet Party, TTI professor Nikolai V. Nekrasov (1879–1940) was enjoying growing popularity. He was Born in St Petersburg and came from a family of clergy. After the Revolution of 1905–07, he became a member of the Central Committee of the party and a deputy of the Third and Fourth State Dumas. He was quite ambitious and repeatedly criticized leader of the Kadet Party P. Milyukov. Nekrasov served as Minister of Railways in the first and second Provisional Governments. In the third Provisional Government, he became A. Kerensky's right-hand man, assuming the post of Deputy Prime Minister. However, due to disagreements with Kerensky, Nekrasov was soon sent to Finland as Governor-General. In the summer of 1917, he left the party.¹⁵

After February, a new career arc began for the former director of the Tomsk Institute of Technology, Kadet professor E. Zubashev. He was appointed provincial commissar of the Tomsk province. The February Revolution caused not only the collapse of the army and industry but also the disorganization of higher education and science. In the Russian Empire, a significant portion of scientific and technical projects were coordinated and financed by the government and sometimes directly by members of the royal family. Everything came to a halt almost immediately after the overthrow of Nicholas II. The unity of power disintegrated, and it passed to

¹² "Sons of the Fatherland" [in Russian], *Za kadry. Gazeta Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, no. 13 (3413), September 19, 2014, 3.

¹³ "Sons of the Fatherland" [in Russian], *Za kadry. Gazeta Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, no. 13 (3413), September 19, 2014, 3.

¹⁴ Khandorin, "National Idea."

¹⁵ Khandorin, "Political Evolution."

committees, councils, and commissions. Endless discussions about reforms and the search for those responsible unfolded, while practical work came to a standstill.

In Siberia, the engineering and technical teaching staff sought a force to which they could “lean.” A number of workers joined the Siberian regionalists, who became active in May and June 1917. From April 30 to May 2, 1917, the First All-Siberian Congress of the Kadet Party and the First Congress of the Yenisei Cossacks were held in Tomsk. Delegates demanded the immediate convention of the Siberian Regional Duma. The regionalists formed their own organizing committee.

Shortly before the Bolsheviks seized power in the capital, the First Siberian Regional Congress opened in Tomsk. Those who gathered there demanded the formation of Siberian governing bodies. The congress opened on October 8, 1917, in the university library in Tomsk. G. Potanin, head of the Central Siberian Organizing Committee, sat on the congress presidium. A green and white banner “Long live autonomous Siberia!” and the red banner of the Socialist Revolutionaries “Land and Freedom” hung in the background. The rostrum was decorated in white and green.¹⁶ By a majority vote, the congress resolved the following: as an autonomous entity, Siberia must possess full legislative, executive, and judicial authority.¹⁷

The October Revolution was not accepted by the faculty and the majority of the student body at Siberian universities. When a new government was established in Tomsk, the university intelligentsia attempted to sabotage all major decisions of the local council. Financial and economic issues were the exception. Thus, TTI professors were forced to contact the new government to halt the transfer of educational workshops to state ownership.¹⁸

The relationship between higher education and the new government was very difficult. The dissolution of the Constituent Assembly by the Bolsheviks did not cause any serious discontent among the professors because pro-Kadet sentiments were strong among that group. The Kadets, however, found themselves in a complete minority in the Constituent Assembly and had little to lose from its dissolution. It became clear to the liberal-minded professors that forming an anti-Bolshevik government would be impossible.

Protest activity was not particularly strong among Siberian universities. However, news of the dissolution of the Constituent Assembly in January 1918 was greeted with great excitement by the public in Tomsk. Members of the Tomsk City Duma,

¹⁶ N. Zhilyakova, “October 1917 in Tomsk: The Revolution against the Background of Shortages and Crime” [in Russian], *vtomske.ru*, accessed March 2, 2025, <https://vtomske.ru/details/148260-oktyabr-1917-go-v-tomske-revolyciya-na-fone-deficita-i-prestupnosti>

¹⁷ V.I. Shishkin, “Siberian Regionalism in the Context of Revolutionary Events: March–October 1917” [in Russian], *Acta Slavica Iaponica*, vol. 37 (2016): 47–71.

¹⁸ Khandorin, “Political Evolution.”

including representatives of the Tomsk Institute of Technology, gathered for an emergency meeting late in the evening of January 8. Even before the meeting began, the Duma hall was overcrowded. Most of the attendees were students, female students, gymnasium students, and workers. Representatives of the faculty and employees of various institutions were also present. The meeting began with a moment of silence in memory of those killed in Petrograd during the dissolution of the Constituent Assembly. People wanted an explanation for why the assembly had been dissolved.¹⁹

The Tomsk university community was electrified, and on January 21, 1918, they attempted to organize a protest. Excited students gathered in the large hall of the university library. Right-wing Socialist Revolutionary Prokopii Belyakov headed the spontaneous protest. The meeting began with a moment of silence in honor of the victims of the events of January 9, 1905, and January 5, 1918. Then P. Derber, chairman of the provisional Siberian Regional Council, addressed the meeting. He urged the students to support the policies of the Siberian Regional Duma. Belyakov and other organizers of the protest wanted to obtain official permission to hold a citywide student strike. A heated debate ensued. However, after a break until 7 p.m., the required number of students could not be gathered, and therefore it was impossible to make the decision to call a general strike.²⁰ There was a temporary political lull following those events, and Siberian higher education institutions resumed their normal work.

In the spring of 1918, Siberian universities were shaken by news from the capital. It became known that the Bolsheviks were preparing a new reform of higher education, and a commission for the reform of higher education had already been established within the People's Commissariat of Education. It included professors P. Shteinberg, M. Pokrovskii, V. Artem'ev, and M. Reisner.²¹

Bolshevik M. Reisner, a former TTI professor, was one of the main developers of the Draft Regulations for Russian Universities, which envisioned broad autonomy, decentralization, and democratization of universities. According to Reisner's plan, each university was to represent a combination of three areas of activity: academic, educational, and fundamental. According to the authors of the project, such division would best facilitate the production and dissemination of theoretical and applied sciences. According to Reisner, universities were to receive complete autonomy. Departmental subordination to the People's Commissariat of Education was limited

¹⁹ "The City Duma" [in Russian], *Znamya revolyutsii* (Tomsk), no. 7, January 10, 1918, 3.

²⁰ Pomozov, O.A. "Siberia Liberation Day" [in Russian], *Laiplib*, accessed March 2, 2025, <https://www.livelib.ru/book/610705/readpart-den-osvobozhdeniya-sibiri-oleg-pomozov/~11>

²¹ "Congress on People's Education" [in Russian], *Izvestiya VTsIK*, no. 71 (335), April 11, 1918, 4.

to the submission of annual reports. The commissariat was obligated to fully finance universities. Internal distribution of funds was to be carried out by the universities themselves. According to Reisner's plan, the distribution of funds within educational institutions was to be determined independently, based on collegial management. It meant that the position of rector was not provided for; instead, the following was proposed: "the general management and direction of the university's activities shall be carried out by the University Council (or the Council of University Associations)."²² Clearly, Reisner's plan for expanding university autonomy was an expression of ideas that were discussed already at the turn of the 20th century and were partially implemented by the Provisional Government.

Initially, the Soviet leadership did not restrict the autonomy of higher education. The People's Commissariat of Education, established in November 1917, did not have a clear plan of action regarding higher education. Fundamentally different proposals for reforming higher education were submitted to the commissariat. Some of them proposed to preserve the autonomy, while others proposed to significantly limit it. People's Commissar for Education A. Lunacharsky demanded the closure of autonomy. Rector of Moscow University M. Menzbir categorically opposed that.

The Bolshevik leaders also disagreed on how to deal with the students and faculty who did not recognize Soviet power. Eliminating the autonomy of universities would turn that segment of the intelligentsia into the enemies of the Soviet regime and completely destroy the higher education system. Maintaining autonomy would allow for future dialogue between the authorities and the representatives of higher education.

Ultimately, the Bolsheviks temporarily abandoned the idea of closing universities but did not abandon the idea of reforming higher education. It was decided to make temporary concessions in order to develop a new reform plan in collaboration with the professoriate. The reformers planned to make universities more open and accessible to all citizens of the country. Those proposals were interpreted in various ways, but in fact, they implied a radical overthrow of the previous system. First, they proposed introducing public supervision of universities through special People's Councils. Second, they proposed abolishing entrance exams, eliminating the privileged position of faculty members at universities, and involving students in teaching. In that form, M. Reisner's project was approved and sent to universities across the country for discussion. However, all those ideas reached Siberia

²² V.S. Parsamov, "Struggle for the University in Bolshevik Russia, 1917–1921" [in Russian], *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, no. 6 (39) (2018): 121–46, <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-6-121-146>

significantly late and had not been accepted by the local academic and pedagogical community before the anti-Bolshevik coup of May 1918.

After the overthrow of the Soviets in the summer of 1918, when power fell into the hands of the so-called democratic Provisional Siberian Government until Kolchak's November coup, the Siberian Regional Duma became a stronghold of the regionalist autonomists. Its members included Tomsk University professors N. Novombergskii, B. Veinberg, V. Sapozhnikov, and S. Nikonov, while TTI was represented by Professor P. Gudkov.

Tomsk professors took important positions in the Provisional Siberian Government. Kadet V. Sapozhnikov became a candidate for membership in the ruling Directory and Minister of Public Education. It was thanks to him that Irkutsk University was opened in October 1918. A TTI professor, regionalist P. Gudkov, took the post of Minister of Trade and Industry. Kadet N. Novombergskii, a Tomsk University professor, became Deputy Minister of Indigenous Affairs.

In the second half of 1918, the professoriate of Siberian universities actively advocated for the preservation of the broad academic freedom and university autonomy achieved under the Provisional Government. The statutes of Siberian universities, adopted under the new conditions, reflected those aspirations. Overall, during the active phase of the Civil War, issues related to the democratization of the internal public life of universities became less frequently raised by the teaching and research community. Occasionally, proposals were made to allow lower-level faculty members to participate in the election of rector. Liberal-minded professors proposed greater student involvement in decisions concerning the internal affairs of departments.

The Civil War raged, and the university intelligentsia sought to escape its hotbeds. By the end of the summer of 1918, Siberia had become a refuge for some faculty members from a number of universities in European Russia. For example, on August 7, 1918, V. Kappel captured Kazan, seizing Russia's gold reserves. Kazan University came under the control of the Whites, at which most of its faculty members were overjoyed. But the joy was short-lived. Just a month later, the Red Army recaptured Kazan. Ninety-six faculty members left Kazan with the Whites, and many of them found work at Tomsk universities later. The Red Army's Ural Offensive also led to the departure of some Perm university faculty and students to the east. Following their Kazan colleagues, a significant number of them relocated to Tomsk in June 1919.

During the revolutionary events, new universities also appeared in Siberia. The Commercial Institute and the Private Agricultural Institute were established in Omsk. In the fall of 1918, Irkutsk University opened its doors to students and became the first institution of higher education in Eastern Siberia. That same year, the

Polytechnic Institute was established in Vladivostok. The Omsk Commercial Institute, for example, trained students in two areas: economics and commerce. In the spring of 1918, it was transformed into the Polytechnic Institute. After some time, new departments were established at the institute. In addition to economists, it began training specialists in chemistry, mechanics, and civil engineering. The Polytechnic Institute's faculty consisted of 7 professors. The Private Agricultural Institute had five departments. It trained agronomists, veterinarians, forestry specialists, and economics. The university employed approximately 20 professors.²³

The top Siberian professors, especially those in engineering and technical fields, welcomed Supreme Ruler Admiral A. Kolchak, who came to power in November 1918. The most prominent among them was Kadet G. Tel'berg, a young, ambitious, and active professor of law at Tomsk University. Initially, he managed the affairs Kolchak's cabinet of ministers. Then he became Minister of Justice and Deputy Prime Minister and actually became one of Kolchak's closest confidantes. Thanks to his patronage, many TTI faculty members were able to advance in their careers. For example, Professor S. Vvedenskii became Minister of Trade and Industry, Professor S. Lebedev became Director of the Department of Industry in the same ministry, and G. Potanin's nephew, Professor A. Lavrskii, a Kadet, became Chairman of the Tomsk City Duma.

Overall, the faculty and student body of Siberian higher engineering and technical school responded positively to the establishment of Kolchak's regime. Many hoped for the return of pre-revolutionary benefits and privileges. However, the situation was not conducive to normal academic and research activities. Despite increases in faculty salaries and financial support from Kolchak's Ministry of Education, the universities constantly experienced financial difficulties.

Some faculty members at technical universities participated not only in the economic but also in the socio-political life of the region. For example, in March 1919, the TTI Council appointed Professor P. Mikulin to the Governorate Committee for Aid to Kolchak's Army.²⁴ However, it did not improve the situation in the

²³ A.L. Posadskov, "Higher Education in the Capital of 'White' Siberia: From the History of Universities in Omsk during the Civil War (1918–1919)" [in Russian], in *History of Science and Education in Siberia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (Krasnoyarsk, November 15–16, 2005)*, ed. Ya.M. Kofman (Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva, 2006), 291.

²⁴ "Vypiski iz protokolov zasedanii soveta. Otnoshenie rektora k upravlyayushchemu Tomskoi guberniei i soyuzu prepodavatelei o vybore predstavitelei v komitet pomoshchi armii" [Excerpts from the minutes of the board meetings. Rector's letter to the Tomsk Governor and the teachers' union regarding the election of representatives to the army assistance committee]. F. 194, op. 1, d. 262, l. 5. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Oblast]. Tomsk, Russia.

institute: many of its premises were occupied by outside organizations, and the classrooms were not heated. Admission deadlines were pushed back to October. Disillusionment and despair set in among students and faculty. The loyalty of the engineering and technical faculty to Kolchak's regime was shaken when the Kadets proposed conscripting the intelligentsia, including students, high school students, and teachers, into Kolchak's army.²⁵

The rule of anti-Bolshevik regimes in the east of the country had a contradictory impact on the state of higher technical education. On the one hand, new centers of higher engineering education were created, in particular, the Omsk (Commercial) Polytechnic Institute. On the other, classes at universities virtually came to a standstill. Almost all students were mobilized. More or less available university premises were occupied by military needs, hospitals, and government agencies.²⁶

However, the revolutionary events and the civil war did not halt the training of engineering and technical personnel. Moreover, the region's universities became a haven for professors and students from the center of the country. For example, Nikolai N. Semenov,²⁷ who later received the Nobel Prize in Chemistry in 1956, lived and worked in Tomsk from September 1918 to March 1920. Many newcomers were hired by the Technological Institute and the university. Specifically, Semenov was elected a junior assistant by the Physics and Mathematics Faculty Council at the recommendation of the Tomsk University rector, Professor A. Pospelov, on February 15, 1919.

In 1918, Nikolai I. Kamov, one of the future chief designers of Russian helicopters, began his studies at TTI. He was enrolled at the institute at the age of 15. From 1918 to 1923, Kamov studied at the mechanical engineering department. Interestingly, the future helicopter designer shared a desk with Khariton N. Slavorossov, a famous Russian pilot of the time who was awarded the French Military Medal and the Military Cross. Under his influence, Kamov became inspired with love for aviation and aircraft construction.

²⁵ N.G. Dumova, *The Kadet Counterrevolution and Its Defeat (October 1917–1920)* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1982), 53.

²⁶ “‘Memorandum of the Tomsk Universities Management Board’ to the Department of Higher Education Institutions of the People’s Commissariat of Trade Unions, Glavprofobr, Sibnarobraz i Sibprofobr as of July 5, 1920” [in Russian], in *Authorities and Intelligentsia in Siberian Province (late 1919–1925): A Collection of Documents*, comp. S.A. Krasil’nikov et al. (Novosibirsk: EKOR, 1996), 45–56.

²⁷ G.V.Maier, and S.F. Fominykh, “Tomsk Period in the Life of Academician N.N. Semenov” [in Russian], *National Research Tomsk State University*, accessed March 2, 2025, <https://tsu.ru/university/tsutoday/semenov.php>

In the summer of 1919, Kolchak's government began preparing Siberian educational institutions (including the Omsk Polytechnic and Agricultural Institutes, the Omsk Cadet Corps, and Tomsk University) for evacuation to the Far East. However, only a relatively small number of students and faculty decided to leave their cities. The universities continued to operate in Tomsk, but the engineering and technical departments of the Omsk Agricultural Institute ceased operations in Omsk in December 1919.²⁸ The polytechnics (some of the faculty and students) departed for Vladivostok along with their classroom equipment and library. There, the Omsk residents participated in the creation of a specialized university, the Higher Polytechnic School. The faculty was given the opportunity to remain in Vladivostok permanently.²⁹

Things turned out differently with the Tomsk Technological Institute. In the fall of 1919, when Kolchak's troops were suffering defeats and retreating, Supreme Ruler Kolchak ordered the military commandant of Tomsk to evacuate the Technological Institute with its equipment and library to Chita. The rector, Professor Ivan I. Bobarykov, managed to persuade the commandant not to do so, referring to the impossibility of evacuation due to the lack of sufficient number of railcars. The military commander agreed with those arguments, and the institute remained in place and preserved its existence. Although there were some difficulties and interruptions, TTI continued to operate. Having assumed control of Siberia's higher education, the new government did not impede the training of engineering and technical personnel.

Conclusion

Thus, Siberia's higher engineering and technical school underwent a wave-like process of politicization of faculty and students during the period of revolution and civil war. Representatives of that field of knowledge in the region not only had a sense of belonging to many nationwide events, but they often participated in them directly. Despite their peripheral location, the faculty and students of Siberian engineering universities were a part of unified academic space within the country, generally adhered to liberal positions, and leaned toward regionalism. Overall, this segment of the intelligentsia exhibited a so-called split consciousness. However, recognizing the need to continue education, teaching, and research, the engineering and technical educational community tended to adopt a conformist attitude toward the authorities.

²⁸ V.D. Polkanov, and A.F. Bukin, "Omsk Commercial (Polytechnic) Institute (1917–1919)" [in Russian], *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin*, no. 5 (2012): 195–98, EDN: SHJYGZ

²⁹ L.S. Malyavina, "The Role of Scientists from the Urals and 'White' Siberia in the Development of Higher Education and Science in the Russian Far East (1918–1922)" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Istoriya*, no. 3 (11) (2010): 57–71.

Список литературы

Вдовенко А. Сколько зарабатывали преподаватели императорских университетов. И какой у них был статус в России конца XIX – начала XX века // Skillbox. URL: <https://skillbox.ru/media/education/skolko-zarabatyvali-prepodavateli-imperatorskikh-universitetov/> (дата обращения: 02.03.2025).

Грибовский М.В. Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 54–71. EDN: UGXMEJ

Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). Москва: Наука, 1982. 416 с.

Жулякова Н. Октябрь 1917-го в Томске: революция на фоне дефицита и преступности // vtomske.ru. URL: <https://vtomske.ru/details/148260-oktyabr-1917-go-v-tomske-revolyuciya-na-fone-deficita-i-prestupnosti> (дата обращения: 02.03.2025).

Майер Г.В., Фоминых С.Ф. Томский период в жизни академика Н.Н. Семенова // Национальный исследовательский Томский государственный университет. URL: <https://tsu.ru/university/tsutoday/semenov.php> (дата обращения: 02.03.2025).

Малявина Л.С. Роль ученых Урала и «белой» Сибири в развитии высшей школы и науки Дальнего Востока России (1918–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2010. № 3 (11). С. 57–71.

Некрылов С.А., Грибовский М.В. Сибирская профессура рубежа XIX–XX веков: социальный и политический портрет // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 21–37. <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2018-00002>, EDN: XRVEEN

Парсамов В.С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6 (39). С. 121–146. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-6-121-146>

Первые профессора Императорского Томского университета // Экскурсионно-просветительский центр ТГУ. URL: <https://museum.tsu.ru/stud/professor> (дата обращения: 02.03.2025).

Полканов В.Д., Букин А.Ф. Омский коммерческий (политехнический) институт (1917–1919 гг.) // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 5. С. 195–198. EDN: SHJYGZ

Помозов О.А. День освобождения Сибири // Лайвлиб. URL: <https://www.livelib.ru/book/610705/readpart-den-osvobozhdeniya-sibiri-oleg-pomozov/~11> (дата обращения: 02.03.2025).

Посадсков А.Л. Высшее образование в столице «белой» Сибири: из истории вузов г. Омска в годы Гражданской войны (1918–1919) // История науки и образования в Сибири: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. (Красноярск, 15–16 ноября 2005 г.) / под редакцией Я.М. Кофмана. Красноярск: Издательство Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2006. С. 290–297.

Рыжковский В.В. Высшее специальное образование в 1880–1930-х годах (медицина, сельское хозяйство, финансы и экономика) // Дмитриев А.Н. и др. Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 775–808.

Сапрыкин Д.Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы //

Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125–137. EDN: OOGUEL

Тарасова В.Н. Высшая инженерная школа России (последняя четверть XVIII в. – 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 2000. 50 с. EDN: ZKTHNF

Феклисова Т.М., Мозгунова Н.Н. Становление русской инженерной школы // Профессиональное образование: актуальные проблемы и пути их решения: материалы 3-й региональной научно-практической Интернет-конференции (Ливны, 18 декабря 2020 года) / под редакцией Е.А. Звягиной. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2021. С. 97–101.

Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак // *iknigi.net*. URL: <https://iknigi.net/avtor-vladimir-handorin/145044-nacionalnaya-ideya-i-admiral-kolchak-vladimir-handorin/read/page-3.html> (дата обращения: 02.03.2025).

Хандорин В.Г. Политическая эволюция томской профессуры в годы революции и гражданской войны // *ru_civil_war*. URL: <https://ru-civil-war.livejournal.com/138095.html> (дата обращения: 02.03.2025).

Хисамутдинова Н.В. Дальневосточная школа инженеров: к истории высшего технического образования (1899–1990 гг.). Владивосток: ВГУЭС, 2009. 286 с.

Шишкин В.И. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта–октября 1917 года // *Acta Slavica Iaponica*. 2016. Т. 37. С. 47–71.

References

Dumova, N.G. *Kadetskaya kontrrevolyutsiya i ee razgrom (oktyabr' 1917–1920 gg.)* [The Kadet counterrevolution and its defeat (October 1917–1920)]. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian)

Feklisova, T.M., and N.N. Mozgunova. “Stanovlenie russkoi inzhenernoi shkoly” [The formation of Russian engineering school]. In *Professional'noe obrazovanie: aktual'nye problemy i puti ikh resheniya: materialy 3-i regional'noi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii (Livny, 18 dekabrya 2020 goda)* [Professional education: Current problems and solutions: Proceedings of the 3rd regional scientific and practical Internet conference (Livny, December 18, 2020)], edited by E.A. Zvyagina, 97–101. Orel: OGU imeni I.S. Turgeneva, 2021. (In Russian)

Gribovskii, M.V. “Politicheskaya aktivnost' ‘levoi’ universitetskoi professury v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov” [Political activity of the ‘leftist’ university professors in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 2 (44) (2015): 54–71. EDN: UGXMEJ (In Russian)

Khandorin, V.G. “Natsional'naya ideya i admiral Kolchak” [National idea and Admiral Kolchak]. *iknigi.net*. Accessed March 2, 2025. <https://iknigi.net/avtor-vladimir-handorin/145044-nacionalnaya-ideya-i-admiral-kolchak-vladimir-handorin/read/page-3.html> (In Russian)

Khandorin, V.G. “Politicheskaya ehvolyutsiya tomskoi professury v gody revolyutsii i grazhdanskoi voiny” [Political evolution of Tomsk professoriate during the Revolution and the Civil War]. *ru_civil_war*. Accessed March 2, 2025. <https://ru-civil-war.livejournal.com/138095.html> (In Russian)

Khisamutdinova, N.V. *Dal'nevostochnaya shkola inzhenerov: k istorii vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya (1899–1990 gg.)* [Far Eastern School of Engineers: On the history of higher technical education (1899–1990)]. Vladivostok: VGUES, 2009. (In Russian)

Maier, G.V., and S.F. Fominykh. “Tomskii period v zhizni akademika N.N. Semenova” [Tomsk period in the life of academician N.N. Semenov]. *Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet*. Accessed March 2, 2025. <https://tsu.ru/university/tsutoday/semenov.php> (In Russian)

Malyavina, L.S. “Rol' uchenykh Urala i ‘beloi’ Sibiri v razvitiu vysshei shkoly i nauki Dal'nego Vostoka Rossii (1918–1922 gg.)” [The role of scientists from the Urals and “White” Siberia in the development of higher education and science in the Russian Far East (1918–1922)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 3 (11) (2010): 57–71. (In Russian)

Nekrylov, S.A., and M.V. Gribovskii. “Sibirskaya professura rubezha XIX–XX vekov: sotsial'nyi i politicheskii portret” [Siberian professoriate in the late 19th – early 20th centuries: A social and political profile]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (55) (2018): 21–37. <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2018-00002>. EDN: XRVEEH (In Russian)

Parsamov, V.S. “Bor'ba za universitet v bol'shevistskoi Rossii 1917–1921 gg. [Struggle for the university in Bolshevik Russia, 1917–1921]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, no. 6 (39) (2018): 121–46. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-6-121-146> (In Russian)

“Pervye professora Imperatorskogo Tomskogo universiteta” [First professors of Imperial Tomsk University]. *Ehkskursionno-prosvetitel'skii tsentr TGU* [Excursion and Educational Center of Tomsk State University]. Accessed March 2, 2025. <https://museum.tsu.ru/stud/professor> (In Russian)

Polkanov, V.D., and A.F. Bukin. “Omskii kommercheskii (politekhnicheskii) institut (1917–1919 gg.)” [Omsk Commercial (Polytechnic) Institute (1917–1919)]. *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin*, no. 5 (2012): 195–98. EDN: SHJYGZ (In Russian)

Pomozov, O.A. “Den' osvobozhdeniya Sibiri” [Siberia Liberation Day]. *Laiplib*. Accessed March 2, 2025. <https://www.livelib.ru/book/610705/readpart-den-osvobozhdeniya-sibiri-oleg-pomozov/~11> (In Russian)

Posadskov, A.L. “Vysshee obrazovanie v stolitse ‘beloi’ Sibiri: iz istorii vuzov g. Omska v gody Grazhdanskoi voiny (1918–1919)” [Higher education in the capital of ‘white’ Siberia: From the history of universities in Omsk during the Civil War (1918–1919)]. In *Istoriya nauki i obrazovaniya v Sibiri: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Krasnoyarsk, 15–16 noyabrya 2005 g.)* [History of science and education in Siberia: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation. (Krasnoyarsk, November 15–16, 2005)], edited by Ya.M. Kofman, 290–97. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva, 2006. (In Russian)

Ryzhkovskii, V.V. “Vysshee spetsial'noe obrazovanie v 1880–1930-kh godakh (meditsina, sel'skoe khozyaistvo, finansy i ehkonomika)” [Specialized higher education in the 1880s–1930s (Medicine, agriculture, finance, and economics)]. In A.N. Dmitriev et al., *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noi i nauchnoi politiki v Rossiiskoi imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* [Timetable of change. essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s)], 775–808. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. (In Russian)

Saprykin, D.L. “Inzhenernoe obrazovanie v Rossii: istoriya, kontseptsiya, perspektivy” [Engineering education in Russia: History, concept, and prospects]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 1 (2012): 125–37. EDN: OOGUEL (In Russian)

Shishkin, V.I. “Sibirskoe oblastnichestvo v kontekste revolyutsionnykh sobytii: marta–oktyabrya 1917 goda” [Siberian regionalism in the context of revolutionary events: March–October 1917]. *Acta Slavica Iaponica*, vol. 37 (2016): 47–71. (In Russian)

Tarasova, V.N. “Vysshaya inzhenernaya shkola Rossii (poslednyaya chetvert' XVIII v. – 1917 g.)” [Higher engineering school of Russia (last quarter of the 18th century – 1917)]. Doctoral thesis, Russian Independent Institute of Social and National Problems, 2000. EDN: ZKTHNF (In Russian)

Vdovenko, A. “Skol'ko zarabatyvali prepodavateli imperatorskikh universitetov. I kakoi u nikh byl status v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka” [How much did professors at imperial universities earn? And what was their status in Russia in the late 19th – early 20th century]. *Skillbox*. Accessed March 2, 2025. <https://skillbox.ru/media/education/skolko-zarabatyvali-prepodavateli-imperatorskikh-universitetov/> (In Russian)

Zhilyakova, N. “Oktyabr' 1917-go v Tomske: revolyutsiya na fone defitsita i prestupnosti” [October 1917 in Tomsk: The revolution against the background of shortages and crime]. *vtomske.ru*. Accessed March 2, 2025. <https://vtomske.ru/details/148260-oktyabr-1917-go-v-tomske-revolyciya-na-fone-deficita-i-prestupnosti> (In Russian)

Информация об авторах

Алексей Григорьевич Осипов – доктор исторических наук, заместитель директора Института стратегического развития, <https://orcid.org/0000-0003-4824-0225>, a.g.osipov@ssga.ru, Сибирский государственный университет геосистем и технологий (д. 10, ул. Плахотного, 630108 Новосибирск, Россия).

Денис Игоревич Муренко – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, <https://orcid.org/0000-0001-6389-488X>, denismurenko@yandex.ru, Новосибирский государственный технический университет (д. 20, пр-т Карла Маркса, 630073 Новосибирск, Россия).

Information about the authors

Aleksei G. Osipov – Doctor of Science in History, Deputy Director of the Institute of Strategic Development, <https://orcid.org/0000-0003-4824-0225>, a.g.osipov@ssga.ru, Siberian State University of Geosystems and Technologies (10, ul. Plakhotnogo, 630108 Novosibirsk, Russia).

Denis I. Murenko – Candidate of Science in History, Associate Professor of the Department of History and Political Science, <https://orcid.org/0000-0001-6389-488X>, denismurenko@yandex.ru, Novosibirsk State Technical University (20, pr. Karla Marksa, 630073 Novosibirsk, Russia).

Заявленный вклад авторов

Определение цели и задач исследования на основе изучения научной литературы; написание части текста – А.Г. Осипов (доля вклада автора – 1/2).

Определение круга источников; написание части текста – Д.И. Муренко (доля вклада автора – 1/2).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement

Determining the purpose and objectives of the study based on the analysis of scientific literature, writing the part of the text by A.G. Osipov (author's contribution share is 1/2).

Determining the range of sources; writing the part of the text by D.I. Murenko (author's contribution share is 1/2).

The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 22.12.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 572–623.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 2 (2026): 572–623.

Научная статья

УДК 94(410)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-6>

<https://elibrary.ru/gnkhoa>

Софи Джекс-Блейк: сложный выбор англичанки между изучением трупа в анатомическом зале и чтением романа у камина

Ольга Васильевна Яблонская

Арзамасский филиал ННГУ,

Арзамас, Россия,

Oyablonskii@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5479-5561>

Olga V. Yablonskaya

Arzamas Branch of UNN,

Arzamas, Russia,

Oyablonskii@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5479-5561>

Аннотация. В статье отражена эпоха викторианской Англии и борьба женщин за расширение профессиональных прав в обществе. Показано, что в XIX веке образованные и состоятельные дамы выражали несогласие со статусом «хранительницы домашнего очага» и невозможностью участвовать в социально значимой деятельности. Ключевой фокус – Софи Джекс-Блейк, чья борьба за женскую медицину в Великобритании иллюстрирует сочетание личных устремлений и общественных потребностей, а также отражает сложный конфликт между традиционными викторианскими нормами и растущим либеральным движением. Анализируются доводы противников женской медицины и аргументы в ее защиту. Указано, что идея дать женщинам медицинскую квалификацию и право врачебной практики стала прямым откликом на существовавшие ограничения их возможностей в условиях распространения идей равенства и прогресса. Делается акцент на потребность женщин лечиться у врача своего пола. Отмечено, что имперский контекст и миссионерские проекты усиливали движение за женскую медицину. Освещаются основные вехи жизни Джекс-Блейк, причины и обстоятельства выбора профессии врача, участие и роль в женском медицинском движении. В завершение указываются ее достижения: открытие Лондонской школы медицины для женщин (1874); принятие нового медицинского закона 1876 г., допускавшего женщин к получению лицензии врача; успешная врачебная практика Джекс-Блейк в Эдинбурге, основание там клиники и медицинской школы. Сделан вывод, что женская медицина стала результатом взаимодействия гуманистических мотивов, стремления к равноправию, самореализации в социально-значимой деятельности. Борьба за образование

© Яблонская О.В., 2026

© Yablonskaya O., 2026

женщин оказала сильное влияние на развитие профессиональной медицины в Великобритании и за ее пределами, способствовала гуманизации общества.

Ключевые слова: эмансипация, феминизм, женская медицина, Великобритания, миссионерство, Джекс-Блейк, XIX век

Для цитирования: Яблонская О.В. Софи Джекс-Блейк: сложный выбор англичанки между изучением трупа в анатомическом зале и чтением романа у камина // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2026. Т. 10, № 2. С. 572–623, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-6>; EDN: GNKHQA

Sophia Jex-Blake: The British Woman's Difficult Choice between Studying a Corpse in the Dissecting Room and Reading a Novel by the Fireplace

Abstract. The article studies the Victorian period of the English history and the women's struggle for the expansion of professional rights in society. In the 19th century, educated and wealthy ladies did not accept their homemaker status and their exclusion from the socially significant activities. The article focuses on Sophia Jex-Blake, whose struggle for women medicine in the United Kingdom illustrates the combination of personal aspirations and social needs and also reflects the intense confrontation between traditional Victorian norms and the growing liberal movement. The author analyzes the arguments expressed by the opponents and the supporters of women medicine. The idea of giving women medical qualifications and the right to practice medicine was a direct response to the existing limitations of their opportunities in the context of the spread of beliefs in equality and progress. The emphasis is placed on the need for women to be treated by a doctor of the same sex. It is noted that the imperial context and missionary projects accelerated the movement for women medicine. The author studies the key episodes of Jex-Blake's life, the reasons for and circumstances of her choosing the profession of a doctor, and her participation and role in the women's medical movement. In conclusion, her achievements are listed: opening the London School of Medicine for Women (1874); adoption of a new medical law (1876), which allowed women to obtain a medical license; successful medical practice in Edinburgh and the foundation of a clinic and a medical school there. The author concludes that women medicine resulted from the interaction of humanistic motives, striving for equality and self-realization in socially significant activities. The struggle for women education had a strong impact on the development of professional medicine in Great Britain and beyond, and contributed to the humanization of society.

Keywords: emancipation, feminism, women's medicine, Great Britain, missionary work, Jex-Blake, 19th century

For citation: Yablonskaya, O.V. "Sophia Jex-Blake: The British Woman's Difficult Choice between Studying a Corpse in the Dissecting Room and Reading a Novel by the Fireplace." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 2 (2026): 572–623, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-6>; EDN: GNKHQA

Введение

Современный период истории характеризуется активной ролью женщин не только в частной и досуговой сферах, но и в системе общественного производства. Представительницы слабого пола работают во всех отраслях экономики; трудно представить науку, искусство, образование без их участия. Однако право на труд было достигнуто в результате долгой борьбы, которая на

исходе нового времени приобрела радикальный характер. Особенно ярко стремление женщин отказаться от праздного образа жизни и заняться общественно значимой деятельностью проявилось в XIX в. в Великобритании.

Сегодня профессия врача не имеет гендерных ограничений. В некоторых областях, таких как гинекология, акушерство, терапия и педиатрия, чаще работают женщины. Но до XX в. лишь единицы из них были врачами. Вторая половина XIX в. британской истории стала временем бурных споров и битв по вопросу о том, могут ли представительницы прекрасного пола заниматься врачебной практикой. Для многих сама идея женщины-врача казалась странной и опасной, в то время как другие считали несправедливым отсутствие доступа к социально-значимой и хорошо оплачиваемой профессии из-за половой принадлежности, а также отказ пациенткам в праве выбирать пол своего лечащего врача.

В данной статье изучается борьба англичанок во второй половине XIX в. за право заниматься высококвалифицированной медициной. Этот процесс стал частью широкого движения, направленного на расширение экономических, социальных, политических и личных позиций женщин Великобритании. Очевидно, что за диплом врача боролись не представительницы трудовых низов общества, а дамы, у которых были средства и время для получения высшего образования и освоения сложной профессии. Они, выражаясь в соответствии с терминологией Т. Веблена, стремились удовлетворить «инстинкт мастерства», развернув свою деятельность в общественном производстве, и получить возможность жить своей собственной жизнью, а не выполнять функции «подставного праздного класса», сибаритствуя с книгой у камина в статусе «королевы дома». В центре внимания – деятельность Софи Джекс-Блейк (1840–1912), лидера движения за «женскую медицину».

Для углубленного анализа указанной темы были поставлены следующие задачи: показать положение женщин средних и высших слоев британского общества в XIX в., сферы их деятельности, возможности самореализации, профессиональные перспективы; проанализировать факторы, препятствовавшие женщинам получать медицинское образование и заниматься врачебной практикой; рассмотреть потребности британского общества в женщинах-врачах, а также определить направления деятельности женщин в медицине; выяснить обстоятельства, обусловившие участие Софи Джекс-Блейк в женском медицинском движении, ее роль и итоги деятельности.

Учитывая масштабы бесправия и силу оппозиции, кажется удивительным, как за несколько лет, начиная с 1869 г., небольшая группа энтузиасток, во главе которых была Софи Джекс-Блейк, смогла одержать победу над системой, открыв для женщин доступ к высшему медицинскому образованию и

врачебной практике. Эта победа подчеркивает важность исследований по данной теме.

Участие Джекс-Блейк в женском медицинском движении рассматривается в широком контексте сложившихся культурных и общественных отношений, без акцента на конкретные идеологии, такие как буржуазный капитализм, либерализм, евангелический протестантизм или феминизм, с которыми, безусловно, это движение связано, но лишь в определенной степени. Помимо идеологий история движения за «женскую медицину» переплетается с политической борьбой, историей семьи и женщин, функционированием медицины как профессиональной сферы, миссионерской деятельностью и имперской политикой.

В рамках методологического подхода, основанного на принципах традиционного историзма, исследование нацелено на объективное воссоздание представлений о медицине и роли женщин в ней. Анализ доступных исторических источников позволяет реконструировать контекст эволюции соответствующих идей и практик во второй половине XIX в.

Используемые методы исследования подразделяются на две группы. Первую группу составляют общеисторические методы, традиционно входящие в исследовательский арсенал историка. Хронологический (генетический) метод позволил проследить эволюцию представлений о медицине как «мужской профессии» начиная с античности и вплоть до рассматриваемого периода. Сравнительный метод применялся при анализе трудов сторонников и противников участия женщин в медицинской профессии, что способствовало более глубокому пониманию различий в аргументации противоборствующих сторон. Герменевтический метод помог глубже понять тексты за счет сосредоточения на их риторических и стилистических особенностях. С герменевтическим методом тесно связан дискурсивный метод, получивший широкое распространение в последние десятилетия. Он позволил выявить не только явные смыслы, но и скрытые значения («то, что на кончике языка»), а также обнаружить умолчания и искажения в анализируемых источниках.

Методы второй группы широко применяются в современных направлениях историографии. Для изучения сложных общественных процессов автором использовался биографический метод, позволяющий реконструировать мировоззрение исторических персонажей, осмыслять мотивы их деятельности и анализировать индивидуальные судьбы в широком социокультурном контексте. Применение методов исторической феминологии обусловлено существовавшей профессиональной дискриминацией женщин, основанной на природном различии полов. В то же время концепция социального конструирования гендера смещает фокус исследования: женщины и понятие «женственности» рассматриваются не через призму физиологии, а в контексте природы власти,

через концепты фемининного и маскулинного. Такой подход дает возможность проанализировать систему прав и обязанностей в обществе, социально-экономические и политические факторы, снижавшие статус женщин, а также влияние викторианских ценностей и культа «истинной женственности» как основы патриархальной системы западного общества XIX в. Поскольку гендер понимается как элемент социальных отношений, обладающий культурной и исторической обусловленностью, для осмысления механизмов половой дискриминации потребовалось обратиться к ранним эпохам европейской истории, начиная с античности. Это позволило проследить историческую динамику женской сегрегации и выявить преемственность гендерных практик. Профессиографические методы направлены на осмысление различных аспектов врачебной деятельности. Они тесно взаимосвязаны с биографическими методами и дают возможность исследовать личную мотивацию получения медицинского образования и освоения соответствующей профессии.

Основными источниками послужили труды участников и противников движения за женскую медицину. В первую очередь, использовалась книга С. Джекс-Блейк «Женщины-медики: тезисы и история», опубликованная в 1886 г. Эпиграфом к этой работе стала цитата Дж.С. Милля, характеризующая автора и произведение:

Мы отрицаем право любой части вида решать за другую часть или любого индивидуума за другого индивидуума, что является, а что нет для них «надлежащей сферой». Надлежащая сфера для всех людей – самая большая и высокая, которой они способны достичь. Что это такое, нельзя определить без полной свободы выбора¹.

Основная часть книги представляет собой исторический очерк о женщинах в медицинской профессии. В комментарии и приложения Джекс-Блейк включила важные документы, журнальные и газетные публикации, связанные с женским медицинским движением. Опираясь на факты истории, события, участницей которых она была, а также документы, статистические данные, личные истории, С. Джекс-Блейк охарактеризовала социокультурную среду Великобритании и медицину XIX в., показала, как ущемлялись права женщин на образование и профессиональную самореализацию, доказала необходимость женской медицины для пациенток. Особое внимание в нашей работе уделено труду М. Тодд, верной спутницы С. Джекс-Блейк, которой та завещала свои письма и документы². Нами также были проанализированы как ведущие

¹ *Jex-Blake S.* Medical Women: A Thesis and a History. Edinburgh: Oliphant, Anderson, & Eerrier; London: Hamilton, Adams & Co., 1886. P. 1.

² *Todd M.* The Life of Sophia Jex-Blake. London: Macmillan & Co., 1918.

британские медицинские журналы и газеты, отразившие споры о женской медицине, так и законы Британской империи, принятые в результате указанной полемики³.

Данная тема недостаточно разработана в новейшей зарубежной литературе и практически не отражена в отечественной историографии. Исследования, проанализированные в ходе работы над данной темой, можно разделить на две группы: посвященные деятельности С. Джекс-Блейк⁴ и рассматривающие в целом женское медицинское движение⁵. Большое значение для исследования с методологической точки зрения имела работа Т. Веблена «Теория праздного класса»⁶.

«Королева дома» и «хозяйка очага»

Со времен Древней Греции в европейском обществе сформировалось отношение к женщинам, включая знатных, как к неполноценным существам. Несмотря на то, что некоторые из них были освобождены от тяжелого физического труда, считалось, что прекрасный пол не способен к досугу – духовной деятельности, направленной на развитие добродетелей. Еще Аристотель писал, что женщины должны находиться в подчинении у мужчины⁷. Их роль сводилась к рождению и воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства и поддержанию статуса домохозяина. На протяжении Средних веков и Раннего Нового времени сохранялось отношение к досугу как к общественно значимой деятельности, исполненной высокого гуманизма, но в то же время противопоставленной физическому труду, следовательно, социально ограниченной и предназначенной лишь для верхушки мужского общества. Существенные изменения в производственной и досуговой сфере произошли благодаря промышленной революции. Труд перестал считаться

³ *Jex-Blake S.* Medical Women; a Thesis and a History. P. 1–99; The Edinburgh University and Female Medical Students // The Lancet. 1869. Vol. 94, iss. 2403. P. 421–422; The Medical Act 1858 // Irish Statute Book (eISB). URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1858/act/90/enacted/en/print> (дата обращения: 11.03.2025); Medical Act 1876 // Irish Statute Book (eISB). URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1876/act/41/enacted/en/print> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴ *Shirley R.* Sophia Jex-Blake: A Woman Pioneer in Nineteenth Century Medical Reform. London: Routledge, 2005.

⁵ *Moberly Bell E.* Storming the Citadel: The Rise of the Woman Doctor. London: Constable, 1953; *Strachey R.* The Cause: A Short History of the Women's Movement in Great Britain. Washington; New York: Kennikat Press, 1969; *Lutzker E.* Medical Education for Women in Great Britain. New York: Columbia University, 1969.

⁶ *Веблен Т.* Теория праздного класса / перевод с английского С.Г. Сорокиной. Москва: Прогресс, 1984.

⁷ *Аристотель.* Политика / перевод с греческого С.А. Жебелева, Т.А. Миллер. Москва: АСТ, 2018. С. 9.

нудным занятием, а социальная верхушка утратила монопольное право на плодотворный досуг.

Размывание границ между производственной и досуговой зонами, начавшись в эпоху Нового времени, продолжилось и в последующие годы. В 1899 г. была опубликована работа Т. Веблена «Теория праздного класса: экономическое исследование институций», в которой обосновывались наличие у элиты большого объема свободного времени и характерные для этого «паразитирующего слоя» типы досуга. Но сам факт появления книги, ее популярность, рассуждения и выводы автора свидетельствуют, что идея «облагораживающего» воздержания от труда к исходу нового времени выглядела уже отжившим атавизмом. В XIX в. произошли существенные перемены в статусе и деятельности женщин, что отразило глубокие трансформации в общественных взглядах на прекрасный пол.

В первой половине XIX в. единственной сферой, где англичанки верхних слоев общества могли приложить свои знания и силы, оставалась семья, в которой им по-прежнему отводили роль «хранительниц очага». Конечно, они не были жертвами, пассивно страдавшими в патриархальных структурах; их не закрывали, как «сестер» в Индии, в мрачных зенанах. Да и «викторианская маскулинность» была далеко не репрессивной и не агрессивной⁸. Обязанности по дому были необременительными: дамы их разделяли с прислугой, а воспитание детей – с гувернантками. Статус хозяйки был достаточно высоким. Ведь викторианский дом, в «соответствии с законом войны», задумывался как убежище, отделенное от остального общества. Отношения между его членами и все, что происходило в доме, считалось самым важным и во многом определялось моральным влиянием женщины⁹. Поэтому хозяйка в доме была и оберегающим его «ангелом», и управляющей им «королевой».

⁸ Вершинина Д.Б. Гендерные аспекты истории Запада: основные дискуссионные поля // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. Вып. 4 (39). Р. 175. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-4-172-182>, EDN: ZWGWZT

⁹ Calder J. The Victorian Home. London: Batsford, 1977. P. 122–123.

Марианна. Художник Дж.Э. Милле, 1851 г.
Источник: The Board of Trustees of the Tate Gallery. URL:
<https://www.tate.org.uk/art/artworks/millais-mariana-t07553>

Для выполнения таких функций не годились безграмотные и безвольные существа. От женщин не ожидалось университетского диплома и равного с мужчинами образования, однако при этом дочерей богатых людей обучали музыке, искусству и литературе, а не только типичным «дамским занятиям», таким как рукоделие. В домах с хорошей библиотекой женщины имели много возможностей для самообразования, и они этим не пренебрегали¹⁰. Однако во многом это была лишь декорация. Таланты образованных дам почти никогда не покидали гостиную, поскольку главной целью их развития было привлечение потенциальных женихов или хвастовство перед другими семьями. Поэтому англичанки, не обремененные серьезными домашними заботами, но ограниченные рамками этих обязанностей, имели много свободного времени, которое могли скрасить чтением у камина. Конечно, это было лучше, чем

¹⁰ Вершинина Д.Б. Воспитание и манеры английских леди XVIII–XIX вв. // Вестник Пермского Университета. Серия: История. 2010. Вып. 2 (14). С. 94–95. EDN: MXIFYN

сплетни и изучение украшений неграмотных индийских «сестер», но наполнить жизнь смыслом подобным образом могла не каждая дама.

Вместе с тем, они читали не только романы, но и газеты, научные журналы, интересовались политикой, общественными проблемами. В результате многие из них проникались идеями прогресса, гуманизма, либеральными ценностями свободы и равенства, феминистскими установками. Эти умные и амбициозные леди начали испытывать отвращение к статусу представительниц «подставного праздного класса». Пробудившаяся тяга к самовыражению и мастерству требовала включения их в общественно полезную деятельность. Т. Веблен писал:

Эти два мотива выражаются словами-лозунгами: «эмансипация» и «работа». Надо понимать, что каждое из этих слов означает что-то в плане широко распространенного чувства обиды... Выдвигается более или менее серьезное требование освобождения женщин от всякой опеки, от функций подставного праздного класса... Есть основание полагать, однако, что женщина тоже наделена – в большей мере, чем мужчина, – инстинктом мастерства, который рождает чувство отвращения к бесполезному существованию или пустым расходам¹¹.

Сдерживающим фактором активной деятельности энергичных и образованных дам было узаконенное бесправие и консервативные общественные установки. Британские «королевы дома» сильно зависели от брака и от мужчин. До середины XIX в. они не имели права даже на опеку родных детей. Закон позволял мужчине конфисковать имущество женщины, включая ее заработок. Лишь в 1870 г. им разрешили распоряжаться своими доходами¹². Многие, не сумев выйти замуж, попадали в нищету. Самой квалифицированной профессией, на которую они могли претендовать, была гувернантка. Но конкуренция здесь была острой, а зарплата – небольшой. Дж. Батлер писала:

Когда мы видим рекламу в газетах, предлагающих «уютный дом» без зарплаты в качестве вознаграждения за достижения самого разного характера, мы иногда удивляемся наглости работодателей; но когда мы узнаем, что на такое объявление, предлагающее работу гувернантки без

¹¹ Веблен Т. Теория праздного класса. С. 329.

¹² The Married Women's Property Act, 1870: Its Relations to the Doctrine of Separate Use, with Notes / edited by J.R. Griffith. London: Stevens and Haynes, 1873.

оплаты, откликнулись триста женщин, в нашем удивлении есть что-то от отчаяния¹³.

Даже самые знатные и состоятельные британки понимали, что они тоже могут оказаться на месте этих несчастных гувернанток.

Важную роль в приложении нерастроченных сил и способностей состоятельных женщин и в спасении бедных от нищеты играли различные благотворительные и религиозные организации. Согласно Т. Веблену, в условиях «ритуального недопущения к заурядному производительному усилию», энергия женщин направлялась «на служение интересам, отличным от эгоистических»¹⁴.

Многие самозабвенно занимались социальной работой, видя в ней свой христианский долг и реализацию заложенных в них богом способностей. Возможностей для приложения женских сил и талантов для оказания помощи ближнему своему в Великобритании было достаточно. Флоренс Найтингейл, видевшая главное свое предназначение в избавлении людей от болезней и смерти, отправилась в Крым для помощи солдатам, а затем создала профессиональную сестринскую службу. Чтобы спасти бедняков британских городских гетто, Э. Рэнъярд основала в Лондоне библейскую и медицинскую миссии, которые вскоре распространились по всей империи и за ее пределами¹⁵. Для обеспечения лучшей жизни бедным незамужним женщинам, сиротам и детям из неблагополучных семей М.С. Рай организовывала их эмиграцию в заокеанские владения страны¹⁶. Тысячи жительниц метрополии отправлялись за океан выполнять имперскую миссию, помогая миссионерам распространять христианство, организуя вместе с правительством школы и больницы в разных частях Британского мира¹⁷.

¹³ *Butler J.E.* The Education and Employment of Women. London: Macmillan and Co., 1868. P. 3.

¹⁴ *Веблен Т.* Теория праздного класса. С. 319.

¹⁵ *Prochaska F.K.* Body and Soul: Bible Nurses and the Poor in Victorian London // *Historical Research*. 1987. Vol. 60, iss. 143. P. 336–348. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2281.1987.tb00501.x>;
Яблонская О.В. «Библейские женщины» Рэнъярд и их программа спасения бедняков // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. 2024. № 116. С. 25–38. <https://doi.org/10.15382/sturII2024116.25-38>, EDN: VRECOA

¹⁶ *Яблонская О.В.* «Отверженные» дети Великобритании в Канаде: миграционная программа Мэри Рай // *Новая и новейшая история*. 2024. № 1. С. 67–77. <https://doi.org/10.31857/S0130386424010057>, EDN: HEMCFL

¹⁷ *Prevost E.* Assessing Women, Gender, and Empire in Britain's Nineteenth-Century Protestant Missionary Movement // *History Compass*. 2009. Vol. 7, iss. 3. P. 765–799. <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2009.00593.x>

Работа в сфере медицины, значение которой трудно переоценить для каждого человека, способна была наполнить жизнь самым глубоким смыслом. Именно поэтому к ней стремились многие англичанки средних и высших слоев общества, видя порочность в своей бездеятельности за пределами дома. Учитывая масштабы Британской империи, требовалось огромное количество сострадательных лекарей, чтобы помочь всем нуждающимся. Однако, несмотря на острую нехватку медицинских кадров, женщин к профессии врача не допускали.

Серьезные ограничения внес медицинский закон 1858 г. Согласно ему лечить могли только те, кто был включен в национальный реестр и получил лицензию в одном из девятнадцати медицинских учебных заведений страны¹⁸. Проблема заключалась в том, что дам на медицинские факультеты университетов не принимали. В течение года после принятия закона в реестр могли записаться те, кто имел зарубежный диплом, но практиковал в Англии. Именно так первой из женщин в списке оказалась американка Э. Блэкуэлл¹⁹. В 1865 г. Э. Гаррет Андерсон, воспользовавшись тем, что в фармацевтическом обществе не было прописано гендерных ограничений, прошла обучение в частном порядке и, успешно сдав там экзамен, стала второй представительницей слабого пола в медицинском реестре²⁰. После этого фармацевты внесли изменения в свой устав, ограничив доступ женщинам.

Таким образом, чтобы посвятить свою жизнь избавлению людей от страданий, англичанкам надо было сначала получить право на образование, сдать квалификационный экзамен и оказаться внесенной в медицинский реестр. Главную роль в решении всех этих сложных задач сыграла С. Джекс-Блейк.

С. Джекс-Блейк: жизненные перспективы

Софи Джекс-Блейк, родившейся в Гастингсе в состоятельной и знатной семье проктора местной евангелической общины, было уготовано беззаботное будущее. Природа наделила ее умом, сильным характером, железной волей и редкой строптивостью.

¹⁸ The Medical Act 1858.

¹⁹ *Blackwell E. Pioneer Work in Opening the Medical Profession to Women.* London; New York: Longmans, Green, and Co., 1895. P. 222–223.

²⁰ *Thorne I. Sketch of the Foundation and Development of the London School of Medicine for Women.* London: G. Sharrow, 1905. P. 4–5.

София Луиза Джекс-Блейк. Художник С. Лоуренс, 1865 г.

Источник: Colouring books blog. URL: https://blogs.ed.ac.uk/colouring-books/women-in-stem-image-database/sophia_jex-blake_as_a_young_woman/

Зрелые родители проявляли трепетную заботу о своей младшей дочери с хрупким здоровьем и своенравным характером, но не только баловали ее, а также прививали веру в бога и высокие духовные принципы. Танцы, походы в театр и чтение романов считались в их доме неподходящими, порочными увлечениями, а «Панч» (британский еженедельный журнал сатиры и юмора) – вульгарным²¹. Родители надеялись, что, повзрослев, Софи станет образцовой женой и матерью и будет счастлива в тихом семейном кругу. Но в скором времени они поняли, что их Софи не похожа на типичную «викторианскую дочь». Джекс-Блейк любила родителей, ничего не делала без их ведома, однако если они не одобряли какое-то из ее желаний, она преодолевала сопротивление семьи упорством и эмоциональными манипуляциями. Именно так она добилась разрешения родителей на учебу в столичном Королевском колледже (1858–1861), затем – на поездку в Германию, где она работала учителем в 1862–1863 гг. в Великогерцогском институте в Мангейме (Grand Ducal Institute at Mannheim)²², а в 1865 г. – поехать в США для изучения образования²³.

²¹ Moberly Bell E. *Storming the Citadel*. P. 63–65; Shirley R. *Sophia Jex-Blake*. P. 5–18.

²² Todd M. *The Life of Sophia Jex-Blake*. P. 126–148.

²³ Shirley R. *Sophia Jex-Blake*. P. 19–40.

Во время учебы в Лондоне Софи подружилась с Октавией Хилл. От нее, превратившей служение бедным людям в образ жизни, Джекс-Блейк узнала, что леди – это не всегда «бесплезная женщина»²⁴. Видя условия жизни бедняков, Хилл первой разработала и стала реализовывать программу строительства социального жилья и привлекла Джекс-Блейк к этой работе. Вместе они арендовали дома и сдавали их нуждающимся. После драматичного разрыва с Хилл и окончания колледжа Джекс-Блейк некоторое время провела в кругу семьи. Однако ей трудно было найти удовлетворение в ограниченном семейном существовании в Гастингсе, и в январе 1862 г. она отправилась в Шотландию. С раннего детства натура С. Джекс-Блейк требовала широкой деятельности. Ее подруга М. Тодд писала:

Из всех фей, пришедших на ее крестины, кто-то принес с собой щедрые дары, кто-то – большие возможности, и, когда колыбель наполнилась, почти каждая из них спрашивала: «Что же ты, малышка, будешь с этим делать?»²⁵

Джекс-Блейк стремилась использовать все эти «дары фей», развивала свои таланты, данные, как она считала, богом. Возможность реализовать имеющийся потенциал она связывала с какой-нибудь серьезной работой на благо общества. В этом направлении ей открывались довольно широкие перспективы.

Усвоив религиозное воспитание в семье, дочь евангелического проктора много размышляла о христианстве. В юном возрасте она распространяла религиозные брошюры, веря, что таким образом несет в мир добро. Сама написала три брошюры и напечатала их за свой счет. Повзрослев, она хотела быть проповедником, даже написала несколько проповедей²⁶. Но религиозным путем все же не пошла, возможно, видя, что ее установки были слишком эластичны, по сравнению с верой отца и матери. Однако в жизни и борьбе она всегда видела «божий промысел» и никогда не сомневалась в том, что сражается в «битве господней». Если терпела поражение, то воспринимала его просто как «волю божью» и вскоре находила новые божественные знаки для продолжения противоборства.

Джекс-Блейк могла бы стать писательницей. С детства она пыталась перенести на бумагу свои мысли и мечты. А грезил она не об игрушках, а об идеальном государстве на чудесных островах, лежащих в неизведанном море,

²⁴ Boyd N. Three Victorian Women Who Changed Their World: Josephine Butler, Octavia Hill, Florence Nightingale. New York, Oxford: Oxford University Press, 1982. P. 105.

²⁵ Todd M. The Life of Sophia Jex-Blake. P. 2.

²⁶ Todd M. The Life of Sophia Jex-Blake. P. 158.

самым большим из которых был Сакермена²⁷. Первая ее серьезная работа была опубликована в 1865 г. в издательстве А. Макмиллана и посвящена описанию американской системы образования²⁸. В 1869 г. Макмиллан предложил ей написать эссе о женской медицине для сборника «Женский труд и женская культура», редактором которого была Дж. Э. Батлер. В 1872 г. ее эссе было издано отдельной книгой²⁹, в 1886 г. вышло второе издание с дополнениями³⁰. Кроме того, в ведущих газетах и журналах регулярно публиковались ее статьи с призывами к борьбе с неравноправием женщин, а также к расширению их возможностей в получении образования и профессиональной самореализации.

О Джекс-Блейк говорили, что из нее получился бы отличный адвокат – она очень хорошо разбиралась в сильных сторонах своей позиции и в слабых местах оппонентов³¹. В силу своего характера она часто оказывалась втянутой в судебные тяжбы. Разрешать конфликты ей помогали юристы, но значительную часть работы Джекс-Блейк выполняла сама. Знание нюансов британской правовой системы весьма пригодилось, когда дебаты о женской медицине вышли на парламентский уровень.

Джекс-Блейк была одной из немногих женщин своего времени, знавших и любивших математику настолько, что после нескольких месяцев обучения в Королевском колледже ей даже предложили в нем работу преподавателя алгебры и геометрии с зарплатой. Помимо математики, она занималась с ученицами еще семью гуманитарными предметами, а также обучала бухгалтерскому делу в Обществе по трудоустройству женщин и вела занятия в детской больнице на Грейт-Ормонд-Стрит (в первом детском стационаре Англии, основанном Чарльзом Уэстом в 1852 г., создавались все условия для комфортного пребывания маленьких пациентов от 2 до 10 лет; помимо игрушек здесь были книги). Родители радовались ее успехам, но отец настойчиво просил отказаться от зарплаты. Он придерживался господствовавшего в то время мнения, что женщина, получая плату за свой труд, компрометировала мужчин своей семьи. Однако, понимая бесполезность таких доводов в споре с дочерью, часто пренебрегавшей общественными нормами, отец пытался убедить ее отказаться от денег моральными аргументами, утверждая, что ее зарплата

²⁷ Todd M. The Life of Sophia Jex-Blake. P. 6–10.

²⁸ Jex-Blake S. A Visit to Some American Schools and Colleges. London: Macmillan and Co., 1867.

²⁹ Jex-Blake S. Medical women. Edinburgh: William Oliphant & Frederick; London: Hamilton, Adams, & Co., 1872.

³⁰ Jex-Blake S. Medical Women: A Thesis and a History. Edinburgh: Oliphant, Anderson, & Eerrier; London: Hamilton, Adams & Co., 1886. (Далее все цитаты даются по этому изданию.)

³¹ Todd M. The Life of Sophia Jex-Blake. P. 416–417.

большую пользу принесет беднякам³². В итоге Софи отказалась от платы за свой преподавательский труд.

Джекс-Блейк нравилось преподавать. Но она не только хотела работать учителем, но и мечтала изменить английскую систему образования: ввести совместное обучение полов, сделать университеты доступными для женщин. С этими целями она отправилась в Германию, а потом в США. Однако поездка в Америку полностью изменила ее первоначальные планы³³.

После знакомства в бостонской больнице с доктором Люси Эллен Сьюэлл Джекс-Блейк решила стать врачом, хотя раньше к этой профессии испытывала лишь отвращение. Сьюэлл познакомила ее не только с миром медицины, но и с идеями феминизма, расширив представления о женской работе и сферах деятельности. Попытка Софи поступить в медицинскую школу Гарварда закончилась провалом, но к тому времени Э. Блэкуэлл уже основала в Нью-Йорке Новый медицинский колледж, куда принимали женщин. Джекс-Блейк поступила туда, начала учиться, работать в больницах.

Студентки в анатомическом театре. Фото Дж. Дж. Гибсона, 1893 г.

Источник: Digital collection Bentley Historical Library: Bentley Image Bank. URL: <https://quod.lib.umich.edu/b/bhl/x-bl002092/BL002092>

Она нашла не просто профессию, но и свой путь, смысл жизни. К сожалению, осенью 1868 г. умер ее отец, Софи пришлось вернуться домой, чтобы поддержать мать. Но уже спустя месяц семейной жизни стало ясно, что она не

³² Todd M. The Life of Sophia Jex-Blake. P. 71–72, 75, 81.

³³ Moberly Bell E. Storming the Citadel. P. 65.

может выдержать однообразие домашнего существования и «ничегонеделания». Невероятным образом именно американская работа в больнице и интенсивная учеба в медицинском колледже подарили здоровье той, кого в детские годы приходилось возить в инвалидном кресле³⁴. Мать, как ни была тяжела разлука, видя, как благотворно Америка влияет на здоровье дочери, не хотела ее возвращения в Англию. Однако Софи, понимая боль матери, отказалась от американской мечты и осталась на родине. Находясь в Гастингсе, Софи возобновила изучение медицины в местной больнице и стала искать возможность получить образование в одном из британских университетов. По совету Дж.Э. Батлер и Г. Сиджвика, в марте 1869 г. она поехала поступать в Эдинбургский университет³⁵.

Отправившись получать диплом врача в Эдинбург, Джекс-Блейк посягнула на священные основы Британского мира, созданного по правилам мужчин. Противниками ее желаний, в разной степени выраженного, были миллионы жителей Империи. Среди них оказалось много женщин – «твердолобых дам», «инстинктивных консерваторов», находившихся под сильным влиянием мужской «антипатии» к феминисткам, и тех, кто опасался требованием прав спровоцировать «агрессию» в мужчинах³⁶. Ожесточенные дискуссии по поводу получения женщинами медицинских степеней велись повсюду – в парламенте, больницах, прессе, а также дома, где дочерям приходилось убеждать своих родителей поддержать их стремление учиться и лечить людей. Доводы противники женской медицины приводили разные.

Доводы противников женской медицины

Многие считали, что «слабый пол» не способен справиться со стрессами и нагрузками, связанными с медициной и высшим образованием³⁷. В 1873 г. гарвардский ученый, врач Э. Кларк опубликовал работу «Пол в образовании», в которой изложил аргументы противников предоставления женщинам научных степеней:

Результатом образования женщин являются чудовищные мозги и хилые тела, аномально активная мозговая деятельность и аномально слабое

³⁴ *Moberly Bell E.* Storming the Citadel. P. 63–66.

³⁵ *Moberly Bell E.* Storming the Citadel. P. 66–67; *Strachey R.* The Cause: A Short History of the Women's Movement in Great Britain. Port Washington, NY: Kennikat Press, P. 176.

³⁶ *Witwit M.* An Evaluation of Anti-Feminist Attitudes in Selected Professional Victorian Women. PhD thesis. University of Bedfordshire, 2012. P. 24–25.

³⁷ *De Vries J.R.* A Moralizer and Modernizer: Mary Scharlieb and the Creation of Gynecological Knowledge, ca. 1880–1914 // *Social Politics*. 2015. Vol. 22, no. 3. P. 303. <https://doi.org/10.1093/sp/jxv027> P. 303

пищеварение, текущие мысли в голове и запоры в кишечнике, возвышенные устремления и невралгические ощущения³⁸.

Книга сразу стала бестселлером. Подобные взгляды разделялись в Англии. В 1874 г. увидела свет статья психиатра из Лондонского университета Г. Модсли – «Пол и разум в образовании». Разделяя убеждение о том, что «каждый пол должен развиваться по своему пути», Модсли утверждал, что стремление женщин к высшему образованию неизбежно приводит к ухудшению их репродуктивных функций и психическим нарушениям³⁹. На это Э. Гаррет Андерсон остроумно парировала, что куда большую угрозу для женского здоровья представляют скука и чрезмерное увлечение чтением романов у камина⁴⁰. 18 июня 1870 г., когда Джекс-Блейк и ее «семерка» – так называли первых студенток университета Эдинбурга – уже год «штурмовали» эдинбургскую научную цитадель, в журнале «Ланцет» была опубликована статья известного доктора Г. Беннета. В ней он вновь развивал идею о «женской немощи», одновременно отстаивая исключительное право мужчин на медицинскую практику:

В нашей профессии есть отрасль – акушерство, – в которой они могли бы и должны занимать подчиненное положение. ...Это выгодно обеим сторонам: и практикующим врачам, которые освобождаются от части самых тяжелых, изнурительных и малооплачиваемых обязанностей, и женщинам, у которых есть призвание к медицине... Я не знаю ни одного великого открытия, изменившего облик науки, которое было бы обязано своим существованием женщине нашей или любой другой расы. Какое же тогда право имеют женщины претендовать на умственное равенство с мужчинами?⁴¹

Этот процесс «социализации» женщин на основе устаревших научных знаний и навязывания норм, предписывавших им обязанности подчиненной группы, во второй половине XIX в. уже вызывал протест. Через три недели после публикации Г. Беннета в том же журнале «Ланцет» был опубликован ответ Джекс-Блейк на его статью. В ней она отмечала, что, согласно мнению известного доктора, дело не в том, что конституция и ум женщин не приспособлены для тяжелого труда, а в том, что мужчины не хотят отказываться от привилегий заниматься тем, что высоко оплачивается, оставляя за «слабым

³⁸ *Clarke E.H.* Sex in Education; or, A Fair Chance for Girls. Boston: Houghton Mifflin, 1884. P. 41–42.

³⁹ *Maudsley H.* Sex in Mind and in Education. Syracuse, NY: C.W. Bardeen, 1884. P. 5–16.

⁴⁰ *Manton J.* Elizabeth Garrett Anderson. London: Routledge, 2018. P. 236–237.

⁴¹ *Bennet H.* Women as Practitioners of Midwifery. To the Editor of the Lancet // The Lancet. 1870. Iss. 2445. P. 887–888.

полом» право на «самые тяжелые, изнурительные и невыгодные обязанности». В заключение она выражала общее требование женщин, претендовавших на диплом врача:

Устанавливайте свои стандарты, где вам угодно, но определяйте их ясно; ...если мы достигнем вашего уровня и выполним все ваши требования, вопрос о «равенстве в способностях» будет решен, тогда выдайте нам обычную медицинскую лицензию или диплом. Здесь нет ничего примирительного: ни просьбы о помощи для «крошки», честная игра и никаких поблажек⁴².

В своей книге Джекс-Блейк приводит высказывание доктора Гатри, отметившего парадокс британского общества: судьбу государства «вверили в руки одной женщине» – королевы, – тогда как другим женщинам «не доверяют даже выдачу дозы лекарства или лечение волдыря»⁴³.

Анализ оценок в Лондонском университете, проведенный Джекс-Блейк за период с 1878 по 1883 г., показал, что результаты студенток в процентном отношении оказались выше, чем у студентов. Конечно, уточняет она, поступали самые способные и мотивированные, но это не опровергает того факта, что женщины интеллектуально полноценны⁴⁴.

Медицинское движение было неразрывно связано с борьбой за университетское образование. Однако далеко не все сторонники последнего поддерживали идею существования женщин-врачей⁴⁵. Одной из причин этого было представление об аморальности работниц этой сферы. Очень резко высказывался о Джекс-Блейк и других студентках Эдинбургского университета известный нейрофизиолог и врач Т. Лейкок, утверждая, что женщины, стремящиеся стать врачами, могут быть только «порочными»⁴⁶. Показательным примером социальных предрассудков служит история аристократки Ф. Найтингейл. Когда она отправилась учиться сестринскому делу за границу (Сен-Жермен, Кайзерверт), ее отец Уильям Найтингейл, желая избежать позора, говорил окружающим, что она лечится на водах. При этом он был весьма прогрессивным человеком, лично обучал дочь языкам, философии, истории и даже математике. Когда Найтингейл проявила интерес к сестринскому делу, родители серьезно отнеслись к ее выбору, проконсультировались с врачами о целесообразности такой карьеры. Однако в итоге не поддержали дочь. Главным

⁴² *Jex-Blake S. Medical Women. P. 52.*

⁴³ *Jex-Blake S. Medical Women. P. 125.*

⁴⁴ *Jex-Blake S. Medical Women. P. 221–222.*

⁴⁵ *Strachey R. The Cause. P. 167.*

⁴⁶ *Jex-Blake S. Medical Women. P. 72.*

препятствием для отца стали не тяжелые условия работы в больницах, а предполагаемые «распутные привычки» медсестер. Действительно, в то время медсестрам не хватало профессиональной подготовки. Они часто были грубыми и невежественными. Позже Флоренс пересказывала отцу слова старшей медсестры лондонской больницы, которая признавала, что видела младший медперсонал только в состоянии опьянения и проявляющими «аморальное» поведение по отношению к пациентам⁴⁷. Примерно также рассуждал Р.Л. Стивенсон в своем письме кузену: «Джекс-Блейк заслужит благосклонность потомков. Но я не женюсь ни на ней, ни на ее подругах. Пусть потомство женится на них»⁴⁸. Он был студентом Эдинбургского университета в 1867–1875 гг., когда девушки, о которых он пишет, успешно учились на медицинском факультете, но тщетно пытались получить право на сдачу профессионального экзамена. Понимая отсталость своих суждений, писатель добавляет: «Если потомки доберутся до этого письма, они сожгут мое чучело в каком-нибудь Королевском женском колледже хирургов будущего»⁴⁹. Однако не все мужчины разделяли взгляды Стивенсона: трое из семи студенток во время учебы обручились.

Одним из аргументов противников женского медицинского образования был психологический дискомфорт преподавателей и студентов-мужчин, якобы испытываемый ими на совместных занятиях. В ответ им задавали ироничный риторический вопрос: как их «стыдливость» позволяет им присутствовать при гинекологическом осмотре и родах пациенток?⁵⁰ Доктор А. Николсон, который первым начал проводить занятия в смешанных группах, утверждал, что в искусстве врачевания нет ничего, о чем нельзя было бы говорить перед аудиторией обоих полов, при условии, что «лектор будет иметь чистый и мужественный дух»⁵¹. Джекс-Блейк также в связи с этим произносила библейскую фразу: «Для чистых все чисто»⁵².

Непристойность заключается в нечистом уме, и утверждение, что мужчины Эдинбурга морально неспособны изучать медицину с женщинами, является оскорблением репутации нашей освященной веками *Alma Mater*,

⁴⁷ *Cohen I.B.* Florence Nightingale // *Scientific American*. 1984. Vol. 250, no. 3. P. 128. <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0384-128>

⁴⁸ *Todd M.* The Life of Sophia Jex-Blake. P. 340.

⁴⁹ *Todd M.* The Life of Sophia Jex-Blake. P. 340.

⁵⁰ *Jex-Blake S.* Medical Women. P. 26.

⁵¹ *Jex-Blake S.* Medical Women. P. 156.

⁵² *Jex-Blake S.* Medical Women. P. 39–40.

– повторялась та же мысль в «Журнале Эдинбургского университета» в марте 1871 г., в самый горячий период споров о совместном обучении⁵³. В Оксфордском журнале вопрос о «неделикатности» присутствия студенток на занятиях связали с педагогической несостоятельностью ряда преподавателей и нежеланием отказываться «от непристойных историй», которыми они забавляли студентов⁵⁴.

Викторианское сознание почти не допускало возможности совместить лечебное дело с обязанностями жены и матери. Многие женщины-медики разделяли это мнение. Так, Ф. Найтингейл не вышла замуж, опасаясь, что это помешает ее работе, Джекс-Блейк также считала нежелательным «служить двум господам» и осталась верна профессии в ущерб созданию семьи. Статистика, которую она приводила, показывала, что из 50 женщин-врачей в 1886 г. только 10 вышли замуж⁵⁵. Но было много примеров успешного совмещения дома и работы: уже упомянутая Э. Гаррет Андерсон или М. Шарлиб, первая англичанка хирург-гинеколог и доктор медицины, а также мать троих детей и преданная жена. Однако та же М. Шарлиб предупреждала студенток, что «дни и ночи врача станут достоянием ваших пациентов»⁵⁶, а Гаррет Андерсон вышла замуж только после завершения «кропотливой подготовки к получению ученой степени»⁵⁷.

Как было показано выше, противостояние врачей-мужчин отчасти объяснялось опасениями, что женщины составят им конкуренцию в доходной сфере. Один врач откровенно написал в «Ланцете», что «защитникам дам» надо знать, что есть сотни мужчин-медиков, которые пока еще не могут обеспечить себе «комфортную жизнь»⁵⁸. В поддержку женщин в упомянутой статье «Журнала Эдинбургского университета» сказано:

Вопли отчаяния, которые публика слышит от реакционных врачей, означают лишь желание защитить семейные интересы за счет половины человечества...⁵⁹

Джекс-Блейк, критикуя мужскую монополию, с одной стороны, заявляла о пользе конкуренции, а с другой стороны, отмечала несправедливость порядков,

⁵³ *Jex-Blake S. Medical Women. P. 160.*

⁵⁴ *Jex-Blake S. Medical Women. P. 160.*

⁵⁵ *Jex-Blake S. Medical Women. P. 211–212.*

⁵⁶ *Scharlieb M.D. Seven Lamps of Medicine: Inaugural Address Delivered at the London School of Medicine for Women, October 1, 1887. Oxford: Printed for private circulation by Horace Hart, 1888. P. 22.*

⁵⁷ *Kent S.K. Sex and Suffrage in Britain, 1860–1914. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014. P. 18.*

⁵⁸ *Jex-Blake S. Medical Women. P. 84.*

⁵⁹ *Jex-Blake S. Medical Women. P. 160.*

когда университеты финансируются из фондов, пополняемых налогоплательщиками обоих полов, а право на профессию получают только мужчины⁶⁰.

Политики боялись, что образование и квалификация станут основанием для расширения избирательных и иных прав женщин. Беспокойство было ненапрасным. Викторианские феминистки поддерживали женщин-врачей, а те, в свою очередь, становились суфражистками. Врач Э. Гаррет Андерсон примкнула к ним вместе с сестрой – Миллисент Гаррет Фосетт. Однако большинство представительниц первого поколения врачей имели целью достижение исключительно профессиональных успехов, женская эмансипация их не заботила. По мнению некоторых исследователей, это обеспечило им поддержку влиятельных политиков, но помешало увидеть более широкие возможности освобождения медицины от гендерных предрассудков⁶¹.

Доводы в защиту женской медицины

Главным аргументом в пользу допуска женщин к медицинским профессиям было утверждение о «женской природе». Джекс-Блейк писала, что с первобытных времен матери, руководствуясь инстинктом, заботятся о больных членах семьи. Сострадательность к слабым и больным, способность к самопожертвованию, терпеливость и трудолюбие – все эти добродетели, столь важные в лечении, присущи в первую очередь женщинам, доказывала «эдинбургская воительница»⁶². Как верно подметила Б. Левин, женщины не скажут о пациенте «тот, что из 213 палаты»⁶³. Многие мужчины-врачи, увидев женщин за работой с больными, отказывались от противостояния с ними.

Претензия англичанок на врачебную практику подкреплялась требованием пациенток лечиться у представительниц своего пола. С периода, вошедшего в историю как «эдинбургская битва» (термин, использовавшийся как современниками, так и самими участницами событий для обозначения борьбы студенток с университетом за право получения образования и медицинской квалификации), британки регулярно направляли петиции с просьбой о предоставлении им этого права. В газетах и журналах публиковали трогательные истории больных женщин, которые отказывались лечиться у мужчин⁶⁴. Э. Блэкуэлл решила стать врачом по просьбе подруги, умиравшей на ее глазах в страшных муках из-за того, что она не могла получить необходимую помощь от

⁶⁰ *Jex-Blake S. Medical Women*. P. 165.

⁶¹ *De Vries J.R. A Moralizer and Modernizer: Mary Scharlieb and the Creation of Gynecological Knowledge, ca. 1880–1914*. P. 300.

⁶² *Jex-Blake S. Medical Women*. P. 255.

⁶³ *Levin B. Women and Medicine*. Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1980. P. 9.

⁶⁴ *Jex-Blake S. Medical Women*. P. 52–54.

мужчин из-за «деликатности» болезни⁶⁵. Многие ученые и врачи поддерживали женскую медицину, понимая, насколько важно доверие пациента для сбора анамнеза, правильной диагностики, выбора метода лечения, а также для изучения болезней.

Мощным оружием англичанок в борьбе за профессию стало успешное выполнение ими имперской миссии. В Индии медицина для бедных была недоступной роскошью, а дамы высокого статуса обитали в зенанах, куда был закрыт доступ всем мужчинам, в том числе врачам. Это обрекало тысячи индианок на смерть⁶⁶. Даже Р. Кристисон, главный противник эдинбургских студенток, признавал необходимость женщин-врачей в Индии, однако при этом добавлял, что ради лечения индийских женщин не стоит «нарушать правила и рисковать процветанием существующих учреждений» в метрополии⁶⁷. «Призрак зенаны» был одним из основных мотивов освоения англичанками лечебного дела, а также способствовал тому, что королева Виктория стала сторонницей женщин-врачей, обеспечив их победу в нелегкой борьбе за профессию⁶⁸. Джекс-Блейк, однако, называла «Общество Зенаны англиканской церкви» «отъявленным преступником», поскольку в Индии оно использовало миссионеров без необходимых профессиональных знаний в медицине⁶⁹.

Исходя из анализа причин развития женской медицины, Джекс-Блейк выделила основные направления работы: гинекология, педиатрия, уход за пожилыми больными и пациентами с психическими заболеваниями, оказание профессиональных медицинских услуг в Индии⁷⁰. Этому взгляда придерживались и другие женщины-врачи первого поколения. Кроме того, благодаря своей природе, они уделяли большое внимание гигиене, профилактике болезней, половому воспитанию, а также оказали заметное влияние в изучении вопросов гармоничного взаимоотношения полов.

Характерной чертой первых женщин-врачей было подвижничество. Часто, став известными и имея обширную клиентуру, они продолжали помогать

⁶⁵ Blackwell E. Pioneer Work in Opening the Medical Profession to Women. P. 27.

⁶⁶ Яблонская О.В. Британские миссии зенаны XIX века и их проекты освобождения индийских женщин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 66–67, 71. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-65-72>, EDN: DHIVST

⁶⁷ The Life of Sir Robert Christison, Bart by Royal College of Physicians of London, edited by His Sons. Vol. II: Memoirs. Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1886. P. 46–51.

⁶⁸ Burton A. Contesting the Zenana: The Mission to Make “Lady Doctors for India”, 1874–1885 // Journal of British Studies. 1996. Vol. 35, no. 3. P. 389; Sharpe J. Allegories of Empire: The Figure of Woman in the Colonial Text. London; Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. P. 12.

⁶⁹ Jex-Blake S. Medical Women. P. 213–214.

⁷⁰ Jex-Blake S. Medical Women. P. 49–50, 234–244, 248.

беднякам в своей стране или отправлялись за океан выполнять христианский долг целительниц. Они не делили пациентов на своих и чужих. Блэкуэлл в годы Гражданской войны в США говорила, что страдание не принимает стороны, и помогала всем страждущим.

Сейчас все аргументы сторонников женской медицины представляются разумными, а области ее деятельности – необходимыми. Но в XIX в. «слабый пол» Великобритании должен был отстаивать право на отказ от «ничегонеделания». Во главе оппозиции, включавшей значительную часть викторианского общества, стояли известные врачи и ученые, их поддерживали влиятельные политики, на их стороне был медицинский закон 1858 г.⁷¹ В других европейских странах и США дискриминация была менее выраженной. Рассказывая о Н. Суловой и В. Кашеваровой – женщинах-пионерах врачебного дела в России, С. Джекс-Блейк отмечала, что Россия опережает Британию в плане развития женской медицины⁷².

Н.П. Сулова – первая русская женщина – доктор медицины. 1860

Источник: РУВИКИ. URL:

https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сулова,_Надежда_П_рокофьевна?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

В.А. Руднева-Кашеварова – первая женщина, защитившая докторскую в России. Художник О. Май

Источник: Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. 1871. Т. 5, № 8 (112). URL: <https://archive.org/details/1871.5no01105261302..26/page/121/mode/2up>

⁷¹ The Medical Act 1858.

⁷² *Jex-Blake S.* Medical Women. P. 15, 31–36, 244–249.

Они же в передовой Англии вынуждены были действовать как древние евреи, строящие храм, – «с помощью меча в одной руке и мастерка в другой»:

Нам приходилось то изучать науку, то защищаться в суде; то писать экзаменационную работу, то отстаивать свое дело перед публикой; то проводить ночь у постели больного в амбулатории, а весь следующий день отражать очередную уловку медицинского факультета, чтобы полностью лишить нас возможности обучения; и все время обнаруживать, что сплетники города оживляют свои чайные столы и званые обеды историями за наш счет⁷³.

Учитывая важность дела, за которое взялась, Джекс-Блейк не щадила себя, никогда не выпускала из рук «ни мастерка», «ни меча». В пылу сражений за женскую медицину она бывала настолько страстной, что товарищи боялись, что поражение убьет ее. Но ничто не могло поколебать ее веру и жизненную философию. В рамках данной темы ограничимся лишь указанием основных этапов и результатов той борьбы, которую она вела.

Этапы и результаты борьбы Джекс-Блейк за женскую медицину

В 1869 г. Джекс-Блейк, возглавив «семерку», начала осваивать медицину в Эдинбургском университете, одном из лучших медицинских колледжей мира, которым он остается и по сей день. Условия были тяжелыми. Студентки платили за обучение значительно больше мужчин, поскольку группы были маленькими. Многие преподаватели-медики саботировали занятия с ними. Главным противником, как сказано выше, был известный ученый и королевский врач Р. Кристисон. Не без его влияния профессора отказывались работать со студентками, а студенты создавали невыносимые условия для учебы, унижая и запугивая их⁷⁴. В ноябре 1870 г., когда девушки шли на занятия по анатомии, их встретила разъяренная толпа из 200 человек. Они едва избежали расправы. Через два года такого обучения, несмотря на успехи, им отказали в организации занятий по тем предметам, которые саботировали профессора-медики, а также в праве сдать квалификационный экзамен. Судебные тяжбы завершились вынесением решения Апелляционного суда в 1874 г., согласно которому признавалось право Эдинбургского университета отказать им в экзамене на основании того, что он не имел права их принимать⁷⁵.

⁷³ *Jex-Blake S.* Medical Women. P. 135.

⁷⁴ *Lutzker E.* Medical Education for Women in Great Britain. P. 20.

⁷⁵ *Lutzker E.* Medical Education for Women in Great Britain. P. 23–25, 40; *Thorne I.* Sketch of the Foundation and Development of the London School of Medicine for Women. P. 5–14; *The Edinburgh University and Female Medical Students.* P. 421–422; *Levin B.* Women and Medicine. P. 89–90.

Но, несмотря на эту неудачу с экзаменом, «битва за Эдинбург» не была напрасной. Благодаря ей было привлечено внимание к проблеме женской медицины, возникла широкая поддержка общественности⁷⁶. В 1871 г. появился Комитет медицинского образования для женщин, в состав которого вошли сотни выдающихся политиков и ученых, включая Ч. Дарвина. Студентки своими высокими результатами доказали свои личные способности и подтвердили интеллектуальную полноценность женщин. Отказ в получении диплома в Эдинбурге стал основанием обращения за решением проблемы в парламент⁷⁷.

В 1874 г. усилиями Джекс-Блейк была создана «Лондонская медицинская школа для женщин», ставшая фундаментом женской профессиональной медицины в Великобритании.

Королевская бесплатная медицинская школа для женщин

Источник: Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/London_School_of_Medicine_for_Women?ysclid=mnlw86sea4209898417#/media/File:Lord_Riddell;_Dame_Louisa_Aldrich-Blake._Wellcome_L0030958.jpg

Здесь работали лучшие ученые и врачи, которые помогали студенткам осваивать медицину для последующей сдачи экзамена и получения лицензии⁷⁸. В 1876 г. вышел новый медицинский закон, позволявший принимать экзамены у женщин⁷⁹. Дублинский университет первым открыл для них свои двери. В

⁷⁶ Edinburgh University and Women Doctors // *The College Courant*. 1872 (February 24). Vol. 10, № 8. P. 90; *Stansfeld J. Medical Women // The Nineteenth Century*. 1877. Vol. I, № 5. P. 899; *Jex-Blake S. Medical Women*. P. 65–68.

⁷⁷ *Stansfeld J. Medical Women*. P. 899.

⁷⁸ *Thorne I. Sketch of the Foundation and Development of the London School of Medicine for Women*. P. 19.

⁷⁹ The Medical Act 1876.

1877 г. Джекс-Блейк успешно сдала там экзамен и была зарегистрирована в Генеральном медицинском реестре⁸⁰. В том же году она вернулась в Эдинбург, где стала работать врачом, обращая особое внимание на бедных пациенток, основала клинику для женщин и Эдинбургскую школу медицины для женщин. Каждое из этих достижений по-прежнему было сопряжено с борьбой⁸¹. Только в 1899 г. она ушла на покой и вернулась в родной Сассекс.

Заключение

В XIX в. значительное число англичанок из респектабельных слоев общества прониклось идеями эмансипации. Они не хотели довольствоваться ролью хозяйки дома, отказывались от праздного образа жизни, добивались профессионального равенства, права на самореализацию и общественно значимую деятельность.

Важную роль в мотивации женщин к труду играли идеи прогресса, либерализма, феминизма, а также религиозные и филантропические убеждения. Именно этими установками руководствовалась С. Джекс-Блейк, создавая женскую медицину, добиваясь права женщин получать профессию врача и права пациенток лечиться у представительниц своего пола.

Она утверждала, что женщины являются «природными целительницами» и обладают необходимыми в медицине качествами, доказывала, что существует большая потребность в женщинах-врачах как в метрополии, так и в заокеанских владениях империи. Но медицинский закон 1858 г. допускал только мужчин к профессии врача.

Попытка Джекс-Блейк и ее «семерки» получить диплом на медицинском факультете Эдинбурга не увенчалась успехом, но благодаря ей возникла широкая поддержка общества и была создана правовая и институциональная база для женской медицины.

В 1874 г. благодаря усилиям Джекс-Блейк появилась Лондонская медицинская школа для женщин. Принятый в 1876 г. медицинский закон разрешил женщинам получать лицензии врача и регистрироваться в национальном реестре. Джекс-Блейк реализовала свое право лечить людей в Эдинбурге, где она жила и работала врачом с 1877 по 1899 гг. Она создала здесь больницы и медицинскую школу для женщин.

Путь Джекс-Блейк показывает, что ограничивать деятельность женщин и обрекать их на праздность неразумно. Эта женщина, которая легко осваивала «мужские науки», писала проповеди и научные статьи, разбиралась в политике

⁸⁰ Levin B. Women and Medicine. P. 91–92.

⁸¹ Levin B. Women and Medicine. P. 91–92; Todd M. The Life of Sophia Jex-Blake. P. 455–522; Shirley R. Sophia Jex-Blake. P. 148–170.

и законах, могла бы оказаться «запертой в золотой клетке», что означало бы потерю не только времени на пути к прогрессу, но и жизни и здоровья миллионов людей.

Борьба, которую возглавила С. Джекс-Блейк, оказала значительное влияние на развитие женской профессиональной медицины не только в Великобритании, но и за ее пределами. Победа над системой ей досталась дорогой ценой, но избавила множество женщин от боли «за бесцельно прожитые годы».

Introduction

A characteristic feature of contemporary history is the active role of women not only in the private and leisure spheres but also in the system of social production. Women work in all sectors of economy; it is difficult to imagine science, art, or education without their participation. However, the right to work was the result of a long struggle, which became radical at the end of the modern history period. The desire of women to abandon the idle lifestyle and engage in socially significant activities was especially pronounced in Great Britain in the 19th century.

Today, the medical profession has no gender restrictions. Gynecology, obstetrics, therapy, and pediatrics are predominantly “female” medical branches, but before the 20th century, only a few women were doctors. In the British history, the second half of the 19th century was a period of heated debate and controversy over whether women could practice medicine. For ones, the very idea of a female doctor seemed strange and dangerous, while others considered it unfair to have no access to a socially significant and well-paid profession because of gender and to deny patients the right to choose the gender of their doctor.

This article studies the struggle of English women for the right to practice highly qualified medicine. That process took place in the second half of the 19th century and was part of an extensive movement aimed at expanding the economic, social, political, and personal positions of the British women. Obviously, among the women who fought for the doctor's degree there were no representatives of the lower working class, but there were women who had enough income and time to receive a higher education and master a complex profession. As T. Veblen explained, they sought to satisfy the instinct of workmanship by participating in social production and get the opportunity to live their own lives rather than perform the functions of the “vicarious leisure class” enjoying themselves with a book by the fireplace in the status of the queen of the house. The present article focuses on the activities of Sophia Jex-Blake (1840–1912), a leading campaigner for women's medicine.

The following tasks were set to profoundly analyze the topic: to describe the situation of the women who represented the middle and upper classes of British society in the 19th century; to study the areas of their activity, opportunities for their self-realization, and professional prospects; to analyze the reasons that prevented women from obtaining medical qualification and practicing medicine; to consider the needs of British society for women doctors, to determine the position of women in medicine; to find out the circumstances that made Sophia Jex-Blake participate in the women medical movement and to study her role and the results of her activities.

Given the high-scaled injustice and the strong opposition, it seems surprising that within the few years after 1869, a small group of enthusiasts led by Sophia Jex-Blake was able to defeat the system and open up access to higher medical education and

medical practice for women. That victory highlights the importance of research on this topic.

Jex-Blake's involvement in the women medical movement is broadly considered in the context of cultural and social relations, without focusing on specific ideologies such as bourgeois capitalism, liberalism, evangelical Protestantism, or feminism, with which the movement is certainly related, but only to a certain extent. In addition to ideologies, the history of the women medicine movement is intertwined with political struggle, history of families and women, functioning of medicine as a professional field, missionary work and imperial politics.

The research uses a methodological approach based on the principles of traditional historicism; it aims to objectively recreate the ideas about medicine and the role of women in it. The analysis of available historical sources makes it possible to reconstruct the evolutionary context of such ideas and practices in the second half of the 19th century.

The research methods used are divided into two groups. The first group comprises general historical methods traditionally included in the research arsenal of the historian. The chronological (genetic) method allows retracing the evolution of ideas about medicine as a "male profession" starting from antiquity and up to the period under consideration. The comparative method was used to analyze the works of supporters and opponents of women's involvement in the medical profession, which contributed to a deeper understanding of the differences in the arguments of the opposing sides. The hermeneutical method contributed to a deep understanding of texts by focusing on their rhetorical and stylistic features. The hermeneutical method is closely related to the discursive method, which has become widespread in recent decades. It helped to identify not only explicit but also implicit meanings ("what is on the tip of the tongue"), and to find omissions and distortions in the sources under analysis.

The methods of the second group are widely used in modern historiography. The biographical method is used to study complex social phenomena, to reconstruct the worldview of historical characters, to understand the motives of their activities, and to analyze the individual destinies in a broad socio-cultural context. The use of historical feminology methods is conditioned by the existing professional discrimination of women based on the natural difference between the sexes. At the same time, the gender concept of social construction shifts the focus of research: women and the idea of femininity are considered in the context of the nature of power through the concepts of the feminine and the masculine rather than from physiological point of view. This approach makes it possible to analyze the system of rights and obligations in society, socio-economic and political factors that detracted the status of women, and the influence of Victorian values and the cult of true femininity as the basis of the patriarchal system of the nineteenth-century Western

society. With its cultural and historical features, gender is seen as an element of social relations; for this reason, to understand the mechanisms of gender discrimination, it was necessary to study the early stages of the European history, starting from antiquity, which made it possible to retrace the historical dynamics of female segregation and identify the continuity of gender practices. Job analysis methods are aimed at understanding various aspects of medical activity. They are closely interrelated with biographical methods and provide an opportunity to explore personal motivation for obtaining medical qualification and mastering the profession.

Among the main sources of the study were the works of participants in and opponents of the movement for women's medicine. First of all, it is the book by S. Jex-Blake *Medical Women: A Thesis and a History* published in 1886. A quote by J.S. Mill describing the author and her work was used as epigraph:

We deny the right of any portion of the species to decide for another portion, or any individual for another individual, what is and what is not their "proper sphere." The proper sphere for all human beings is the largest and highest which they are able to attain to. What this is cannot be ascertained without complete liberty of choice.¹

The main body of the book is a historical essay about women in the medical profession. Jex-Blake included important documents as well as magazine and newspaper publications on the women's medical movement in the commentary and appendices. Based on historical facts, the events in which she was a participant, as well as on documents, statistics and personal histories, S. Jex-Blake described the socio-cultural environment of Great Britain and medicine of the 19th century; she showed how women's rights for education and professional self-realization were violated, and proved the need for female medicine for women. We pay particular attention to the work by M. Todd, a faithful companion of S. Jex-Blake, to whom she bequeathed her letters and documents.² We have also analyzed the leading British medical journals and newspapers that covered the controversy about women medicine as well as the laws of the British Empire adopted as a result of that controversy.³

¹ S. Jex-Blake, *Medical Women: A Thesis and a History* (Edinburgh: Oliphant, Anderson, & Eerrier; London: Hamilton, Adams & Co., 1886), 1.

² M. Todd, *The Life of Sophia Jex-Blake* (London: Macmillan & Co., 1918).

³ Jex-Blake, *Medical Women*, 1–99; "The Edinburgh University and Female Medical Students," *The Lancet*, vol. 94, iss. 2403 (1869): 421–22; "The Medical Act 1858," *Irish Statute Book (eISB)*, accessed March 11, 2025, <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1858/act/90/enacted/en/print>; "The Medical Act 1876," *Irish Statute Book (eISB)*, accessed March 11, 2025, <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1876/act/41/enacted/en/print>

This topic is not sufficiently covered in the latest foreign literature and is not practically studied in Russian historiography. The works on this topic can be divided into two groups: those devoted to the activities of S. Jex-Blake⁴ and those generally considering the women's medical movement.⁵ T. Veblen's work *The Theory of the Leisure Class* was of great importance for the research from the methodological point of view.⁶

“Queen of the house” and “guardian of the hearth”

Since the times of Ancient Greece, European society has developed an attitude towards women, including the noble ones, as inferior beings. Although some of them were exempt from heavy physical labor, they were believed to be incapable of spiritual activities aimed at developing virtues. Even Aristotle wrote that women should be subordinate to men.⁷ Their role was limited to giving birth and upbringing of children, running the household and maintaining the status of a homemaker. Throughout the Middle Ages and the Early Modern Period, the leisure was seen as a socially significant activity filled with high humanism; at the same time, it was opposed to physical labor and therefore it was socially limited and intended only for the top of male society. Significant changes in the industrial and leisure sectors were brought about by the industrial revolution. Labor ceased to be considered a tedious occupation, and the social elite lost its monopoly on productive leisure.

The boundaries between the industrial and leisure sectors started to blur during the Modern Period and the process continued in subsequent years. In 1899, T. Veblen's work *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions* was published. The author pointed to a large amount of free time among the elite and revealed leisure activities that were characteristic of that “parasitic social class.” The very fact of the book's appearance, its popularity, the author's arguments and conclusions indicate that the idea of “ennobling” abstinence from labor looked like an atavism by the end of the Modern Period. In the 19th century, there were significant changes in the status and activities of women, which reflected a profound transformation in public views of the fair sex.

⁴ R. Shirley, *Sophia Jex-Blake: A Woman Pioneer in Nineteenth Century Medical Reform* (London: Routledge, 2005).

⁵ E. Moberly Bell, *Storming the Citadel: The Rise of the Woman Doctor* (London: Constable, 1953); R. Strachey, *The Cause: A Short History of the Women's Movement in Great Britain* (Washington; New York: Kennikat Press, 1969); E. Lutzker, *Medical Education for Women in Great Britain* (New York: Columbia University, 1969).

⁶ T. Veblen, *The Theory of the Leisure Class* [in Russian], trans. S.G. Sorokina (Moscow: Progress, 1984).

⁷ Aristotle, *Politics* [in Russian], trans. S.A. Zhebelev, and T.A. Miller (Moscow: AST, 2018), 9.

In the first half of the 19th century, family was the only sphere where the noble English women could apply their knowledge and efforts, and they were still assigned the role of guardians of the hearth. Surely, they were not victims who suffered passively from patriarchal system, they were not locked in gloomy zenanas like the Indian “sisters,” and the Victorian masculinity was far from being repressive and aggressive.⁸ The household duties were not burdensome: the ladies shared them with the servants, and upbringing children was shared with the governesses. The mistress status was quite high. After all, according to the war laws, the Victorian house was conceived as a sanctuary separated from society. The relationship between its members and everything that happened in the house was considered as most important and largely depended on the moral influence of the woman.⁹ Therefore, the mistress of the house was both the “angel” who protected it and the “queen” who managed it.

Mariana, by John Everett Millais, 1851

Source: The Board of Trustees of the Tate Gallery.

<https://www.tate.org.uk/art/artworks/millais-mariana-t07553>

⁸ D.B. Vershinina, “Gender Studies in Modern Western Historical Knowledge: Stages, Theories, and Research Areas” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, iss. 4 (39) (2017): 175, <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-4-172-182>, EDN: ZWGWZT

⁹ J. Calder, *The Victorian Home* (London: Batsford, 1977), 122–23.

Uneducated and weak-willed people were unable to perform such functions. Women were not expected to get a university degree or to be as well-educated as men, but the daughters of rich people were taught not only the typical “ladies’ activities” such as needlework but also music, art, and literature. In homes with a good library, women had many opportunities for self-education, and they took advantage of it.¹⁰ However, it was often just trappings. The talents of educated ladies were almost always kept within the limits of a drawing room, as their main purpose was to attract potential grooms or show off before other families. Therefore, the English women who were not burdened with tough household chores but limited by them had a lot of free time, which they filled with reading by the fireplace. Surely, it was better than gossiping and studying the jewelry of illiterate Indian “sisters,” but not every lady could fill life with sense in this way.

At the same time, they read not only novels but also newspapers and scientific journals; they were interested in politics and social problems. As a result, many of them were filled with the ideas of progress and humanism, liberal values of freedom and equality, and the feminist attitudes. These smart and ambitious ladies began to feel disgust towards the status of “vicarious leisure class” representatives. T. Veblen wrote:

These two elements or motives are expressed by the double watchword, “Emancipation” and “Work.” Each of these words is recognized to stand for something in the way of a wide-spread sense of grievance. . . There is a demand, more or less serious, for emancipation from all relation of status, tutelage, or vicarious life. . . But the woman is endowed with her share – which there is reason to believe is more than an even share – of the instinct of workmanship, to which futility of life or of expenditure is obnoxious.¹¹

Legalized injustice and conservative social attitudes prevented energetic and educated ladies from social activity. British “queens of the house” were heavily dependent on marriage and on men. Until the mid-19th century, they were not even entitled to get custody of their own children. The law allowed a man to confiscate a woman’s property, including her earnings. Only in 1870 women got the right to manage their income.¹² Many ladies who failed to get married fell into poverty. The

¹⁰ D.B. Vershinina, “Upbringing and Manners of English Ladies of the 18th – 19th centuries” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, iss. 2 (14) (2010): 94–95, EDN: MXIFYH

¹¹ Veblen, *The Theory of the Leisure Class*, 329.

¹² J.R. Griffith, ed., *The Married Women’s Property Act, 1870: Its Relations to the Doctrine of Separate Use, with Notes* (London: Stevens and Haynes, 1873).

most qualified profession they could apply for was that of a governess. However, the competition was intense, and the salary was small. J. Butler wrote:

When we see advertisements in the newspapers, offering “a comfortable home,” with no salary, as a sufficient reward for accomplishments of the most varied character, we sometimes wonder at the audacity of employers; but when we learn that such an advertisement, offering the situation of nursery governess, unpaid, was answered by three hundred women, our surprise has in it something of despair.¹³

Even the most noble and wealthy British women understood that they could find themselves in the place of such unfortunate governesses.

Various charitable and religious organizations also contributed significantly to application of the unspent effort and abilities of wealthy women and saving the poor from poverty. According to T. Veblen, in the conditions of ritual exclusion from ordinary productive effort, women's energy was directed to serve the interests other than the individual ones.¹⁴

Many women enthusiastically devoted themselves to social work, seeing it as their Christian duty and the realization of their God-given abilities. In Great Britain, there were plenty of opportunities for women to use their efforts and talents for helping their fellows. Florence Nightingale, who saw her mission in saving people from illness and death, went to the Crimea to help soldiers and then created a professional nursing service. To save the poor from British urban ghettos, E. Ranyard founded the Bible and Domestic Female Mission in London, which soon spread throughout the empire and beyond.¹⁵ To ensure a better life for poor unmarried women, orphans and children from troubled families, M.S. Rye organized their emigration to the country's overseas regions.¹⁶ Thousands of metropolitan women went overseas on imperial

¹³ J.E. Butler, *The Education and Employment of Women* (London: Macmillan and Co., 1868), 3.

¹⁴ Veblen, *The Theory of the Leisure Class*, 319.

¹⁵ F.K. Prochaska, “Body and Soul: Bible Nurses and the Poor in Victorian London,” *Historical Research*, vol. 60, iss. 133: 336–348, <https://doi.org/10.1111/j.1468-2281.1987.tb00501.x>; O.V. Yablonskaya, “Ranyard's ‘Bible Women’ and Their Programme of Saving the Poor” [in Russian], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, no. 116 (2024): 25–38, <https://doi.org/10.15382/sturII2024116.25-38>, EDN: VRECOA

¹⁶ O.V. Yablonskaya, “‘Les Miserables’ Children of Great Britain in Canada: Maria Rye's Migration Programme” [in Russian], *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 1 (2024): 67–77, <https://doi.org/10.31857/S0130386424010057>, EDN: HEMCFL

missions, helping missionaries spread Christianity. Together with the government, they organized schools and hospitals in various parts of the British territories.¹⁷

Working in medical sphere filled life with the deepest meaning, and its importance is difficult to overestimate. That is why many middle- and upper-class English women aspired to it, seeing the depravity in their inaction outside home. Given the large area of the British Empire, a huge number of compassionate doctors were needed to help everyone. However, despite the acute shortage of medical personnel, women were not allowed to become doctors.

The Medical Act of 1858 introduced serious restrictions: only those who were included in the national register and received a license from one of the nineteen national medical schools were allowed to practice medicine.¹⁸ The problem was that women were not accepted to the medical schools of universities. Within a year after the adoption of the Act, those who had a foreign diploma but practiced in England, could enroll in the register. American E. Blackwell was the first woman to be included in the register in such a way.¹⁹ In 1865, the pharmaceutical society did not prescribe gender restrictions in their regulations, so E. Garrett Anderson took advantage of that, studied privately and having successfully passed the exam, became the second female representative in the medical register.²⁰ Since then, pharmacists amended their regulations to restrict access to women.

Thus, in order to devote their lives to putting people out of misery, English women had to get the right to education, pass a qualifying exam, and be included in the medical register. S. Jex-Blake played a key role in overcoming all those complex problems.

S. Jex-Blake: Life prospects

Sophia Jex-Blake was born in Hastings into a rich noble family; her father was a proctor of the local evangelical community. Carefree future was her destiny. She was blessed with intelligence, strong character, indomitable will, and rare obstinacy.

¹⁷ E. Prevost, "Assessing Women, Gender, and Empire in Britain's Nineteenth-Century Protestant Missionary Movement," *History Compass*, vol. 7, iss. 3 (2009): 765–99, <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2009.00593.x>

¹⁸ "The Medical Act 1858."

¹⁹ E. Blackwell, *Pioneer Work in Opening the Medical Profession to Women* (London; New York: Longmans, Green, and Co., 1895), 222–23.

²⁰ I. Thorne, *Sketch of the Foundation and Development of the London School of Medicine for Women* (London: G. Sharrow, 1905), 4–5.

Sophia Louisa Jex-Blake, by S. Laurence, 1865

Source: Colouring books blog, https://blogs.ed.ac.uk/colouring-books/women-in-stem-image-database/sophia_jex-blake_as_a_young_woman/

Mature parents showed great care for their youngest daughter with fragile health and self-willed character; not only did they pamper her, but they also instilled in her faith in God and high spiritual principles. Dancing, going to the theater, and reading novels were considered inappropriate depraved hobbies in their home, and *Punch* (a British weekly magazine of satire and humor) was found vulgar.²¹ Her parents hoped that when she grew up, Sophie would become a model wife and mother and that she would be happy in her quiet family. However, they soon realized that their Sophia did not look like a typical Victorian daughter. Jex-Blake loved her parents, she did not do anything without their knowledge, but if they did not approve of any of her wishes, she got through family's resistance with perseverance and emotional manipulation. It was in that way that she obtained permission from her parents to study at the Royal College in the capital (1858–61) and then to go to Germany, where she worked as a teacher at the Grand Ducal Institute at Mannheim in 1862–63.²² Then, in 1865, she went to the United States to study education.²³

While studying in London, Sophia became friends with Octavia Hill, who made serving the poor a way of life. From her, Jex-Blake learned that a lady was not

²¹ Moberly Bell, *Storming the Citadel*, 63–65; Shirley, *Sophia Jex-Blake*, 5–18.

²² Todd, *The Life of Sophia Jex-Blake*, 126–48.

²³ Shirley, *Sophia Jex-Blake*, 19–40.

always a “useless woman.”²⁴ Seeing the living conditions of the poor, Hill was the first to develop and implement a social housing program and involved Jex-Blake in this work. Together, they rented houses and took in lodgers in need. After her dramatic breakup with Hill and graduation from college, Jex-Blake spent some time with her family. However, she was dissatisfied with the scanty family existence in Hastings, and in January 1862, she left for Scotland. From early childhood, the nature of S. Jex-Blake required extensive activity. Her friend M. Todd wrote:

Of the fairies who came to her christening, some brought great gifts, and some great opportunities, and, when the cradle was full, one can almost hear them say, – “What now, little girl, will you make of that?”²⁵

Jex-Blake sought to use all those “fairy gifts” to develop her talents, given to her, as she believed, by God. She associated the opportunity to fulfill her potential with some significant work for the benefit of society. Broad prospects opened up in front of her in that direction.

Having adopted a religious upbringing in the family, the daughter of an evangelical proctor thought a lot about Christianity. At a young age, she distributed religious booklets, believing that in doing so she brought good to the world. She wrote three booklets and printed them at her own expense. Growing up, she wanted to be a preacher and even wrote several sermons.²⁶ Nevertheless, she did not choose the religious path, perhaps, seeing that her attitudes were too flexible, compared to the faith of her father and mother. However, in her life and struggle, she always saw God's providence and never doubted that she was fighting in the “holy battle.” If she was defeated, she perceived it simply as the “will of God” and soon found new divine signs to continue the struggle.

Jex-Blake could become a writer. Since childhood, she tried to put her thoughts and dreams on paper. Her dream was not of toys but of an ideal state in some wonderful islands lying in an unknown sea, and Sackermena was the largest island.²⁷ Her first serious work was published in 1865 in the publishing house of A. Macmillan. It was devoted to the description of the American education system.²⁸ In 1869, Macmillan suggested that she wrote an essay on women medicine for the *Women Work and Women Culture* collection, edited by J.E. Butler. In 1872, the essay

²⁴ N. Boyd, *Three Victorian Women Who Changed Their World: Josephine Butler, Octavia Hill, Florence Nightingale* (New York, Oxford: Oxford University Press, 1982), 105.

²⁵ Todd, *The Life of Sophia Jex-Blake*, 2.

²⁶ Todd, *The Life of Sophia Jex-Blake*, 158.

²⁷ Todd, *The Life of Sophia Jex-Blake*, 6–10.

²⁸ S. Jex-Blake, *A Visit to Some American Schools and Colleges* (London: Macmillan and Co., 1867).

was published as a separate book,²⁹ and a second edition with additions appeared in 1886.³⁰ Moreover, she regularly published articles in leading newspapers and magazines, calling for the fight against women inequality and for expanding their opportunities for education and professional self-realization.

It was said of Jex-Blake that she would make an excellent lawyer: she was very well versed in the strengths of her own position and the weaknesses of her opponents.³¹ Because of her strong character, she was often involved in lawsuits. Lawyers helped her resolve conflicts, but Jex-Blake did most of the work herself. She knew many details of the British legal system and took advantage of them in the course of the debate about women medicine on the parliamentary level.

Jex-Blake was one of the few women of her time who knew and loved mathematics so much that after a few months of studying at King's College, she was offered a paid job of algebra and geometry teacher. In addition to mathematics, she taught her female students seven other humanities subjects, and she also taught accounting at the Society for Promoting the Employment of Women and taught classes at the Great Ormond Street Hospital for Children (the first children in-patient hospital in England, which was founded by Charles West in 1852 and created all conditions for a comfortable stay of young patients from 2 to 10 years of age; not only toys but also books were provided there). Parents were happy about her success, but her father insisted that she should refuse her salary. He held to the prevailing view of the time that by receiving payment for her work a woman compromised the men of her family. However, realizing the futility of such arguments in a dispute with his daughter, who often disregarded social norms, the father tried to convince her to give up money with moral arguments, claiming that her salary would bring more benefit to the poor.³² As a result, Sophia refused the salary for her teaching work.

Jex-Blake enjoyed teaching. Not only did she want to work as a teacher, but she also dreamt to change the English education system: to introduce co-education of male and female students and to make universities accessible to women. With those goals, she went to Germany and then to the USA. However, the trip to America changed her initial plans completely.³³

After meeting Dr. Lucy Ellen Sewall at the Boston hospital, Jex-Blake decided to become a doctor, although she had previously felt disgust for that profession. Sewall opened up before her not only the world of medicine but also the ideas of feminism,

²⁹ S. Jex-Blake, *Medical women* (Edinburgh: William Oliphant & Frederick; London: Hamilton, Adams, & Co., 1872).

³⁰ S. Jex-Blake, *Medical Women: A Thesis and a History* (Edinburgh: Oliphant, Anderson, & Eerrier; London: Hamilton, Adams & Co., 1886). (This edition is quoted hereinafter.)

³¹ Todd, *The Life of Sophia Jex-Blake*, 416–17.

³² Todd, *The Life of Sophia Jex-Blake*, 71–72, 75, 81.

³³ Moberly Bell, *Storming the Citadel*, 65.

thus expanding Jex-Blake's understanding of women work and spheres of their activity. Sophia attempted to enter Harvard Medical School but failed. However, by that time E. Blackwell had already founded New Medical College in New York, which accepted women. Jex-Blake entered it and started studying and working in hospitals.

Female students in dissection room. Photo by J.J. Gibson, 1893

Source: Digital collection *Bentley Historical Library: Bentley Image Bank*,
<https://quod.lib.umich.edu/b/bhl/x-bl002092/BL002092>

She found not only a profession, but her own way and the sense of life. Unfortunately, in the autumn of 1868 her father died, and Sophia had to return home to support her mother. But after a month of life with her family, she understood that she could not stand the monotonous domestic existence and “doing nothing.” Incredibly, it was the American job at a hospital and intense study at a medical college that gave health to the girl who needed a wheelchair as a child.³⁴ Separation was painful, but her mother did not want her to return to England, as she saw how beneficial America was for her daughter's health. However, understanding the pain of her mother, Sophia refused the American dream and remained in her homeland. Staying in Hastings, she resumed her medical studies at the local hospital and began looking for an opportunity to study at a British university. Following J.E. Butler's and G. Sidgwick's advice, she went to enter the University of Edinburgh in March 1869.³⁵

³⁴ Moberly Bell, *Storming the Citadel*, 63–66.

³⁵ Moberly Bell, *Storming the Citadel*, 66–67; R. Strachey, *The Cause: A Short History of the Women's Movement in Great Britain* (Port Washington, NY: Kennikat Press), 176.

When Jex-Blake went to Edinburgh to study for her medical degree, she encroached upon the sacred foundations of a male-dominated British world. Millions of people in the Empire variously criticized her more or less pronounced aspiration. There were many women among them, tough-minded ladies, instinctive conservatives who were strongly influenced by male antipathy to feminists; and there were those who were afraid to provoke aggression in men by demanding their rights.³⁶ Fierce discussions about women's medical degrees were held everywhere: in the Parliament, in hospitals, in the press, and at homes, where daughters had to persuade their parents to support their striving for studying and treating people. As for the arguments given by the opponents of women's medicine, they were different.

Arguments of the opponents of women's medicine

Many people believed that the "weaker sex" is unable to cope with the stress and challenges related to medicine and higher education.³⁷ In 1873, E. Clarke, a Harvard researcher and doctor, published his work *Sex in Education*, where he listed the arguments given by the opponents of women's scientific degrees:

The results are monstrous brains and puny bodies; abnormally active cerebration, and abnormally weak digestion; flowing thought and constipated bowels; lofty aspirations and neuralgic sensations.³⁸

The book immediately became a bestseller. Such views were widespread in England. In 1874, H. Maudsley, a psychiatrist from the University of London, published the article "Sex in Mind and in Education." Sharing the idea that each sex must develop after its kind, Maudsley argued that women's strive for higher education inevitably led to deterioration of their reproductive functions and mental disorders.³⁹ E. Garrett Anderson wittily objected that boredom and excessive sitting by the fire with a novel posed a much greater threat to woman's health.⁴⁰ On June 18, 1870, when Jex-Blake and her "Seven" (the first female students of the University of Edinburgh) had already been storming the Edinburgh scientific citadel for a year, an article by famous doctor H. Bennett was published in the *Lancet*. In it, he addressed the issue of "female infirmity" again, defending the exclusive right of men to practice medicine:

³⁶ M. Witwit, "An Evaluation of Anti-Feminist Attitudes in Selected Professional Victorian Women" (PhD Thesis, University of Bedfordshire, 2012), 24–25.

³⁷ J.R. De Vries, "A Moralizer and Modernizer: Mary Scharlieb and the Creation of Gynecological Knowledge, ca. 1880–1914," *Social Politics*, vol. 22, no. 3 (2015): 303, <https://doi.org/10.1093/sp/jxv027>

³⁸ E.H. Clarke, *Sex in Education; or, A Fair Chance for Girls* (Boston: Houghton Mifflin, 1884), 41–42.

³⁹ H. Maudsley, *Sex in Mind and in Education* (Syracuse, NY: C.W. Bardeen, 1884), 5–16.

⁴⁰ J. Manton, *Elizabeth Garrett Anderson* (London: Routledge, 2018), 236–37.

There is a branch of our profession – midwifery – to which they might and ought to be admitted in a subordinate position as the rule. . . This division of labor in midwifery is fully carried out, and with great advantage to both parties – to the regular practitioner, who is relieved of his most arduous, most wearing, and most unremunerative duties, and to the women who have a vocation for medicine. . . I know of no great discovery changing the surface of science that owes its existence to a woman of our or of any race. What right then have women to claim mental equality with men?⁴¹

This process of “socializing” females based on outdated scientific knowledge and on the imposition of norms prescribing them the duties of a minor group already caused a protest in the second half of the 19th century. Three weeks after H. Bennet’s publication, the same *Lancet* published a response to his article written by Jex-Blake. According to her, the point was not that women were constitutionally and mentally unfitted for hard toil; the point was that men did not want to give up the privileges of doing what was well paid, leaving the “weaker sex” the right to the most arduous, most wearing, and most unremunerative duties. In conclusion, she expressed the general demand of women applying for a doctor’s degree:

Fix your standard where you please, but define it plainly; . . . if we reach your standard, and fulfill all your requirements, the question of “mental equality” is practically settled so far as it concerns our case: give us then the ordinary medical license or diploma, and leave the question of our ultimate success or failure in practice to be decided by ourselves and the public. This is our position, and I appeal, not to the chivalry, but to the justice of the medical profession to show us that it is untenable, or else to concede it at once.⁴²

In her book, Jex-Blake quotes Dr. Guthrie who noted the paradox of British society: it seemed to him monstrous that when the country committed the fortune of the State to a woman’s hand – the Queen, – women should not be trusted with administering a dose of physic or preparing a blister.⁴³

Jex-Blake studied the academic performance of students at the University of London from 1878 to 1883. The analysis revealed that female students’ grades were higher in percentage than those of male students. She specified that the most capable and motivated students certainly entered the university, but that did not negate the fact that women were intellectually complete.⁴⁴

⁴¹ H. Bennet, “Women as Practitioners of Midwifery. To the Editor of the *Lancet*,” *The Lancet*, iss. 2445 (1870): 887–888.

⁴² Jex-Blake, *Medical Women*, 52.

⁴³ Jex-Blake, *Medical Women*, 125.

⁴⁴ Jex-Blake, *Medical Women*, 221–22.

The medical movement went with the struggle for university education. However, not all supporters of the latter accepted the idea of female doctors,⁴⁵ claiming that the women who worked in that field were immoral. T. Laycock, a well-known neuroscientist and doctor, strongly criticized Jex-Blake and other female students of the University of Edinburgh, arguing that a woman's wish to study medicine could only be indecent.⁴⁶ The story of aristocrat Florence Nightingale is an example of social prejudice. When she went to study nursing abroad (Saint-Germain, Kaiserwaert), her father William Nightingale tried to avoid shame and told everyone that she was taking the water cure. At the same time, he was a very progressive man. He personally taught his daughter languages, philosophy, history, and even mathematics. When Nightingale showed an interest in nursing, her parents took her choice seriously and consulted with doctors about the feasibility of such a career. However, they did not support their daughter in the end. The main obstacle, as her father saw it, was not the difficult working conditions in hospitals but the "dissolute habits" of nurses. In those days, nurses lacked training; they were almost always coarse and ignorant. Nightingale herself later told her father that she had been informed by the head nurse of a London hospital that she had never known a nurse who was not drunken and that most of the nurses engaged in "immoral conduct" with the patients.⁴⁷ R.L. Stevenson's thoughts were almost the same. In his letter to his cousin he wrote: "But at the same time, Miss Jex-Blake is playing for the esteem of posterity. I give her posterity, but I won't marry either her, or her fellows. Let posterity marry them."⁴⁸ He was a student at the University of Edinburgh in 1867–75, the period when the girls he wrote about were successfully studying at the medical faculty, but they were not given the right to take the professional exam. Realizing the backwardness of his judgment, Stevenson added, "If posterity gets hold of this letter I shall probably be burnt in effigy by some Royal Female College of Surgeons of the future."⁴⁹ However, not all men shared Stevenson's opinion, and three out of seven female students got engaged during their studies.

One of the arguments cited by the opponents of women's medical education was the psychological discomfort of male teachers and students in co-classes. In response, they were asked an ironic rhetorical question: how does their "modesty" allow them to be present at the gynecological examination and childbirth?⁵⁰ Dr. A. Nicholson, who was the first to teach a mixed class, argued that there was nothing in the art of

⁴⁵ Strachey, *The Cause*, 167.

⁴⁶ Jex-Blake, *Medical Women*, 72.

⁴⁷ I.B. Cohen, "Florence Nightingale," *Scientific American*, vol. 250, no. 3 (1984): 128, <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0384-128>

⁴⁸ Todd, *The Life of Sophia Jex-Blake*, 340.

⁴⁹ Todd, *The Life of Sophia Jex-Blake*, 340.

⁵⁰ Jex-Blake, *Medical Women*, 26.

healing which might not fitly be spoken of before an audience of both sexes, provided that “the lecturer is of a pure and manly spirit.”⁵¹ Jex-Blake also used the biblical phrase “to the pure all things are pure.”⁵²

The indecency lies in the mind that is impure, and it is a slur upon the fame of our time-honored *Alma Mater* to assert that Edinburgh men are morally incapable of studying medicine with women.

This idea was repeatedly expressed in the *Edinburgh University Magazine* in March 1871, during the most heated period of debate about co-education.⁵³ In the *Oxford Journal*, the issue of the indelicacy of female students in the classroom was associated with the pedagogical incompetence of teachers and their unwillingness to refuse “improper stories” with which they amused students.⁵⁴

The Victorian attitude did not allow for the possibility of combining medical activity with the duties of a wife and mother. Many female doctors shared this opinion. For example, F. Nightingale did not marry, fearing that marriage would interfere with her work; Jex-Blake also considered it undesirable to “serve two masters” and remained faithful to her profession at a sacrifice to starting a family. The statistics she cited showed that in 1886, only 10 out of 50 female doctors were married.⁵⁵ But there were many examples of successful combination of home and work: the already mentioned E. Garrett Anderson, or M. Sharlib, doctor of medicine, the first English woman surgeon-gynecologist as well as mother of three children and a devoted wife. However, M. Sharlib warned her female students that their days and nights would be the patrimony of patients,⁵⁶ and Garrett Anderson married only after she completed “the arduous preparation for her degree.”⁵⁷

As it was mentioned above, the opposition of male doctors was partly due to concerns that women would compete with them in the lucrative aspect. One doctor openly wrote in the *Lancet* that the advocates of female physicians needed to be aware that there were hundreds of medical men not able to make “a comfortable

⁵¹ Jex-Blake, *Medical Women*, 156.

⁵² Jex-Blake, *Medical Women*, 39–40.

⁵³ Jex-Blake, *Medical Women*, 160.

⁵⁴ Jex-Blake, *Medical Women*, 160.

⁵⁵ Jex-Blake, *Medical Women*, 211–12.

⁵⁶ M.D. Scharlieb, *Seven Lamps of Medicine: Inaugural Address Delivered at the London School of Medicine for Women, October 1, 1887* (Oxford: Printed for private circulation by Horace Hart, 1888), 22.

⁵⁷ S.K. Kent, *Sex and Suffrage in Britain, 1860–1914* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014), 18.

living.”⁵⁸ To support the women, the article in the abovementioned *Edinburgh University Magazine* stated:

The shrieks of despair which the public has recently heard from certain reactionary practitioners betoken only a desire to protect family interests at the expense of half mankind. . .⁵⁹

Criticizing the male monopoly, Jex-Blake, on the one hand, claimed the benefits of competition, and on the other hand, she noted the injustice of the rules when universities were subsidized from the public funds to which taxpayers of both sexes contributed, but only men got the exclusive monopoly to a profession.⁶⁰

Politicians were afraid that education and qualification would result in expanding women's electoral and other rights. The concern was reasonable. Victorian feminists supported women doctors, who in turn became suffragettes. Dr. E. Garrett Anderson joined them, together with her sister, Millicent Garrett Fawcett. However, most of the first generation of female doctors aimed to achieve exclusively professional success, and they did not care about women's emancipation. According to some researchers, this provided them with the support of influential politicians, but prevented them from seeing greater opportunities for freeing medicine from gender prejudice.⁶¹

Arguments in defense of women's medicine

The key argument for admitting women to the medical profession was the idea about the “female nature.” Jex-Blake wrote that since primitive times, mothers have instinctively taken care of sick family members. The “Edinburgh warrior” proved that gentleness towards the weak, forbearance towards those whom sickness and trouble have made forgetful of the little courtesies of life, self-sacrifice, infinite patience and hard work, – all these virtues, which are so important in treatment, are inherent primarily in women.⁶² As B. Levin fairly remarked, women would not tend to think of a patient as “that appendicitis in Room 213.”⁶³ And many male doctors, seeing women working with patients, refused to confront them.

The striving of Englishwomen for medical practice was supported by the requirement of female patients to be treated by female doctors. Since the period that went down in history as the “Battle of Edinburgh” (the term used by contemporaries and participants in the events to refer to the struggle of female students with the university for the right to receive education and medical qualifications), British

⁵⁸ Jex-Blake, *Medical Women*, 84.

⁵⁹ Jex-Blake, *Medical Women*, 160.

⁶⁰ Jex-Blake, *Medical Women*, 165.

⁶¹ De Vries, *A Moralizer and Modernizer*, 300.

⁶² Jex-Blake, *Medical Women*, 255.

⁶³ B. Levin, *Women and Medicine* (Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1980), 9.

women regularly sent petitions asking for this right. Newspapers and magazines published touching stories of sick women who refused to be treated by men.⁶⁴ E. Blackwell decided to become a doctor at the request of her friend who was dying in terrible agony and could not get the necessary help from men because of the “delicacy” of her disease.⁶⁵ Many scientists and doctors supported women's medicine, realizing how important the patient's trust was for collecting anamnesis, correct diagnosis, choosing a treatment method, studying diseases.

A powerful weapon of the British women in the struggle for the medical profession was the successful fulfillment of their imperial mission. In India, medicine for the poor was an unaffordable luxury, and noble ladies lived in zenanas, which all men including doctors were forbidden to enter. Thousands of Indian women were doomed to die.⁶⁶ Even R. Christison, the main opponent of the Edinburgh female students, recognized the need for female doctors in India, but added that in order to treat Indian women, one should not “upset the regulations and risk the prosperity of existing institutions” in the metropolis.⁶⁷ “The ghost of zenana” was one of the main motives for the English women to master the medical profession and also contributed to the fact that Queen Victoria supported women doctors, ensuring their victory in the difficult struggle for the profession.⁶⁸ Jex-Blake, however, called the Church of England Zenana Society an inveterate criminal because in India it used female missionaries without the necessary medical expertise.⁶⁹

Jex-Blake analyzed the reasons for the development of women medicine and identified the main areas of work: gynecology, pediatrics, care for elderly patients and patients with mental illnesses, professional medical services in India.⁷⁰ This opinion was shared by other women doctors of the first generation. In addition, due to their nature, they paid great attention to hygiene, disease prevention, sex education, and also greatly influenced the study of harmonious relationship between the sexes.

⁶⁴ Jex-Blake, *Medical Women*, 52–54.

⁶⁵ Blackwell, *Pioneer Work*, 27.

⁶⁶ O.V. Yablonskaya, “British Zenana Missions of the 19th Century and Their Projects for the Liberation of Indian Women” [in Russian], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 24, iss 1 (2024): 66–67, 71, <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-65-72>, EDN: DHIVST

⁶⁷ *The Life of Sir Robert Christison, Bart by Royal College of Physicians of London, Edited by His Sons*, vol. 2, *Memoirs* (Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1886), 46–51.

⁶⁸ A. Burton, “Contesting the Zenana: The Mission to Make ‘Lady Doctors for India’, 1874–1885,” *Journal of British Studies*, vol. 35, no. 3 (1996): 389; J. Sharpe, *Allegories of Empire: The Figure of Woman in the Colonial Text* (London; Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993), 12.

⁶⁹ Jex-Blake, *Medical Women*, 213–14.

⁷⁰ Jex-Blake, *Medical Women*, 49–50, 234–44, 248.

Asceticism was a characteristic feature of the first female doctors. After becoming famous and having a lot of patients, they often continued to help the poor in their country or went overseas to perform the Christian duty of healers. They did not divide patients into “ours” and “strangers.” During the American Civil War, Blackwell said that suffering did not take sides and helped all those who suffered.

Now all the arguments of those who support women medicine seem reasonable, and the areas of its application are necessary. But in the 19th century, the “weaker sex” of Great Britain had to defend the right to refuse “doing nothing.” A significant part of Victorian society participated in the opposition, which was led by prominent doctors and scientists and supported by influential politicians; the Medical Act of 1858 was also on their side.⁷¹ In other European countries and the United States, this discrimination was less pronounced. Speaking about N. Suslova and V. Kashevarova, women pioneers in medical profession in Russia, S. Jex-Blake emphasized that Russia was ahead of Britain in terms of the development of women medicine.⁷²

Nadezhda P. Suslova, the first Russian female doctor of medicine. 1860

Source: RUVIKI,

https://ru.ruwiki.ru/wiki/Суслова,_Надежда_П_рокофьевна?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Varvara A. Rudneva-Kashevarova, the first woman who got the doctor's degree in Russia.

Painted by O. Mai

Source: *Vsemirnaya illyustratsiya: ezhenedel'nyi illyustrirovannyi zhurnal*, vol. 5, no. 8 (112) (1871), <https://archive.org/details/1871.5no01105261302..26/page/121/mode/2up>

⁷¹ “The Medical Act 1858.”

⁷² Jex-Blake, *Medical Women*, 15, 31–36, 244–49.

But in advanced England, they had to act like the Jews of old who were building a temple “with the sword in one hand and the trowel in the other”:

We have had now to study a science, and now to defend a lawsuit; one moment to write an examination paper, and the next to plead our cause before the public; to spend a night perhaps at the bedside of a dispensary patient, and to be busied all the next day to defeat the last dodge of the Medical Faculty to deprive us altogether of opportunities of instruction; and all the time to find that the gossips of the town are enlivening their tea-tables and dinner parties with stories at our expense.⁷³

Given the importance of the task she was undertaking, Jex-Blake never spared herself, always keeping her “trowel” and her “sword” in her hands. In the heat of battle for women’s medicine, she was so passionate that her comrades feared that defeat would kill her. But nothing could shake her faith and philosophy of life. Studying this topic, we just stick to the main stages and results of the struggle she led.

Stages and results of Jex-Blake’s fight for women’s medicine

In 1869, Jex-Blake headed the “Seven” and started to master medicine at the University of Edinburgh, one of the best medical colleges in the world, which it remains to this day. The conditions were hard. Female students paid significantly higher tuition than men, as the groups were small. Many medical teachers shirked classes with them. As mentioned above, R. Christison, the famous scientist and royal physician, was their main opponent. It was not without his influence that professors refused to work with female students, and male members of the class created unbearable conditions for studying, humiliated and intimidated them.⁷⁴ In November 1870, when the girls were going to anatomy classes, they were met by an angry crowd of 200 people. They barely escaped reprisals. After two years of such studying, despite their success, they were denied the right to arrange classes in subjects sabotaged by medical professors; they were also refused to pass a qualification exam. The litigation culminated in 1874, when a Court of Appeal recognized the right of the University of Edinburgh to refuse them an examination on the grounds that it did not have the right to admit them.⁷⁵

⁷³ Jex-Blake, *Medical Women*, 135.

⁷⁴ Lutzker, *Medical Education for Women*, 20.

⁷⁵ Lutzker, *Medical Education for Women*, 23–25, 40; Thorne, *Sketch of the Foundation and Development*, 5–14; “The Edinburgh University and Female Medical Students,” 421–22; Levin, *Women and Medicine*, 89–90.

Despite this failure, the “Battle of Edinburgh” was not in vain. This “battle” drew attention to the problem of women medicine, and there was broad public support.⁷⁶ In 1871, the Committee for Medical Education for Women was formed and hundreds of prominent politicians and scientists joined it, including Ch. Darwin. With their high results, the female students proved their personal abilities and confirmed the intellectual usefulness of women. The refusal to give diplomas in Edinburgh became the reason for applying to Parliament.⁷⁷

In 1874, due to Jex-Blake's efforts, the London School of Medicine for Women was established. It became the basis of women professional medicine in Great Britain.

Royal Free Medical School for Women

Source: *Wikipedia*,

https://en.wikipedia.org/wiki/London_School_of_Medicine_for_Women?ysclid=mnlw86sea4209898417#/media/File:Lord_Riddell;_Dame_Louisa_Aldrich-Blake._Wellcome_L0030958.jpg

The best scientists and doctors worked there, they helped female students to master medicine for the subsequent examination and obtaining a license.⁷⁸ In 1876, a new medical law allowed women to take exams.⁷⁹ The University of Dublin was the first to open its doors to female students. In 1877, Jex-Blake successfully passed the exam there and was included in the General Medical Register.⁸⁰ In 1877, she returned to Edinburgh and started to work as a doctor, paying particular attention to poor female

⁷⁶ “Edinburgh University and Women Doctors,” *The College Courant*, February 24, vol. 10, no. 8 (1872): 90; J. Stansfeld, “Medical Women,” *The Nineteenth Century*, vol. 1, no. 5 (1877): 899; Jex-Blake, *Medical Women*, 65–68.

⁷⁷ Stansfeld, *Medical Women*, 899.

⁷⁸ Thorne, *Sketch of the Foundation and Development*, 19.

⁷⁹ “The Medical Act 1876.”

⁸⁰ Levin, *Women and Medicine*, 91–92.

patients. She founded a clinic for women and the Edinburgh School of Medicine for Women. Each of these achievements was still a struggle.⁸¹ Only in 1899 she retired and returned to her native Sussex.

Conclusion

In the 19th century, a great number of English women from respectable backgrounds were filled with emancipation ideas. The role of the mistress of the house was not sufficient for them, they refused the idle lifestyle and sought professional equality as well as the right to self-realization and socially significant activity.

Ideas of progress, liberalism, and feminism as well as religious and philanthropic beliefs played an important role in motivating women to work. It was these ideas that guided S. Jex-Blake, who created women's medicine, sought the right of women to become a doctor and the right of female patients to be treated by the doctors of their sex.

She argued that women are "natural healers" and possess the qualities necessary in medicine. She proved that there was a great need for women doctors both in the metropolis and in the overseas territories of the empire. But according to the medical law of 1858, only men were allowed to enter the medical profession.

Jex-Blake and her "Seven" failed to receive medical qualification at the medical faculty of the Edinburgh University, but they managed to arouse broad public support and create a legal and institutional foundation for women medicine.

Through Jex-Blake's efforts, the London Medical School for Women was founded in 1874. The medical law adopted in 1876 allowed women to obtain medical license and enroll in the national register. Jex-Blake exercised her right to treat people in Edinburgh, where she lived and worked as a doctor from 1877 to 1899. She established hospitals and a medical school for women here.

The Jex-Blake's destiny shows that it is unwise to restrict women's activities and condemn them to idleness. This woman, who easily mastered the "male sciences," wrote sermons and scientific articles, understood politics and laws, could be locked in a golden cage, which would mean losing not only time on the path to progress, but also the lives and health of millions of people.

The struggle led by S. Jex-Blake had a significant impact on the development of women professional medicine not only in Great Britain, but also abroad. The victory over the system came at a high price but saved many women from the pain because of the years lived aimlessly.

⁸¹ Levin, *Women and Medicine*, 91–92; Todd, *The Life of Sophia Jex-Blake*, 455–522; Shirley, *Sophia Jex-Blake*, 148–70.

Список литературы

- Веблен Т. Теория праздного класса / перевод с английского С.Г. Сорокиной. Москва: Прогресс, 1984. 367 с.
- Вершинина Д.Б. Воспитание и манеры английских леди XVIII–XIX вв. // Вестник Пермского Университета. Серия: История. 2010. Вып. 2 (14). С. 93–97. EDN: MXIFYH
- Вершинина Д.Б. Гендерные аспекты истории Запада: основные дискуссионные поля // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. Вып. 4 (39). Р. 172–182. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-4-172-182>, EDN: ZWGWZT
- Яблонская О.В. «Библейские женщины» Рэнъярд и их программа спасения бедняков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2024. № 116. С. 25–38. <https://doi.org/10.15382/sturII2024116.25-38>, EDN: VRECOA
- Яблонская О.В. Британские миссии зенаны XIX века и их проекты освобождения индийских женщин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 65–72. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-65-72>, EDN: DHIVST
- Яблонская О.В. «Отверженные» дети Великобритании в Канаде: миграционная программа Мэри Рай // Новая и новейшая история. 2024. № 1. С. 67–77. <https://doi.org/10.31857/S0130386424010057>, EDN: HEMCFL
- Boyd N. Three Victorian Women Who Changed Their World: Josephine Butler, Octavia Hill, Florence Nightingale. New York, Oxford: Oxford University Press, 1982. 276 p.
- Burton A. Contesting the Zenana: The Mission to Make “Lady Doctors for India”, 1874–1885 // Journal of British Studies. 1996. Vol. 35, no. 3. P. 368–397.
- Calder J. The Victorian Home. London: Batsford, 1977. 238 p.
- Cohen I.B. Florence Nightingale // Scientific American. 1984. Vol. 250, no. 3. P. 128–137. <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0384-128>
- De Vries J.R. A Moralizer and Modernizer: Mary Scharlieb and the Creation of Gynecological Knowledge, ca. 1880–1914 // Social Politics. 2015. Vol. 22, no. 3. P. 298–318. <https://doi.org/10.1093/sp/jxv027>
- Kent S.K. Sex and Suffrage in Britain, 1860–1914. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014. 308 p.
- Levin B. Women and Medicine. Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1980. 260 p.
- Lutzker E. Medical Education for Women in Great Britain. New York: Columbia University, 1969. 81 p.
- Manton J. Elizabeth Garrett Anderson. London: Routledge, 2018. 400 p.
- Moberly Bell E. Storming the Citadel: The Rise of the Woman Doctor. London: Constable, 1953. 200 p.
- Prevost E. Assessing Women, Gender, and Empire in Britain's Nineteenth-Century Protestant Missionary Movement // History Compass. 2009. Vol. 7, iss. 3. P. 765–799. <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2009.00593.x>
- Prochaska F.K. Body and Soul: Bible Nurses and the Poor in Victorian London // Historical Research. 1987. Vol. 60, iss. 143. P. 336–348. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2281.1987.tb00501.x>
- Sharpe J. Allegories of Empire: The Figure of Woman in the Colonial Text. London; Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. 190 p.

Shirley R. *Sophia Jex-Blake: A Woman Pioneer in Nineteenth Century Medical Reform*. London: Routledge, 2005. 224 p.

Strachey R. *The Cause: A Short History of the Women's Movement in Great Britain*. Washington; New York: Kennikat Press, 1969. 429 p.

Witwit M. *An Evaluation of Anti-Feminist Attitudes in Selected Professional Victorian Women*. PhD Thesis. University of Bedfordshire, 2012. 389 p.

References

Boyd, N. *Three Victorian Women who Changed Their World: Josephine Butler, Octavia Hill, Florence Nightingale*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1982.

Burton, A. "Contesting the Zenana: The Mission to Make 'Lady Doctors for India,' 1874–1885." *Journal of British Studies*, vol. 35, no. 3 (35) (1996): 368–97.

Calder, J. *The Victorian Home*. London: Batsford, 1977.

Cohen, I.B. "Florence Nightingale." *Scientific American*, vol. 250, no. 3 (1984): 128–37. <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0384-128>

De Vries, J.R. "A Moralizer and Modernizer: Mary Scharlieb and the Creation of Gynecological Knowledge, ca. 1880–1914." *Social Politics*, vol. 22, no. 3 (2015): 298–318. <https://doi.org/10.1093/sp/jxv027>

Kent, S.K. *Sex and Suffrage in Britain, 1860–1914*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014.

Levin, B. *Women and Medicine*. Metuchen, New York: Scarecrow Press, 1980.

Lutzker, E. *Medical Education for Women in Great Britain*. New York: Columbia University, 1969.

Manton, J. *Elizabeth Garrett Anderson*. London: Routledge, 2018.

Moberly Bell, E. *Storming the Citadel: The Rise of the Woman Doctor*. London: Constable, 1953.

Prevost, E. "Assessing Women, Gender, and Empire in Britain's Nineteenth-Century Protestant Missionary Movement." *History Compass*, vol. 7, iss. 3 (2009): 765–99. <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2009.00593.x>

Prochaska, F.K. "Body and Soul: Bible Nurses and the Poor in Victorian London." *Historical Research*, vol. 60, iss. 143 (1987): 336–48. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2281.1987.tb00501.x>

Sharpe, J. *Allegories of Empire: The Figure of Woman in the Colonial Text*. London; Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

Shirley, R. *Sophia Jex-Blake. A Woman Pioneer in Nineteenth Century Medical Reform*. London: Routledge, 2005.

Strachey, R. *The Cause: A Short History of the Women's Movement in Great Britain*. Washington; New York: Kennikat Press, 1969.

Veblen, T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of the leisure class], translated from English by S.G. Sorokina. Moscow: Progress, 1984. (In Russian)

Vershinina, D.B. "Gendernye aspekty istorii Zapada: osnovnye diskussionnye polya" [Gender studies in modern western historical knowledge: Stages, theories, and research areas]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, iss. 4 (39) (2017): 172–82. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-4-172-182>, EDN: ZWGWZT (In Russian)

Vershinina, D.B. “Vospitanie i manery angliiskikh ledi XVIII–XIX vv.” [Upbringing and manners of English ladies of the 18th – 19th centuries]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Istorija*, iss. 2 (14) (2010): 93–97. EDN: MXIFYH (In Russian)

Witwit, M. “An Evaluation of Anti-Feminist Attitudes in Selected Professional Victorian Women”. PhD thesis, University of Bedfordshire, 2012.

Yablonskaya, O.V. “‘Bibleiskie zhenshchiny’ Rhn'yard i ikh programma spaseniya bednyakov” [Ranyard’s “Bible women” and their programme of saving the poor]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istorija. Istorija Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, no. 116 (2024): 25–38. <https://doi.org/10.15382/sturII2024116.25-38>, EDN: VRECOA (In Russian)

Yablonskaya, O.V. “Britanskie missii zenany XIX veka i ikh proekty osvobozhdeniya indiiskikh zhenshchin” [British zenana missions of the 19th century and their projects for the liberation of Indian women]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 24, iss. 1 (2024): 65–72. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-65-72>, EDN: DHIVST (In Russian)

Yablonskaya, O.V. “‘Otverzhennye’ deti Velikobritanii v Kanade: migratsionnaya programma Mehri Rai” [“Les miserables” children of Great Britain in Canada: Maria Rye’s migration programme]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 1 (2024): 67–77. <https://doi.org/10.31857/S0130386424010057>, EDN: HEMCFL (In Russian)

Информация об авторе

Ольга Васильевна Яблонская – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-5479-5561>, Oyablonskii@yandex.ru, Арзамасский филиал ННГУ (д. 36, ул. К. Маркса, 607220 Арзамас, Россия).

Information about the author

Olga V. Yablonskaya – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-5479-5561>, Oyablonskii@yandex.ru, Arzamas Branch of UNN (36, ul. K. Marksa, 607220 Arzamas, Russia).

Статья поступила в редакцию 07.09.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 18.02.2026.

The article was submitted 07.09.2025; approved after reviewing 12.11.2025; accepted for publication 18.02.2026.

HISTORIA

PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ
ПЛОЩАДКА**

**INTERDISCIPLINARY
PLATFORM**

2026 · Т. 10 · № 2

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 625–669.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 2 (2026): 625–69.

Научная статья

УДК 94(47+57):793

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-7>

<https://elibrary.ru/tovplr>

**«Отговорила роща золотая...»:
открытие символического русского ландшафта российской культурой
XIX – начала XX в.**

Игорь Владимирович Нарский ✉

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия,

✉ inarsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8391-8017>

Igor V. Narskii ✉

Perm State National Research University,
Perm, Russia,

✉ inarsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8391-8017>

Наталья Васильевна Нарская

Филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушной академии имени
профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Челябинске,
Челябинск, Городок-11, Россия,

bredihina_natalya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1133-080X>

Natalya V. Narskaya

Chelyabinsk Branch of the Russian Air Force
Military Educational and Scientific Centre of the Air Force Academy
named after Professor N.E. Zhukovskii and Yu.A. Gagarin,
Chelyabinsk, Gorodok-11, Russia,

bredihina_natalya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1133-080X>

Аннотация. Обилие художников и литераторов, в произведениях которых встречаются визуальные или вербальные изображения березы, является одним из главных аргументов отдельных филологов и искусствоведов в пользу якобы непрерывной многовековой традиции любви и почитания березы как «русского дерева» и символа России. Однако насколько естественно выдвигание березы в авангард растений, опоэтизированных в российской культуре? Действительно ли можно говорить о непрерывной традиции в воспевании березы русской литературой и изобразительным искусством? Была ли художественная классика прочным звеном в этом процессе? Для ответа на эти вопросы авторы предприняли следующие шаги: после приблизительной статистики репрезентации

© Нарский И.В., Нарская Н.В., 2026

© Narskii I., Narskaya N., 2026

березы в русской классической поэзии была очерчена динамика репрезентации березы в русской поэзии и живописи XIX – начала XX в.; затем были проанализированы процесс формирования представлений о национальном пейзаже и месте в нем березы, а также связанные с нею коннотация и символика. Более подробно авторы останавливаются на изучении места березы в творчестве Сергея Есенина и Исаака Левитана, которые в советской культуре почитались в качестве признанных «певцов березы». В заключение поднимается вопрос об адаптации дореволюционного классического «березового» наследия в СССР. Авторы статьи приходят к выводу, что среди деревьев, опоэтизированных русской литературой и живописью XIX в., береза занимала достаточно скромную позицию, в связи с чем было бы большой натяжкой рассматривать русскую классику как посредницу в трансляции почитания березы из крестьянского быта и фольклора в общество советских россиян. Много говорит о том, что непрерывная традиция любви к березе как национальному символу России – современный, вернее, советский миф. Во всяком случае, классическая российская культура XIX в. не является доказанным звеном подобного перехода.

Ключевые слова: береза, символический национальный ландшафт, российская культура, национализм, Сергей Есенин, Исаак Левитан, Российская империя, СССР

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (проект № 2025-306/2-3 «Конструируя окружающую среду: сенсорная история пространства (на материалах Пермского края)» по направлению «Политика в области развития современного социально-гуманитарного знания»).

Для цитирования: Нарский И.В., Нарская Н.В. «Отговорила роща золотая...»: открытие символического русского ландшафта российской культурой XIX – начала XX в. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 625–669, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-7>; EDN: TOVPLR

“The Golden Grove Has Finished Speaking...”:

The Discovery of the Symbolic Russian Landscape by Russian Culture of the 19th and Early 20th Century

Abstract. The abundance of artists and writers whose works depict the images of birch figuratively or verbally is one of the main arguments put forward by some philologists and art historians in favor of the supposedly uninterrupted centuries-long tradition of love and veneration of the birch seen as a “Russian tree” and a symbol of Russia. However, how natural is it to place the birch at the top of the list of plants revered in Russian culture? Can we really speak of a continuous tradition of glorifying the birch in Russian literature and fine arts? Was classical art a strong link in this process? To answer these questions, the authors took a number of steps. First, after providing approximate statistics on the representation of the birch in Russian classical poetry, they outlined the dynamics of the representation of the birch in Russian poetry and painting of the 19th – early 20th century. Then, they analyzed the process of forming ideas about the national landscape and the place of the birch within it and suggested the connotations and symbolism associated with it. The authors studied in detail the place of the birch in the works of Sergei Esenin and Isaac Levitan, who were often considered in Soviet culture as recognized “singers of the birch.” In conclusion, the question of the adaptation of the pre-revolutionary classical “birch” heritage in the USSR was raised. The authors of the article concluded that the birch occupies a rather modest position among

the trees that were depicted in Russian literature and painting of the 19th century. There is much to suggest that the unbroken tradition of love for the birch as a national symbol of Russia was rather a Soviet myth. In any case, the classical Russian culture of the 19th century could not become a permanent link of a controversial, invented transition.

Keywords: birch, symbolic national landscape, Russian culture, nationalism, Sergei Esenin, Isaac Levitan, Russian Empire, USSR

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of Perm State National Research University (Project no. 2025-306/2-3 “Constructing the Environment: A Sensory History of Space (Based on Materials from Perm Krai)” within the framework of “Policy for the Development of Contemporary Socio-Humanitarian Knowledge”).

For citation: Narskii, I.V, and N.V. Narskaya. “‘The Golden Grove Has Finished Speaking...’: The Discovery of the Symbolic Russian Landscape by Russian Culture of the 19th and Early 20th Century.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 2 (2026): 625–69, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-7>; EDN: TOVPLR

О непрерывности традиции: к постановке вопросов

Обилие художников и литераторов, в произведениях которых встречаются визуальные или вербальные изображения березы, впечатляет. Этот факт является одним из главных аргументов отдельных филологов и искусствоведов в пользу якобы непрерывной многовековой традиции любви и почитания березы как «русского дерева» и символа России¹.

Однако насколько естественно выдвигание березы в авангард растений, опоэтизированных в российской культуре? Действительно ли можно говорить о существовании непрерывной культурной традиции в воспевании березы русской литературой и изобразительным искусством? Была ли художественная классика прочным звеном данного канона?

Чтобы ответить на эти вопросы, авторами были предприняты следующие шаги. Мы начали с приблизительной статистики репрезентации березы в русской поэзии XVIII–XX вв., составленной литературоведом М.Н. Эпштейном в исследовании пейзажа в стихотворных текстах российских поэтов. Статистическая информация важна, чтобы сориентироваться относительно места березы в канонической культуре поздней Российской империи. Затем очертили динамику репрезентации березы в русской поэзии и живописи, после чего ситуации в поэтических и живописных произведениях рассматривались нами по отдельности. Далее мы предприняли попытку проследить процесс формирования представлений о национальном пейзаже и месте в нем березы, а также связанных с нею коннотации и символики. Более

¹ См., например: *Сергеева О.В.* Концепт «береза» в русской языковой картине мира // Вестник Омского университета. Серия: Педагогика. 2012. № 2 (64). С. 444, 447–448; *Вяжевич М.В.* О березе в искусстве: мастерство и вдохновение // Береза: сборник статей / под редакцией Н.Н. Казанского, В.Т. Ярмишко. Санкт-Петербург: Наука, 2015. С. 136–146. EDN: UYICZZ

подробно мы остановились на месте березы в творчестве Есенина и Левитана, которые в советской культуре почитались признанными «певцами березы». В заключение был поднят вопрос об адаптации дореволюционного классического «березового» наследия в СССР.

Немного статистики

Собранная М.Н. Эпштейном статистика релятивирует представление о господстве березы среди поэтических образов деревьев. В рассмотренных в книге 3 700 стихотворных текстах о природе 130-ти русских поэтов береза в качестве устойчивого образа-топоса встречается лишь в одном из пятидесяти (84 раза). Среди прочих образов деревьев береза представлена лишь в каждом пятом–шестом стихотворении. Среди других природных мотивов береза фигурирует в стихах реже, чем, например, конь (94), роза (92) и соловей (86)².

Приложенный к исследованию Эпштейна частотно-тематический указатель «Основные пейзажные образы русской поэзии»³ делает картину распространения древесных образов еще более дифференцированной. В нем береза лидирует среди конкретных пород деревьев, но уступает топосу «лес» и лишь на три единицы опережает образ «дерево». Кроме того, многие поэты фактически проигнорировали березу в качестве объекта поэтизации. Очевиден и факт обращения одних и тех же поэтов, включая общепризнанного «певца берез» Есенина, к образам разных деревьев. Наконец, поэты, которые считаются родоначальниками определенных образов березы, такие как М.Ю. Лермонтов и П.А. Вяземский, в представленном указателе в связи с мотивом «береза» вообще не фигурируют, поскольку их обращение к ней носило разовый характер. В итоге, самая приблизительная статистика участия российских поэтов XIX века в воспевании березы способна поколебать стереотипное убеждение в «многовековой» традиции ее поэтизации или, по крайней мере, в массивном участии в указанном процессе поэтической классики.

Сопоставимая по систематичности и масштабу статистика образов растительности в дореволюционной прозе и живописи нам не известна. Однако некоторые разрозненные данные позволяют усомниться в наличии в этих видах искусства устойчивого представления о березе как о «русском дереве». Так, в произведениях о лесе И.С. Тургенева, П.И. Мельникова-Печерского, В.Г. Короленко, как и в письмах М.В. Нестерова, изученных Д.Т. Костлоу,

² См.: *Эпштейн М.Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва: Высшая школа, 1990. С. 46–47, 294, 295.

³ См.: *Эпштейн М.Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 284–298.

березы упоминаются в перечислении наряду с другими деревьями, вне каких-то иерархий и национальных приоритетов⁴.

Перейдем от статистики к контексту пробудившегося интереса литераторов и художников к русскому пейзажу и проанализируем динамику репрезентации и содержание образов березы в российском искусстве XIX – начала XX в.

Контекст пробуждения интереса к родному пейзажу

С крестьянской троичко-семицкой песней «Во поле береза стояла» российская «высокая» культура познакомилась в конце XVIII в. В 1790 г. ее текст был напечатан в «Собрании народных русских песен с их голосами», составленном Н.А. Львовым и И. Прачем⁵, упоминание о ней также появилось в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева⁶. В 1825 г. в петербургском журнале «Благонамеренный» было опубликовано написанное десятью годами ранее стихотворение адъюнкт-профессора Казанского университета Н.М. Ибрагимова «Русская песня», представлявшее собой вариацию на тему семицкой песни⁷. Таким образом, можно однозначно говорить о том, что образ березы российская поэзия унаследовала от русского фольклора.

Однако после первых публикаций крестьянской обрядовой песни о березе прошло еще несколько десятилетий, прежде чем образ этого дерева прочно вошел в русскую классическую поэзию. В первой же половине XIX столетия «мы находим краткие и не особенно выразительные упоминания об этом дереве»⁸.

Рост популярности березы в русской культуре был связан с несколькими историческими факторами. Одним из важнейших из них было развитие национального самосознания. В середине XIX в., в связи с поражением России в Крымской войне и осознанием необходимости серьезных преобразований, национальное движение великороссов перешло, согласно схеме М. Гроха, из фазы А, поиска национальной идеи, к фазе В – национальной агитации. Второй важный фактор, способствовавший обращению к березе как объекту поэтизации, – лесной вопрос, который беспокоил не только профессиональных лесоводов:

⁴ См.: Костлоу Д.Т. Заповедная Россия. Прогулки по русскому лесу XIX века / перевод с английского Л. Речной. Санкт-Петербург, Бостон: БиблиоРоссика, Academic Studies Press, 2020. С. 38, 78, 84, 208, 240, 248, 252, 257, 265, 272, 273.

⁵ Львов Н.А. Собрание народных русских песен с их голосами. Москва: Музгиз, 1955.

⁶ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Т. 1. Москва, Ленинград: Academia, 1935. С. 341.

⁷ Ибрагимов Н.М. Во поле березонька стояла... // Песни русских поэтов / подготовка текста и примеч. И.Н. Розанова. Ленинград: Советский писатель, 1950. С. 97.

⁸ Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 57.

Лесной вопрос широко обсуждался в толстых русских журналах начиная еще с середины века, и разнообразные произведения искусства и литературы зафиксировали к его концу усиливающуюся озабоченность этой проблемой, а угроза «национальной катастрофы» приобрела масштабы, близкие к концу света⁹.

Национальная идея и угроза родной природе в связи с хищническими рубками леса соединились в конструировании символического родного пейзажа. Это явление было широко распространено в Европе XIX столетия, по праву считающегося веком национализма. Изобретение типично немецких, русских, английских или французских ландшафтов, рек, гор, лесов, конкретных растений и животных в то время превратилось в широко распространенную практику национальной политической мобилизации. Помимо России, по мнению С.А. Штыркова, «пейзажная живопись стала чуть ли не главным поставщиком значений для национального текста и источником драматичных патриотических эмоций» в таких странах как Швейцария, Швеция, Финляндия и Канада¹⁰. Динамика развития пейзажного национализма в книге американского историка К.Д. Или о формировании кодов национального ландшафта в Российской империи, которую цитирует Штырков, выглядит несколько иначе. Живописный ландшафт, по мнению Или, шел следом за вербальным¹¹. О решающем влиянии литературы на конструирование русского национального пейзажа пишет и немецкая историк Г. Пикхан, определяя место Левитана в этом процессе:

Работы Левитана находятся в контексте развития русской пейзажной эстетики, которая зародилась в литературе в процессе русского государственного строительства после наполеоновских войн, первоначально в литературе¹².

⁹ Костлоу Д.Т. Заповедная Россия. С. 23.

¹⁰ Штырков С.А. «Церквушка над тихой рекой»: русское классическое искусство и советский пейзажный патриотизм // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 44. EDN: XHDUSN

¹¹ Ely C.D. This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2002. P. 165. Цит. по: Штырков С.А. «Церквушка над тихой рекой». С. 47.

¹² Pickhan G. Über der Ewigen Ruhe. Zur Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte Einer Russischen Stimmungslandschaft // Zeitenblicke 10. 2011. № 2. URL: https://www.zeitenblicke.de/2011/2/Pickhan/index_html#d57e274 (дата обращения: 22.01.2025).

Еще определеннее о диктате вербальных клише в конструировании визуального образа национальной природы высказывается искусствовед К. Долинина:

Литературоцентричность русской культуры предопределила особенности ее изобразительного искусства¹³.

Суммируя сказанное о развитии символического национального ландшафта, можно выдвинуть следующую гипотезу: формирование вербального образа родной природы растянулось в Российской империи на «долгий XIX век» (1789–1914 гг. по Э. Хобсбауму) и достигло кульминации в поэзии Есенина. Русский визуальный национальный ландшафт начал формироваться на полвека позже, но его развитие протекало более бурно и достигло одной из вершин в живописи Левитана. От обозначения контуров динамики в развитии образов родного русского пейзажа перейдем к содержанию динамических процессов.

Типология репрезентируемых пейзажей

Как подчеркивает в исследовании российского опыта поэтизации природы М.Н. Эпштейн,

у поэтического пейзажа есть свои законы построения и согласования образов, вовсе не повторяющие картин реальной природы, точнее, делающие из них определенный эстетический выбор¹⁴.

По способам конструирования пейзажа Эпштейн условно делит его репрезентации на идеальный, бурный, унылый и национальный¹⁵, из которых нас особенно интересует последний, сыгравший «центральную и организующую роль в русской поэзии»¹⁶. Тем более что формирование символического национального пейзажа прошло через несколько стадий, каждая из которых порождала специфические образы России.

По мнению Эпштейна, первоначально, в эпоху классицизма, М.В. Ломоносов и Г.Р. Державин противопоставили идеальному, южному пейзажу российский ландшафт как северную природу:

¹³ Долинина К. Родная речь. Как мы читаем русский пейзаж // Сними мне Левитана! О странностях пейзажа в литературе, живописи и кино / под редакцией К. Долининой. Москва: Еврейский музей и центр толерантности: Арт-Гид, 2018. С. 26–27.

¹⁴ Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 126.

¹⁵ Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 136–164.

¹⁶ Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 156.

сама Россия для русских поэтов была еще чем-то чужим, эстетически неосвоенным. Она представлялась им примерно так, как какому-нибудь южанину, путешествующему по северной стране, – царством диких ветров и ледяных холмов¹⁷.

Честь открытия березы как элемента русского пейзажа исследователи приписывают известному графоману и мишени критики литераторов первой трети XIX столетия Д.И. Хвостову. Воспевая 40-километровую речку Кубру в низовьях Волги, протекавшую по его родовым имениям, поздний классицист граф Хвостов среди обязательных примет родного пейзажа называл березы, которые именовал «моими березками» и «прекраснейшими древами»¹⁸.

Другим путем поэтизации национального пейзажа стало воспевание территориального размаха страны. Инструментом его репрезентации стала

своеобразная поэтика географического перечисления – последовательно называются концы России, дабы создать впечатление колоссального объема (именно объема, потому что простор, постигаемый изнутри, через раздвижение, а не через внешние границы, намного позже войдет в поэтическое восприятие)¹⁹.

Эту модель после Ломоносова и Державина опробовали многие российские и советские поэты.

Еще одним направлением интерпретации национальной природы стало ностальгически-патриотическое воспевание родного края, который видится оказавшемуся на чужбине поэту самым прекрасным на свете. В 1820-х гг. основание этому направлению, также проходящему через всю российскую поэзию, положил Н.М. Языков.

Несмотря на обилие ранних экспериментов по конструированию русского национального ландшафта, его «первопроходцами» считают А.С. Пушкина и П.А. Вяземского, в творчестве которых впервые встречаются реалистически точные детали «унылого» среднерусского пейзажа²⁰. По этому пути и пошли

¹⁷ Эпитейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 157.

¹⁸ См.: Амелин М. Граф Хвостов: писатель и персонаж // Избранные сочинения графа Хвостова / составитель М. Амелин. Москва: Совпадение, 1997. С. 12; Хвостов Д.И. Реке Кубре // Хвостов Д.И. Полное собрание сочинений графа Хвостова. Т. 1. Лирические стихотворения. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1828. С. 169; Хвостов Д.И. Катерине Наумовне Пучковой // Хвостов Д.И. Полное собрание сочинений графа Хвостова. Т. 3. Послания к разным лицам. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1829. С. 122. Мы признательны К. Богданову за указание на этот источник.

¹⁹ Эпитейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 157.

²⁰ Эпитейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 157–158.

русские поэзия и живопись XIX в., воспевая простор, ощущение которого достигается за счет помещения читателя (и зрителя) внутрь вербальной или визуальной картины²¹. К стратегии «вхождения» в пейзаж нам предстоит обратиться чуть позже.

Прямым наследником Пушкина в конструировании «родного пейзажа» выступил Лермонтов. Его стихотворение «Родина» (1841), вошедшее в XX в. в советский школьный канон, стало экспериментом по смене масштабов и перспектив очевидца, с чередованием бескрайних просторов и незначительных будничных деталей, с совмещением «возвышенности лирического гимна с реализмом “бедных” подробностей»²². Лермонтовская строка о «чете белеющих берез»²³, по мнению С.А. Штыркова, стала

началом настоящего культа этого дерева, в который входит не столько практика его созерцания, сколько привычка недоумевать по поводу своей иррациональной привязанности к национальному пейзажу, вернее будет сказать, к его конвенционально установленным и публично представленным репрезентациям²⁴.

Интерпретация «Родины» Лермонтова как камня основания в генеалогии культа иррациональной привязанности к березе как национальному дереву представляется недостаточно убедительной. В поэтизации березы в качестве неотъемлемого атрибута национального ландшафта Лермонтов намного опередил время. Его взгляд на березу как на «русское дерево» не скоро превратился в общепринятый поэтический топос. На этом пути поэты XIX – начала XX в. еще долго экспериментировали с контекстами, подтекстами и символами, с помощью которых в итоге были сконструированы поэтические образы березы. Остановимся на них подробнее.

«Звездная система» образов березы в поэзии XIX в.

Очерчивая замысел исследования пейзажных образов в русской поэзии, М.П. Эпштейн на первых страницах своей книги на примере березы показал, как устойчивые поэтические образы формируют своего рода звездную систему:

²¹ См.: Деготь Е. Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века // Отечественные записки. 2002. № 6 (6). С. 187–195; Pickhan G. Über der ewigen Ruhe.

²² Эпштейн М.П. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 164.

²³ Лермонтов М.Ю. Родина // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения. Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома, 2014. С. 388.

²⁴ Штырков С.А. «Церквушка над тихой рекой». С. 49.

Несколько наиболее устойчивых образов, повторяющихся у многих поэтов, сложилось вокруг мотива березы: «береза-плач», «береза-женщина», «береза-Россия»²⁵.

Одна из самых важных и ранних коннотаций в поэтических репрезентациях березы – превращение ее в символ Родины, по которой тоскует поэт, оказавшийся вдали от родного края. Этот мотив появился в русской поэзии в середине XIX в. Впервые он запечатлен в стихотворении Вяземского «Береза» (1855):

Почтовый фактор – на чужбине
Нам всем приятель дорогой;
В лесу он просек, ключ – в пустыне,
Нам проводник в стране чужой.
Из нас кто мог бы хладнокровно
Завидеть русское клеймо?
Нам здесь и ты, береза, словно
От милой матери письмо²⁶.

В стихотворении Н.Ф. Щербины «Переезд через границу», написанном в Берлине в 1861 г., береза ассоциируется с покидаемым родимым краем²⁷. Воплощение мотива ностальгии по недоступному пространству или необратимому прошлому в образе березы встречается также в стихотворениях Н.П. Огарева «Береза в моем стародавнем саду» (1863) и К.Д. Бальмонта «Береза»²⁸ (1905). Образ березы-чужестранки в горах Испании в 1901 г. запечатлел М.А. Волошин:

Родная березка! Она здесь в горах
Казалась такой иностранкой,
Изгнанницей бедной в далеких краях,
Застенчивой русской крестьянкой²⁹.

²⁵ Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 5.

²⁶ Вяземский П.А. Береза // Вяземский П.А. Сочинения. Т. 1. Стихотворения. Москва: Художественная литература, 1982. С. 314.

²⁷ Щербина Н.Ф. Переезд через границу // Щербина Н.Ф. Избранные произведения. Ленинград: Советский писатель, 1970. С. 219.

²⁸ См.: Огарев Н.П. Береза в моем стародавнем саду // Огарев Н.П. Избранное. Москва: Художественная литература, 1987. С. 192; Бальмонт К.Д. Береза // Бальмонт К.Д. Собрание сочинений. Т. 2. Можайск: Можайск-Терра, 1994. С. 40.

²⁹ Волошин М. Березка // Волошин М. Дневники. 1891–1932 // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 7, кн. 2. Дневники. Москва: Эллис Лак, 2008. С. 147.

Симптоматично, вместе с тем, что береза у Волошина воплощает не всю русскую культуру или Россию в целом, а только крестьянскую субкультуру.

Наряду с символом тоски по родине береза в XIX в. стала приметой вызывающего жалость к родимой стороне «унылого пейзажа», одним из родоначальников которого был Н.П. Огарев, автор стихотворения «Дорога» (1841):

Тускло месяц дальней
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.
Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок;
Напевает тихо
Мой ямщик спросонок.
Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную³⁰.

Как символ несчастной родины березу запечатлел в стихотворении «Ивы и березы» (1856) и А.А. Фет. Правда, грусть ив представлялась ему более глубокой и скорбной³¹. К березовому мотиву Фет обращался неоднократно, при этом образ и символика березы менялись. Так, в стихотворении «Учись у них – у дуба, у березы...» (1883) береза, как и дуб, и любое другое дерево, выступает примером жизнелюбия и долготерпения, природной мудрости, которой должен учиться человек³². А сорока годами ранее юный Фет написал стихотворение «Печальная береза» (1842), которое по настроению перекликается с первой публикацией Есенина «Береза» (1913) в детском журнале, возможно, родившейся под впечатлением от фетовского текста:

Печальная береза
У моего окна.

³⁰ Огарев Н.П. Дорога // Огарев Н.П. Избранное. С. 64.

³¹ Фет А.А. Ивы и березы // Фет А.А. Сочинения. Т. 1. Стихотворения, поэмы, переводы. Москва: Художественная литература, 1982. С. 228.

³² Фет А.А. Учись у них – у дуба, у березы... // Фет А.А. Сочинения. Т. 1. С. 63.

И прихотью мороза
Разубрана она.
Как гроздь винограда,
Ветвей концы висят, –
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.
Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей³³.

Это стихотворение фиксирует богатство коннотаций в образе березы, который, в отличие, например, от осины и ивы, совмещает печаль и траур с радостью и весельем.

Кажется, что символические ресурсы для поэтизации березы неисчерпаемы. Но где же в творчестве российских поэтов XIX века свойственная крестьянской культуре ассоциация березы с девичьей красотой и бабьей судьбой? Где неизменное в позднесоветском песенном репертуаре воспевание березы как «русского дерева»? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к творчеству Сергея Есенина, считающегося главным «певцом березы».

Сергей Есенин – крестьянский певец русской березы?

Поэзия С. Есенина (после Н. Некрасова и А. Блока) – самый значительный этап в формировании национального пейзажа, который наряду с традиционными мотивами грусти, запустелости, нищеты включает удивительно яркие, контрастные краски, словно взятые с народных лубков³⁴.

Это общепринятое утверждение в формулировке М.Н. Эпштейна стало для нас отправной точкой для того, чтобы решить узкую задачу – уточнить роль Есенина в формировании и распространении современного образа березы как «русского дерева». Благодаря обилию литературы о творчестве Есенина, о влиянии народной культуры на его поэзию и о системе образов природы в его стихотворениях³⁵ представляется достаточным кратко остановиться на двух

³³ Фет А.А. Печальная береза // Фет А.А. Сочинения. Т. 1. С. 105.

³⁴ Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 247.

³⁵ См., например: Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Ч. 1. 1895–1920. Москва: Советская Россия, 1969; Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. Ленинград: Наука, 1969; Есенин и современность: сборник / под редакцией М. Базанова, Ю. Прокушева. Москва: Современник, 1975; Эвентов И.С. Человек и природа в лирике С. Есенина // Вопросы литературы. 1979. № 11. С. 84–115; Базанов В.Г. Сергей Есенин и крестьянская

вопросах: о месте березы в творчестве Есенина и о символике, которую он использовал в связи с березовым мотивом.

Прежде чем перейти к этим сюжетам, обратим внимание на два момента, отраженных в приведенной выше фразе Эпштейна о выдающейся роли Есенина в формировании русского национального пейзажа. Первый из них – продолжение и преобразование Есениным классической традиции унылого, неприметного, бедного пейзажа, разработанной российской культурой XIX в. Второй – крестьянские корни мира есенинских поэтических образов. При всей банальности обоих моментов они важны для понимания места и содержания образов березы в творчестве Есенина, поскольку позволяют, опираясь на наблюдения специалистов-литературоведов, выдвинуть ряд тезисов.

Во-первых, береза была не единственным и далеко не главным древесным образом в творчестве Есенина, точно так же, как не занимала она главного места ни в символическом пейзаже русской классической литературы, ни в народной системе представлений о лесных растениях. Мотивы народной лирики, которые использовал в своих стихах Есенин, многочисленны³⁶.

Во-вторых, образ березы у Есенина перекликается с ее коннотациями в русском фольклоре, интерпретировавшем березу не столь однозначно, как утверждали некоторые советские ученые. Например, известный литературовед и фольклорист В.Г. Базанов писал:

Береза в поэзии Есенина, как и в народной лирике, всегда олицетворяет радость бытия, единство человека и природы, душевное равновесие³⁷.

В-третьих, несмотря на кажущиеся явными аналогии образ березы у Есенина был иным, чем в фольклоре. Как, впрочем, и все творчество Есенина не являлось калькой с народной лирики, а сам он не был крестьянским поэтом. Вот как характеризует его творчество немецкий филолог К. Аура:

Не наивный природный талант и не poeta doctus, как многие символисты, Есенин – как поэт с почти женским талантом к оформленному слову – эклектик в лучшем смысле этого слова (не эпигон!). В своих кульминационных моментах его творчество представляет собой счастливый синтез литературной и фольклорной традиции³⁸.

Россия. Ленинград: Советский писатель, 1982; Марченко А. Поэтический мир Есенина. Москва: Советский писатель, 1989; Скорыходов М.В. Сергей Есенин: истоки творчества: (вопросы научной биографии). Москва: ИМЛИ РАН, 2014; Auras C. Sergej Esenin. Bilder- und Symbolwelt. Bern: Peter Lang, 1965. <https://doi.org/10.3726/b12351> и др.

³⁶ Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. С. 186.

³⁷ Базанов В.Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. С. 11.

³⁸ Auras C. Sergej Esenin. Bilder- und Symbolwelt. S. 9.

В-четвертых, именно Есенину принадлежит честь превращения березы в «русское дерево», например, в стихотворении «Вижу сон. Дорога черная»:

Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими³⁹.

Причем словосочетание «береза русская» появляется в творчестве Есенина только в послереволюционный период. Возможное объяснение этому можно найти у историка русской поэзии И.Н. Розанова, который вскоре после смерти поэта констатировал, что Есенин мечтал о возрождении самобытной (крестьянской) древнерусской культуры, которое окажется возможным благодаря революции в России⁴⁰. Утверждение Розанова представляется симптоматичным К. Аура: «Розанов, сделавший это заявление, переносит акцент с “крестьянской” на более общую “древнерусскую” (культуру)»⁴¹.

Показательно редкое свидетельство, согласно которому крестьяне – современники Есенина не считали его своим, крестьянским. Когда в 1920-е годы учительствовавший в сибирской коммуне «Майское утро» А. Топоров стал устраивать литературные вечера для крестьян с чтением и обсуждением художественных произведений, он наткнулся на неожиданное явление, о котором позже писал:

Если же крестьяне безошибочно угадывают в моих руках белую, маленькую по формату, но толстую книжку с березкой на обложке, они корчат физиономии и тоскливо роняют:

- Опять, поди, про рязанскую кобылу?
- Али про то, как луну обос!..
- И когда только конец будет этому Есенину?⁴²

³⁹ Есенин С.А. Вижу сон. Дорога черная... // Есенин С.А. Полное собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения. Москва: Наука: Голос, 1995. С. 224.

⁴⁰ Розанов И.Н. Есенин и его спутники // Есенин – жизнь, личность, творчество: сборник литературно-художественной секции Центрального дома работников просвещения / под редакцией Е.Ф. Никитиной. Москва: Работник просвещения, 1926. С. 90.

⁴¹ Auras C. Sergej Esenin. Bilder- und Symbolwelt. S. 17–18.

⁴² Топоров А.М. Крестьяне о писателях: опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы: с портретами крестьян-критиков. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1930. С. 246–247.

Итак, Есенин пытался соединить литературную традицию с фольклорной, а крестьянскую культуру превратить в (древне)русскую. Крестьяне – современники Есенина, правда, этих усилий не оценили, в отличие от их детей и внуков, которые лет через тридцать–сорок признали в нем великого поэта.

От предварительных общих замечаний перейдем к вопросу о месте березы в поэзии Есенина.

Место березы в поэзии Есенина

М.Н. Эпштейн интерпретирует роль Есенина в поэтизации березы довольно амбивалентно⁴³. Он считает, что творчество поэта было важным для превращения березы в символ России, но поэтизацией березы древесные мотивы Есенина не ограничивались. Ученый выделяет всего семнадцать ярких березовых топосов во всей поэзии Есенина⁴⁴. Другие исследователи поэтических пейзажных символов в творчестве Есенина также нечасто упоминают среди них образ березы, даже в тех публикациях, которые относятся к позднесоветскому времени, когда ее культ достиг кульминации, а облик самого поэта деградировал до статуса «певца березы».

Специалисты видят главную особенность пейзажных образов Есенина в неразрывности человека и природы⁴⁵. Вероятно, именно целостность природного и социального в мировосприятии поэта объясняет, почему в его творчестве предпочтение одних образов делалось не в ущерб другим, из-за чего место даже наиболее часто встречающихся топосов в итоге порой выглядит как почти маргинальное.

Разреженность отдельных образов, в том числе березы, в творчестве Есенина просматривается не только в общей статистике и статике, в синхронном срезе, но и в диахронной перспективе, в динамике. Так, К. Аурас отмечает, что «в революционной поэзии описательное изображение пейзажа не играет почти никакой роли», и «только в последний период поэзии деревья часто приравниваются к женским или девичьим фигурам, особенно береза и ольха»⁴⁶. Приведенные наблюдения исследователей затрагивают не только место березы в творчестве Есенина, но и преобладающую в его поэзии символику, связанную с белоствольным деревом.

Исследователи едины во мнении, что главной особенностью поэтизации березы у Есенина была ее антропологизация, наделение ее физическими признаками, аксессуарами и чертами характера юной девушки или замужней женщины, превращение ее в символ крестьянского девичества и сельской

⁴³ Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 248.

⁴⁴ См.: Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 293.

⁴⁵ См.: Марченко А. Поэтический мир Есенина. С. 84–85; Эвентов И.С. Человек и природа в лирике С. Есенина. С. 93.

⁴⁶ Auras C. Sergej Esenin. Bilder- und Symbolwelt. S. 104, 107.

женской доли. В отличие от народной лирики, этот процесс осуществлялся поэтом настолько последовательно, что возникает «параллельное описание» или «двойное видение» природы, в которой березка превращается в девушку, а девушка ассоциируется с березкой, как, например, в стихотворении «Зеленая прическа...» (1918)⁴⁷. Одни литературоведы восхищаются такой способностью детализированного уподобления как инструментом «глубокого психологизма и исключительной экспрессивности»⁴⁸, другие полагают такую детализацию излишней⁴⁹.

В последний период творчества березы у Есенина ассоциировались не только с девичьей или женской красотой, радостью весеннего возрождения к жизни и светлой осенней грустью золотой рощи, «березовый веселый язык»⁵⁰ которой умолкает до следующей весны. В поэзии позднего Есенина появляется траурный образ берез-плакальщиц, например, в четверостишии «Снежная равнина, белая луна...» (1925):

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?⁵¹

Завершая главу «Язык деревьев» в исследовании пейзажных образов русской поэзии, М.Н. Эпштейн описывает целый древесный литературный универсум русской культуры, одним из самых значительных соавторов которого был Есенин⁵². И береза в этом комплексе занимает отнюдь не исключительное положение.

«Ловушка» русского пейзажа

Резкие изменения в концепции российской пейзажной живописи во второй половине XIX в. удивительно похожи на перемены в поэтических репрезентациях русского пейзажа в толковании М.Н. Эпштейна⁵³. «Идеальный», уютный, правильно организованный, манящий южный (преимущественно итальянский) пейзаж сменяется «национальным» в разных

⁴⁷ Есенин С.А. Зеленая прическа... // Есенин С.А. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 123; см. также: Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. С. 185.

⁴⁸ Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. С. 185.

⁴⁹ См.: Auras C. Sergej Esenin. Bilder- und Symbolwelt. S. 108.

⁵⁰ Есенин С.А. Отговорила роща золотая... // Есенин С.А. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 209.

⁵¹ Есенин С.А. Снежная равнина, белая луна... // Есенин С.А. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 232.

⁵² Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 85–87.

⁵³ Деготь Е. Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века. С. 188.

его ипостасях. «Бодрые» картины природы И.И. Шишкина и ряда других передвижников типологически близки «патриотической» поэтизации родных ландшафтов у Н.М. Языкова и А.С. Хомякова. Они соседствуют с пейзажем «унылым», неярким, но эмоционально насыщенным, «теснящим грудь» и более известным как «пейзаж настроения».

Чем объяснить перемены в изображении родной природы российскими художниками второй половины XIX в.? Что такое национальный пейзаж в поздней Российской империи? И какую роль в живописных пейзажных комплексах играла в то время береза?

Наряду с указанными выше ростом национального самосознания, подготовкой и проведением реформ 1860-х – 1870-х гг. и обсуждением проблем безжалостно уничтожавшихся лесов нужно отметить факторы, повлекшие смену в репрезентации родного пейзажа, типичные именно для среды российских художников. Во-первых, во второй половине XIX в. их состав весьма демократизировался, авторитет и диктат Академии художеств в живописном цехе ослабевали, а обычные для первой половины столетия поездки за границу (преимущественно в Италию) для продолжения учебы в качестве поощрения со стороны Академии за успехи прекратились или стали более редкими. Во-вторых, развитие символического национального пейзажа шло путем борьбы «пейзажа настроения» с литературоцентризмом русской ландшафтной живописи⁵⁴. Так, знаменитый критик В.В. Стасов был поборником «идейной», «красноречивой», критической живописи. Пейзажи без сюжетов он, напротив, считал бесполезными и корил П.М. Третьякова за их коллекционирование⁵⁵. Прямо противоположную позицию отстаивали многие художники, участвовавшие в художественных направлениях и объединениях передвижников, «Мира искусства» и других.

Третьим фактором, оказавшим влияние на изменение репрезентации родной природы художниками в России во второй половине XIX в., стала техническая находка, которой овладели российские живописцы. Изобретение русских художников имело целью достичь того же эффекта, какого к тому времени научилась добиваться отечественная поэзия – дать зрителю возможность эмоционального включения, поместив его в центр пейзажа. Для этого первый план изображения был приближен, детализирован и открыт, освобожден от характерных для академической манеры «репуссуаров» – кустов или иных

⁵⁴ Долинина К. Родная речь. Как мы читаем русский пейзаж. С. 29.

⁵⁵ См.: Игнатьева О.В. П.М. Третьяков и В.В. Стасов: диалог о природе национального изобразительного искусства // Вестник Пермского университета. История. 2017. Т. 37, № 2. С. 77. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-2-75-84>, EDN: YTOHSH

преград, отделяющих пейзаж от зрителя, а перспектива была понижена до высоты человеческого роста⁵⁶.

Обратим внимание, что конструирование эффекта втягивания в пространство пейзажа никак не связано с содержанием ландшафтного комплекса, с набором его элементов, с канонизацией изображаемых мотивов. Важно достижение иллюзии входа в пейзаж, эмоциональной включенности, лишение зрителя статуса внешнего, равнодушного наблюдателя, а пейзажа – статуса вида.

А что же береза? Если в поэтическом пейзаже она является одной из многих участниц лесных романов и древесных вселенных, то в кодировании живописного пейзажа второй половины XIX в. потребность в ней как в обязательном компоненте будто бы вообще отпала. Так ли это?

Береза в русском пейзаже

На картине известного русского и советского художника И.Э. Грабаря «Февральская лазурь» (1904), являющейся одним из лучших его пейзажей, изображена береза на фоне искрящегося снега и солнечного предвесеннего света⁵⁷. Полотно было создано близ усадьбы Дугино братьев Н.В. и М.В. Мещериных в Подольском уезде Московской губернии, где гостил художник. В воспоминаниях Грабаря об истории создания этого полотна особого внимания заслуживают следующие моменты. Грабарь настаивал на новизне и оригинальности своего произведения, что не вполне соответствует действительному положению дел. Начнем с того, что он организовал свою работу так, чтобы максимально приблизить, укрупнить, детализировать и красочно насытить передний план будущей картины: прорыл траншею в снегу, обеспечил низкий горизонт, расположил холст так, чтобы солнечные блики не падали на него – словом, поступил так, чтобы зритель мог «войти» в изображенный ландшафт, что и отличало пейзажи российских художников рубежа веков, делало их «русскими». Кроме того, «Февральская лазурь» и формально, и содержательно не вполне самостоятельна. Художник использовал технику пуантилизма, или дивизионизма – мелких мазков чистыми, несмешанными красками. Подобно европейским импрессионистам, Грабарь при создании картины экспериментировал со светом: его завораживали «перезвоны и перекликивания всех цветов радуги, объединенных голубой эмалью неба», он сознательно использовал технические приемы, позволявшие «утраивать силу цвета для передачи полноты впечатления»⁵⁸.

⁵⁶ См.: Деготь Е. Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века. С. 190.

⁵⁷ О Грабаре и картине «Февральская лазурь» подробно см.: Подобедова О.И. Игорь Эммануилович Грабарь. Москва: Советский художник, 1964; Федоров-Давыдов А.А. Русский пейзаж XVIII – начала XX века. Москва: Советский художник, 1986.

⁵⁸ Грабарь И.Э. Моя жизнь: автобиография. Москва; Ленинград: Искусство, 1937. С. 201–202.

В качестве объекта изображения береза у Грабаря играла двойственную роль. С одной стороны, белоствольное дерево предоставляло уникальную возможность для экспериментов с цветом и световыми эффектами. Помимо французских отцов-основателей импрессионизма, одновременно с российскими пейзажистами подобные техники активно осваивали художники австрийского и немецкого модерна Г. Климт, Г. Фогелер и ряд других⁵⁹. С другой стороны, в русских лесах, побелевших за счет смены пород в результате хищнических вырубок хвойного «краснолесья», береза стала более заметной и начала восприниматься как дерево не свойственное Европе, где на (итальянском) юге она встречалась только в искусственных посадках, а на (немецком) севере – фактически в качестве сорняка – искоренялась в ходе вырубок, предназначенных для ухода за молодняком ценных пород. В этой связи путь к восприятию березы как неотъемлемой принадлежности родного пейзажа, при виде которого от радости учащается пульс, был открыт. Симптоматично, что в своих воспоминаниях о предыстории создания «Февральской лазури» Грабарь отмечает «русскость» березы. Обилие берез в окрестностях Дугино очень порадовало художника. Он писал:

Это странное дерево, единственное среди всех белое, редко встречающееся на Западе и столь типичное для России, меня прямо заворжило⁶⁰.

Многие российские художники в конце XIX – начале XX века запечатлели в своих произведениях березовые рощи и колки, а также одинокие березы. Одни живописцы, например, П.А. Суходольский и М.В. Боскин, изображали семицко-троицкие хороводы русских крестьян(ок) под сенью берез. Мистикой веет от вида берез на полотнах других мастеров – М.В. Нестерова, К.А. Сомова, И.Я. Билибина. Некоторые, как Билибин (подобно Климту), экспериментировали с образом березы в качестве элемента орнамента. Другие, как Нестеров, предпочитали выполненные с натуры изображения хрупких голых березок в весенних и осенних пейзажах, но в глазах современников такие ландшафтные картины утрачивали статус реалистических из-за соединения пейзажа с религиозными сюжетами⁶¹.

⁵⁹ Подробнее см.: Gustav Klimt: Leben und Werk / Herausgegeben von A. Husslein-Arco, S. Penck, A. Weidinger. Berlin: JOVIS, 2014; Heinrich Vogeler: Künstler, Träumer, Visionär, Ausstellungskatalog / Herausgegeben von B.C. Arnold, S. Schlenker. München: Hirmer Verlag, 2022.

⁶⁰ Грабарь И.Э. Моя жизнь. С. 199.

⁶¹ Подробнее см.: Федоров-Давыдов А.А. Русский пейзаж конца XIX – начала XX века. Москва: Искусство, 1974. С. 72–109; Штырков С.А. «Церквушка над тихой рекой»;

Среди российских пейзажистов славу художника, создавшего лучшие образцы подлинного русского (березового) пейзажа, приобрел выходец из еврейской семьи И.И. Левитан.

Левитан – вершина репрезентации русского пейзажа?

«На юге Левитан ощутил с полной ясностью, что только солнце властвует над красками»⁶², – писал К.Г. Паустовский о стремлении художника овладеть светом в очерке, впервые опубликованном в 1937 г. В этих словах, как и в самом факте публикации этого произведения, сошлось несколько линий, важных для понимания положения Левитана в российской пейзажной живописи, роли березы в его творчестве, а также включения его наследия в советский культурный канон. Во-первых, Левитан, являясь непревзойденным мастером пейзажа настроения как «преимущественного выражения в образах природы чувств и переживаний»⁶³, воспринимался современниками как создатель убедительного национального русского пейзажа (несмотря на еврейское происхождение)⁶⁴. Во-вторых, в своих творческих экспериментах, свежих и смелых, он самостоятельно двигался в том же направлении, в котором осуществляли поиск самые талантливые европейские художники. В-третьих, оставаясь самобытным художником, он близко подошел к импрессионизму. В-четвертых, он порвал с литературоцентризмом российской пейзажной живописи, ознаменовав своим творчеством пик в процессе становления русского пейзажа XIX в.⁶⁵

Береза привлекала внимание Левитана в качестве объекта экспериментов с цветом и светотенью. Она часто встречается на его полотнах, но в ряде случаев – даже при описании знаменитых картин – не привлекает внимания критиков, видимо, из-за конвенциональности изображения⁶⁶. Но когда «приглашающий» войти в него русский березовый пейзаж удастся, он становится предметом детальной рефлексии⁶⁷.

Березовые рощи вошли в пейзажи Левитана со времени его летних поездок в городок Плес на Волге (1888–1890). Так, классическое левитановское

Долинина К. Родная речь. Как мы читаем русский пейзаж; Вяжевич М.В. О березе в искусстве: мастерство и вдохновение. С. 136–146.

⁶² Паустовский К.Г. Исаак Левитан. Ленинград; Москва: Искусство, 1961. С. 18–19.

⁶³ Федоров-Давыдов А.А. Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество. Москва: Искусство, 1966. С. 346.

⁶⁴ Подробно о жизни и творчестве И.И. Левитана см.: Паустовский К.Г. Исаак Левитан; Федоров-Давыдов А.А. Исаак Ильич Левитан; Pickhan G. Über der Ewigen Ruhe.

⁶⁵ Долинина К. Родная речь. Как мы читаем русский пейзаж. С. 33.

⁶⁶ См., например: Федоров-Давыдов А.А. Исаак Ильич Левитан. С. 25.

⁶⁷ См., например: Прытков В. Исаак Ильич Левитан. Москва: Советский художник, 1960. С. 25–26; Федоров-Давыдов А.А. Исаак Ильич Левитан. С. 123–124.

изображение берез – «Золотая осень» (1896), представляло собой, по авторитетному мнению А.А. Федорова-Давыдова, «не только поэтическое утверждение и раскрытие, но и прославление родной природы»⁶⁸.

Однако почему именно Левитан вошел в советский культурный канон как художник, воспевавший русскую природу с ее «царством берез»? Ведь на картинах таких художников как А.И. Куинджи и С.Ю. Жуковский березовый мотив встречается едва ли не чаще, чем у Левитана. Видимо, для включения в советское культурное наследие пейзажной живописи не менее важными факторами, чем талант и оригинальность, оказались идеологические обстоятельства. Левитан происходил из неполноправной этнической группы и несколько раз сам становился жертвой преследования со стороны «царского режима». Его учителями и друзьями были деятели культуры, которых в советском литературоведении и искусствоведении причисляли к демократическому лагерю – например, А.К. Саврасов и А.П. Чехов. Сам Левитан принадлежал к Товариществу передвижных художественных выставок, члены которого были объявлены в СССР прямыми предшественниками социалистического реализма. У Левитана было много учеников и подражателей, многие считали его пейзажи непревзойденными. Меланхолическое настроение многих левитановских пейзажей можно было интерпретировать как плод царского гнета и критику порядков в Российской империи. Не случайно биографию Левитана Паустовский заканчивает апелляцией к счастливому советскому будущему, до которого не дожил художник:

Он был слишком честен, чтобы не видеть народных страданий. Он стал певцом громадной нищей страны, певцом ее природы. Он смотрел на эту природу глазами измученного народа, в этом его художественная сила и в этом отчасти лежит разгадка его обаяния⁶⁹.

Итак, в СССР Левитана интерпретировали как фигуру двойственную. Он «становится “объективной” противоположностью новому, официально декретированному позитивному духу времени и, следовательно, одновременно легитимируется и инструментализируется»⁷⁰. В 1938 г. в Третьяковской галерее была организована выставка картин Левитана, в иллюстрированных журналах многомиллионными тиражами регулярно публиковались репродукции его произведений, издавались книги о его жизни и творчестве (особенно к юбилеям рождения и смерти), в его честь выпускались марки. За два месяца до начала

⁶⁸ Федоров-Давыдов А.А. Исаак Ильич Левитан. С. 209.

⁶⁹ Паустовский К.Г. Исаак Левитан. С. 175.

⁷⁰ Pickhan G. Über der Ewigen Ruhe.

Великой Отечественной войны останки художника перенесли с еврейского кладбища на самое престижное – Новодевичье – и захоронили рядом с могилой А.П. Чехова.

Заключение

Как справедливо подчеркивает С.А. Штырков, на картинах Левитана «учили любить родину несколько поколений советских людей». Не только творения Левитана, но и большой пласт русской национальной пейзажной лирики и живописи XIX – начала XX в. был мобилизован для воспитания советских патриотов:

описание того, как при виде пейзажа определенного типа (береза выглядит в нем особенно убедительно) человек испытывает радость узнавания родного края, удивляясь при этом своей готовности к подобному эмоциональному подъему, прошло долгий путь через русскую классическую и новую литературы и стало общим местом в массовой песенной культуре⁷¹.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Береза занимала среди деревьев, опоэтизированных русской литературой и живописью XIX в., достаточно скромные позиции. В этой связи будет большой натяжкой рассматривать русскую классику как посредницу в трансляции почитания березы из крестьянского быта и фольклора в общество советских россиян. Многие говорят о том, что непрерывная традиция любви к березе как национальному символу России – современный, вернее, советский миф⁷². Во всяком случае, классическая российская культура XIX в. не являлась в этой спорной изобретенной традиции связующим звеном.

⁷¹ Штырков С.А. «Церквушка над тихой рекой». С. 49, 50.

⁷² Подробнее см.: Нарский И.В. Вальс культурных слоев, через которые проросла русская березка // Вестник Пермского университета. История. 2024. Т. 64, № 1. С. 162–172. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-1-162-172>, EDN: ECLCSW

On the continuity of tradition: posing the questions

The abundance of artists and writers in whose works the images of birch are depicted figuratively or verbally is impressive. This fact is one of the main arguments put forward by some philologists and art historians in favor of the supposedly uninterrupted centuries-long tradition of love and veneration of the birch trees seen as a "Russian tree" and a symbol of Russia.¹

However, how natural is the promotion of the birch to the forefront of plants poetized in Russian culture? Can we truly speak of the existence of a continuous cultural tradition in the glorification of the birch both by Russian literature and fine arts? And was Russian classics a strong link in this process?

In order to answer these questions, the following steps were taken. Our starting point was the approximate statistical account of presence of the birch in Russian poetry from the 18th to the 20th centuries, compiled by literary scholar M. Epstein in his study of the landscape in Russian poetry. Statistical information is important for orienting ourselves with respect to the place of the birch in the canonical culture of the late Russian Empire. Then we outlined the dynamics of representation of the birch in Russian poetry and painting, after which the situations in poetic and pictorial works were examined separately. Next, we attempted to trace the process by which ideas about the national landscape and the place of the birch in it took shape together with the associated connotations and symbolism. We examined in greater detail the place of the birch in the works of Esenin and Levitan, who were often regarded in Soviet culture as the recognized 'singer of the birch.' In conclusion, we raised the question of how the pre-revolutionary classical 'birch' heritage was adapted in the USSR.

Some statistics

The statistics compiled by M. Epstein relativize the notion of the birch's dominance among poetic tree imagery. In the 3,700 poetic texts about nature by 130 Russian poets examined in this study, the birch as a stable topos appears only once in every fifty poems (84 times in total). Among tree-related images, the birch is present in only every fifth or sixth poem. Compared to other natural motifs, the birch

¹ See, e.g., O.V. Sergeeva, "The Concept of the Birch in Russian Linguistic Worldview" [in Russian], *Vestnik Omskogo universiteta. Pedagogika*, no. 2 (64) (2012): 444, 447–48; M.V. Vyazhevich, "On the Birch in Art: Mastery and Inspiration" [in Russian], in *The Birch: A Collection of Articles*, ed. N.N. Kazanskii, and V.T. Yarmishko (St Petersburg: Nauka, 2015), 136–46, EDN: UYICZZ

occurs in verse less frequently than, for example, the horse (94), the rose (92), or the nightingale (86).²

The frequency thematic index "The System of Landscape Images in Russian Poetry" appended to Epstein's study renders the picture of tree imagery distribution even more nuanced.³ In it, the birch leads among specific tree species but yields to the topos of forest and surpasses the image of "tree" by three units only. Moreover, many poets virtually ignored the birch as an object of poetic treatment altogether. It is also evident that even the same poets, including the universally recognized "singer of the birch" Sergei Esenin, turned in his poetry to images of various trees. Finally, poets regarded as the founders of certain birch imagery, such as M. Lermontov and P. Vyazemsky, do not appear at all in the index in connection with the motif of the birch, since their reference to it was a one-time occurrence. In the end, even the most approximate statistics regarding the participation of 19th-century Russian poets in the glorification of the birch are capable of shaking the stereotypical belief in a centuries-old tradition of its poetic celebration or at least in the massive involvement of poetic classics in this process.

We are not aware of any statistics, comparable in terms of systematicity and scale, regarding images of plants in pre-revolutionary prose and painting. Nevertheless, certain disparate data allow us to doubt the existence, in these art forms, of a stable conception of the birch as a "Russian tree." Thus, in the works about the forest by I. Turgenev, P. Melnikov-Pecherskii, and V. Korolenko as well as in the letters of M.V. Nesterov researched by J. Costlow birch trees are mentioned in enumeration alongside other trees without any hierarchies or national priorities.⁴

Let us now move from statistics to the context of the awakened interest of writers and artists in the Russian landscape, and analyze the dynamics of representation and the content of birch imagery in Russian art of the 19th – early 20th centuries.

The context of the awakening of interest in the native landscape

At the end of the 18th century, Russian "high" culture became acquainted with the peasant Semik and Trinity song "In the Field Stood a Birch Tree." In 1790, its text was printed in the *Collection of Russian Folk Songs with Their Melodies* compiled by

² See M.N. Epstein, "Nature, the World, the Mystery of the Universe...": *The System of Landscape Images in Russian Poetry* [in Russian] (Moscow: Vysshaya shkola, 1990), 46–47, 294, 295.

³ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 284–98.

⁴ See J.T. Costlow, *Heart-Pine Russia. Walking and Writing the Nineteenth-Century Forest* [in Russian], trans. L.A. Rechnaya (St Petersburg: BiblioRossika; Boston: Academic Studies Press, 2020), 38, 78, 84, 208, 240, 248, 252, 257, 265, 272, 273.

N. L'vov and I. Prach.⁵ A mention of it also appeared in A. Radishchev's *Journey from St Petersburg to Moscow*.⁶ In 1825, the St Petersburg journal *Blagonamerennyi* [The Well-Intentioned] published a poem written ten years earlier by N. Ibragimov, Adjunct Professor at Kazan University, entitled "The Russian Song," a variation on the theme of the Semik song.⁷ Thus, we can state unequivocally that Russian poetry inherited the image of the birch from Russian folklore.

However, after the first publications of the peasant ritual song about the birch, several more decades passed before the image of this tree firmly entered Russian classical poetry. In the first half of the 19th century, "we find brief and not particularly expressive mentions of this tree."⁸

The growth in popularity of the birch in Russian culture was associated with several historical factors. One of the most important was the development of national self-awareness. In the mid-19th century, owing to Russia's defeat in the Crimean War and the realization of the need for serious reforms, the national movement of the Great Russians moved, according to M. Hroch's ABC model, from Phase A (the search for a national idea) to Phase B (national agitation). A second important factor contributing to the turn toward the birch as an object of poetic celebration was the forest question, which concerned not only professional foresters:

The forest question was widely discussed in the thick Russian journals from the mid-century onward, and by the end of the century, various works of art and literature registered a growing concern over this problem, with the threat of 'national catastrophe' assuming proportions verging on the apocalyptic.⁹

The national idea and the threat to native nature posed by predatory logging converged in the construction of a symbolic native landscape. This phenomenon was widespread in 19th-century Europe, which is rightly regarded as the century of nationalism. The invention of quintessentially German, Russian, English, or French landscapes, rivers, mountains, forests, specific plants, and animals became a widespread practice of national political mobilization at the time. According to S. Shtyrkov, outside Russia, "landscape painting became almost the main supplier of meanings for the national text and a source of dramatic patriotic emotions" in

⁵ N.A. L'vov, *A Collection of Russian Folk Songs with Their Melodies* [in Russian] (Moscow: Muzgiz, 1955).

⁶ A.N. Radishchev, *Journey from St Petersburg to Moscow* [in Russian], vol. 1 (Moscow, Leningrad: Academia, 1935), 341.

⁷ N.M. Ibragimov, "In the Field Stood a Birch Tree" [in Russian], in *Songs of Russian Poets*, text prepared and commentary by I.N. Rozanov (Leningrad: Sovetskii pisatel', 1950), 97.

⁸ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 57.

⁹ Costlow, *Heart-Pine Russia*, 23.

countries such as Switzerland, Sweden, Finland, and Canada.¹⁰ The dynamics of the development of landscape nationalism, as presented in the book by American historian C. Ely on the formation of national landscape codes in the Russian Empire, which is cited by Shtyrkov, appear somewhat different. According to Ely, the pictorial landscape, that of the fine arts, followed the verbal one.¹¹ The decisive influence of literature on the construction of the Russian national landscape is also noted by German historian G. Pickhan, who sought to define Levitan's place in that process:

Levitan's works, within the context of the development of Russian landscape aesthetics, are initially rooted in literature – a process that began during Russian state-building after the Napoleonic Wars.¹²

Art critic K. Dolinina speaks even more definitively about the dictate of verbal clichés in the construction of the visual image of national nature:

The literature-centric nature of Russian culture predetermined the features of its fine art.¹³

Summarizing the foregoing discussion on the development of the symbolic national landscape, we may propose the following hypothesis: the formation of the verbal image of native nature in the Russian Empire unfolded over the course of the Long 19th Century (1789–1914 according to E. Hobsbawm) and reached its culmination in the poetry of Sergei Esenin. The Russian visual national landscape began to take shape half a century later, yet its development proceeded more rapidly and attained one of its peaks in the works of Levitan. Having outlined the contours of the dynamics in the development of images of the native Russian landscape, we shall now turn to the content of these dynamic processes.

¹⁰ S.A. Shtyrkov, "A Little Church above the Quiet River': Russian Classical Art and Soviet Landscape Patriotism" [in Russian], *Ethnograficheskoe obozrenie*, no. 6 (2016): 44. EDN: XHDUSN

¹¹ C.D. Ely, *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2002), 165. Cited in Shtyrkov, "A Little Church," 47.

¹² G. Pickhan, "Über der Ewigen Ruhe. Zur Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte Einer Russischen Stimmungslandschaft," *Zeitenblicke* 10, no. 2 (2011), accessed January 22, 2025, https://www.zeitenblicke.de/2011/2/Pickhan/index_html#d57e274

¹³ K. Dolinina, "Native Speech. How we Read the Russian Landscape" [in Russian], in *Show Me Levitan! On the Oddities of Landscape in Literature, Painting, and Cinema*, ed. K. Dolinina (Moscow: Evreiskii muzei i tsentr tolerantnosti: Art-Gid, 2018), 26–27.

Typology of represented landscapes

As M. Epstein emphasizes in his study of the Russian experience of poetizing nature,

The poetic landscape has its own laws of construction and coordination of images, which do not merely replicate pictures of real nature but rather make a certain aesthetic selection from them.¹⁴

Based on the methods of constructing landscape, Epstein conditionally classifies its representations into the ideal, the tempestuous, the dreary (or dismal), and the national.¹⁵ We are particularly interested in the latter, which played a "central and organizing role in Russian poetry."¹⁶ It is especially pertinent because the formation of the symbolic national landscape passed through several stages, each of which produced specific images of Russia.

Initially, in the era of classicism, M. Lomonosov and G. Derzhavin contrasted the Russian landscape with its northern nature against the ideal southern landscape:

Russia itself remained something alien, aesthetically unexplored for Russian poets. It presented itself to them much as it would to a southerner journeying through a northern land, – a realm of wild winds and icy hills.¹⁷

Researchers attribute the honor of discovering the birch as an element of the Russian landscape to D. Khvostov, notorious grapho-maniac and target of literary critics in the first third of the 19th century. Glorifying the 40-kilometer Kubra River in the lower reaches of the Volga, which flowed through his ancestral estates, Count Khvostov, among the obligatory signs of the native landscape, named birches, calling them "my little birches" and "the most beautiful trees."¹⁸

Another way of poetizing the national landscape was the glorification of the country's territorial expanse. The tool for its representation became

¹⁴ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 126.

¹⁵ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 136–64.

¹⁶ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 156.

¹⁷ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 157.

¹⁸ See M. Amelin, "Count Khvostov: A Writer and a Character" [in Russian], in *Selected Works of Count Khvostov*, comp. M. Amelin (Moscow: Sovpadenie, 1997), 12; D.I. Khvostov, "To the Kubra River" [in Russian], in *Complete Works of Count Khvostov*, vol. 1, *Lyric Poems* (St Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1828), 169; D.I. Khvostov, "To Katerina Naumovna Puchkova" [in Russian], in *Complete Works of Count Khvostov*, vol. 3, *Epistles to Various Persons* (St Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1829), 122. We are grateful to K. Bogdanov for pointing out this source.

a peculiar poetics of geographical enumeration – the sequential naming of Russia's borders to create an impression of colossal volume (precisely volume, since expanse understood from within, through expansion rather than through external boundaries, would enter poetic perception much later).¹⁹

After Lomonosov and Derzhavin, this model was later tested by many Russian and Soviet poets.

Another direction in interpreting national nature was the nostalgic-patriotic glorification of one's native land, which appears to a poet finding himself abroad as the most beautiful in the world. In the 1820s, the foundation for this direction, which also runs through all of Russian poetry, was laid by N. Yazykov.

Despite the abundance of early experiments in constructing the Russian national landscape, A. Pushkin and P. Vyazemsky are considered its pioneers: realistically accurate details of the "lifeless" Central Russian landscape first appear in their works.²⁰ Russian poetry and painting of the 19th century followed this path, glorifying the expanse, the sensation of which is achieved by placing the reader (and viewer) inside the verbal or visual picture.²¹ We will turn to the strategy of 'entering' the landscape a little later.

Mikhail Lermontov acted as the direct heir of Pushkin in constructing the "native landscape." His poem "Motherland" (1841) entered the Soviet school canon in the 20th century. It became an experiment in altering the scale and perspective of the eyewitness, alternating boundless expanses with insignificant everyday details, and combining "the sublimity of a lyrical hymn with the realism of 'poor' details."²² Lermontov's line about "a pair of gleaming white birches,"²³ according to S. Shtyrkov, became

the beginning of a genuine cult of this tree, a cult that involves not so much the practice of contemplating it, but rather the habit of perplexity regarding one's irrational attachment to the national landscape, or more precisely, to its conventionally established and publicly presented representations.²⁴

¹⁹ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 157.

²⁰ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 157–58.

²¹ See E. Degot', "Spatial Codes of 'Russianness' in Nineteenth-Century Art" [in Russian], *Otechestvennye zapiski*, no. 6 (6) (2002): 187–95; Pickhan, "Über der Ewigen Ruhe."

²² Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 164.

²³ M.Yu. Lermontov, "Motherland" [in Russian], in *Collected Works*, vol. 1, *Poems* (St Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo doma, 2014), 388.

²⁴ Shtyrkov, "A Little Church," 49.

The interpretation of Lermontov's "Motherland" as the cornerstone in the genealogy of the cult of irrational attachment to the birch as a national, Russian tree seems insufficiently convincing. In poetizing the birch as an essential attribute of the national landscape, Lermontov was far ahead of his time. His view of the birch as a "Russian tree" did not quickly become a generally accepted poetic topos. Along this path, poets of the 19th – early 20th centuries long experimented with contexts, subtexts, and symbols, through which the poetic images of the birch were ultimately constructed. Let us examine them in more detail.

The "star system" of birch images in 19th-century poetry

Outlining the concept of his study of landscape images in Russian poetry, M. Epstein used the example of the birch on the first pages of his book to demonstrate how stable poetic images form a kind of star system:

Several of the most enduring images, repeated by many poets, have coalesced around the motif of the birch: "the birch-weep," "the birch-woman," "the birch-Russia."²⁵

One of the most important and earliest connotations in poetic representations of the birch is its transformation into a symbol of the Motherland, for which the poet yearns while away from his native land. This motif first appeared in Russian poetry in the mid-19th century. It was first captured in Vyazemsky's poem "The Birch" (1855):

*Pochtovyi faktor – na chuzhbine
Nam vsem priyatel' dorogoi;
V lesu on prosek, klyuch – v pustyne,
Nam provodnik v strane chuzhoi.
Iz nas kto mog by khladnokrovno
Zavidet' russkoe kleimo?
Nam zdes' i ty, bereza, slovno
Ot miloi materi pis'mo.²⁶*

[In a strange land, a postman is a welcome friend to all. He is a glade in the forest; he is a well in the desert; he is our guide in a foreign realm. Which of us can behold a Russian stamp on a letter without emotion? So, you too, birch, are like a letter from our own dear mother.]

In N. Shcherbina's poem "Crossing the Border," written in Berlin in 1861, the birch is associated with the native land being left behind.²⁷ The embodiment of the

²⁵ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 5.

²⁶ P.A. Vyazemskii, "The Birch" [in Russian], in P.A. Vyazemskii, *Works*, vol. 1, *Poems* (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1982), 314.

motif of nostalgia for an inaccessible space or an irreversible past in the image of the birch is also found in poems by N. Ogarev ("The Birch in My Old Garden," 1863) and K. Balmont ("The Birch," 1905).²⁸ The image of the birch as a foreigner in the mountains of Spain in 1901 was captured by M.A. Voloshin:

*Rodnaya berezka! Ona zdes' v gorakh
Kazalas' takoi inostrankoi,
Izgnannitsei bednoi v dalekikh krayakh,
Zastenchivoi russkoi krest'yankoi.*²⁹

[Our native little birch! Here among the mountains, it seemed so out of place – a poor exile in distant realms, a timid Russian peasant maiden.]

Symptomatically, however, for Voloshin the birch embodies not all of Russian culture or Russia as a whole, but only the peasant subculture.

Alongside the symbol of longing for the homeland, the birch in the 19th century became a sign of the 'dreary landscape' that evokes pity for one's native side. One of the founders of this tradition was N. Ogarev, author of the poem "The Road" (1841):

*Tusklo mesyats dal'noi
Svetit skvoz' tumana,
I lezhit pechal'no
Snezhnaya polyana.
Belye s morozu
Vdol' puti ryadami
Tyanutsya berezy
S golymi suchkami.
Troika mchitsya likho,
Kolokol'chik zvonok;
Napevaet tikho
Moi yamshchik sprosonok.
Ya v kubitke valkoi
Edu da toskuyu:
Skuchno mne da zhalko
Storonu rodnuyu.*³⁰

²⁷ N.F. Shcherbina, "Crossing the Border" [in Russian], in *Selected Works* (Leningrad: Sovetskii pisatel, 1970), 219.

²⁸ See N.P. Ogarev, "The Birch in My Old Garden" [in Russian], in *Selected Works* (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1987), 192; K.D. Balmont, "The Birch Tree" [in Russian], in *Collected Works*, vol. 2 (Mozhaisk: Mozhaisk-Terra, 1994), 40.

²⁹ M. Voloshin, "The Little Birch Tree" [in Russian], in *Collected Works*, vol. 7, bk. 2, *Diaries. 1891–1932* (Moscow: Ellis Lak, 2008), 147.

[Through the mist the distant moon gleams faintly, and sadly the snowy field lies spread. White with hoarfrost, along the roadside, birches in rows stretch their naked boughs. The troika races boldly, the bell resounds; My coachman softly hums, half lost in sleep. In the jolting cart I ride and yearn: I am weary and sorrowful for my native land.]

The birch as a symbol of an unhappy homeland was captured in the poem "Willows and Birches" (1856) by Afanasii Fet. It is true that the sadness of the willows seems to him deeper and more sorrowful.³¹ Fet turned to the birch motif repeatedly, and the image and symbolism of the birch changed over time. Thus, in the poem "Learn from Them – from the Oak, from the Birch..." (1883), the birch, like the oak and any other tree, serves as an example of love of life and long-suffering – a natural wisdom that man should absorb.³² And forty years earlier, the younger Fet wrote the poem "The Sorrowful Birch" (1842), which in mood echoes Esenin's first publication "The Birch" (1913), first printed in a children's magazine, and possibly even born under the impression of Fet's text:

*Pechal'naya bereza
U moego okna.
I prikhot'yu moroza
Razubrana ona.
Kak grozd'ya vinograda,
Vetvei kontsy visyat, –
I radosten dlya vzglyada
Ves' traurnyi naryad.
Lyublyu igru dennitsy
Ya zamechat' na nei,
I zhal' mne, esli ptitsy
Stryakhnut krasu vetvei.*³³

[The sorrowful birch stands by my window. She is decked by the frost's playful whim. Like clusters of grapes, the branch tips hang down, – and all her mourning raiment is a joy to behold. I love to watch the play of morning light upon her. And I feel pity when the birds shake off the beauty from her boughs.]

³⁰ N.P. Ogarev, "The Road" [in Russian], in *Selected Works*, 64.

³¹ A.A. Fet, "Willows and Birches" [in Russian], in *Works*, vol. 1, *Poems, Long Poems, Translations* (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1982), 228.

³² A.A. Fet, "Learn from Them – from the Oak, from the Birch Tree..." [in Russian], in *Works*, vol. 1, 63.

³³ A.A. Fet, "The Sad Birch Tree" [in Russian], in *Works*, vol. 1, 105.

This poem captures the richness of connotations in the image of the birch, which, unlike, for example, the aspen and willow, combines sadness and mourning with joy and merriment.

It seems that the symbolic resources for poetizing the birch are inexhaustible. But where in the works of Russian poets of the 19th century is the association of the birch with a young woman's beauty and a woman's fate characteristic of peasant culture? Where is the glorification of the birch as a "Russian tree," so constant in the late Soviet song repertoire? To answer these questions, let us turn our attention to the work of Sergei Esenin, who is commonly considered the main "singer of the birch."

Sergei Esenin – A peasant singer of the Russian birch?

After N. Nekrasov and A. Blok, the poetry of S. Esenin marks the most significant stage in the formation of the national landscape. This landscape, together with traditional motifs of sadness, desolation, and poverty, includes strikingly bright, contrasting colors, as though taken from folk prints (*lubki*).³⁴

This generally accepted statement, as formulated by M. Epstein, served as our starting point for solving a narrow task: to clarify Esenin's role in the formation and dissemination of the modern image of the birch as a "Russian tree." Thanks to the abundance of scholarship on Esenin's work, the influence of folk culture on his poetry, and the system of nature imagery in his poems,³⁵ it seems sufficient to dwell briefly on two questions: the place of the birch in Esenin's poetry and the symbolism he employed in connection with the birch motif.

Before turning our attention to these topics, let us consider two points reflected in Epstein's above-quoted phrase about Esenin's outstanding role in the formation of the Russian national landscape. The first is Esenin's continuation and transformation of the classical tradition of the dreary, inconspicuous, poor landscape developed by Russian culture in the 19th century. The second is the peasant roots of Esenin's poetic world. Despite the banality of both points, they are important for understanding the

³⁴ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 247.

³⁵ See, e.g., G. Belousov, *Sergei Esenin. A Literary Chronicle* [in Russian], pt. 1, 1895–1920 (Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1969); V.V. Korzhan, *Esenin and Folk Poetry* [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1969); *Esenin and Modernity: A Collection* [in Russian], ed. M. Bazanov, and Yu. Prokushev (Moscow: Sovremennik, 1975); I.S. Eventov, "Man and Nature in the Lyric Poetry of S. Esenin" [in Russian], *Voprosy literatury*, no. 11 (1979): 84–115; V.G. Bazanov, *Sergei Esenin and Peasant Russia* [in Russian] (Leningrad: Sovetskii pisatel', 1982); A. Marchenko, *Esenin's Poetic World* [in Russian] (Moscow: Sovetskii pisatel', 1989); M.V. Skorokhodov, *Sergei Esenin: The Origins of His Work (Issues of Scholarly Biography)* [in Russian] (Moscow: IMLI RAN, 2014); C. Auras, *Sergej Esenin. Bilder- und Symbolwelt* (Bern: Peter Lang, 1965), etc.

place and content of birch imagery in Esenin's poetry, insofar as they allow us to put forward a number of theses based on the observations of literary scholars.

First, the birch was neither the only nor the main arboreal image in Esenin's poetry, just as it occupied no central place either in the symbolic landscape of Russian classical literature or in the folk system of ideas about forest plants. The motifs of folk lyrics that Esenin employed in his poems are numerous.³⁶

Second, the image of the birch in Esenin's poetry echoes its connotations in Russian folklore, which interpreted the birch less unambiguously than some Soviet scholars claimed. For example, the renowned literary scholar and folklorist V. Bazanov wrote:

The birch in Esenin's poetry, as in folk lyrics, always personifies the joy of existence, the unity of man and nature, and spiritual balance.³⁷

Third, despite seemingly obvious analogies, the image of the birch in Esenin's poetry differed from that in folklore as, by the way, did all of Esenin's poetry. It was neither a copy of folk lyrics nor the work of a peasant poet. Here is how German philologist K. Auras characterizes his work:

Neither a naive natural talent nor a *poeta doctus*, like many symbolists, Esenin as a poet with an almost feminine talent for the fashioned word, is an eclectic in the best sense of the word (not an epigone!). In its culminating moments, his work represents a happy synthesis of literary and folkloric tradition.³⁸

Fourth, it was Esenin who had the honor of turning the birch into a "Russian tree," for example, in his poem "A Dream: Black Road...":

*Ehkh, bereza russkaya!
Put'-doroga uzkaya.
Ehtu miluyu, kak son,
Lish' dlya toi, v kogo vlyublen,
Uderzhi ty vetkami,
Kak rukami metkimi.*³⁹

[Oh, Russian birch! The narrow road-path. With your branches, as with skilful hands, hold back this beloved one – only for the one you love, like in a dream.]

³⁶ Korzhan, *Esenin and Folk Poetry*, 186.

³⁷ Bazanov, *Sergei Esenin and Peasant Russia*, 11.

³⁸ Auras, *Sergej Esenin*, 9.

³⁹ S.A. Esenin, "A Dream: Black Road..." [in Russian], in *Complete Works*, vol. 1, *Poems* (Moscow: Nauka: Golos, 1995), 224.

Moreover, the very phrase "Russian birch" appears in Esenin's poetry only in the post-revolutionary period. A possible explanation for this can be found in the works of the historian of Russian poetry I. Rozanov, who, shortly after the poet's death, stated that Esenin only dreamed that the revolution in Russia would lead to the revival of a distinctive (peasant) Old Russian culture.⁴⁰ Rozanov's assertion seems symptomatic to K. Auras who stated that Rozanov, who made this statement, shifts the emphasis from "peasant" to the more general "Old Russian" (culture).⁴¹

A rare testimony is illustrative, according to which the peasants – those who were Esenin's contemporaries – did not consider him one of their own. When in the 1920s A. Toporov, who served as a teacher in the Siberian commune "May Morning," began organizing literary evenings for peasants with reading and discussion of artistic works, he encountered an unexpected phenomenon, about which he later wrote:

Whenever the peasants caught sight in my hands of that small, stout white book with a birch tree on the cover, they would pull faces and mutter darkly:

"Here we go again about that Ryazan mare?"

"Or about the time he pissed on the moon! . . ."

"Will we never see the end of this Esenin?"⁴²

Thus, Esenin tried to combine literary tradition with folklore, and transform peasant culture into (Old) Russian culture. The peasants, Esenin's contemporaries, however, did not appreciate these efforts, unlike their children and grandchildren, who, some thirty or forty years later, recognized him as a great poet.

From these preliminary general remarks, we move on to the question of the place of the birch in Esenin's poetry.

The place of the birch in Esenin's poetry

M. Epstein interprets Esenin's role in the poetization of the birch rather equivocally.⁴³ He believes that the poet's work was important for turning the birch into a symbol of Russia, yet Esenin's arboreal motifs were not limited to the glorification of the birch. The scholar identifies only seventeen vivid birch topoi in Esenin's poetry.⁴⁴ Other researchers of poetic landscape symbols in Esenin's work

⁴⁰ I.N. Rozanov, "Esenin and His Companions" [in Russian], in *Esenin – Life, Personality, Creativity: A Collection of the Literary Art Section of the Central House of Education Workers*, ed. E.F. Nikitina (Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, 1926), 90.

⁴¹ Auras, *Sergej Esenin*, 17–18.

⁴² A.M. Toporov, *Peasants about Writers: Experience, Methodology, and Examples of Peasant Criticism of Contemporary Fiction Literature: With Portraits of Peasant Critics* [in Russian] (Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1930), 246–47.

⁴³ Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 248.

⁴⁴ See Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 293.

also rarely mention the image of the birch among them, even in publications from the late Soviet period, when its cult had reached its zenith and the poet's own image had degenerated into the status of a mere "singer of the birch."

Specialists see the main feature of Esenin's landscape imagery in the inseparability of man and nature.⁴⁵ It is likely precisely this fusion of the natural and the social in the poet's worldview that explains why the preference for certain images in his work did not come at the expense of others and why, consequently, even the most frequently occurring topoi occasionally appear almost marginal.

The sparseness of individual images, including the birch, in Esenin's work is evident not only in general statistics and statics in a synchronic cross-section but also in a diachronic perspective, in dynamics. Thus, C. Auras notes that "in revolutionary poetry, the descriptive depiction of landscape plays almost no role at all" and "only in the last period of his poetry are trees often equated with female or maiden figures, particularly the birch and alder."⁴⁶ The observations of researchers cited here touch not only upon the place of the birch in Esenin's works but also upon the symbolism prevalent in his poetry associated with the white-trunked tree.

Researchers agree that the main feature of Esenin's poetization of the birch was its so-called anthropologization endowing it with physical characteristics, attributes, and personality traits of a young girl or a married woman, thereby transforming it into a symbol of peasant maidenhood and the rural woman's lot. Unlike in folk lyrics, this process was carried out by the poet so consistently that a "parallel description" or "double vision" of nature arises, in which the little birch turns into a girl, and the girl is associated with the little birch, as, for example, in the poem "The Green Hairstyle..." (1918).⁴⁷ Some literary scholars admire this capacity for detailed comparison as a tool of "deep psychologism and exceptional expressiveness."⁴⁸ Others consider such detailing rather excessive.⁴⁹

In the last period of Esenin's work, birches were associated not only with maidenly or feminine beauty, the joy of spring rebirth into life, and the bright autumn sadness of the golden grove, whose "cheerful birch language" falls silent until the next

⁴⁵ See Marchenko, *Esenin's Poetic World*, 84–85; Eventov, *Man and Nature in the Lyric Poetry of S. Esenin*, 93.

⁴⁶ Auras, *Sergej Esenin*, 104, 107.

⁴⁷ S.A. Esenin, "Green Hairstyle..." [in Russian], in *Complete Works*, vol. 1, 123; see also Korzhan, *Esenin and Folk Poetry*, 185.

⁴⁸ Korzhan, *Esenin and Folk Poetry*, 185.

⁴⁹ See Auras, *Sergej Esenin*, 108.

spring.⁵⁰ In the poetry of the late Esenin, a mourning image of birches as weepers appears, for example, in the quatrain "Snow-Covered Plain, Pale Moon..." (1925):

*Snezhnaya ravnina, belaya luna,
Savanom pokryta nasha storona.
I berezy v belom plachut po lesam.
Kto pogib zdes'? Umer? Uzh ne ya li sam?*⁵¹

[Snow-covered plain, pale moon. Our native land is wrapped in a shroud. And birches in white lament through the forests. Who perished here? Who is dead? Was it not I?]

Concluding the chapter "The Language of Trees" of his study on landscape imagery in Russian poetry, M. Epstein delineates an entire arboreal literary universe of Russian culture one of the most significant co-creators of which was none other than Sergei Esenin.⁵² Within this intricate system, the birch holds by no means a privileged place.

The "trap" of the Russian landscape

The sharp transformations in the concept of Russian landscape painting in the second half of the 19th century bear a striking resemblance to the shifts in poetic representations of the Russian landscape as interpreted by M. Epstein.⁵³ The "ideal," cozy, well-ordered, alluring southern (predominantly Italian) landscape is replaced by the 'national' landscape in its various guises. The 'cheerful' depictions of nature by I. Shishkin and a number of other Peredvizhniki are typologically close to the patriotic poetization of native landscapes by N. Yazykov and A. Khomyakov. They coexist with the "dreary," dim, yet emotionally rich landscape that "makes your heart ache," better known as the landscape of mood.

What can explain the changes in the depiction of native nature by Russian artists in the second half of the 19th century? What is the national landscape in the late Russian Empire? And what role did the birch play in pictorial landscape complexes at that time?

Alongside the aforementioned growth of national self-awareness, the preparation and implementation of the reforms of the 1860s–70s, and the debate over the problem of ruthlessly destroyed forests, we must note factors specific to Russian artists that led to the transformation in the representation of the native landscape. First, in the

⁵⁰ S.A. Esenin, "Golden Grove Has Finished Speaking..." [in Russian], in *Complete Works*, vol. 1, 209.

⁵¹ S.A. Esenin, "Snow-Covered Plain, Pale Moon..." [in Russian], in *Complete Works*, vol. 1, 232.

⁵² Epstein, *Nature, the World, the Mystery of the Universe*, 85–87.

⁵³ Degot', "Spatial Codes," 188.

second half of the 19th century, their social composition became considerably more democratized, the authority and dictates of the Academy of Arts regarding fine arts weakened, and trips abroad (mainly to Italy), rather common in the first half of the century as a reward from the Academy for further study, ceased or became rarer. Second, the development of the symbolic national landscape proceeded through a struggle between the 'landscape of mood' and the literariness-centric nature of Russian landscape painting.⁵⁴ For example, the famous critic V. Stasov was a proponent of ideological, eloquent, critical painting. Landscapes without plots, on the contrary, he considered useless and reproached P. Tretyakov for collecting them.⁵⁵ A directly opposing position was defended by many artists participating in the artistic movements and associations of the Peredvizhniki, the World of Art (*Mir iskusstva*), and others.

A third factor influencing the transformation in artists' representation of native nature in Russia during the second half of the 19th century was a technical discovery mastered by Russian painters. This invention was aimed at achieving the same effect that domestic poetry had learned to produce by that time: to offer the viewer the possibility of emotional inclusion by placing them at the center of the landscape. To this end, the foreground of the image was brought closer, detailed, and opened up – freed from the "repoussoirs" characteristic of the academic manner (bushes or other barriers separating the landscape from the viewer) – and the perspective was lowered to human height.⁵⁶

Let us note that the construction of the effect of being drawn into the landscape space is in no way connected with the content of the landscape complex, the set of its elements, or the canonization of the depicted motifs. What matters is achieving the illusion of entering the landscape, emotional involvement, depriving the viewer of the status of an external, indifferent observer, and depriving the landscape of the status of a mere view.

But what of the birch? If in the poetic landscape it is but one of many participants in forest romances and arboreal universes, then in the coding of the pictorial landscape of the second half of the 19th century, the need for it as a mandatory component seems to have disappeared altogether. Was this indeed the case?

The birch in the Russian landscape

The painting by the renowned Russian and Soviet artist I. Grabar, entitled *February Azure* (1904), one of his finest landscapes, depicts a birch tree against a

⁵⁴ Dolinina, "Native Speech," 29.

⁵⁵ See O.V. Ignat'eva, "P.M. Tretyakov and V.V. Stasov: A Dialogue on the Nature of National Fine Art" [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, vol. 37, no. 2 (2017): 77, <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-2-75-84>, EDN: YTOHSH

⁵⁶ See Degot', "Spatial Codes," 190.

backdrop of sparkling snow and sunny pre-spring light.⁵⁷ This work was created near the estate of the brothers N. and M. Meshcherins in Dugino, Podolsk district, Moscow Governorate, where the artist was staying. In Grabar's memoirs regarding the painting's creation, several points deserve special attention. Grabar insisted on the novelty and originality of his work, though this does not entirely correspond to the actual state of affairs. Let us begin with the fact that he organized his process so as to maximize the approach, enlarge, provide every detail, and colorfully saturate the foreground of the future painting. To this end, he dug a trench in the snow, ensured a low horizon, and positioned the canvas so that sun glints would not fall upon it. In short, he acted so that the viewer could "enter" the depicted landscape, precisely what distinguished the landscapes of Russian artists at the turn of the century, making them "Russian." Furthermore, *February Azure* is not entirely independent, either formally or substantively. The artist employed the technique of pointillism, or divisionism (small strokes of pure, unmixed paints). Like the European Impressionists, Grabar experimented with light while painting: he was fascinated by the "chimes and echoes of all the colors of the rainbow, united by the blue enamel of the sky," and consciously used techniques that allowed him to "triple the power of color to convey the fullness of the impression."⁵⁸

As an object of depiction, the birch played a dual role for Grabar. On the one hand, the white-trunked tree provided a unique opportunity for experiments with the effects of color and light. Besides the French painters, the founding fathers of Impressionism, artists of Austrian and German Art Nouveau, such as G. Klimt, H. Vogeler, and a number of others, were actively mastering such techniques simultaneously with Russian landscape painters.⁵⁹ On the other hand, in Russian forests, which had turned white due to the change of species as a result of predatory logging of the coniferous "red forest," the birch became more conspicuous and began to be perceived as a tree untypical of Europe. In the (Italian) south, it was found only in artificial plantings; in the (German) north, it was treated virtually as a weed – eradicated during logging intended for the care of young valuable species. In this regard, the path was opened toward perceiving the birch as an integral attribute of the

⁵⁷ For more on Grabar and his painting *February Azure*, see: O.I. Podobedova, *Igor Emmanuilovich Grabar* [in Russian] (Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1964); A.A. Fedorov-Davydov, *Russian Landscape of the 18th – Early 20th Century* [in Russian] (Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1986).

⁵⁸ I.E. Grabar, *My Life: An Auto-Monograph* [in Russian] (Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1937), 201–02.

⁵⁹ For more, see *Gustav Klimt: Leben und Werk*, hrsg. A. Husslein-Arco, S. Penck, und A. Weidinger (Berlin: JOVIS, 2014); *Heinrich Vogeler: Künstler, Träumer, Visionär, Ausstellungskatalog*, hrsg. B.C. Arnold, und S. Schlenker (München: Hirmer Verlag, 2022).

native landscape, at the sight of which the pulse quickens with joy. Symptomatically, in his memoirs about the backstory of the creation of *February Azure*, Grabar notes the "Russianness" of the birch. Thus, the abundance of birches in the vicinity of Dugino greatly pleased the artist. He wrote:

This strange tree, the only white one among all, rarely found in the West and so typical of Russia, completely mesmerized me.⁶⁰

Many Russian artists at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries captured birch groves and small forests, as well as solitary birches, in their works. Some painters, for example, P. Sukhodolskii and M. Boskin, depicted Semik-Trinity round dances of Russian peasants beneath the cover of birches. A mystical aura emanates from the appearance of birches in the canvases of other masters: M. Nesterov, K. Somov, and I. Bilibin. Some of them experimented with the image of the birch as an element of ornament (a practice similar to Klimt), like Bilibin did. Others, such as Nesterov, preferred images painted from nature of fragile, bare birches in spring and autumn landscapes, yet in the eyes of contemporaries, these landscape paintings lost their realistic status due to the combination of landscape with religious subjects.⁶¹

Among Russian landscape painters, the reputation of the artist who created the finest examples of a truly Russian (birch) landscape was acquired by I. Levitan, who was, in fact, of Jewish origin.

Levitan, the pinnacle of representation of the Russian landscape?

In an essay first published in 1937 about the artist's desire to master light. Konstantin Paustovskii wrote that, "In the south, Levitan felt with absolute clarity that only the sun rules over colors."⁶² In these words, as in the very fact of the publication of this work, several lines converged that are important for understanding Levitan's position in Russian landscape painting, the role of the birch in his legacy, and the incorporation of this legacy into the Soviet cultural canon. First, as an unsurpassed master of the landscape of mood as "the predominant expression of feelings and experiences in images of nature,"⁶³ Levitan was perceived by contemporaries as the creator of a convincing national Russian landscape (despite his

⁶⁰ Grabar, *My Life*, 199.

⁶¹ For more, see A.A. Fedorov-Davydov, *Russian Landscape of the Late 19th – Early 20th Century* [in Russian] (Moscow: Iskusstvo, 1974), 72–109; Shtyrkov, "A Little Church"; Dolinina, "Native Speech"; Vyazhevich, *On Birch in Art*, 136–46.

⁶² K.G. Paustovskii, *Isaac Levitan* [in Russian] (Leningrad; Moscow: Iskusstvo, 1961), 18–19.

⁶³ A.A. Fedorov-Davydov, *Isaac Ilyich Levitan. Life and Work* [in Russian] (Moscow: Iskusstvo, 1966), 346.

Jewish origin).⁶⁴ Second, in his creative experiments, fresh and bold, he moved independently in the same direction as the most talented European artists. Third, while remaining an original artist, he came close to Impressionism. Fourth, he broke with the literature-centric nature of Russian landscape painting, marking with his work the culmination of the process of forming the Russian landscape in the 19th century.⁶⁵

The birch attracted Levitan's attention as an object for experiments with color and chiaroscuro. It appears frequently in his works, yet in some cases, even when describing famous paintings, it does not attract the attention of critics, apparently due to the conventionality of its depiction.⁶⁶ But when the Russian birch landscape that "invites" one to enter it accomplishes its task, it becomes a subject of detailed reflection.⁶⁷

Birch groves entered Levitan's landscapes during his summer trips to the town of Plyos on the Volga River (1888–90). For example, Levitan's classic depiction of birches in his work *Golden Autumn* (1896) represented, according to the authoritative opinion of A. Fedorov-Davydov, "not only a poetic affirmation and revelation but also a glorification of native nature."⁶⁸

But why precisely did Levitan enter the Soviet cultural canon as the artist who glorified Russian nature with its "kingdom of birches"? After all, in the paintings of artists such as A. Kuindzhi and S. Zhukovskii, the birch motif appears perhaps even more frequently than in Levitan's works. Apparently, ideological circumstances proved to be no less important factors for inclusion in the Soviet cultural heritage of landscape painting than talent and originality. Levitan came from a disenfranchised ethnic group and fell victim to persecution by the tsarist regime on several occasions. His teachers and friends were cultural figures whom Soviet literary and art criticism classified as belonging to the democratic camp, for example, A. Savrasov and A. Chekhov. Levitan belonged to the Association of Traveling Art Exhibitions (the *Peredvizhniki*), whose members were declared in the USSR to be direct predecessors of Socialist Realism. Levitan had many students and imitators; many considered his landscapes unsurpassed. The melancholic mood of many of Levitan's landscapes could be interpreted as a product of tsarist oppression and criticism of the order in the

⁶⁴ For a detailed account of life and work of I. Levitan, see Paustovskii, *Isaac Levitan*; Fedorov-Davydov, *Isaac Ilyich Levitan*; Pickhan, "Über der ewigen Ruhe."

⁶⁵ Dolinina, "Native Speech," 33.

⁶⁶ See, e.g., Fedorov-Davydov, *Isaac Ilyich Levitan*, 25.

⁶⁷ See, e.g., V. Prytkov, *Isaac Ilyich Levitan* (Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1960), 25–26; Fedorov-Davydov, *Isaac Ilyich Levitan*, 123–24.

⁶⁸ Fedorov-Davydov, *Isaac Ilyich Levitan*, 209.

Russian Empire. It is no coincidence that Paustovskii concludes his biography of Levitan with an appeal to the happy Soviet future, which the artist did not live to see:

He was too honest to remain blind to the people's suffering. He became the chronicler of a vast, destitute land, the chronicler of its nature. He beheld that nature through the eyes of an afflicted people; this is the source of his artistic power, and this, in part, explains his enduring appeal.⁶⁹

Thus, in the USSR, Levitan was interpreted as a dual figure. He "became the 'objective' opposite of the new, officially decreed positive spirit of the time and, consequently, is simultaneously legitimised and instrumentalised."⁷⁰ In 1938, an exhibition of Levitan's paintings was organized at the Tretyakov Gallery. Reproductions of his works were regularly published in illustrated magazines with multimillion circulations, books about his life and work were issued (particularly on anniversaries of his birth and death), and postage stamps were printed in his honor. Two months before the outbreak of the Great Patriotic War, the artist's remains were moved from the Jewish cemetery to the most prestigious Novodevichii Cemetery and buried next to the grave of A. Chekhov.

Conclusion

As S. Shtyrkov rightly emphasizes, with Levitan's paintings, "several generations of Soviet people learned to love their homeland." Not only Levitan's work but also a broad stratum of Russian national landscape lyric poetry and painting of the 19th – early 20th century was mobilized for the education of Soviet patriots:

The description of how, at the sight of a certain type of landscape (in which the birch looks particularly convincing), a person experiences the joy of recognizing their native land, while being surprised at their own readiness for such an emotional upsurge, travelled a long way through Russian classical and new literature and became a commonplace in mass song culture.⁷¹

Summing up, we can state the following. The birch occupied a rather modest position among the trees poetized by Russian literature and painting of the 19th century. In this regard, it would be rather far-fetched to regard the Russian classics as intermediaries who transmitted the veneration of the birch from peasant life and folklore to Soviet Russian society. Much evidence suggests that the

⁶⁹ Paustovskii, *Isaac Levitan*, 175.

⁷⁰ Pickhan, "Über der Ewigen Ruhe."

⁷¹ Shtyrkov, "A Little Church," 49, 50.

continuous tradition of love for the birch as a national symbol of Russia is a modern – or rather, a Soviet – myth.⁷² In any case, classical Russian culture of the 19th century was not a connecting link in this contested chain of invented tradition.

Список литературы

- Базанов В.Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. Ленинград: Советский писатель, 1982. 303 с.
- Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника: в 2 ч. Ч. 1. 1895–1920. Москва: Советская Россия, 1969. 299 с.
- Вяжевич М.В. О березе в искусстве: мастерство и вдохновение // Береза: сборник статей / под редакцией Н.Н. Казанского, В.Т. Ярмишко. Санкт-Петербург: Наука, 2015. С. 136–146. EDN: UYICZZ
- Деготь Е. Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века // Отечественные записки. 2002. № 6 (6). С. 187–195.
- Долинина К. Родная речь. Как мы читаем русский пейзаж // Сними мне Левитана! О странностях пейзажа в литературе, живописи и кино / под редакцией К. Долининой. Москва: Еврейский музей и центр толерантности: Арт-Гид, 2018. С. 25–35.
- Есенин и современность: сборник / под редакцией М. Базанова, Ю. Прокушева. Москва: Современник, 1975. 405 с.
- Игнатьева О.В. П.М. Третьяков и В.В. Стасов: диалог о природе национального изобразительного искусства // Вестник Пермского университета. История. 2017. Т. 37, № 2. С. 75–84. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-2-75-84>, EDN: YTOHSH
- Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. Ленинград: Наука, 1969. 199 с.
- Костлоу Д.Т. Заповедная Россия. Прогулки по русскому лесу XIX века / перевод с английского Л. Речной. Санкт-Петербург, Бостон: БиблиоРоссика, Academic Studies Press, 2020. 376 с.
- Марченко А. Поэтический мир Есенина. Москва: Советский писатель, 1989. 302 с.
- Нарский И.В. Вальс культурных слоев, через которые проросла русская березка // Вестник Пермского университета. История. 2024. Т. 64, № 1. С. 162–172. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-1-162-172>, EDN: ECLCSW
- Подобедова О.И. Игорь Эммануилович Грабарь. Москва: Советский художник, 1964. 338 с.
- Сергеева О.В. Концепт «береза» в русской языковой картине мира // Вестник Омского университета. Серия: Педагогика. 2012. № 2 (64). С. 442–450.
- Скорыходов М.В. Сергей Есенин: истоки творчества: (вопросы научной биографии). Москва: ИМЛИ РАН, 2014. 382 с.
- Федоров-Давыдов А.А. Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество. Москва: Искусство, 1966. 404 с.
- Федоров-Давыдов А.А. Русский пейзаж XVIII – начала XX века. Москва: Советский художник, 1986. 300 с.

⁷² For more, see I.V. Narskii, "The Waltz of Cultural Layers, through which the Russian Birch Sprouted" [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 1 (64) (2024): 162–72.

Федоров-Давыдов А.А. Русский пейзаж конца XIX – начала XX века. Москва: Искусство, 1974. 206 с.

Штырков С.А. «Церквушка над тихой рекой»: русское классическое искусство и советский пейзажный патриотизм // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 44–57. EDN: XHDUSN

Эвентов И.С. Человек и природа в лирике С. Есенина // Вопросы литературы. 1979. № 11. С. 84–115.

Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва: Высшая школа, 1990. 303 с.

Auras C. Sergej Esenin. Bilder- und Symbolwelt. Bern: Peter Lang, 1965. 211 S. <https://doi.org/10.3726/b12351>

Ely C.D. This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2002. 278 p.

Gustav Klimt: Leben und Werk / Herausgegeben von A. Husslein-Arco, S. Penck, A. Weidinger. Berlin: JOVIS, 2014. 128 S.

Heinrich Vogeler: Künstler, Träumer, Visionär, Ausstellungskatalog / Herausgegeben von B.C. Arnold, S. Schlenker. München: Hirmer Verlag, 2022. 246 S.

Pickhan G. Über der Ewigen Ruhe. Zur Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte Einer Russischen Stimmungslandschaft // Zeitenblicke 10. 2011. № 2. URL: https://www.zeitenblicke.de/2011/2/Pickhan/index_html#d57e274 (дата обращения: 22.01.2025).

References

Auras, C. *Sergej Esenin. Bilder- und Symbolwelt*. Bern: Peter Lang, 1965. <https://doi.org/10.3726/b12351>

Bazanov, V.G. *Sergei Esenin i krest'yanskaya Rossiya* [Sergei Esenin and peasant Russia]. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1982. (In Russian)

Belousov, V.G. *Sergei Esenin. Literaturnaya khronika* [Sergei Esenin. A Literary Chronicle], 2 pts. Pt. 1, 1895–1920. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1969. (In Russian)

Costlow, J.T. *Zapovednaya Rossiya. Progulki po russkomu lesu XIX veka* [Heart-Pine Russia. Walking and writing the nineteenth-century forest], translated from English by L.A. Rechnaya. St Petersburg: BiblioRossika; Boston: Academic Studies Press, 2020. (In Russian)

Degot', E. "Prostranstvennye kody 'russkosti' v iskusstve XIX veka" [Spatial codes of "Russianness" in nineteenth-century art]. *Otechestvennye zapiski*, no. 6 (6) (2002): 187–95. (In Russian)

Dolinina, K. "Rodnaya rech'. Kak my chitaem russkii peizazh" [Native speech. How we read the Russian landscape]. In *Snimi mne Levitana! O strannostyakh peizazha v literature, zhivopisi i kino* [Show me Levitan! On the oddities of landscape in literature, painting, and cinema], edited by K. Dolinina, 25–35. Moscow: Evreiskii muzei i tsentr tolerantnosti: Art-Gid, 2018. (In Russian)

Ely, C.D. *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2002.

Epstein, M.N. "Priroda, mir, tainik vselennoi...": *Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poehzii* ["Nature, the world, the mystery of the universe...": The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow: Vysshaya shkola, 1990. (In Russian)

- Esenin i sovremennost'. Sbornik* [Esenin and modernity. A collection], edited by M. Bazanov, and Yu. Prokushev. Moscow: Sovremennik, 1975. (In Russian)
- Eventov, I.S. "Chelovek i priroda v lirike S. Esenina" [Man and nature in the lyric poetry of S. Esenin]. *Voprosy literatury*, no. 11 (1979): 84–115. (In Russian)
- Fedorov-Davydov, A.A. *Isaak Il'ich Levitan. Zhizn' i tvorchestvo* [Isaak Ilyich Levitan. Life and work]. Moscow: Iskusstvo, 1966. (In Russian)
- Fedorov-Davydov, A.A. *Russkii peizazh XVIII – nachala XX veka* [Russian landscape of the 18th – early 20th century]. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1986. (In Russian)
- Fedorov-Davydov, A.A. *Russkii peizazh kontsa XIX – nachala XX veka* [Russian landscape of the late 19th – early 20th century]. Moscow: Iskusstvo, 1974. (In Russian)
- Gustav Klimt: Leben und Werk*, herausgegeben von A. Husslein-Arco, S. Penck, und A. Weidinger. Berlin: JOVIS, 2014.
- Heinrich Vogeler: Künstler, Träumer, Visionär, Ausstellungskatalog*, herausgegeben von B.C. Arnold, und S. Schlenker. München: Hirmer Verlag, 2022.
- Ignat'eva, O.V. "P.M. Tret'yakov i V.V. Stasov: dialog o prirode natsional'nogo izobrazitel'nogo iskusstva" [P.M. Tretyakov and V.V. Stasov: A dialogue on the nature of national fine art]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, vol. 37, no. 2 (2017): 75–84. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-2-75-84>, EDN: YTOHSH (In Russian)
- Korzhan, V.V. *Esenin i narodnaya poeziya* [Esenin and folk poetry]. Leningrad: Nauka, 1969. (In Russian)
- Marchenko, A. *Poeticheskii mir Esenina* [Esenin's poetic world]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1989. (In Russian)
- Narskii, I.V. "Val's kul'turnykh sloev, cherez kotorye prorosla russkaya berezka" [The waltz of cultural layers, through which the Russian birch sprouted]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 1 (64) (2024): 162–72. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-1-162-172>, EDN: ECLCSW (In Russian)
- Pickhan, G. "Über der Ewigen Ruhe. Zur Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte Einer Russischen Stimmungslandschaft." *Zeitenblicke* 10, no. 2 (2011). Accessed January 22, 2025, https://www.zeitenblicke.de/2011/2/Pickhan/index_html#d57e274
- Podobedova, O.I. *Igor' Emmanuilovich Grabar'* [Igor Emmanuilovich Grabar]. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1964. (In Russian)
- Sergeeva, O. V. "Kontsept 'bereza' v russkoi yazykovoi kartine mira" [The concept of the birch in Russian linguistic worldview]. *Vestnik Omskogo universiteta. Pedagogika*, no. 2 (64) (2012): 442–50. (In Russian)
- Shtyrkov, S.A. "'Tserkvushka nad tikhoi rekoi': russkoe klassicheskoe iskusstvo i sovetskii peizazhnyi patriotizm" ["A little church above the quiet river": Russian classical art and Soviet landscape patriotism]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, no. 6 (2016): 44–57. EDN: XHDUSN (In Russian)
- Skorokhodov, M.V. *Sergei Esenin: istoki tvorchestva (voprosy nauchnoi biografii)* [Sergei Esenin: The origins of his work (issues of scholarly biography)]. Moscow: IMLI RAN, 2014. (In Russian)
- Vyazhevich, M.V. "O bereze v iskusstve: masterstvo i vdokhnovenie" [On the birch in art: Mastery and inspiration]. In *Bereza. Sbornik statei* [The birch: A collection of articles], edited by N.N. Kazanskii, and V.T. Yarmishko, 136–46. St Petersburg: Nauka, 2015. EDN: UYICZZ (In Russian)

Информация об авторах

Игорь Владимирович Нарский – доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0001-8391-8017>, inarsky@mail.ru, Пермский государственный национальный исследовательский университет (д. 15, ул. Букирева, 614068 Пермь, Россия).

Наталья Васильевна Нарская – кандидат социологических наук, доцент, <https://orcid.org/0009-0009-1133-080X>, bredihina_natalya@mail.ru, Филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Челябинске (д. 1, Городок 11, 454015 Челябинск, Россия).

Information about the authors

Igor V. Narskii – Doctor of Historical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0001-8391-8017>, inarsky@mail.ru, Perm State National Research University (15, ul. Bukireva, 614068 Perm, Russia).

Natalya V. Narskaya – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0009-1133-080X>, bredihina_natalya@mail.ru, Chelyabinsk Branch of the Russian Air Force Military Educational and Scientific Centre of the Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovskii and Yu.A. Gagarin (1, Gorodok 11, 454015 Chelyabinsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 12.08.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 12.08.2025.

HISTORIA

PROVINCIAE-
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

2026 · Т. 10 · № 2

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 671–683.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 2 (2026): 671–83.

Рецензия

УДК 94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-8>

<https://elibrary.ru/txdzrb>

Страсти по Вермееру

Рецензия на: Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира / перевод с английского И. Литвиновой. Москва: Слово, 2024. 280 с.,
Graham-Dixon A. Vermeer: A Life Lost and Found. London: Allen Lane, 2025. 416 p.

Ольга Юрьевна Солодянкина

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,

olga_solodiantkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>

Olga Yu. Solodyankina

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,

olga_solodiantkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>

Аннотация. Рецензируемые исследования объединены присутствием имени Вермеера в заголовке, однако демонстрируют разную исследовательскую манеру. Отталкиваясь от изображений предметов на картинах Вермеера, Т. Брук анализирует зарождение процессов глобализации в XVII в., роль торговли Европы с Китаем, а также останавливается на трудностях межкультурной коммуникации в реалиях той эпохи. Э. Грэм-Диксон подробно характеризует исторический и религиозный контекст, на фоне которого были созданы картины Вермеера. Автор настаивает на глубоком религиозном содержании значительной части картин Вермеера, дает их оригинальную трактовку, связывая появление этих смыслов с принадлежностью ближайшего окружения художника и даже его самого к кругу ремесленников и коллегантов.

Ключевые слова: Вермеер, Тимоти Брук, Эндрю Грэм-Диксон, XVII век, Нидерланды, Делфт, ремесленники, коллеганты, толерантность

Для цитирования: Солодянкина О.Ю. Страсти по Вермееру. Рецензия на: Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира / перевод с английского И. Литвиновой. Москва: Слово, 2024. 280 с., Graham-Dixon A. Vermeer: A Life Lost and Found. London: Allen Lane, 2025. 416 p. // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 671–683, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-8>; EDN: TXDZRB

© Солодянкина О.Ю., 2026

© Solodyankina O., 2026

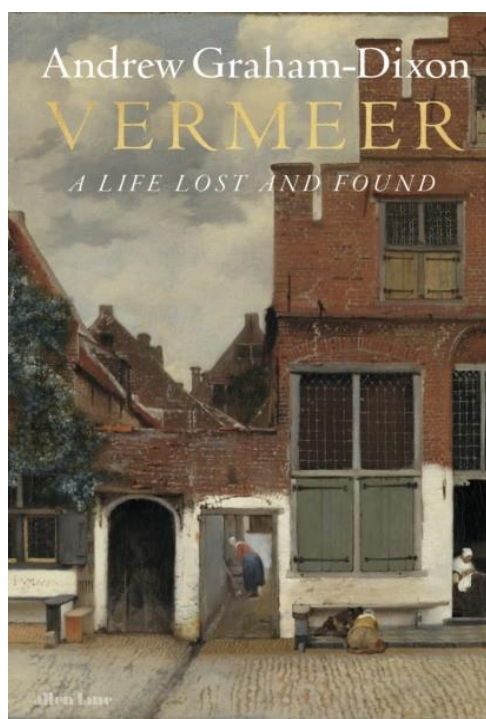
The Vermeer Passion

Review of *Shlyapa Vermeera. XVII vek i rassvet global'nogo mira* [Vermeer's hat: The seventeenth century and the dawn of the global world], by T. Brook, trans. I. Litvinova (Moscow: Slovo, 2024),
Vermeer: A Life Lost and Found, by A. Graham-Dixon (London: Allen Lane, 2025)

Abstract. The studies under review are united by the presence of Vermeer's name in the title but demonstrate different research approaches. Using the depictions of objects in Vermeer's paintings as a starting point, T. Brook analyzes the emergence of globalization in the 17th century and the role of European trade with China; he also explores the difficulties of intercultural communication in the realities of that era. A. Graham-Dixon provides a detailed account of the historical and religious background against which Vermeer's paintings were created. The author emphasizes the profound religious contents of a significant number of Vermeer's paintings and offers an original interpretation, which links the emergence of these contents to the affiliation of Vermeer's immediate circle and even the artist himself with the Remonstrants and the Collegiants.

Keywords: Vermeer, Timothy Brook, Andrew Graham-Dixon, 17th century, Netherlands, Delft, Remonstrants, Collegians, tolerance

For citation: Solodyankina, O.Yu. "The Vermeer Passion." Review of *Shlyapa Vermeera. XVII vek i rassvet global'nogo mira* [Vermeer's hat: The seventeenth century and the dawn of the global world], by T. Brook, trans. I. Litvinova (Moscow: Slovo, 2024), *Vermeer: A Life Lost and Found*, by A. Graham-Dixon (London: Allen Lane, 2025). *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 2 (2026): 671–83, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-8>; EDN: TXDZRB

Две рецензируемые монографии объединяет, пожалуй, лишь имя Вермеера, присутствующее в заголовке каждой из них, а также то интригующее обстоятельство, что автор первой монографии написал рецензию на монографию второго автора¹. В остальном эти книги – полная противоположность, начиная с того, что первая написана историком, а вторая – искусствоведом, ярко демонстрируя близость искусствоведческого подхода к художественной литературе, а исторического – к науке в ее строгом понимании. Но обо всем по порядку.

Вышедшая в 2008 г. и переведенная на русский язык только в 2024 г. монография известного канадского историка Тимоти Брука «Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира» посвящена именно процессам начавшейся глобализации и межконтинентальной торговли, а картины Вермеера (и не только его) служат тем окном, через которое, по выражению автора, он заглядывает в прошлое. Профессиональный синолог², Брук и в этой монографии пишет в основном о Китае, сопоставляя его с Европой XVII века, но использует оригинальный исследовательский и литературный прием.

Каждая глава начинается с того или иного полотна Вермеера (в случае главы 7 – с картины Хендрика ван дер Бурха, поскольку ни на одной из работ Вермеера нет требуемого по сюжету изображения чернокожего человека), а следом за его описанием автор останавливается на каком-то одном предмете (шляпе офицера из бобрового меха, фарфоровом блюде, серебряных монетах и т.п.), и дальше двигается к изложению сюжета о сегменте глобального рынка, связанном с этим объектом. Такой научный подход можно назвать методологией без наукообразия. Брук отталкивается от картин (что необычно для историка), сравнивает пейзаж на полотне с открывающимся ему сейчас видом Делфта, задает нетипичные для искусствоведа вопросы о предметном мире, запечатленном художником:

Мы по-прежнему можем любоваться тем, что лежит на поверхности, но я хочу, чтобы мы заглянули глубже и внимательно рассмотрели предметы как знаки времени и места создания картины. Художник оставлял эти знаки на картине в значительной степени неосознанно. Наша задача – вытащить

¹ Brook T. The final piece of the puzzle. The secret meaning of Vermeer's art // Times Literary Supplement. 2025. № 6395. P. 14–16.

² Известные книги Т. Брука: Brook T. The Confusions of Pleasure: Commerce and Culture in Ming China. Berkeley: University of California Press, 1998; Brook T. The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010; Brook T. Great State: China and the World. London: Profile Books, 2019; Брук Т. Великая держава Китай и весь мир / перевод с английского В. Фролова. Москва: Слово, 2024.

их наружу, чтобы картина могла рассказать нам не только свою историю, но и нашу собственную³.

Такой момент личной причастности возникает по «наводке» Брука:

Если мы подумаем об изображенных на них предметах не как о реквизите за окнами, а как о дверях, которые нужно открыть, тогда они проведут нас к новым знаниям о мире XVII века⁴.

В чем же оно, это новое знание? В том, что это был «мир, охватывающий весь земной шар»⁵. Это была эпоха, когда европейцы грезили о Китае «как о месте невысказанных масштабов власти и богатства»⁶, а стремление попасть в Китай стало силой, которая неумолимо повлияла на ход истории XVII века не только в Европе и Китае, но и в большинстве регионов мира. Вот почему «Китай скрывается за каждой историей в этой книге»⁷.

Стоит отметить хорошее качество перевода монографии, благодаря чему русскоязычный читатель чувствует поэтичность стиля автора, как, например, в следующем описании Делфта:

со стороны Северного моря, бушующего в дюжине километров к северо-западу, над его мощеными улицами и узкими мостами в то утро неслись облака в форме галеонов, а солнечный свет, отражаясь в воде каналов, освещал кирпичные фасады домов⁸.

Завязка истории в монографии Брука напоминает беллетристику: в 20-летнем возрасте он, любознательный канадец, путешествовал по Европе, от Дубровника на Адриатике до гор Шотландии, ехал через Нидерланды на велосипеде и в один ненастный день упал с велосипеда прямо в грязь, промок, и его, чужака, иностранца, позвала в свой дом отмыться, а потом и переночевать пожилая местная жительница. И она, как пишет Брук, не просто оказала ему гостеприимство, она «совершила нечто большее. Она подарила мне

³ Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира / перевод с английского И. Литвиновой. Москва: Слово, 2024. С. 23.

⁴ Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира. С. 23.

⁵ Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира.

⁶ Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира. С. 33.

⁷ Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира. С. 34.

⁸ Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира. С. 15.

Делфт»⁹. Будущий историк начинал знакомство с Делфтом практически с нуля: он не знал, что Вермеер жил в этом городе и похоронен там. В самом Делфте нет картин Вермеера, ближайшие музеи с шедеврами его творчества, Маурицхёйс и Рейксмюсеум, находятся в Гааге и Амстердаме соответственно. Но когда много лет спустя уже профессиональный синолог Т. Брук задумал книгу о мировой торговле в XVII веке, он решил, что она будет вращаться вокруг Делфта и Вермеера. В таком подходе, на первый взгляд, было мало рационального:

я мог бы выдвинуть множество причин, объясняющих, почему всемирная история межкультурного взаимодействия в XVII веке должна начинаться с Делфта. Но они не убедили бы вас в том, что Делфт был их единственной отправной точкой. В сущности, там не произошло ничего такого, что кардинально изменило бы ход истории, за исключением, возможно, истории искусств, и я даже не буду пытаться утверждать обратное. Я начал с Делфта просто потому, что случайно упал там с велосипеда, просто потому, что там жил Вермеер, и потому, что мне нравится смотреть на его картины. До тех пор, пока Делфт не заслоняет нашего взгляда на мир XVII века, эти причины, как и любые другие, годятся для выбора этого города в качестве места, где можно постоять и полюбоваться открывающимся видом¹⁰.

Отсюда, из Делфта, вслед за Т. Бруком мы смотрим на весь земной шар, каким он предстал перед людьми XVII века. Взгляд вырывается за пределы уютного микрокосма голландского города Золотого века Нидерландов, а картины гениального уроженца Делфта Вермеера действительно становятся теми окнами и дверьми, которые ведут нас в мир прошлого. Тимоти Брук подводит итоги исследования фразой, показывающей, что цели его монографии достигнуты:

Великая эпоха делфтской живописи подошла к концу, но двери, которые торговля, путешествия и войны открыли не только в этом городе, но и по всему земному шару, распахнуты и поныне¹¹.

Обширная источниковая база, выверенная структура текста и блестящая манера изложения позволили Тимоти Бруку создать монографию, на примере

⁹ Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира. С. 12.

¹⁰ Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира. С. 18.

¹¹ Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира. С. 256.

которой (как ранее на работах Натали Земон Дэвис¹² и Роберта Дарнтон¹³) можно объяснять студентам, как писать работы по истории, чтобы они были не только серьезными по содержанию, но и впечатляющими по форме. Такая рондо-конструкция, когда исследование начинается из Делфта, от личности и картин Вермеера, проходит через весь глобализировавшийся мир XVII века – Португалию, Испанию, Канаду, Китай, Корею, Филиппины, Индонезию, Южную Африку, остров Святой Елены, Перу, т.е. через множество локаций и действующих лиц – и возвращается в Делфт, к Вермееру и его могиле – оказывается исключительно привлекательной.

Совсем другие эмоции вызывает вышедшая в 2025 г. в Лондоне монография Эндрю Грэм-Диксона «Вермеер: жизнь потерянная и обретенная»¹⁴. Автор ее – британский искусствовед, телеведущий, ранее написавший книги о Микеланджело¹⁵ и Караваджо¹⁶.

Исследовательская мысль Э. Грэм-Диксона, в отличие от Т. Брука, двигалась традиционным путем: сначала автор обрисовал ту эпоху, в которой жил Вермеер, весьма натуралистично описал ужасы Восемидесятилетней и Тридцатилетней войн, создававших исторический контекст как детских и юношеских лет самого Вермеера, так и жизни его предков, а потом перешел непосредственно к биографии художника, зрелые годы жизни которого пришлись на Золотой век Нидерландов, а смерть последовала вскоре после так называемого Года бедствий.

Четыре главы монографии соответствуют этой основной схеме изложения: «Предшествующие годы, 1560–1632», «Детство, образование, брак, 1632–1657», «Тайная церковь, 1657–1672», «Бедствия, смерть, наследие, 1672–1675».

Э. Грэм-Диксон как профессиональный историк искусства пытался не только «прочитать» смысл картин Вермеера, но и прояснить его биографию, до наших дней остающуюся малоизвестной в силу минимального количества источников, повествующих о жизни этого художника. Британскому исследователю удалось

¹² Дэвис Н.З. Возвращение Мартена Герра / перевод с английского А.Л. Величанского. Москва: Прогресс, 1990; Дэвис Н.З. Дамы на обочине: три женских портрета XVII века / перевод с английского Т. Доброницкой. Москва: Новое литературное обозрение, 2021.

¹³ Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / перевод с английского Т. Доброницкой, С. Кулланды. Москва: Новое литературное обозрение, 2023.

¹⁴ Graham-Dixon A. Vermeer: A Life Lost and Found. London: Allen Lane, 2025.

¹⁵ Graham-Dixon A. Michelangelo and the Sistine Chapel. London: Weidenfeld & Nicolson, 2008.

¹⁶ Graham-Dixon A. Caravaggio: A Life Sacred and Profane. London: Allen Lane, 2009.

найти в нидерландских архивах некоторые неизвестные ранее документы, что позволило ему смело сконструировать новое видение интеллектуальной биографии Вермеера. Как подчеркивает сам Э. Грэм-Диксон, если должным образом осознать место Вермеера в истории, то становится ясно, что он был одним из немногих избранных, кто заложил основы ценностей, на которых базируется современная цивилизация с ее идеями либерализма и толерантности. В противовес многим исследователям, считающим, что Вермеер, выросший в семье протестантов, после брака с Катариной Болнес перешел в католицизм, Э. Грэм-Диксон уверен, что Вермеер остался в среде религиозных диссентеров и просто «разделил» свою жизнь на части – домашнее общение с католичкой-женой и ее фанатично верующей матерью, в доме которой, расположенном в «папистском квартале» Делфта по соседству с тайной иезуитской церковью, и протекала значительная часть его сознательной жизни, и внешнее протестантское, точнее, ремонстрантское окружение живописца – его патроны, собеседники, прочие знакомцы.

Нет прямых свидетельств принадлежности Вермеера к кругу ремонстрантов и коллегиянтскому движению, но идеологически предвзятый Э. Грэм-Диксон готов любые вероятности и возможности превращать в реальные факты. Британский автор открыто признается в своей идеологической позиции: терпимость к противоположным точкам зрения давно стала неотъемлемой частью интеллектуальной жизни Нидерландов и является одной из главных тем его книги. Основными носителями идей свободы и толерантности, по мнению Э. Грэма-Диксона, в нидерландском обществе той поры были ремонстранты и сторонники движения коллегиянтов. В монографии детально прописывается история раскола, произошедшего в протестантской среде Нидерландов в начале XVII в., когда от жестко детерминированной на идею Божественного предопределения Голландской реформатской церкви, занимавшей привилегированное положение в Республике Соединенных провинций, отделилось братство ремонстрантов во главе с Якобом Арминием, выступавшим за либеральное христианство и провозгласившим идеалы любви, свободы и терпимости. Ремонстрантская церковь была уникальна среди других христианских церквей тем, что не претендовала на монополию на истину и отказывалась осуждать тех, кто не разделял ее взглядов. Родители Вермеера имели много знакомств в среде ремонстрантов, лидер тайной секты ремонстрантов в Делфте жил буквально по соседству с родительским домом живописца, что для Э. Грэма-Диксона явилось достаточным аргументом в вопросе о религиозных взглядах семьи Вермееров: они были ремонстрантами-арминианами.

Бесспорным является тот факт, что первые 16 лет жизни Вермеер провел в стране, где шла жесточайшая война с Испанией за независимость, а по соседству, в Германии, полыхала Тридцатилетняя война, сопровождавшаяся немислимыми вспышками насилия с обеих сторон. В нидерландском искусстве тех лет тема войны, солдатского быта и коммеморация ужасов войны занимает заметное место. В Делфте, где жил Вермеер, военных действий не было, не было прямой угрозы жизни, но память о войне жила повсюду. По мнению Э. Грэм-Диксона, возможно, именно в этом заключался секрет привлекательности взглядов ремонстрантов – в окружающем мире насилия они были пацифистами. То есть движение за мир родилось из страха и ужаса.

Голландская реформатская церковь (кальвинисты), поддерживаемая властями, воинственно противостояла ремонстрантам, а в ответ те придумали новую форму религиозных собраний – тайные встречи в частных домах, свободная молитва, отсутствие проповедника, чтение отрывков из Библии с последующими комментариями от всех желающих высказаться. Поскольку такие встречи назывались “colleges”, то сторонников этого нового религиозного движения провозгласили коллегиянтами. Кроме отрицания роли духовенства, коллегиянты настаивали на крещении в сознательном возрасте, а не в младенчестве. По мнению Э. Грэм-Диксона, ремонстрантами-коллегиянтами были главные патроны Вермеера, Питер ван Рюйвен (Рёйвен) и его жена Мария де Кнуйт (Кнёйт). Тайная церковь ремонстрантов в Делфте располагалась рядом с их богатым домом (и именно этот вид, по мнению автора монографии, запечатлен на картине Вермеера «Улочка в Делфте»). В собственном доме Мария де Кнуйт организовала встречи женщин-коллегиянток, для которых в 1657–1670 гг. Вермеер написал примерно 21 работу, что составляет более половины его творческого наследия. Как считает Э. Грэм-Диксон, картины не были предназначены для украшения интерьера (как обычно практиковалось в богатых голландских домах той поры): они выражали глубокие религиозные убеждения заказчиков, воплощали их мечты, надежды, служили ролевой моделью. Для коллегиянтов огромную роль играли персонажи Священного Писания, точнее, Нового Завета. Для мужчин образцом для подражания выступали апостолы, а для женщин – Марфа и ее сестра Мария, но в наибольшей степени – Мария Магдалина. Исходя из этого соображения, Э. Грэм-Диксон предлагает авторскую интерпретацию известных картин Вермеера. Прежде всего, он настаивает, что их нужно воспринимать парами, как например, «Молочницу» и «Женщину, держащую весы», «Концерт» и «Урок музыки», «Географа» и «Астронома», «Аллегорию веры» и «Аллегорию живописи» и др. Во-вторых, всем картинам приписывается глубокое

религиозное содержание. Так, «Молочница» – это воплощение деятельного начала (т.е. Марфа), а «Женщина, держащая весы» – визуализация глубокой погруженности в собственный внутренний мир, созерцательного начала (т.е. Мария). В таком же ключе Э. Грэм-Диксон предлагает нам воспринимать всемирно известную «Девушку с жемчужной сережкой». По его мнению, на портрете изображена дочь патронов Вермеера, Магдалина ван Рюйвен, примерно в 12-летнем возрасте (обычно в это время ремонстранты крестили своих детей). Желто-голубая одежда в библейском стиле и имя предполагаемой модели являются для британского искусствоведа достаточным аргументом в пользу той версии, что на картине представлен момент узнавания Марией Магдалиной воскресшего Иисуса – сюжет, обычно изображаемый художниками как «Мария Магдалина и садовник» или “Noli me tangere”. Э. Грэм-Диксон настаивает, что Вермеером передан именно момент узнавания, что объясняет и слезы на ее глазах. Но поскольку девушка на полотне Вермеера смотрит прямо на зрителя, а по сюжету Евангелия Мария Магдалина должна видеть перед собой воскресшего Учителя, то, восклицает Э. Грэм-Диксон, кто же стоит в обуви Христа? Догадливый читатель должен понять, что речь идет о нем самом, это он, созерцающий картину в данный момент, находится на месте Иисуса и пристально вглядывается в черты Марии Магдалины. Все ли готовы согласиться с подобной интерпретацией «Девушки с жемчужной сережкой»?

В 1660-е годы многие христиане заинтересовались Откровениями Иоанна Богослова, ожидая конца света в 1666 году. «Вид Делфта» – картина, написанная для постоянных патронов Марии де Кнуйт и Питера ван Рюйвена – по размерам и форме похожа на алтарное изображение. Э. Грэм-Диксон считает, что это не просто вид конкретного города (хотя все здания абсолютно узнаваемы), это пророческое видение. Темные облака убийственного XVII века уходят прочь, солнце освещает черепичные крыши, мокрые после дождя. Там, где-то за пределами нашего взгляда, должна сиять радуга. Мы не видим ее, но она (уверен Э. Грэм-Диксон) есть! В этом городе начинается спокойная повседневная жизнь, полная тихой рутины и любви, а война отходит в глубины памяти. Тихое счастье повседневности – вот так выглядит земной рай в исполнении Вермеера. Это именно тот Новый Иерусалим, о котором пророчествовал Иоанн Богослов и который ожидался после 1666 года.

Цикл картин, написанных для коллегиянтов, собиравшихся в доме Марии де Кнуйт (учтем, что в течение каждого года они успевали четыре раза по порядку прочитать текст Нового Завета и обменяться комментариями), Э. Грэм-Диксон сопоставляет с фресками Джотто в Капелле дель Арена в Падуе и росписями Микеланджело в Сикстинской капелле в Риме. По мнению британского

искусствоведа, эти шедевры Средневековья (Джотто) и Ренессанса (Микеланджело) создавались для неграмотных людей, а Вермеер писал для протестантов, минимум 4 раза в год возвращавшихся на своих собраниях ко всем сюжетам Нового Завета. Картины не должны были излагать им Библейскую историю (они и так прекрасно ориентировались в ней), а помогали настроиться, чтобы думать и молиться во время регулярных собраний.

Наиболее неаргументированной из всех предположений Э. Грэм-Диксона представляется интерпретация картины Вермеера «Аллегория живописи». По мнению искусствоведа, художнику в мастерской позирует не просто модель, а муза истории Клио. Надо сказать, что подобное видение модели предлагали и некоторые другие искусствоведы, в частности, российская исследовательница А.А. Дмитриева: «Вермеер, безусловно, руководствовался всеми воплощениями музыки Клио и старался дать ее образ многофункционально»¹⁷. Э. Грэм-Диксон дает этому образу миллениаристское толкование: обычно открытая книга музыки Клио (поскольку она все время записывает события) на картине Вермеера захлопнута, ведь история, по сути, закончена, а человечество ожидает сюжет из Апокалипсиса – конец света и тысячелетнее Царство Христово. В 1989 г. много шума наделала статья американского политолога японского происхождения Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?»¹⁸. Речь в ней шла не о конце света, а именно о завершении истории в свете победы либеральной идеологии и отсутствии «пружины» для дальнейшего интеллектуального развития человечества. Стоит ли говорить о том, что Ф. Фукуяма в конце XX в. ошибся так же, как и те, кто верил в наступление конца света в 1660-е годы? У музыки истории по-прежнему есть повод держать свою книгу открытой. Может, Э. Грэм-Диксон неправомерно интерпретирует и эту картину Вермеера?

Подводя итоги, стоит сказать, что в искусствоведении очень долго господствовала точка зрения на голландскую живопись как на исключительно описательную по форме и существу. Акцент делался на материальную составляющую искусства Золотого века. Одной из главных целей Э. Грэм-Диксона было показать, что Вермеер был художником не столько вещей, сколько живописцем идей. Эта принципиальная позиция автора позволяет пересмотреть место Вермеера в истории, рассматривать его творчество как часть религиозного и интеллектуального движения эпохи, ставящего целью реформировать общество, сделать человеческий мир лучше и справедливее.

¹⁷ Дмитриева А.А. Картина Яна Вермеера Делфтского «Аллегория живописи» («Живописец в мастерской»). Основные проблемы иконографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2009. № 3. С. 133. EDN: KWQNSF

¹⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

Можно согласиться с Э. Грэм-Диксоном, что мы долго не понимали картины Вермеера, не «считывали» их религиозные смыслы, поскольку не знали о религиозном окружении Вермеера. Простым языком обыденной жизни он говорит нам о вечных христианских истинах – любви к Богу и ближнему своему. Но неужели Вермеер всегда имел в виду религиозный подтекст – и практически не писал «одномерных» жанровых картин?

Еще одно важное соображение, на которое наталкивает монография Э. Грэм-Диксона. В европейской истории идея концепт толерантности обычно связывается с Вольтером, придавшим ему международное значение, на основе чего выросли идея прав человека и движение за отмену рабства, и предшествовавшими ему Дж. Локком и П. Бейлем. Э. Грэм-Диксон напоминает нам, что этот концепт имел начало в голландской интеллектуальной традиции. И Локк, и Бейль были знакомы с трудом Адриана Пэтса о толерантности, а он сформировался под влиянием взглядов Арминия, его лекции 1606 г. “On Reconciling Religious Dissension among Christians” и в среде свободномыслящих ремонстрантов. И для Пэтса, и для Арминия толерантность означала любовь к Богу и веру в Бога, не сдерживаемые формальными рамками. И вот здесь Э. Грэм-Диксон делает важное для историков замечание: биография выдающего нидерландского интеллектуала и государственного деятеля XVII в. Адриана Пэтса не написана до сих пор. Что же касается биографии Вермеера, то Т. Брук в своей рецензии высказывает мысль, что Э. Грэм-Диксон превзошел всех предшествующих исследователей и дал наиболее полный анализ его творчества¹⁹. При этом оценки исследовательской работы Э. Грэм-Диксона канадский ученый не делает.

Да, книга Э. Грэм-Диксона получилась интересной, достойной прочтения, но аргументы автора, убедительность его умозаключений весьма сомнительны. Историки любят размытые формулы (вероятно, скорее всего, можно предположить...) – ведь они только создают образы прошлого, но не могут настаивать на полной адекватности своих изображений. По-видимому, искусствоведам подобные сомнения неизвестны: я так вижу, значит, так оно и было.

Подходы историков и искусствоведов вряд ли можно примирить, и две монографии, связанные именем Вермеера, – очередное тому подтверждение.

¹⁹ Brook T. The final piece of the puzzle. The secret meaning of Vermeer's art. P. 16.

Список литературы

Брук Т. Великая держава Китай и весь мир / перевод с английского В. Фролова. Москва: Слово, 2024. 461 с.

Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира / перевод с английского И. Литвиновой. Москва: Слово, 2024. 280 с.

Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / перевод с английского Т. Доброницкой, С. Кулланды. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 378 с.

Дмитриева А.А. Картина Яна Вермеера Делфтского «Аллегория живописи» («Живописец в мастерской»). Основные проблемы иконографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2009. № 3. С. 130–139. EDN: KWQNSF

Дэвис Н.З. Возвращение Мартена Герра / перевод с английского А.Л. Величанского. Москва: Прогресс, 1990. 206 с.

Дэвис Н.З. Дамы на обочине: три женских портрета XVII века / перевод с английского Т. Доброницкой. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 380 с.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

Brook T. Great State: China and the World. London: Profile Books, 2019. 442 p.

Brook T. The Confusions of Pleasure: Commerce and Culture in Ming China. Berkeley: University of California Press, 1998. 320 p.

Brook T. The Final Piece of the Puzzle. The Secret Meaning of Vermeer's Art // Times Literary Supplement. 2025. № 6395. P. 14–16.

Brook T. The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. 329 p.

Graham-Dixon A. Caravaggio: A Life Sacred and Profane. London: Allen Lane, 2009. 544 p.

Graham-Dixon A. Michelangelo and the Sistine Chapel. London: Weidenfeld & Nicolson, 2008. 207 p.

Graham-Dixon A. Vermeer: A Life Lost and Found. London: Allen Lane, 2025. 416 p.

References

Brook, T. *Shlyapa Vermeera. XVII vek i rassvet global'nogo mira* [Vermeer's hat: The seventeenth century and the dawn of the global world], translated from English by I. Litvinova. Moscow: Slovo, 2024. (In Russian)

Brook, T. *Velikaya derzhava Kitai i ves' mir* [Great state: China and the world], translated from English by V. Frolov. Moscow: Slovo, 2024. (In Russian)

Darnton, R. *Velikoe koshach'e poboishche i drugie ehvizody iz istorii frantsuzskoi kul'tury* [The great cat massacre and other episodes in French cultural history], translated from English by T. Dobronitskaya, and S. Kullandy. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. (In Russian)

Dmitrieva, A.A. “Kartina Yana Vermeera Delftskogo “Allegoriya zhivopisi” (“Zhivopisets v masterskoi”). Osnovnye problemy ikonografii” [The picture by Jan Vermeer van Delft *The Allegory of Painting (Painter in His Studio)*]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*, no. 3 (2009): 130–39. EDN: KWQNSF (In Russian)

Davis, N.Z. *Damy na obochine: tri zhenskikh portreta XVII veka* [Women on the margins: Three seventeenth-century lives], translated from English by T. Dobronitskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. (In Russian)

Davis, N.Z. *Vozyrashchenie Martena Gerra* [The return of Martin Guerre], translated from English by A.L. Velichanskii. Moscow: Progress, 1990. (In Russian)

Fukuyama, F. “Konets istorii?” [The end of history?], *Voprosy filosofii*, no. 3 (1990): 134–48. (In Russian)

Brook, T. *Great State: China and the World*. London: Profile Books, 2019.

Brook, T. *The Confusions of Pleasure: Commerce and Culture in Ming China*. Berkeley: University of California Press, 1998.

Brook, T. “The Final Piece of the Puzzle. The Secret Meaning of Vermeer’s Art.” *Times Literary Supplement*, no. 6395 (2025): 14–16.

Brook, T. *The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010.

Graham-Dixon, A. *Caravaggio: A Life Sacred and Profane*. London: Allen Lane, 2009.

Graham-Dixon, A. *Michelangelo and the Sistine Chapel*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2008.

Graham-Dixon, A. *Vermeer: A Life Lost and Found*. London: Allen Lane, 2025.

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Солодянкина – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «*Historia provinciae* – журнал региональной истории», <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>, olga_solodiantkin@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия).

Information about the author

Olga Yu. Solodyankina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Editor-in-chief of the journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>, olga_solodiantkin@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 28.04.2026; accepted for publication 14.05.2026.